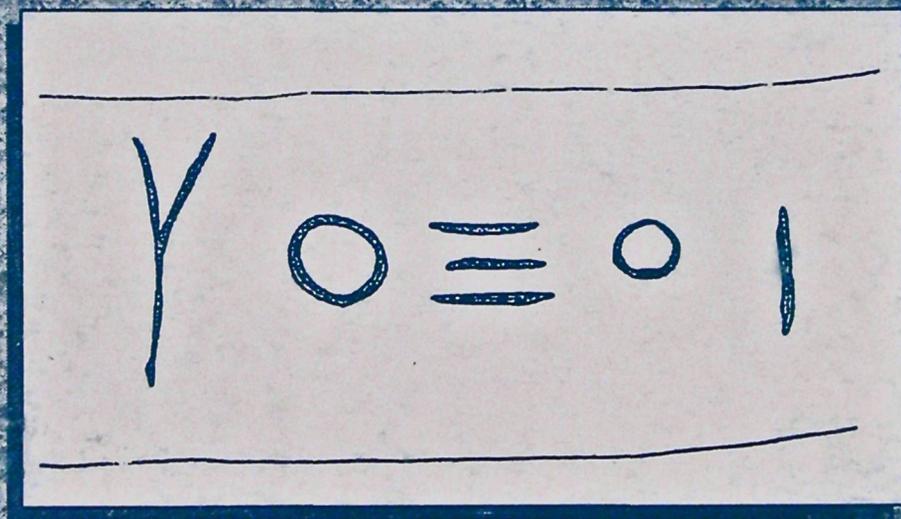

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ им. А. Дониша

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

ВЫПУСК XXVII

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ им. А. ДОНИША

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

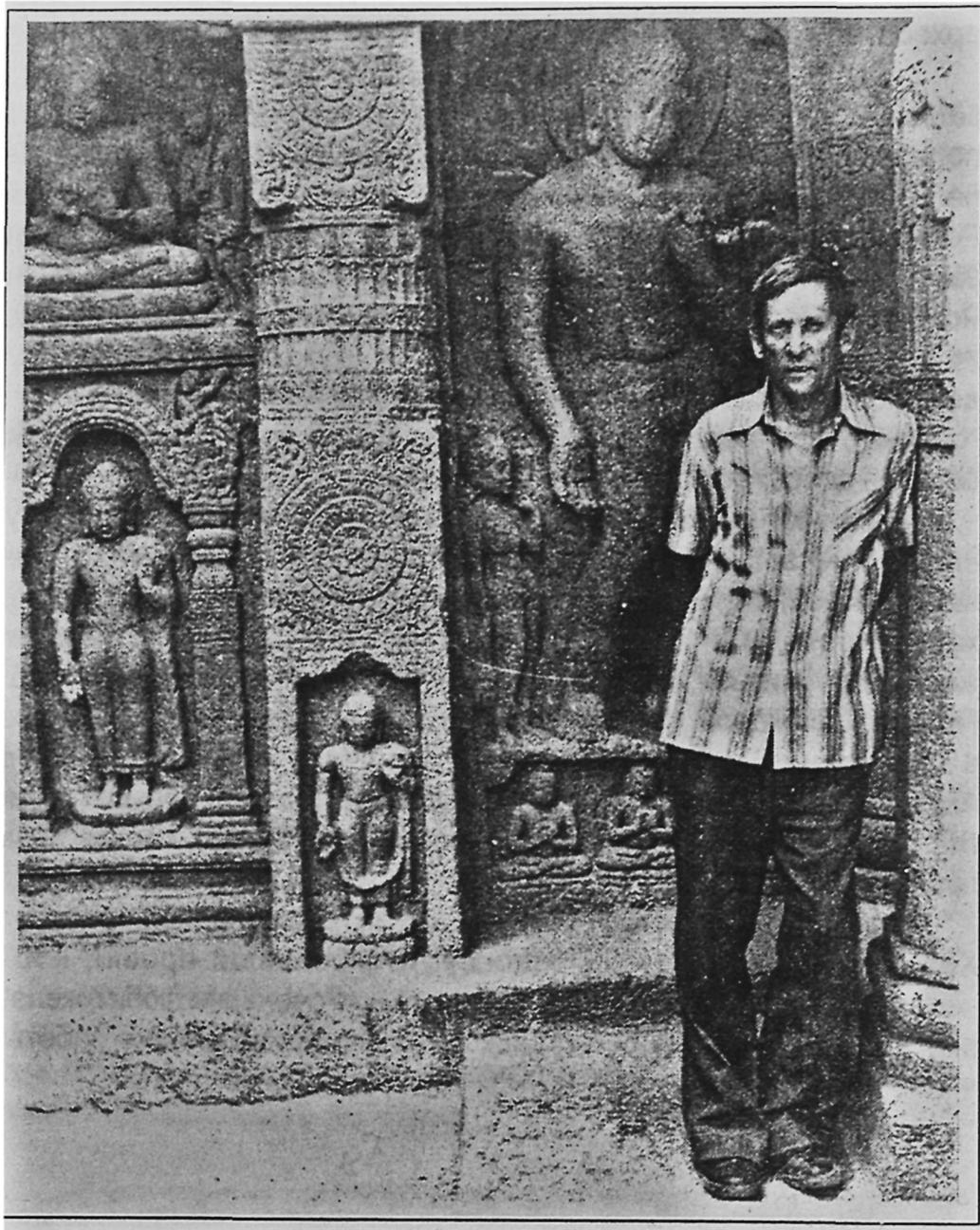
ВЫПУСК XXVII

Редактор выпуска А.П.Дружинина

Душанбе, 2000

Ответственные редакторы:

Р.М. МАСОВ, Н. Н. НЕГМАТОВ, В. А. РАНОВ.

В храмах Аджанты. Индия 1978 год.

Новый выпуск “Археологических работ в Таджикистане” посвящается 75-летию нашего дорогого Коллеги, Учителя и Друга, археолога **ВАДИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА РАНОВА**.

Можно очень долго говорить об этом человеке, о том, как он замечательно умеет работать, каким огромным авторитетом пользуется его имя среди археологов в бывшем Советском Союзе и на Западе, как много он сделал в изучении каменного века нашей Республики и какие интересные исследования он начинает, ведет и заканчивает сейчас. Но хотелось бы сказать о другом. О том, что исследователь несколько лет назад был приглашен в Россию, продолжить свою научную работу. Ему уже нашли квартиру и должность, никто не сомневался, что Вадим Александрович уедет из горящего под ногами Таджикистана. Но он от всего отказался и остался здесь, дома, в Душанбе.

Ученики и коллеги, работавшие с ним, знают этому цену и никогда не забывают то, с какими светлыми чувствами, с какой необыкновенной энергией, настойчивостью и очень честным научным характером он учит, отдаёт раскопанный материал, заражает желанием учиться, работать и искать. Защищенная диссертация Галины Каримовой, научные исследования Йохима Шефера, приход в археологию Туры Худжагельдыева и начало новых исследований Анжелы Дружининой – это только часть платы за его время. А самое главное, что есть новые книги, новые исследования, раскопки, проекты и открытия.

Когда готовился этот выпуск, Вадим Александрович работал в Ховалинге. Отряд из 20 человек, это большой проект, новые исследования и новые находки. И мы, те, кто очень его любит, желаем ему здоровья и времени – столько, сколько нужно для его работы.

К 75-ЛЕТИЮ ВАДИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА РАНОВА

Вадима Александровича Ранова знают в академии очень многие, его радостно приветствуют все: коллеги академики, сотрудники других институтов и технический персонал. Он один из немногих русских в академии, говорящий по-таджикски, единственный ученый, который уже давно на “Ты” с историческими датами в миллион лет. Именно таков возраст каменных орудий, найденных на территории Ховалингского района на стоянке Кульдара. Он нашел и раскопал на территории Таджикистана около 20 археологических памятников от верхнего палеолита до неолита, а сколько ещё открыл. Учёный, чьи научные заслуги признаны во всем мире. Он является членом-корреспондентом Германского Археологического института (Берлин), членом-корреспондентом Академии Наук Таджикистана и академиком РАЕН в России, пожизненным членом Клер-Халл в Кембридже (Англия), много лет являлся секретарём и вице-президентом Международной комиссии ИНКВА “Палеоэкология древнего человека” и был участником более 30 международных конгрессов и симпозиумов. Научная переписка учёного на сегодняшний день составляет 150 адресов только по компьютерной почте.

К юбилею, такого замечательного ученого принято писать большие вступительные статьи с официальной биографией, списком научных трудов и заслуг. Такие статьи обычно не легко читать даже людям, знающим юбиляра. В связи с тем, что книга, посвященная научной работе Вадима Александровича Ранова, не так давно вышла в издательстве “Дониш” (1996), мы решили подарить ему необычный подарок. Подарить интервью, записанное его ученицей и редактором этого сборника, разговор о важных и очень важных моментах в жизни большого Ученого – уникальной Личности и просто удивительного Человека.

– Кто повлиял на ход Вашей жизни наиболее ощутимо?

– Прежде всего, конечно, мои родители, которые стали для меня примером бескорыстия, трудолюбия, честности, они всегда отличались огромным интересом к жизни и умением служить людям.

Моя мать – Е. А. Ранова, дочь русского эсера А. А. Николаева, промежуток между революцией 1905 и 1917 года вместе с семьей провела во Франции, где кончила гимназию и училась в Сорбонне. Она глубоко знала

и любила литературу и искусство. Совсем молодыми мои родители были вхожи в литературные круги Москвы, они были знакомы с С. Есениным, В. Маяковским, В. Каменским, Ю. Тыняновым и многими другими литераторами. Несмотря на то, что жизнь не всегда обходилась с ней ласково (ей не раз припоминали, что она дочь эсера) и ей пришлось переменить немало профессий, это был человек огромного оптимизма, воспитывавшая нас с братом в духе самого высокого патриотизма, интернационализма, уважения ко всем без исключения людям, какое бы положение в обществе они не занимали.

Вот как писала о ней в связи со столетием со дня рождения одна из газет сибирского города Кургана, где мои родители прожили свои последние 30 лет: "Квартира Рановых не закрывалась – без конца приходили студенты и школьники, учителя и библиотекари, просто какие-то незнакомые люди, которые увидеть нужные книги и картины и получить ответы на свои вопросы могли только здесь. Богатейшая библиотека с редкими изданиями, тонны журналов и газет, колоссальная коллекция открыток, собрание игрушек и всяких любопытных вещиц со всего мира – все было к услугам посетителей.

Елена Александровна читала немыслимое количество лекций – всюду, куда приглашали, таская вместе с добровольными помощниками тяжеленные сумки с альбомами и книгами. Писала в местные газеты, всегда что-то придумывала

Она была подлинным русским интеллигентом, а значит, по сути своей – вечным учителем, И дело было не в ее учительском дипломе и многолетнем преподавании. Это было свойство большой и бескорыстной души – с радостью делится всем, что знаешь и имеешь. Сколько нас, нынешних доцентов и кандидатов наук, критиков и художников, стихотворцев и педагогов, вышло из университетов дома Рановых".

Думаю, что оптимизмом, умение радоваться жизни в самых ее простых проявлениях, быстро забывать огорчения и многие другие качества перешли ко мне с генами моей матери. Мне кажется, что мои жизненные устои во многом сложились благодаря воспитанию прежде всего в семье.

Хочу еще добавить, что у нас никогда физически не наказывали детей. Мать с большим терпением относилась к моей бурной и всегда направленной мимо школы жизни. Я с упоением играл в футбол в шахматы и на бильярде, водился с хулиганьем, приносил в дневнике сплошные "двойки" и не знал (и до сих пор не знаю!) ни одного правила грамматики русского языка, который в доме просто боготворили. Но в это "безтелевизионное" время мы много читали, благо огромная библиотека, содержащая множество интересных книг была к нашим услугам. Наверное, сейчас в Душанбе непросто найти подростка 16 лет любимыми книгами которого были "Жан Кристоф" Ромьн Роллана и "Сага о Форсайтах" Д. Голсуорси.

Отец совсем не занимался детьми. Он был увлечен своей работой, а

вечерами погружался в чтение газет, журналов и книг. У него была феноменальная память. Трудно поверить, что в 70 лет он помнил имена всех премьер-министров и королей Африки. Но это действительно так. Он был врачом-эпидемиологом и много лет работал заместителем министра здравоохранения. Его очень любили коллеги по работе и он помогал многим врачам в трудных жизненных ситуациях. Доктор А. И. Ранов был главным организатором практической борьбы с малярией, участвовал в строительстве Ферганского канала и автомобильной дороги Душанбе – Хорог, которую первоначально прошел по тропам и оврингам. Он был первым из своего министерства, кто преодолел по немыслимую горную тропу по Бартангу и побывал во всех кишлаках этого района, совершенно не посещавшихся посторонними в начале сороковых годов. Он прошел весь Таджикистан и в кишлаках его называли “Дохтури Мургу”, потому что приезжая, он сразу же кричал “Мургу, Мургу” – он не хотел, что бы в честь столь высокого гостя резали барана и считал более для него подходящим обойтись курицей. Получил два партийных взыскания. Одно за то, что в одном из кишлаков кулябской области он не смог убедить население сделать прививки от начавшейся там оспы. Тогда он попросил муллу собрать людей в мечети и объяснить им, что это единственная возможность спасти жизнь многим из них. И сам присутствовал при богослужении. Об этом написала одна афганская газета, резюмировавшая, что советская власть повернулась лицом к религии! Это был далекий 1939 год. Второе взыскание он получил за то, что не хотел подписывать проект о строительстве цементного завода в Душанбе, доказывая, что роза ветров такова, что ветер из Варзобского ущелья будет засыпать пылью город и после смешивания с выхлопными газами автомобилей возникнет вредный для людей смог. К сожалению, так и получилось. Отец был награжден орденом “Знак почета”, несколькими медалями и многими Грамотами.

Мне трудно сказать, что я получил от отца? Возможно его поистине “железное” здоровье – в детстве я, правда, болел, но потом вплоть до 70 лет мне не приходилось на что –либо серьезное жаловаться и несмотря на субтильную организацию я без труда переносил все физические нагрузки и все тяготы нелегкой полевой жизни. Может быть свой толерантный характер – я органически не могу быть с кем то в ссоре долгое время. Может еще многое другое (но к великому сожалению его замечательной памятью я не обладаю !).

И, конечно, мое детство (практически с 17 лет я уже жил вне родительского дома) было основой того культурного фундамента, скоторым я прожил всю свою жизнь, это огромная любовь к книге, которая всегда была иконой в нашем доме и подавляющая часть прочитанного мною прочитано в детстве. Все это в значительной степени подготовило меня к будущей профессии.

Но меня не только воспитывали родители. Я многим обязан моей жене Е. В. Максимович, с которой мы прожили уже более 50 –ти лет. Я ей глубоко благодарен за тот интересный, привлекательный дом, который она создала, за ее прекрасный, лишенный даже тени вульгарности вкус, за высокий интеллектуальный уровень, за умение создать замечательный стол для наших друзей, за ее глубокие познания в литературе и искусстве –перейдя из дома моих родителей в свой собственный, я перешел по горизонтали интеллектуальной жизни. Я должен ей сказать спасибо и за то, что она всегда была самой собой, никогда не перед кем не старалась показаться лучше, умней и богаче, чем на самом деле, а это, согласитесь, редкий дар. Е. В. для меня часто была лакмусовой бумажкой для определения любой фальши – у нее потрясающее чутье на людей. И еще за что я ее могу благодарить – за то что она всегда критически относилась к моим научным и жизненным успехам. Это мне очень помогало и предостерегало от переоценки собственных достоинств и результатов. А это очень важно для того, чтобы с годами не превратиться в научный нарцисс по древней легенде зачаровано глядевший на свое изображение в воде. А таких нарциссов нетрудно подчас обнаружить в окружающей нас научной среде. Я уверенно могу сказать, что уже моя семья стала для меня вторым и не менее важным фактором моего воспитания.

Третим фактором и очень важным было влияние моих учителей Е.А. Давидович, Б.А. Литвинского, А. П. Окладникова, других замечательных ученых, с которыми меня сводила жизнь, за что ей я глубоко благодарен, таких как А.Н. Бернштам, М. М. Герасимов, Ж. К. Гарден и многих, многих ученых без которых моя жизнь в науке не состоялась бы. Именно они формировали мое отношение к науке, на их примерах и трудах я учился раскапывать археологические памятники, работать с материалом, писать. Я очень благодарен и не одной сотне авторов книг и научных статей, которые я прочитал, изучал, конспектировал за те идеи и фактический материал, которые в них содержались.

Наверное, можно было найти и многие другие моменты, оказавшие большое влияние на меня, но приведенные выше, вероятно, главные.

– Что значит для Вас Ваша профессия, Ваша работа?

– Я решил стать археологом и изучать каменный век 1 сентября 1949 года на первой лекции, которую я слушал в Таджикском Государственном Университете. Ее читал замечательный преподаватель и прекрасный человек Давид Ефимович Хайтун. И я никогда больше не изменял этой привязанности. Археология удивительно увлекательная наука – она сродни следственной работе. У нас, так же как и у следователя, есть немногочисленные факты и значительно больше вопросов, которые мы

задаем исследуемому археологическому памятнику. А ответы еще предстоит найти. Работа археолога это соединение времени – сегодняшнего дня и далекого прошлого. Это волнующий процесс. Ведь когда ты берешь в руки каменное орудие, изготовленное 10, 50, 100 или 800 тысяч лет тому назад человеком, пусть примитивным, но уже человеком, то видишь, что за формой и обработкой этого орудия стоит его живое чувство, его поиск, его умственные способности, его техническая мысль. Для меня это не просто осколок заточенного камня, мне кажется, что это орудие сохранило тепло руки, сделавшей его сотни тысяч лет тому назад. И это всегда волнует, как когда в далеком 1953 году я поднял первое, найденное мной каменное орудие, так и сейчас, когда за моими плечами 47 полевых сезонов. Кроме того, в археологии каменного века есть особая прелесть – это тесное общение с природой, к которой эта отрасль археологии близка как ни одна другая отрасль науки о прошлом. Что может быть лучше радостных открытий все новых и новых уголков нашей горной страны, это и холодные синие закаты на Памирском плато, и красно-золотые восходы на пустынном берегу Амударьи, это и буйные краски осеннего Ховалинга. И даже наша среднеазиатская пыль, которая медленно, буквально на глазах, оседает ранним вечером, когда ты возвращаешься после трудного маршрута, Это и душевные беседы или песни у костра – все создает особую незабываемую гамму чувств и воспоминаний, незнакомых городскому человеку. И за это мы, археологи, благодарны своей профессии.

Но не только экспедиционные радости составляют хорошую сторону нашей профессии. Наука это непрерывный процесс познания нового, поиск пусть не вечных, пусть временных, но все же истин. И каждое, даже маленькое открытие, сознание того, что и тобой вложен пусть небольшой, но кирпичик в вечно строящееся, но никогда не законченное здание избранной тобою науки. В.В. Маяковский когда то писал “Изводишь тонны словестной руды единого слова ради”. И каждому, работавшему в науке, хорошо известны творческие муки, испытываемые за письменным столом в поисках нужного слова или изложения нужной мысли. Но зато какие радости испытывает ученый, получив гранки своей работы, еще пахнувшие типографской краской или и того более – уже готовую свою книгу. Очень хорошо об итоговой ценности нашей работы сказано в известной песне археологов:

“И края в которых мы бывали
Люди в картах мира отмечали”

И это, наверное, главный итог всей нашей работы – твой вклад в мировую копилку знаний о древнейшем прошлом человечества.

Замечательный индийский археолог Х. Д. Санкалия назвал свою автобиографическую книгу “Рожденный для археологии”. С высоты моих сегодняшних лет мне кажется, что мое истинное призвание это, скорее, не

наука, а журналистика. Я очень легко пишу, легко схожусь с людьми, во мне живет неистребимый интерес к другим профессиям. Но я рад, что не пошел по этой стезе и тому, что другая, главная в жизни профессия, оказалась археологией.

– Хотелось бы узнать у Вас каким может быть развитие исследований каменного века в 21 столетии.

– Как все футурологические прогнозы, представить себе каким будет этот раздел археологии, скажем в 2050 году, достаточно трудно. Можно думать, что появятся многочисленные поправки к абсолютным датам и корректировка методов для их получения, имевшихся в наше время. За полувековой отрезок времени, в который я занимался археологией каменного века, на моих глазах произошло появление, расцвет (всеобщий восторг от результатов нового метода), и время критики возможностей многих физических методов получения абсолютных дат: радиоуглеродного, уранового, палинологического термолюминесцентного, термолюминесцентного по обгорелому кремню, палеомагнитного и ряда других. Безусловно, что в 21 веке появится и много новых приемов получения абсолютных дат. В методике раскопок, можно ожидать широкое применение лазерного теодолита, при помощи которого, любой артефакт, расчищенный на поверхности раскопа с абсолютной точностью фиксируется на соединенном с ним компьютере и мы можем сразу же получить и план находок и их положение в разрезе (сейчас такие теодолиты уже появились, но стоят они очень дорого). Рисунки каменных орудий, сделанные от руки (работа трудоемкая и дорогая, к тому же требующая долгой тренировки художника) будут заменены абсолютно точными фотоснимками, проработанными на компьютере. Можно ожидать и появления многочисленных новых программ для построения всевозможных графиков и диаграмм. Представим себе и появление глобального банка данных, в который будут внесены все орудия многочисленных коллекций всех музеев и хранилищ мира, что позволит работать с нужными коллекциями не выходя из дома. Ну, а уж в плане абсолютной фантастики, для конца 21 века можно и подумать о раскопках стоянок каменного века и на другой планете! Но во всех случаях, как и сто пятьдесят лет тому назад, как и сегодня, археология, как самая реальная наука о древностях и для наших потомков будет окружена ореолом романтики.

– Каков Ваш взгляд на пути развития изучения каменного века в Таджикистане 21-го столетия?

– Конкретно для Таджикистана в 21 веке изучение каменного века

должно пойти по пути наращивания объемов исследований, прежде всего раскопочных работ. Хотелось бы верить, что уже в первой четверти нового века мы освободимся от необходимости постоянных поисков иностранного финансирования и страна сможет выделить необходимые суммы для археологии вообще и археологии каменного века в частности. Одним из самых главных проблем, которые встали перед нами сейчас является отсутствие притока молодых кадров. В силу известных причин и прежде всего падения престижа науки вследствие мизерной зарплаты в Академии наук и вузах, существует реальная опасность потери преимущества научных исследований. Я не смотрю с оптимизмом и на модное сейчас обучение молодых людей в престижных западных вузах, поскольку это в большой степени связано с потерей связей с отечественной школой, а она всегда была отнюдь не худшей среди других стран. И менее всего мне хотелось бы, что бы каменном веком в нашей стране в будущем веке занимались только иностранцы. И в следующем веке в библиотеках Душанбе не появится достаточное количество необходимой литературы на европейских языках (может быть только к концу тысячелетия) и если не будут востребованы книги и журналы на русском языке, которые постепенно будут исчезать из библиотек, работа будущих археологов будет очень затруднена. Когда появятся высокообразованные и хорошо подготовленные новые исследователи каменного века в нашей Республике? Трудно сказать, но совершенно ясно, что для этого нужно целенаправленное обучение нескольких молодых людей, которое, к большому сожалению, придется осуществлять за границей.

— С чего должен начать молодой ученый, который захочет заниматься изучением каменного века?

— Этот вопрос относится к занятиям наукой вообще. Наверное, и это прежде всего, он должен быть одержимым (в хорошем понимании этого слова) идеей открыть новые горизонты в выбранной им специальности. Иными словами, стремиться если и не занять первое место в пирамиде людей, занимающихся этой отраслью науки, то, по крайней мере, быть в числе первых. Быть честолюбивым в хорошем смысле этого слова, что поможет в его будущей научной жизни, для которой необходимо самоотречение от многих других радостей. В гуманитарных науках, которые требуют огромного количества времени для овладения всем богатством знаний, накопленных до тебя, невозможно добиться успеха без постоянной, ежедневной, иногда рутинной и скучной работы. Необходимо хорошее знание по крайней мере трех языков: английского, русского и французского, умение говорить по-меньшей мере на двух из них (английский и русский), ибо стать заметным можно лишь общаясь с коллегами из многих стран, участвуя в

международных конгрессах и других научных встречах. Я уже не говорю о знании мировой литературы. Молодой археолог, выбравший стезю "каменщика" должен изучить и хорошо разбираться в четвертичной геологии, палеонтологии, палеоботанике, педологии, географии, знать о физических методах, дающих абсолютные и относительные даты. Он должен быть физически хорошо подготовлен и уметь переносить все тяготы экспедиционной жизни. Быть толерантным и терпимым к другим, эти качества просто необходимы в экспедициях, в которых пройдет едва-ли не половина его жизни. Одним словом, его жизненным кредо должен стать лозунг: "через тернии к звездам". И это все не ради, как говорится, "чинов и орденов", а ради самой науки, ради приближения какой-то, пусть маленькой, но все же истины, нового открытия, которое останется в памяти всего человечества на долгие годы. Хотелось бы предостеречь моего будущего последователя от самооценки, к сожалению, часто встречающейся в современном научном мире. Оценку вашей деятельности всегда должны сделать другие примером тому является известный "гамбургский счет", согласно которому мы все ранжированы по своим достоинствам, независимо от рангов и званий.

– Что важно не потерять в будущем в изучении каменного века Таджикистана?

– Прежде всего, и это самое главное, сохранить имеющиеся коллекции. Я могу с гордостью сказать, что хранящаяся в фондах Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша коллекция изделий каменного века, насчитывающая более ста тысяч предметов, является одной из лучших коллекций подобного рода для всей Азии. Эта коллекция должна служить людям до тех пор, пока Земля вращается вокруг Солнца. Сохранить ее в целостности и сохранности наша святая обязанность. Для этого надо построить современное хранилище при создаваемом сейчас Музее древностей в Душанбе. Пройдут года и то, что нами написано в какой-то мере потеряет значение, превратившись в предмет историографии, а коллекции останутся столь же значимыми и, если можно так сказать, свежими как и сегодня, ибо это самое ценное, что может дать археология.

– Что Вам хочется еще открыть и понять в Ваших будущих исследованиях?

– Очень многое. Я скажу, что все прошедшие пятьдесят лет понимаю лишь как прелюдию к будущим открытиям и достижениям. Наука никогда не может удовлетвориться сделанным и всегда будет стремиться к получению новых данных и в этом ее главная сущность. Ну, прежде всего, пожелайте мне и моим будущим последователям быть более удачливыми в антропологических находках, ведь до сих пор на территории Таджикистана

найден всего лишь один зуб ископаемого палеолитического человека и всего несколько захоронений, большей частью разрушенных, человека неолитического времени. И это главная неудача всей моей жизни! Проблем же, которых не удалось пока решить очень много. Как и должно быть, мы знаем меньше, чем не знаем, и это вполне нормальное явление в любой науке (иначе бы она утратила свою привлекательность). Вот только некоторые проблемы каменного века, которые предстоит разрешить в 21 веке. До сих пор древнейшими следами заселения территории нашей Республики является стоянка Кульдара в Ховалингском районе, время существования которой определяется в 800 – 850 тыс. лет. Я не исключаю, что в палеопочвах, вскрываемых в некоторых разрезах, таких как Чашманигар, Дарай–Калон, Карамайдан, каменные орудия могут быть найдены и в более древних палеопочвах. Надежду на это дают материалы грузинской стоянки Дманиси, фиксирующие появление гомо эректуса в Евразии в 1,5 млн. лет. Что касается имеющихся в нашем распоряжении коллекций нижнего палеолита (800 – 200 тыс. лет), то здесь необходимо накопление новых коллекций каменных орудий так называемого лессового палеолита. Надо думать, что в следующем столетии археологи будут иметь большую возможность применения механизации и взрывных работ, что бы вскрыть громадные толщи лесса, которые находятся над палеопочвами в которых сосредотачиваются орудия каратауской культуры, что лишь в малой степени удалось археологам двадцатого века. Думается, будущие исследования должны подтвердить гипотезу о миграции среднепалеолитического человека (архаического гомо сапиенса или неандертальца) из районов Ближнего Востока в Центральную Азию. Но для этого надо, во-первых, иметь достаточное количество абсолютных дат, а во-вторых, заполнить имеющуюся территориальную лакуну новыми стоянками среднего палеолита и прежде всего в Иране и Туркмении. Новые исследования должны наконец-то ответить на вопрос – почему при таком обилии стоянок среднепалеолитического (мустьерского) времени в Таджикистане, да и во всей Центральной Азии так мало верхнепалеолитических памятников. Накопление материалов по мезолиту, приостановившееся в последнее время, должно послужить пониманию второй (или вернее третьей, если считать первоначальный приход древних людей на территорию Таджикистана) миграции – приход в Центральную Азию носителей микролитов геометрической формы. И, наконец, можно пожелать реанимации работ по изучению неолитической гиссарской культуры при упоминании которой все еще остается эпитет “загадочной”. Одним словом поле деятельности для будущих исследователей каменного века Таджикистана огромное, проблем хватит не на одно столетие!

– Вы побывали во многих странах мира, какую страну Вы любите

– Конечно, Таджикистан. Я провел здесь большую часть своей жизни, практически всю сознательную жизнь, ведь я приехал в Душанбе 14-летним мальчишкой. Поэтому Таджикистан считаю своей Родиной, хотя я человек русской культуры. А Родину должно любить, иначе это уже не Мать, а Мачеха.

Среди других стран любимых много, пожалуй, все в той или иной мере любимы. Каждая из них нравится по-особому. И в каждой из них живут мои друзья, коллеги по работе, Скажем, в Америке бросается в глаза отсутствие теплоты в людских отношениях (хотя там живет один из самых близких моих друзей – Ричард Дэвис и не мало других, очень дорогих мне людей) и жесткие социальные круги в которых живут ее обитатели. И люблю, конечно, Францию и лучший город Мира – Париж. Во Франции я был несколько раз и хорошо знаю эту страну и обычаи ее обитателей. Там у меня немало друзей и среди них наиболее любимые – археологи Жан-Клод Гарден, Рене Дебросс, Роллан Безенваль, Бертиль Лионне, Изабель Мажеро и много других людей, без которых Франция – не Франция, а Париж – не Париж! Самая романтическая страна, которую я видел, это Испания, особенно ее юг – Андалусия (побывал в Севильи в здании табачной фабрики, где по преданию работала жгучая красавица Кармен). Конечно, запомнились и “Геркулесовы столбы”, вырастающая из моря Гибралтарская скала. Из азиатских стран очень понравился Вьетнам. Нельзя не любить и не восхищаться Индией, во всем своеобразной и не похожей на другие страны. Нельзя забыть и Китай, где в молодости я служил в армии почти три года, а вновь побывал в этой стране почти через пол-века. Историчность Библии, особенно ее Нового Завета нельзя не ощутить, глядя на голубую гладь Генисаретского озера или седые камни Иудеи в Израиле. И там у меня есть друзья с которыми я поддерживаю многолетнюю связь. Это археологи, крупнейшие специалисты по каменному веку Ближнего Востока – Аврахам Ронен и Наама Горен. Говоря о зарубежных друзьях, благодаря которым я могу поддерживать необходимый уровень знаний (ведь наши библиотеки давно уже не получают никаких книг журналов не только из дальнего, но и ближнего зарубежья) я должен сказать и хорошие слова в адрес друзей из СНГ с которыми меня свела моя профессия и за общение с которыми я искренне благодарю свою жизнь. Без них она не была бы такой интересной и яркой. Я назову только некоторых, но пусть знают все те, с кем я дружил и общался на долгом жизненном пути я так же помню и чту их имена. Это мои учителя и друзья на всю жизнь Е. А. Давидович и Б.А. Литвинский, прекрасный географ, знаток Памира О.Е. Агаханянц, геологи А. Е. Додонов, А.А. Никонов, археологи А.П. Деревянко Ю. А. Заднепровский, В. П. Любин и В.Т. Петрин, мой терпеливый учитель в дебрях компьютерной премудрости географ А.Ф. Финазв и многие, многие другие. С особой теплотой я должен отметить моих товарищей и соратников многие годы

помогавших мне во время археологических раскопок: А.Г. Амосову, В.А. Жукова, А. Юсупова и Т. Ходжагельдиева. Их самоотверженный труд обеспечил успешные раскопки многих стоянок каменного века в Таджикистане. Не могу не поблагодарить и сотрудников нашей Академии, директоров нашего Института, академиков А.А. Семенова, З. Ш. Раджабова, Б.И.Искандарова Р.М. Масова в полном согласии с которыми, несмотря на редкие, но все же существовавшие дискуссии по разным служебным вопросам, я проработал долгие и счастливые годы. Особое чувство благодарности я испытываю к покойному Президенту нашей Академии, академику М. С. Асимову, который неизменно помогал мне осуществлять зарубежные поездки, что в советское время было зачастую очень непростым делом. Самые теплые чувства я хотел бы выразить всем моим товарищам по работе в отделе археологии и всем сотрудникам нашего института за неизменные дружеское и сердечное ко мне отношение. Без этого жизнь моя не сложилась бы так удачно.

.Я посвящаю это интервью недавно ушедшему из жизни, близкому другу и соратнику по каменному веку Евразии, академику РАН, доктору исторических наук Геральду Николаевичу Матюшину в знак глубокой признательности за все радости, которые мне подарила дружба с этим интересным человеком.

– И еще один, последний, вопрос: что Вы желаете в жизни помимо научных открытий?

– Самое большое желание – благополучие и мир в нашем прекрасном Таджикистане. Я желаю, чтобы все люди, которые здесь живут любили свой край, были ему верны и заботились об его благополучии. Себе я бы пожелал не потерять ту огромную любовь к жизни, которая сопровождала меня всегда. Старость мне представляется деревом с которого, как осенью, спадают старые листья. Листья – это области наших интересов, которые, как шагреновая кожа с возрастом все время уменьшаются и уменьшаются. Пусть как можно меньше падало листьев и интерес ко всему окружающему не погасал, сколько бы лет я не оставил за своей спиной. Конечно, хотелось бы, что бы здоровье позволило мне осуществить свою давнишнюю мечту – отпраздновать в экспедиционном лагере окончание 50-го сезона, а может быть и больше. Хотелось бы жить так же активно как сегодня. И конечно, побольше сил и любви человеческой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выход очередного сборника “Археологические работы в Таджикистане” это большая радость для всех археологов и историков, работающих в Таджикистане и занимающихся историческими проблемами всего центральноазиатского региона. Сложное время переходного периода от СССР к самостоятельному Таджикскому государству отразилось и на археологических исследованиях в республике. Гражданская война 1992 года остановила полевые работы в Центральном и Южном Таджикистане, а также на Памире.

Южно-Таджикская Археологическая Экспедиция, которая была организована в 70-е годы Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша (Душанбе) и Институтом востоковедения (Москва) из-за отсутствия финансирования прекращает свою работу, хотя формально экспедиция продолжает существовать и сегодня. Все исследования, проводившиеся после 1992 года, осуществлены почти исключительно совместно с иностранными партнерами и на их деньги. Нужно сказать, что этот симбиоз благотворно отразился на многих сторонах археологических исследований в Таджикистане, в частности на улучшении методики работы, использовании лабораторных работ, публикации результатов в зарубежных изданиях.

Таджикская археология понесла большие потери. В последнее десятилетие ушли из жизни учёные-исследователи, которые большую часть своей жизни отдали изучению различных проблем, связанных с историей Таджикистана. Археологи Абдулло Исаков, Игорь Пичикян, Уктам Пулатов; нумизмат Евгений Зеймаль, художник Владимир Бажутин. Их имена навсегда будут связаны с советским периодом в изучении истории Таджикистана. Республику покинул целый ряд учёных, реставраторов, высококвалифицированных технических работников, среди них бывшие сотрудники отдела археологии: А. Амосова, Э. Гулямова, Е. Денисов, И. Маслов, М. Муллокандов, И. Пьянков, Е. Салтовская, Н. Симакова, В. Соловьев, Т. Филимонова. Не все ученые успели завершить свои исследования и опубликовать найденные археологические материалы. На сегодняшний день только три монографии восполнили этот пробел. Это книги И. Пьянкова “Средняя Азия в античной географической традиции” (Москва, 1997), В. Соловьёва “Средневековый Тохаристан”, Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна “Эллинистический храм Окса”, т. 1 (Москва, 2000). Справедливости ради следует заметить, что за рассматриваемый период вышло немало научных и научно-популярных статей, в которых публикуются материалы,

полученные после 1985 года, последнего года систематического издания экспедиционных отчетов ЮТАЭ. Объем сборника не позволяет нам даже перечислить все статьи данной тематики, достаточно сказать, что только по каменному веку за этот период опубликовано 60 статей.

Одним из самых знаменательных событий для всей нашей Республики было издание "Истории таджикского народа", в котором два первых тома подводят итоги археологических исследований Таджикистана в советское время. Изданием этих томов мы обязаны директору нашего института, академику, профессору Р.М. Масову, который всеми силами и своим авторитетом поддерживает развитие археологических исследований в стране, не позволяя придать забвению уже накопленный опыт, традиции, и проявляет заботу о хранении археологических коллекций, накопленных в прошлый период развития в стране этой науки.

Мы надеемся, что возобновление выпусков "Археологических работ в Таджикистане" послужит не только продолжению развития таджикской археологии, но и сможет постепенно восполнить потери в публикациях археологического материала конца 80-х начала 90-х годов.

Ниже мы приводим хронику археологических полевых исследований, проводившихся на территории Таджикистана начиная с 1992 года (1992-2000 гг.).

1992

1. Стоянка Ширкент (Нижний Каратаг) – экспедиция по изучению каменного века (В. Радилиловский и З. Гарифулина).
2. Раскопки городища Пенджикент – Таджикско – Российская экспедиция (Б. Маршак).

1993

3. Работы на разрезах Карамайдан, Оби – Мазар и Хонако. Таджикско-Английская геолого-археологическая экспедиция в Файзабадском и Ховалингском районах (В. Ранов, А. Додонов).
4. Поселение Саразм (Пенджикентский район) – раскопки объекта раннежелезного века (А. Исаков).
5. Раскопки городища Пенджикент – Таджикско-Российская экспедиция (Б. Маршак).

1994

6. Общее обследование разрезов Оби-Мазар и Хонако в Ховалингском районе – Таджикско-Германская экспедиция по изучению каменного века (В. Ранов, Й. Шефер).
7. Городище Саразм (Пенджикентский р-н) – раскопки объекта раннежелезного века (А. Исаков). Французская сторона проводила

разведочные работы по поиску древних выработок (Р. Безенваль).

8. Разведочные работы в районах горного Согда – Таджикско-Германская экспедиция (Ю. Якубов, В. Радилиловский).

9. Раскопки городища Пенджикент – Таджикско-Российская экспедиция (Б. Маршак).

1995

10. Раскопки в 4-ой палеопочве разреза Оби-Мазар – Таджикско-Бельгийская геолого-археологическая экспедиция (А. Додонов, В. Ранов, П. Хазарец); раскопки стоянки во 2 – ой почве стоянки Хонако – Таджикско-Германская экспедиция. (Й. Шефер).

11. Городище Саразм (Пенджикентский р-н) (А. Исаков).

12. Раскопки городища Пенджикент – Таджикско-Российская экспедиция (Б. Маршак).

1996

13. Раскопки на разрезах Оби-Мазар, 6-ая почва и Хонако, 2-ая почва (Ховалингский р-н) – Таджикско-Германская экспедиция по изучению каменного века (В. Ранов, Й. Шефер).

14. Раскопки на поселении и могильнике Кангуртут и поселении Тошгузар (Дангаринский р-н) – Таджикско-Российская экспедиция (Н. Виноградова).

15. Изучение могильника Джаушангоз-4 (Рошкалинский р-н, Памир) (М. Бубнова).

16. Раскопки захоронения Энверпаши (Бальджуанский р-н) – Таджикско-Турецкий проект (Ю. Якубов).

17. Раскопки городища Пенджикент – Таджикско-Российская экспедиция (Б. Маршак).

1997

18. Раскопки в Хонако (2-ая почва), Оби-Мазаре (6-ая почва), Ховалингский р-н и на стоянке Худжи (Шахринауский р-н) – Грант Национального Географического Общества США (В. Ранов).

19. Изучение месторождения Мушистон (Зеравшанский хребет) – Таджикско-Германская экспедиция (Ю. Якубов, М. Бубнова, В. Радилиловский).

20. Изучение поселения и могильника Кангуртут и поселения Ташгузар (Дангаринский район) – Таджикско-Российский проект (Н. Виноградова).

21. Раскопки городища Пенджикент – Таджикско – Российская экспедиция.

1998

22. Раскопки на стоянке Хонако в 1-ой и 2-ой почвах (Ховалингский р-

н) – Таджикско-Германская экспедиция по изучению каменного века (Й. Шефер).

23. Изучение месторождения Мушистон (Зеравшанский хребет) – Таджикско-Германская экспедиция (Ю. Якубов, Н. Боровка, Я. Черны)

24. Раскопки городища Пенджикент – Таджикско –Российская экспедиция (Б. Маршак).

25. Городище Саразм (Пенджикентский р-н) – Таджикско-Французский проект (Р. Безенваль, А. Разаков).

26. Раскопки городища Тахти-Сангин (Кобадиянский р-н) – проект по изучению античной Бактрии (А. Дружинина).

1999

27. Изучение лёссового разреза Чашманигар и Дараи-Калон, раскопки в 4-ой почве Хонако (Ховалингский р-н) – Таджикско-Китайский проект по изучению лёссово-почвенных разрезов (Динг Цхонгли, В. Ранов).

28. Изучение месторождения Мушистон (Зеравшанский хребет) – Таджикско-Германская экспедиция (Ю. Якубов, Я. Черны).

29. Раскопки на городище Пенджикент – Таджикско-Российская экспедиция (Б. Маршак).

30. Раскопки на городище Тахти-Сангин (Кобадиянский р-н) – проект по изучению античной Бактрии (А. Дружинина).

2000

31. Раскопки в 1-ой, 2-ой и 4-ой почвах на стоянках Хонако 3 и 4; разведки и раскопки на плато Харгуш (Ховалингский р-н) – Таджикско-Германская экспедиция по изучению каменного века (В. Ранов, Й. Шефер).

32. Раскопки на городище Пенджикент – Таджикско-Российская экспедиция (Б. Маршак).

33. Работы на поселении Саразм (Пенджикентский р-н) – Таджикско-Французский проект (Р. Безенваль, Ф. Разаков, С.Бобомулов).

34. Раскопки на городище Тахти-Сангин (Кобадиянский р-н) – проект по изучению античной Бактрии (А. Дружинина).

35. Раскопки на городище Халкаджар. Экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. Дониша (Ю. Якубов, М. Бубнова).

Хроника работ Северо-Таджикистанской Комплексной экспедиции за указанный период будет опубликована в одном из следующих выпусков АРТ.

Хотелось бы обратить внимание ещё и на номер выпуска. К сожалению, 26 выпуск, готовящийся к изданию в Худжанде, ещё не вышел. Надеемся, что к следующему году очередность выпусков будет соблюдена.

Необходимо сказать несколько слов о нарушении прежней традиции в издании АРТ. Как известно, каждый предыдущий выпуск был посвящен отдельному году полевых исследований. В связи с большим перерывом в издании АРТ и по причинам, изложенным выше, новые выпуски будут составляться по мере подготовки материалов к изданию. Таким образом, в первую очередь будут охвачены результаты полевых исследований с 1992 года и постепенно все неопубликованные отчёты с середины 80-х годов. Также в новых выпусках предусматривается рассказывать о жизни археологов республики и о полевых работах отдельных отрядов.

Редактор хочет ещё раз поблагодарить Президента Фонда "Меценос", большого друга нашего института, господина Марио Роберти, за финансирование издания сборника. Сотрудников нашего института М.А. Бубнову, С. Бобмуллоева и С. Смильгина за помощь в подготовке выпуска. Р. Шерали принадлежит исполнение макета сборника. Авторы сборника посвящают его 75-летию известного исследователя каменного века Таджикистана, д. и. н., В.А. Ранова.

*Душанбе.
Ноябрь 2000 года*

ЛЕССОВО-ПОЧВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА И ЛЕССОВЫЙ ПАЛЕОЛИТ

Таджикистан с полным правом можно назвать страной гор и лесса. Действительно, лесс здесь встречается вплоть до 2,5 тысяч метров над у.м., плащеобразно покрывая все межгорные впадины и долины, достигая в Таджикской депрессии (чаще называемой Южным Таджикистаном) толщины 150 – 200 м. Таджикская депрессия представляет собой тектоническую впадину, заполненную значительными кайнозойскими отложениями и ограниченную на севере горными сооружениями Тянь – Шаня, на западе отрогами Гиссарского хребта и Дарвазскими горами на востоке. По своей мощности таджикистанские лессы занимают второе место в мире после Лессового плато Китая. Возраст лессов Южного Таджикистана определяется в 2,5 млн. лет и всего отмечается более сорока палеопочв и педокомплексов (далее – ПК). Из них 33 принадлежат плейстоцену (ПК 33-10 находятся в нижнем плейстоцене, ПК 9–2 в среднем плейстоцене и ПК 1 в верхнем плейстоцене). Практически большая часть Таджикской депрессии покрыта лессом и только ее самая южная часть, примыкающая к рекам Пяндж и Аму-Дарья представляет собой песчаную или гаммадовую пустыню (в годы советской власти культивированную). Подавляющая часть исследователей и в том числе автор настоящего раздела, являются адептами золотого генезиса таджикистанского лесса. Накопление лесса связывается со временем континентальных оледенений, а образование почв (ПК), с эпохами межледниковий. Это соответствует положению, что в эпоху оледенений в Средней Азии господствовала Сибирско-Монгольская система высокого давления, тогда как в эпохи межледниковий превалировали перемещения западных воздушных масс (Dodonov, Vaiguzina, 1995, p. 708).

Систематическое изучение лессово-почвенной формации Южного Таджикистана началось почти одновременно двумя московскими геологами – А.А. Лазаренко и А.Е. Додоновым в начале 70 годов двадцатого века и с небольшими перерывами продолжается и до сих пор (Lazarenko, 1984; Додонсв, 1986; Додонов и др., 1999а). Именно этими исследователями были изучены основные, наиболее полные лёссово-почвенные разрезы – Каратау, Лахути, Хонако, Чашманигар и другие. В 1976 году опубликована первая статья, посвященная особенностям палеопочв Таджикистана (Ломов, Сосин, 1976). С 1993 года к этой работе подключилась большая группа европейских ученых – А. Бронгер, Н. Шеклтон, Л. П. Чжоу, П. Хазарец и другие (Bronger et

al., 1995; Shackleton et al., 1995). В 1993 г углубленное изучение палеопочв и стратиграфии лессов начинает Таджикско-Германская археологическая экспедиция, организованная Институтом истории, археологии и этнографии Академии Наук Республики Таджикистан (В.А. Ранов, Й. Шефер). Работая в составе экспедиции, почвовед П.М. Сосин смог использовать для изучения значительные расстояния ПК вскрытые по латерали археологическими раскопами, исследовать большое количество разновременных почв и провести значительные аналитические работы. Это позволило ему во многом по-новому понять особенности ПК Южного Таджикистана и предложить собственное макро-морфологическое их подразделение (Schaefer et al., 1996). Основные работы 90 годов сосредоточились в северо-восточной части Таджикской депрессии – в Ховалинском районе.

В 1972 году А.А. Лазаренко нашел первый палеолитический артефакт в стратиграфической траншее, заложенной на водоразделе хребта Яванский Каратау. С этого времени начался отсчет нового направления в изучении палеолита Евразии. Термин “лессовый палеолит” был предложен В.А. Рановым и в настоящее время используется многими исследователями (Ranov, 1987). Этим термином охватываются палеолитические стоянки, связанные, в основном, с водораздельными лессами эолового происхождения, палеоклиматическими условиями в которых они формировались и временем образования ПК в которых они найдены. Подавляющее число артефактов встречено в почвах климатического оптимума образовавшимися в эпоху интергляциалов. Расположение артефактов в почвах подтверждает гипотезу о сингенетичном формировании ПК в Южном Таджикистане (Ломов, Ранов, 1984). Основные палеолитические стоянки (Каратау, Лахути, Кульдара) раскапывались в 1973-1986 гг. В.А. Рановым, а в 1994-1999 гг. В.А. Рановым и Й. Шефером (Хонако, Оби-Мазар). Нужно сказать, что нигде в мире лессовый палеолит не изучается так интенсивно как в Южном Таджикистане.

Исторически существует две принципиальные схемы стратиграфии лессово-почвенной формации в описываемом регионе. В 70 годы были утверждены палеомагнитные границы Брюнес-Матуяма (между 9 и 10 ПК), эпизод Олдувей (33-35 ПК) и более древние палеомагнитные зоны. Кроме того, во многих разрезах на уровне 5 ПК был выделен эпизод Блейк, а в некоторых и эпизоды Лашамп и Бива. Вплоть до 90-х годов основой возрастного подразделения палеопочв, которые как и в других лёссовых регионах мира являются основой стратиграфии, служила серия термолюминесцентных дат, выполненных украинским геологом В. Н. Шелкоплясом (Додонов и др., 1977). Согласно принятой тогда схемы, первые 5 ПК были отнесены к верхнему плейстоцену, ПК 6-9 к среднему плейстоцену, остальные ПК находились в Матуяме. В 1994 году была опубликована статья Т.Форстера и Ф. Хеллера в которой впервые проведена корреляция

стратиграфии лессово-почвенной формации Южного Таджикистана (разрез Карамайдан), кислородно-изотопных стадий и стратиграфии лессово-почвенной формации лессового плато Китая (Forster, Heller, 1994). Уже в следующем году вышло несколько работ, в которых утверждалась новая корреляция (Dodonov, Ranov, Schaefer, 1995; Bronger et al., 1995; Shackleton et al., 1995). Таким образом, возраст ПК в разрезах Южного Таджикистана в значительной мере удревнился и теперь только ПК 1 принадлежит верхнему плейстоцену. В дальнейшем эта корреляция завоевала широкое признание и использовалась во многих публикациях. Ее обоснование определяется термолюминесцентной датировкой ПК 1, полученной на разрезе Дарай-Калон – 57.3 ± 3.3 тыс. лет (кровля), 96.7 ± 9.1 тыс. лет (средняя часть ПК). Возраст лесса ниже ПК 1 равен > 117 тыс. лет (Frehen, Boenigk, 1997; Frechen, Dodonov, 1998). Близкие TL даты получены в Гудвинской лаборатории (Кембридж), где кровля ПК 1 имеет дату 68.69 ± 9.3 тыс. лет, а кровля лесса под ПК 1 119 ± 15.0 тыс. лет (Додонов и др. 1999а). На разрезе Карамайдан люминесцентные даты (IRSL) показывают для ПК 1 – $74(7)$ тыс. лет и $85(11)$ тыс. лет, что совпадает с датами приведенными выше (Singhvi et al., 1999). Несмотря на некоторые различия цифр, М. Фрехен считает, что даты, полученные в Средней Азии вполне сопоставимы с TL / IRSL датами, приведенными для ПК 1 в Китае (Frehen, 1999).

Приведенные датировки используются для обоснования справедливости корреляции стратиграфии лессово-почвенной формации Южного Таджикистана со стадиями изотопно-кислородной шкалы, что обеспечивает устойчивые возрастные интервалы для ПК и разделяющих их лёссов (Додонов и др., 1999). Можно, вместе с тем, отметить нестабильность термолюминесцентного метода, на что неоднократно указывали сами специалисты им занимающиеся. Это зависит от качества взятых образцов, места проб, техники, используемой в разных лабораториях (Aitken, 1995; Singhvi et al. 1998; Пунинг и др., 1992). В той же Средней Азии, наряду с указанными выше “хорошими” датами имеются и датировки не соответствующие коррелятивному возрасту сопоставимому со стадиями изотопной шкалы (Zhou, Dodonov, Shackleton, 1995; Singhvi et al., 1999) В 1997 году на разрезе Хонако были взяты образцы для РТЛ определения, которые были проанализированы в известной лаборатории Московского Государственного Университета В.К. Власовым, О.А. Куликовым и О.В. Кирюхиным. Полученные результаты сильно отличаются от упомянутых выше цифр: для ПК 1 – 36 ± 9 и 40 ± 10 тыс., а для ПК 2 – 50 ± 12 тыс. лет (сообщение В.К. Власова). Можно заметить, что ТЛ и другие схожие люминесцентные методы имеют интерпретационный характер, что, в принципе, дает возможность получения желаемого результата. Именно поэтому не все исследователи однозначно принимают абсолютные даты, связанные с использованием рассмотренных методов. В этом случае модель корреляции

стратиграфии лессово-почвенной формации Южного Таджикистана и стадий изотопно-кислородной шкалы не может быть обоснована однозначно принимаемыми ТЛ абсолютными датами.

Калибровка лессово-почвенной и изотопно-кислородной шкалы показывает следующее совмещение: ПК1 соответствует 5 стадии (71-127 тыс. лет), ПК2 – 7 (186-242), ПК3 – 9 (301-334), ПК4 – 11 (364-427), ПК5 – 13 (474-528), ПК6 – 15(568-621), ПК7 – 17 (659 – 712), ПК9 – 19 (760-787) (Додонов и др. 1999а). При этом ПК 8 исключается из корреляции на основании слабого уровня палеомагнитной восприимчивости и, таким образом, получается, что Л 8, ПК 8 и Л 9 попадают в четную, 18 стадию кислородно-изотопной шкалы и могут интерпретироваться как оледенение, разделенное интерстадиалом. Визуально и по макроморфологической структуре ПК 8 совершенно не отличается от других, межледниковых почв, что свидетельствует о том, что условия формирования палеопочвы, были такими же, как и в условиях межледниковий, в которых формировались другие палеопочвы. Основанием для исключения ПК 8 из категории межледниковий служит, как уже говорилось, и крайне низкая магнитная восприимчивость, пик которой не превышает магнитной восприимчивости лессов, что тоже требует своего объяснения.

Следует так же отметить, что довольно часто приходится сталкиваться с различным счетом почв на одном и том же разрезе у разных исследователей и, следовательно, возможны отдельные разночтения в датировке ПК. В связи с этим можно подчеркнуть, что каждым исследователем создается как бы своя идеализированная обобщенная стратиграфическая шкала, хотя она в деталях различается от других (Schaefer et al., 1996).

Так же ряд вопросов вызывает корреляция ПК, заключенных между границей Матуяма–Брюнес и эпизодом Харамильо. Формально здесь на 5 ПК (ПК10 –ПК14) и разделяющие их лессы падает 113 тыс. лет или 20 с небольшим тысяч лет на комплекс лесс-почва (там где имеются разделительные лессы), что в значительной степени отличается как от этих величин в хроне Брюнес, так и в промежутке между эпизодами Харамильо и Олдувей в хроне Матуяма.

Основанием для использования корреляции лёссово-почвенной формации Южного Таджикистана и изотопно-кислородной шкалы является сходство стратиграфии лессовых образований Таджикистана и Китая. Действительно, между этими формациями двух стран имеется много общего, несмотря на разную климатическую основу их возникновения – аридных субтропиков в Таджикистане и влажного муссонного климата в Китае. При этом, чрезвычайно близкими являются кривые магнитной восприимчивости, тенденция увеличения мощностей лёссовых прослоек вверх по разрезу, ритмика формирования лесса и почв, определенное сходство можно наблюдать и в реконструкции палеоклимата, основанного на

гранулометрическом анализе (Shackleton et al., 1995; Dodonov and Baigusina, 1995; Vandenberghe et al., 1999). В последней работе приводятся интересные данные по чередованию тепла и холода на заключительных этапах плейстоцена.

Наверное, дополнительного объяснения требует несовпадение количества почв и лессовых промежутков между ними в Таджикистане и Китае. Так в первом случае мы имеем девять ПК в хроне Брюнес, тогда как во втором только 7. Соответственно можно говорить о 8 и 7 эпохах оледенений, соответствующих аккумуляции лесса. Наиболее хорошо развитый комплекс палеопочв, 5-ый, в Китае имеет 3 палеопочвы и он коррелируется с ПК 5 и ПК 6 в Таджикистане (Dodonov, Baigusina, 1995, Fig. 5). Но ведь ПК 5 и ПК 6 понимаются как межледниковья, связываются с 13 и 15 стадиями и заключенным между ними оледенением 14 стадии изотопно кислородной шкалы. Весь этот сложный комплекс по своему таксону и времени не должен соответствовать одному ПК, в данном случае S 5, или две почвы из этого комплекса – это межгляциальные почвы, а одна – межстадиальная, но возможно-ли это? Все эти сомнения никак не должны заслонить общий тренд большого сходства между принципами формирования лёссово-почвенных отложений двух названных регионов.

Палинологические исследования на лёссово-почвенных разрезах Южного Таджикистана проводились неоднократно (Додонов, 1977; Пахомов, 1983; Dodonov, Baiguzina, 1995; Додонов и др., 1999б). В плане соответствия представлению о климатических изменениях оледенения-межледниковья одни результаты можно назвать более удачными, другие менее. При явно прослеживаемой общей временной тенденции аридизации климата и увеличения его континентальности к концу плейстоцена, в ряде изученных разрезов существует определенная индивидуализация палинологических характеристик. Проанализировав указанные публикации, А.Е. Додонов указывает, что в 12, 11, 10, 6, 5, и 4 ПК достаточно хорошо проявляется преобладание древесной растительности и снижение количества пыльцы травянистых растений, что свидетельствует о достаточно влажном и мягком климате. Но, как отмечается в этой работе, далеко не всегда можно проследить различия в палиносpectрах ПК и лессов (Додонов, Сотникова, 1999). Наиболее удачной можно признать публикацию, посвященную палинологическому определению лессов 1, 2 и 3 и ПК 1 и ПК 2, где для времени формирования лессов определены ландшафты степи, лесостепи и луговая степь, а для ПК последовательно снизу вверх широколиственные леса, хвойно-широколиственные леса и лесостепь. Эти наблюдения подтверждают и результаты биоморфного анализа (Додонов и др., 1999б). Таким образом, согласно данным авторам, климат эпох почвообразования был более умеренным по сравнению с климатом эпох лессообразования, возможно за счет меньшего диапазона изменчивости зимних температур.

"Общий сценарий палеоклиматических изменений заключался в чередовании теплых и влажных эпох, присущих почвенным горизонтам, с относительно прохладными и сухими интервалами, ассоциирующимися с лессами" (Додонов и др. 1999б, с. 90). Вместе с тем, необходимо заметить, что авторы прошли мимо проблемы возможного переноса пыльцы и, прежде всего, сосны. На то, что такая проблема существует, палинологи указывали неоднократно (Dodonov, Baiguzina, 1995, p. 716). А...А. Лазаренко предполагает, что климат нижнего плейстоцена в Южном Таджикистане был на 3°C теплее, а в конце верхнего плейстоцена на $3-4^{\circ}\text{C}$ холоднее, чем в современную эпоху (Лазаренко, 1996, с. 58). Чрезвычайно мало сведений о фауне, связанной с лессово – почвенной формацией. Известна находка костей слона в основании лессового разреза Лахути и оленя в 5 ПК одноименной стоянки. В остальных случаях на археологических стоянках встречается лишь небольшое количество мелких обломков неопределимых костей. Фауна грызунов представлена находками во ПК 2 (*Cricetulus* sp., *Ellobius* sp., *Microtus judaschi* and *M. afghanus*), ПК 5 (*Microtus (Allophaiomus?* sp. and *Ellobius* ex gr. *Tanceri*) и ПК 6 (*Ellobius* sp.) (Sharapov, 1998). Подробного исследования представителей маллакофауны пока не произведено.

Скорости накопления лесса для разных периодов плейстоцена оцениваются во многих публикациях и иногда заметно различаются между собой. Так, в одной работе указано, что эта скорость составляла в среднем и позднем плейстоцене 1-1,5 мм в год (Lazarenko, 1984, p. 130), а в другой для этих периодов указаны мощности накопления равные 0,11-0,31 мм в год (Додонов и др., 1999а, с. 78). Правда, при этом нужно помнить, что для разных разрезов, образовавшихся на разных элементах рельефа, скорости формирования лессовой толщи могут быть разными (Лазаренко, Шелкопляс, 1973, с.217). В целом же, на протяжении нижнего плейстоцена (от эпизода Олдувей до границы Матуяма Брюнес) процессы почвообразования преобладали над седиментацией лесса и здесь промежутки между почвами или незначительны по протяженности, или совсем отсутствуют. В эпоху же среднего и верхнего плейстоцена процессы накопления лесса преобладали.

Почти все исследователи, работавшие в Южном Таджикистане, признают сингенетическое развитие почв, которые росли вверх за счет продолжающегося поступления пылеватого материала, которое не прекращалось, а лишь уменьшалось в межледниковые периоды (расчеты дают цифру в 0,04-0,11 мм в год или несколько ниже – Додонов и др. 1999а, с. 78-79). Европейские ученые (П. Хазарец, Х. Мездах – личное сообщение) категорически с этим не согласны, считая, что и в Центральной Азии почвообразование происходит по классической схеме, так же как в Европе и почва развивается от поверхности вниз.

Хотя до сих пор еще нет монографии, посвященной погребенным почвам Таджикистана, основные их характеристики приведены в ряде

публикаций (Ломов, Сосин, 1976; Ломов, 1977; Ломов и др., 1982; Bronger et al., 1995; Сосин и др. 2000). Из этих публикаций можно извлечь следующее: любая палеопочва представляет собой педологический комплекс (ПК), состоящий из нескольких (обычно трех) погребенных почв, наложенных друг на друга. Эти почвы сформировались в условиях различного климата, отражающих тренд: потепление – климатический оптимум – похолодание, в целом охватывающий эпоху межледниковья. Вертикальная мощность такого ПК колеблется от 3 до 5 м. Самый нижний горизонт Vca отличается от лёсса буроватым оттенком и очень часто наличием биолитов педофауны. Это переходной горизонт от этапа лёссонакопления к более теплым условиям, которые проявляются не сразу, а постепенно. Он перекрывается горизонтом Sca – карбонатной коркой, которая подстилает наиболее ярко окрашенную и наиболее оглеенную часть ПК, которая соответствует климатическому оптимуму. Мощность этого горизонта 1-3 м. В общих чертах этот горизонт подразделяется на уровни Bm – оглеенные и Bt – текстурные. Строение ПК завершает переходной горизонт Vca – буровато-палевого цвета с биолитами. Этот горизонт фиксирует плавный переход к лёссам. Несколько другое подразделение предлагает сейчас П.М. Сосин, изменивший свое первоначальное суждение: теперь он считает, что в основе ПК лежит карбонатная корка, выше которой запекает почва начальной стадии климатического оптимума, затем идет сам климатический оптимум, который перекрывает почва заключительной стадии. Нужно сказать, что визуально выделить начальную стадию климатического оптимума по П.М. Сосину достаточно трудно, поскольку этот горизонт в значительной степени должен быть переработан процессом почвообразования вышележащего оптимума. Но, в принципе, такое подразделение имеет право на существование, однако требует подтверждения аналитическими данными. Заметим, кстати, что макроморфологическое сравнение ПК между собой (а микроморфологический анализ в Южном Таджикистане в должном объеме еще не осуществлен) чрезвычайно затруднено, поскольку почвы сильно меняются по латерали и поэтому требуются очень широко поставленные изыскания, проведение которых требует и времени и средств.

В климатическом оптимуме межледниковья, почва формировалась в условиях наиболее высокой термической напряженности и красноватый цвет почвы этого периода связан с процессом ферриаллитизации, приводящим к накоплению свободных форм железа, проходящем на фоне оглеивания и карбонитизации почвенной толщи. Многочисленные аналитические данные по гранулометрии и составу почв, карбонатам и минералам, приведены в указанных публикациях. Там же отмечается, что почва климатического оптимума имеет наименьший процент карбонатов (в отдельных случаях имеются вторичные скопления), что объясняется наибольшей влажностью в этот период. В ископаемых ПК Южного Таджикистана полностью

отсутствует горизонт А – гумусовый слой, что объясняется сингинетическим формированием почв и изменениями, происходившими в процессе литификации и диагенеза. Не полностью раскрыты условия создания карбонатных корок, неизменно подстилающих почву климатического оптимума. Как отмечают педологи, характер залегания этих корок (в целом имеющий плакорный характер) и их слоистое строение, свидетельствуют не только о вертикальном движении карбонатных растворов, но и о существовании внутрипочвенного геохимического стока карбонатного типа в их формировании (Ломов и др., 1982, с. 25). Карбонатные корки, практически, неизменно встречаются начиная от 4 педокомплекса вниз, тогда как в первых трех ПК под почвой климатического оптимума обычно наблюдаются лишь карбонатные горизонты, состоящие из конкреций. Толщина корки (от 10-15 см до 1 м) зависит не от возраста почвы, а от ее мощности. Подобные корки, подстилающие ферриаллитизированные почвы известны в Средиземноморье. Подчеркнем, что в Южном Таджикистане, в отличие от Китая, карбонатные корки не встречаются в лессах и никогда в средней части ПК.

Имеется представление, что интенсивно окрашенные почвенные структуры, которые соответствуют климатическому оптимуму связаны с субтропическими типами почвообразования коричневых или бурых лесных почв (Ломов, 1980). В диапазоне среднего и верхнего плейстоцена выделены горно-лесные бурые, коричневые и сероземные палеопочвы.

Исследование ископаемых ПК принесло важные заключения о изменениях палеоклимата, которые, однако, на сегодняшний день носят еще очень общий характер и в целом сводятся к представлению, что природные условия межледниковий были сходны с современными, хотя общая тенденция к нарастанию аридизации и похолодания в хроне Брюнес прослеживается достаточно уверенно.

Интересные исследования по изучению почв, опирающиеся на большое количество наблюдений и анализов, далеко превосходящих по своему объему все предыдущие, собраны за 7 сезонов работ Таджикско-Германской экспедиции (почвовед П.М. Сосин). К сожалению, пока опубликованы только предварительные заключения, но в будущем можно ждать интересные новые выводы, которые во многом по новому определят особенности палеопочв и продемонстрируют свою собственную схему стратиграфии лессово-почвенной формации Южного Таджикистана.

Очень интересным феноменом лессово-почвенной формации Южного Таджикистана является “лессовый палеолит” – палеолитические памятники связанные с ПК различного времени и находящиеся в особых условиях сохранности, отличных от обычных культурных слоев палеолита Старого Света. Стоянки лессового палеолита изучаются уже 27 лет, начиная с 1973 года В.А. Рановым. С 1994 в эти исследования подключился немецкий

археолог Й. Шефер (Ranov, 1995; Ranov and Schaefer, 2000a,b). В настоящее время в Южном Таджикистане известно более сорока точек с находками палеолитических артефактов в лессово-почвенной формации. Шесть из них квалифицированы как стоянки и подверглись раскопкам, чрезвычайно сложным по условиям залегания ПК на крутых склонах лессовых разрезов (рис. 1). Так при углублении в склон на 15 м на стоянке Каратау пришлось при помощи взрыва убирать почти 30-м толщу лёсса. При этом применение бульдозера и других землеройных машин в условиях работы на лессовых разрезах полностью исключается. Учитывая значительную разубоженность находок (вместе со вскрышными работами на стоянке Каратау получается 1 находка на 1 м³) и большую стоимость раскопок, можно понять, что исследователи лессового палеолита получают лишь небольшие по объему коллекции каменных изделий. Так, за четверть века общее количество артефактов не превышает нескольких тысяч. Но это количество вполне достаточно, чтобы произвести технико-типологическую оценку полученных материалов и провести сравнение археологических культур лессового палеолита с известными культурами окружающих стран.

Главным достоинством и ценностью лессового палеолита Таджикистана является четкая стратиграфическая позиция добытых в результате раскопок артефактов. Как бы не относиться к предлагаемой хронологии погребенных ПК Южного Таджикистана и их счету, разному у разных исследователей, непреложным остается относительное расположение стоянок. Стоянка, найденная в ПК 6, во всех вариантах древнее стоянки, раскопанной в 4 или 2 ПК, но моложе стоянки из более древних ПК.. И несмотря на существование определенной инертности в развитии галечных культур к которым относятся нижнепалеолитические стоянки лессового палеолита, все-таки определенную эволюцию техно-типологического плана можно наблюдать, изучая полученные индустрии. Нужно сказать, что на всех необъятных просторах Азии имеются только два объекта с такой великолепной стратиграфией, объемной по времени – стоянка Чжоукоутянь в Китае и серия стоянок лессового палеолита в Южном Таджикистане.

Значительные скопления артефактов, получившие названия стоянок, встречены в 11-12, 6, 5, 4 и 2 ПК. Изолированные находки – в 1, 3, 7, 8 ПК. Пока остаются немymi 9 и 10 ПК и все палеопочвы старше двенадцатой. Основное количество находок лессового палеолита сосредоточено в северо-восточном углу Таджикской депрессии – в Ховалингском районе (Рис. 2, 3).

Подавляющее количество археологических находок связано с ПК и лишь немного артефактов встречено непосредственно в лессах (преимущественно в верхней части разрезов). При этом основная часть палеолитических изделий всегда связана с почвами климатического оптимума и лишь отдельные предметы встречаются выше или ниже, в

переходной к лессам почве. Но при этом создается диллема: сторонники сингенетического образования палеопочв считают, что палеолитические артефакты включены в почвы лесного типа, которые образовывались в условиях влажного климата, тогда как их противники, указывая в частности, на наличие в почве климатического оптимума биолитов, остатков педофауны – которая специалистами определена как близкой к современной ксерофильной группе фитофагов (*Hemietenius*, *Prosodes*), экологические условия существования которых ограничиваются в настоящее время параметрами сероземного типа почв (Ломов и др., 1997), полагают, что первобытные люди жили в степных условиях, а образовавшаяся позднее почва климатического оптимума, которая развивалась сверху – вниз включила в свой состав и изделия каменного века (П. Хазарц, Г. Мездах, личное сообщение; В.А. Ранов, А.Г. Амосова., 1990). К сожалению, вторая гипотеза пока, практически, не опубликована, тогда как первая обоснована в специальной публикации (Ломов, Ранов, 1984). В последней работе рассмотрена и позиция археологических остатков в почве климатического оптимума. Следует отметить одну очень яркую особенность стоянок лёссового палеолита Южного Таджикистана – практически, ни в одной из шести раскопанных стоянок нет настоящего культурного слоя, состоящего из значительных скоплений артефактов, костных остатков, очагов или очажных пятен, какихнибудь структур в виде остатков жилищ, ветровых заслонов, каменных очажных выкладок, словом всего того, что создает ограниченное пространство на котором жили первобытные люди. Очень сложной задачей является даже установление жилого пространства (*living floor*) характерного для очень ранних палеолитических стоянок, что является первоначальной формой организации жизни на стоянке.

В большинстве случаев каменные изделия находятся в почве климатического оптимума “во взвешенном” состоянии распределяясь как бы в хаотическом состоянии в толще 1-1, 5 метра по вертикали. Лишь в отдельных случаях (стоянки Оби-Мазар 4 и Оби-Мазар 6) артефакты фиксируются в виде хорошо заметного горизонта мощностью от 20 до 40 см (Schaefer et al., 1998; Ранов, Клец, 1998.; Ранов, Schaefer, 2000a). Вместе с тем, даже в стоянках с “хаотическим” распределением находок статистически выделяются горизонты большего или меньшего количества артефактов (Ломов, Ранов, 1984, Рис.2.). На стоянке Каратау условные горизонты, взятые через 20 см показывают, что максимальное количество находок (всего 699 экз.) падает на уровни 20-40 см над карбонатной коркой – 31,61%, 40-60 см – 27,09%. От 0 до 20 см – 12,26%. Остальные уровни, вплоть до 180 см над карбонатной коркой не набирают и 10 процентов. Таким образом, более 50% падает на уровень 20-60 см над карбонатной коркой, что, вообще, соответствует нормальному скоплению артефактов в культурном слое (Ranov, 1995). Статистика основывается на трехмерном измерении каждого

артефакта не сдвинутого с места во время раскопок. Всего по стоянке Каратау подготовлено с интервалом в 1 м, 27 поперечных и 7 продольных профилей, на которых, хорошо видно распределение артефактов по вертикали. Соответственно на планах, построенных тоже по 20-см срезам, можно наблюдать перемещение скоплений артефактов по площади раскопа.

Подобное распределение находок вызывает много вопросов. Первый из них всегда возникает при первом знакомстве со стоянками лессового палеолита – поскольку, как мы говорили выше, здесь нет настоящего культурного слоя, напрашивается заключение о том, что данные артефакты находятся не *in situ*, а переотложены с каких-то более высоких уровней. Однако, очень детальные раскопки, которые проведены на стоянках и многие метры расчисток различных ПК показывают, что это не так. Во-первых, подобная ситуация имеет место почти везде (слабые следы культурного слоя есть только на стоянке Хонако в ПК 2) и как показывает вскрытая раскопами карбонатная корка, почва климатического оптимума залегает всюду, практически, плакорно или имеет очень слабый до 5-7° уклон, что вряд-ли способствовало перемещению артефактов, во-вторых, никакой сортировки артефактов и манупортов по размерам нет и рядом с крупным чоппером встречаются и мелкие отщепы и даже чешуйки, что не должно быть при перемещении даже на короткое расстояние, в-третьих, нигде на поперечных и продольных разрезах многочисленных раскопов следы водных потоков, способных перемещать артефакты не наблюдались. Конечно, какие то локальные перемещения, как показывают редкие случаи аппликации, могли иметь место, но это характерно для любой палеолитической стоянки. Специальное изучение показало, что и перемещение орудий по ходам землероев (как правило, плохо просматриваемым в низких по стратиграфическому положению ПК) не могло затронуть большое количество артефактов, подсчеты, проведенные в ПК 4, показали, что площадь охваченная кротовинами занимает незначительную площадь всей поверхности почвы, а наблюдение над срезами кротовин на стоянке Хонако выявили только 2 случая нахождения артефактов в кротовинах. Поэтому исследователи лессового палеолита пришли к выводу, что положение артефактов в почве климатического оптимума отражает многократное заселение стоянок в процессе сингенетического образования этой почвы. Принимается так же не длительный период существования этих стоянок, их эфемерный характер (Ломов, Ранов 1984; Dodonov, Ranov, Schaefer, 1995). При этом надо учитывать и два важных фактора: невозможность вскрытия площади всей стоянки и то обстоятельство, что мы всегда начинаем работать на склоне, уже сильно эродированном и отодвинутым вглубь, т.е. нельзя исключить, что данный раскоп затрагивает лишь периферийную часть стоянки, а ее наиболее интересные участки или уже уничтожены, или не достижимы. Об этом говорит и в целом незначительные площади раскопов:

Кульдара (ПК 11 и 12) – 66 м², Каратау (ПК 6)– 500 м², Оби-Мазар 6 (ПК 6) – 115 м², Лахути (ПК 5) – 100 м², Оби-Мазар 4 (ПК 4) –40 м², Хонако (ПК 2) – более 100 м². Итого общая площадь всех раскопов немногим меньше 1000 м². Общее же количество находок составляет немного более 3000 экз. К этому можно добавить еще примерно 150 экз., полученных с других пунктов. Всего опубликовано около двух десятков работ, главные из них: Ранов 1980, 1988; Ranov, 1995; Schaefer, Ranov, Sosin, 1998; Ranov, Schaefer, 1998; Ranov, Schaefer, 2000a,b. Безусловно интересны и значительны материалы, полученные работами Таджикско-Германской экспедиции пока детально не проанализированные. Вполне возможно, что они внесут какие-то новые моменты в ранее установленные особенности распределения изделий каменного века в различных ПК.

В целом, всю нижнепалеолитическую индустрию лессового палеолита, для нижнего палеолита получившего название каратауской культуры (Ранов, 1980), можно разделить на три группы: 1. индустрия мелких отщепов и не стандартизированных мелких же орудий (ПК 11-12), 2. каратауская нижнепалеолитическая культура, характерная галечная индустрия (ПК 6, 5, 4), 3. мустьерская (среднепалеолитическая) культура (ПК 2, 1). Основным материалом для изготовления каменных орудий на памятниках каратауской культуры являлись изверженные и осадочные породы типа эффузивов, порфиринов, роговиков, кварцитов и кремнистого известняка. В очень небольшом количестве применялся местный пластовый кремний очень плохого качества. Интересно отметить, что в нижнем палеолите никакого отбора первичного материала по качеству не производилось, тогда как в среднем наблюдается определенная стабильность этого плана.

Характерными чертами нижнего палеолита (ПК 12-4) является отсутствие бифасиальных орудий – ручных рубил, кливеров, препарированных нуклеусов. Последние появляются в небольших количествах в ПК 5. В ПК 4 таких нуклеусов значительно больше, хотя площадочных среди них немного. Так же очень мало заготовок, которые можно назвать пластинами. На стоянке Каратау (ПК 6) –0,2 % (2 из 931), Лахути (ПК 5) – 1,57 % (6 из 1047), Оби-Мазар (ПК 4)– 0,62 % (7 из 1122). При этом, настоящие леваллуазские пластины, практически не встречаются. Категорию орудий нельзя назвать очень низкой, их количество дает, скорее, среднюю цифру: для Кульдары (ПК 11 – 12) 6 из 40 –15 % (но здесь надо учитывать общее незначительное количество находок). Чопперов нет. Каратау 85 из 931 – 9,1 %, из них 30 чопперов, Лахути 91 из 1047 – 8,7 %, из них чопперов 35, Оби-Мазар 4 30 из 1112 – 2,7 %. Чоппер – 1.

Орудия нижнего палеолита в Южном Таджикистане отличаются индивидуальностью и здесь редко можно выделить серию одинаковых, устойчивых форм. Ретушь, как правило, краевая, не заходящая высоко, однорядовая и преимущественно зубчатая, хотя редко, но встречаются

изделия с хорошей многорядовой с заломами ретушью, напоминающей ашельскую или мустьерскую европейских стоянок. По типам, в количественном отношении, на первом месте находятся чопперы, затем идут скребки и скребла, а так же орудия с выемкой. Другие типы орудий еденичны. Очень интересной группой являются унифасы, которые могут рассматриваться как орудия и как нуклеусы с уплощенной поверхностью (впрочем, дискуссия о том, чем являются чопперы – орудиями или нуклеусами тоже имеет давнюю историю). Отсутствуют остроконечники и скребла шарантского типа. Интересна техническая тенденция определенная как протокарнатная.

Чрезвычайно характерна и техника раскалывания в индустриях нижнего палеолита в лессах Южного Таджикистана, которая в полной мере соответствует представлению о галечной культуре. Как уже говорилось, ни для одного из временных отрезков каратауской культуры, техника препарированного нуклеуса, а вместе с ней техника изготовления пластин и орудий из них почти не применялась. Нуклеусы выработанной формы встречаются крайне редко, основным типом нуклеусов является галечный, когда отбивной площадкой служил предыдущий скол и снятие заготовок велось совершенно беспорядочно. Одним из признаков галечной техники является присутствие “долек апельсина” или просто долек – сегментов, представляющих собой стесанные с гальки заготовки, обычно изогнутые и сохраняющие с утолщенной стороны галечную корку. Противоположный край остается тонким и изделие, кстати, часто не имеющее ударного бугорка и напоминает по своей функции ножи со спинкой европейских палеолитических комплексов. Заметное место занимают и клинья, которые представляют собой вариант долек и возможно получались непреднамеренно при раскалывании гальки (метод дробления) (Ранов, 1986; Gaboří-Csank, 1968). Основные черты отщепа, снятого с галечного нуклеуса или продукта подготовки рабочего края чоппера: сравнительно небольшие размеры, небрежная огранка спинки, ударная площадка неправильной неустойчивой формы, сильно скошенная к отбивной поверхности, плоский, очень невыразительный ударный бугорок, который очень часто смещен к углу отбивной площадки, которая обычно сильно скошена к отбивной поверхности. Их размеры: преимущественно 2,5-5,0 см (длина по данным стоянки Лахути) – 61 %. Такой же является и ширина – 57 %. В целом ширина преобладает над длиной у большинства отщепов. Вместе с тем, имеется небольшое количество крупных отщепов (до 20 см), принадлежащих к клетонскому типу. Часть из них, возможно, снята при помощи техники block-on-block.

В целом, приведенная краткая характеристика относится ко всем разновременным индустриям каратауской культуры. Тем не менее, можно проследить определенную эволюцию каменного инвентаря и техники

раскалывания, начиная от 12 ПК до 4 ПК (Ranov, 1995; Ranov, Schaefer, 2000,b). Главным направлением этой эволюции является улучшение качества заготовок и оформления орудий, увеличение, хотя и незначительное, количества пластин, появление принципиально новых типов нуклеусов с препарированной поверхностью лишь в ПК 4, получивших значительное развитие. Таким образом, впервые для Азиатского континента получена возможность изучения отдельно взятой галечной культуры во времени, причем в едином стратиграфическом контексте.

Каратаускую культуру можно определить как домустьерскую галечную культуру (Мода I – чоппер-отщеповый комплекс, выделенный в свое время Д. Кларком, – Schick, 1994). В русской традиции это “ашель без рубил” (Григорьев, 1977). Можно отметить так же элементы ашельской, клектонской, тейакской и мустьерской технологии, но в целом, это палеолит “азиатского типа”.

Совершенно другую характеристику имеют индустрии верхних ПК. К сожалению, в ПК 3 имеются лишь отдельные находки, но для ПК 2 получена валидная коллекция, тогда как в ПК 1 находок значительно меньше, но все-таки достаточно, чтобы определить их принадлежность. Обе индустрии демонстрируют пластинчатую технологию среднего палеолита. Так, на стоянке Хонако в ПК 2 процент пластин в двух палеопочвах ПК 2 составляет соответственно 25 и 44 %. Это хорошо ограниченные пластины, более или менее правильных очертаний, часть из которых можно отнести к леваллуазским, как и некоторые отщепы. Нуклеусов мало и они представлены дисковидными формами более чем площадочными. Орудия преимущественно представлены боковыми скребками на пластинах и пластинами с ретушью, скребками на отщепах, выемчатыми и зубчатыми орудиями. Ретушь носит мустьерский характер. Первичный материал представлен породами типа фельзит-порфира, роговика, кристаллического сланца, кремнистого известняка. Несколько иной характер имеют находки, сделанные в ПК 1, прежде всего потому что они заметно отличаются по характеру первичного материала – это, преимущественно, кварцитовидный песчаник темносерого цвета. Пока что в этом ПК найдены лишь отщепы и в меньшей степени пластины, часть из находок можно отнести к леваллуазским. Артефакты из двух верхних почвах, безусловно, носят мустьерский характер и их без колебаний можно отнести к среднему палеолиту (Schaefer, Ranov, 1998). По всей очевидности, смена нижнепалеолитической культуры средним палеолитом произошла в результате миграции с запада, скорее всего с Ближнего Востока (Ranov, 1990). На сегодняшний день, однако, остается непонятным значительный hiatus, который имеется между мустьерской индустрией в лессово-почвенной формации ~200 и 100 тыс. лет и возрастом мустьерских стоянок (Худжи, Огзи-Кичик), расположенных в предгорьях и пещерах, определенным

по радиоуглеродным датам – 42 –35 тыс. лет (Дж. ван дер Плихт, личное сообщение). Интересным феноменом являются находки, встреченные в двух метрах выше ПК 2 в интерстадиальной почве, датируемой ~ 180 тыс. лет. Их особенности определяются присутствием призматических (конических) нуклеусов для узких пластин верхнепалеолитического типа, мелких пластин и пластинок и редкими, плохо выраженными орудиями, представленными ретушированными отщепами, выемчатым скреблом и фрагментом пластины с крутой ретушью (Schaefer, Rapov, 1998). Таким образом, впервые для Центральной Азии, мы имеем переслаивание верхнепалеолитических и среднепалеолитических индустрий, да притом такого глубокого возраста. Верхнепалеолитическая пластинчатая техника фиксируется внутри среднепалеолитических комплексов в Европе и на Ближнем Востоке (Tuffreau, Revillon, 1996; Meignen, 1998), но на стоянке Хонако, в интерстадиальной почве мы фактически имеем самостоятельную верхнепалеолитическую технологию раскалывания камня. Правда, при этом отсутствуют орудия, характерные для верхнего палеолита.

В заключение остановимся на аналогиях к нижнепалеолитической каратауской культуре. Первоначально считалось, что наиболее близкой является соанская галечная культура, распространенная на севере Пакистана и Индии, где ведущей формой считались галечные орудия (Paterson and Drummond, 1962; Salim, 1997). В последнее время наиболее распространенные находки, относимые к позднему соану, совершенно справедливо относят к среднему палеолиту и роль галечной техники и типологии оказалась здесь значительно меньшей, чем это считалось раньше (Salim, 1986, 1997). При этом, количество находок раннего соана незначительно и в подавляющем большинстве они не обеспечены уверенными геологическими и другими данными и можно говорить лишь об отдельных схожих техно-типологических элементах, одинаково прослеживаемых как в каратауской культуре так и в так называемой соанской.

Значительно больше совпадений обнаруживается между каратауской культурой и многими палеолитическими коллекциями лессового плато Китая. И хотя эта интересная тема еще подробно не исследована, уже сейчас с уверенностью можно сказать, что нигде из всех окружающих Северный Китай стран не имеется так много аналогий, как можно найти сравнивая технику раскалывания камня и типы орудий, найденных в этой области и Южном Таджикистане. Во-первых, в одинаковой степени в обоих случаях употребляется техника галечного не препарированного нуклеуса с бессистемным скалыванием, кубовидных нуклеусов не имеющих подготовленных площадок, получением не стандартизованных заготовок неправильной формы, часто полупервичных, с ударными площадками, покрытыми галечной коркой, использованием только твердого отбойника и техники "block-on-block". Характерно и почти полное отсутствие пластин,

техники леваллуа, а так же отсутствие сколько-нибудь значительных серий типологически близких орудий и преимущественное распространение однорядовой зубчато-выемчатой ретуши (Ранов, 1999, Keates, 2000). Для подобного заключения достаточно перелистать публикации по каратауской культуре и рисунки, приведенные в книге Д. Эйгнер (Aigner, 1981) (рис. 4 – 8). Причины столь поразительного сходства, вероятно лежат в палеоэкологической близости условий жизни первобытных людей в лессовых провинциях и близости первичного материала из которых делались орудия. И таким образом это сходство могло возникать конвергентно. Вместе с тем, нельзя и исключить столь далеких миграций как с запада на восток (Любин, 1997), так и с востока на запад (Rolland, 1998). Но это особая тема, для которой в настоящей статье просто нет места. Вместе с тем, так называемые “стоянки в травертинах” – Кошкурган и Шоктас в Южном Казахстане, где встречаются полиэдры, которые исследователи относят к нуклеусам, но которые вполне сопоставимы с боласами китайских авторов, галечные нуклеусы, чопперы. Возраст этих памятников 500 тыс. лет, вполне сопоставимый с нижними слоями Чжоукоудяня и стоянок Каратау и Лахути (Derevianko et al., 1997). Таким образом, эти казахстанские стоянки вполне могут быть включены в рассматриваемую проблему аналогий или прямых связей между индустриями нижнего палеолита Китая и Южного Таджикистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Додонов А.Е. 1986. Антропоген Южного Таджикистана. М., Наука, 165с.
2. Додонов А. Е., Меламед Я. Р., Никифорова Л. В. (Ред.). 1977. Международный Симпозиум по проблеме “Граница неогена и четвертичной системы”. Путеводитель экскурсий. М., Наука, 183с.
3. Додонов А. Е., Сотникова М.В. 1999. Предгорья и межгорные депрессии. В кн.: Изменение климата и ландшафтов за последние 65 миллионов лет (кайнозой: от палеоцена до голоцена). М., ГЕОС, с. 177 – 182.
4. Додонов А. Е., Шеклтон Н., Жоу Л. П., Ломов С. П., Финаев А.Ф. 1999а. Лессово-почвенная стратиграфия квартера Средней Азии: геохронология, корреляция и эволюция палеосреды. Стратиграфия. Геологическая корреляция. Т. 7, № 6, с. 66 – 80.
5. Додонов А.Е., Симакова А.Н., Гольева А.А. 1999б. Климатостратиграфическое расчленение средне-поздне-плейстоценовых лёссов Средней Азии на примере лессово-почвенного разреза Дараи Калон

- (Южный Таджикистан). Актуальные проблемы палинологии на рубеже третьего тысячелетия. М., 1996 с. 80 – 91.
6. Григорьев Г. П. 1977. Заселение человеком Азии. Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., Наука, с. 47 – 61.
 7. Лазаренко А. А. 1996. Основные черты палеоэкологической модели древнего лёссового палеолита Центральной Азии (на примере каратауской галечной культуры – 0,8-0,1 млн. лет). Российское Археологическое общество Труды, вып. 19, М., с. 57 – 61.
 8. Лазаренко А. А., Шелкопляс В. Н. 1973. Первые определения возраста среднеазиатских лёссов термолюминесцентным методом. Стратиграфия, палеогеография и литогенез антропогена Евразии. М., ГИН, с. 202-222.
 9. Ломов С. П. 1980. Ископаемые почвы в лёссах и некоторые особенности их диагностирования в Таджикистане. Граница неогена и четвертичной системы. М., Наука, с. 99 – 107.
 10. Ломов С. П., Сосин П. М. 1976. О почвах палеолитической стоянки Каратау 1 в Южном Таджикистане. Известия АН Тадж. ССР, отд. биол. наук, № 4 (65), с. 93 – 99.
 11. Ломов С.П., Валиахмедов Б. В., Сосин П. М. 1977. Некоторые особенности диагностирования ископаемых почв в Таджикистане. Известия АН Тадж. ССР, отд. Биолог. Наук, № 1 (66), с. 66 – 72.
 12. Ломов С. П., Сосин П. М., Сосновская В. П. 1982. Строение и вещественный состав погребенных почв Таджикистана. Почвоведение, № 1, 1982, с.18 – 30.
 13. Ломов С. П., Ранов В. А. 1984. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий. Почвоведение, № 4, с.21 – 30.
 14. Любин В. П. 1997. Homo Erectus – первооткрыватель Евразии. Природа, № 11, с. 3 – 12.
 15. Пахомов М. М. 1983. Новые данные к палеогеографии лессово-почвенной серии Средней Азии, Доклады АН СССР, т. 271, № 4, с. 967 – 972.
 16. Пуннинг Я., Власов В.К., Куликов О. А., Минервин А. В., Мавлянов Н. Г. 1992. Первый опыт и результаты межлабораторного контроля термолюминесцентного датирования лёссовых пород. Геохронология четвертичного периода, М., Наука, с. 5 – 9.
 17. Ранов В. А. 1980. Древнепалеолитические находки в лёссах Южного Таджикистана. Граница неогена и четвертичной системы, М., Наука, с. 195 – 202.
 18. Ранов В. А. 1986. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути 1 в 1979 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. 19, Душанбе, Дониш, с. 11 – 36.
 19. Ранов В. А. 1988. Каменный век Южного Таджикистана и Памира.

Новосибирск, 52с.

20. Ранов В. А. 1999. Ранний палеолит Китая. М., ФЭД, 110 с.

21. Ранов В. А., Додонов А. Е., Ломов С. П., Пахомов М. М., Пеньков А. В. 1987. Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 56, с. 65 – 75.

22. Ранов В. А., Амосова А. Г. 1990. Работы отряда по изучению каменного века в 1982 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. 22, Душанбе, Дониш, с. 161 – 194.

23. Сосин П. М., Шефер Й., Ранов В. А. 2000. Геологические и экологические проблемы Республики Таджикистан. Душанбе, Институт геологии АН РТ, с. 96 – 99.

24. Aigner J. S. 1981. Archaeological Remains in Pleistocene China. – Verlag C.H. Beck, Munchen, 351 p.

25. Aitken M. J. 1995. Chronometric techniques for the Middle Pleistocene. – The earliest occupation of Europe, University of Leiden, 1995, p.269-277.

26. Bronger A., Winter R., Derevjanko O and Aldag S. 1995. Loess – Palaeosol – Sequences in Tadjikistan as a Palaeoclimatic Record of the Quaternary in Central Asia. – Quaternary Proceedings, N 4, 1995, p. 69-81.

27. Derevianko A.P., Petrin V.T., Taimagambetov Z.K. 1997. Early palaeolithic assamblages in travertine, South Kazakhstan. – Novosibirsk, 37 p.

28. Dodonov A. E., Ranov V.A., Schäfer J. 1995. Das Lößpaläolithikum am Obi – Mazar (Tadshikistan). – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, 39 Jahrgang, S. 209-243.

29. Dodonov A.E., Baigusina L.L. 1995. Loess stratigraphy of Central Asia: palaeoclimatic and palaeoenvironmental aspects. – Quaternary Science Reviews, vol. 14, p. 707-720.

30. Forster Th., Heller F. 1994. Loess deposits from Tajik depression (Central Asia): Magnetic properties and paleoclimate. – Earth and Planetary Science Letter, n 128, p. 501-512.

31. Frehen V., Boenigk W. 1997. Lössstratigraphie in Tadschikistan – das Profil Darai Kalon. – Sonderveröffentlichungen geologisches institut des universitat zu Koln, 114, Köln, p. 159-181.

32. Frehen M., Dodonov A.E. 1998. Loess chronology of the Middle and Upper Pleistocene in Tadjikistan. – Geo Rundsch, 87, p. 2-20.

33. Frehen M. 1999. Luminescence dating of loess sediments from the loess plateau, China. – Geol. Rundsch., 87, p. 675-684.

34. Gabori-Čsank V. 1968. La station du Paléolithique moyen d'Erd – Hongrie. – Academiai Klado, Budapest, 277 p.

35. Keates S. 2000. Early and Middle Pleistocene Hominid Behaviour in Northern China. – BAR International Series 863, 387 p.

36. Lazarenko A.A. 1984. The Loess of Central Asia. – Late Quaternary

Environments of the Soviet Union, Lougruan, London, p. 125-131.

37. Megnien L. 1998. Hayonim cave lithic assemblages in the context of the Near Eastern Middle Paleolithic. – Neandertals and Modern Humans in Western Asia, Plenum Press, New York and London, p.165-180.

38. Paterson T.T. and Drummond H.J.H. 1962. Soan. The Paleolithic of Pakistan. Karachi, Ferozsons Ltd., Karachi, 171 p.

39. Ranov V.A. 1987. The loessic paleolith: A new term in paleolithic terminology. – Current Research in the Pleistocene, v. 4, Main, p. 25-26.

40. Ranov V.A. 1990. Neanderthal man and the Mousterian culture in Central Asia and its outlying districts. – Early Man News, issue 15, Thübingen, p.15-18.

41. Ranov V.A. 1995. The “Loessic Palaeolithic” in South Tadjikistan, Central Asia: its industries, chronology and correlation. – Quaternary Science Reviews, v. 14, p. 731-745.

42. Ranov V.A. and Schaefer J. 2000a The Palaeolithic of the Late Middle Pleistocene in Central Asia. Toward Modern Humans. – BAR International series 850, Oxford, p. 77-92.

43. Ranov V. A. and J. Schaefer. 2000b. Loessic Palaeolithic. Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia, N 2 (2), Novosibirsk, p.20-32.

44. Rolland N. 1998. The Lower Palaeolithic settlement of Eurasia, with special reference to Europe. – Early Human Behaviour in Global Context, Routledge, London, 1998, p.187-220.

45. Salim M. 1986. The Middle Stone Age cultures of Northern Pakistan. – Quaid-i-Azam University, Islamabad, 227 p.

46. Salim M. 1997. The Palaeolithic Cultures of Potwar with Special Reference to the Lower Palaeolithic. – Quaid-i-Azam University, Islamabad, 285 p.

47. Shackleton N.J., An Z., Dodonov A.E., Gavin J., Kukla G.J., Ranov V.A. and L.P. Zhou. 1995. Accumulation Rate of Loess in Tadjikistan and China: Relationship with Global Ice Volume Cycles. – Quaternary Proceedings, n. 4, 1995, p. 1-6.

48. Sharapov Sh. 1998. The Plio-Pleistocene smaller mammal fauna of the Pamir-Alay. – The Eemian, Volume of Abstracts, Kerkrade, p.77.

49. Schäfer J., Sosin P.M., Ranov V.A. 1996. Neu Untersuchungen zum Lösspaläolithikum am Obi-Mazar, Tadžikistan. – Archäologisches korrespondenzblatt, 26, Heft 2, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz, p.97-109.

50. Schäfer J., Ranov V.A., Sosin P.M. 1998. The “Cultural evolution” of man and the chronostratigraphical background of changing environments in the loess palaeosoil sequences of Obi – Mazar and Khonako (Tadjikistan). Anthropologie (Brno), XXXVI, 1-2, p. 121 – 135.

51. Schäfer J., Ranov V.A. 1998. Middle Palaeolithic blade industries and the Upper Palaeolithic of Central Asia. – Préhistoire d’Anatolie. Genèse de deux

mondes, Liège, 1998, p. 785-814.

52. Schick K. 1994. The Movius Line reconsidered. – Intergative paths to the Past. Paleoanthropological advances to the Past, New Jersey, p. 569-596.

53. Singhvi A. K., Wagner G.A. and Korisettar R. 1998. Techniques for the chronometry of the Palaeolithic: evidence for global colonization. – Early Human Behaviour in Global Context, Routledge, London, p.23-83.

54. Singhvi A.K., Juyal N., Someshwar Rao V. and Bronger A. 1999. Luminescence dating of Loess-Paleosoil sequence at Karamaydan (Tadjikistan): resolving stratigraphic inconsistencies. – Loessfest '99, University of London, London, p.223-224.

55. Tuffreau A., Révillon. 1996. Variabilité des chaînes opératoires levallois et laminaires au Paléolithique Moyen en Europe du nord-ouest. – Quaternaria Nova, VI, 1996, p.31-55.

56. Vandenberghe J., Huissteden J. Van, Zhou Liping, Shackleton N.J. and Dodonov A. 1999. Climatic record a loess section in Tadjikistan: preliminary grain-size analysis. – Loessfest '99, University of London, London, p.244-246.

57. Zhou L.P., Dodonov A.E., Shackleton N. 1995. Thermoluminescence dating of the Orkutsay loess section in Tashkent region, Uzbekistan, Central Asia. – Quaternary Science Reviews, vol 14, p.721-730.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

Рис. 1. Стоянки лессового палеолита в Таджикистане: 1-Кульдара, Лахути, Оби-Мазар, 2-Хонако, 3-Каратау, 4-Карамайдан.

Рис.2. Разрез Кульдара в 2-х км юго-западнее кишлака Лахути. А-топографический план расположения разрезов I, II и археологического раскопа III (площадь раскопа заштрихована); Б – геологический профиль вдоль сая Кульдара; В – палеомагнитная характеристика разрезов I;II и раскопа III : 1– лесс, 2– погребенная почва, 3 – карбонатная корка, 4 – точки отбора палеомагнитных образцов, 5 – индексы почв (11-15 палеопочвы кайрубакской свиты), полярность: 6 – прямая, 7 – обратная, 8 – инверсия Матуяма-Брюнес, 9 – палеолитические находки (по А.Е. Додонову, 1986).

Рис. 3. Стратиграфия стоянок и изолированных находок лессового палеолита в средне-верхнеплейстоценовых лессах в Ховалингском районе и их корреляция с кислородно-изотопной шкалой. ПК-педокомплексы, ЛИ-интерстадиальные почвы в лессах (по V. Rapov, J. Schafer, 2000).

Рис.4. Кульдара. 1,13-дольки, 2,12– провертки, 3,4– отщепы с ретушью, 7-скребок, 9-осколок, 14-скребло.

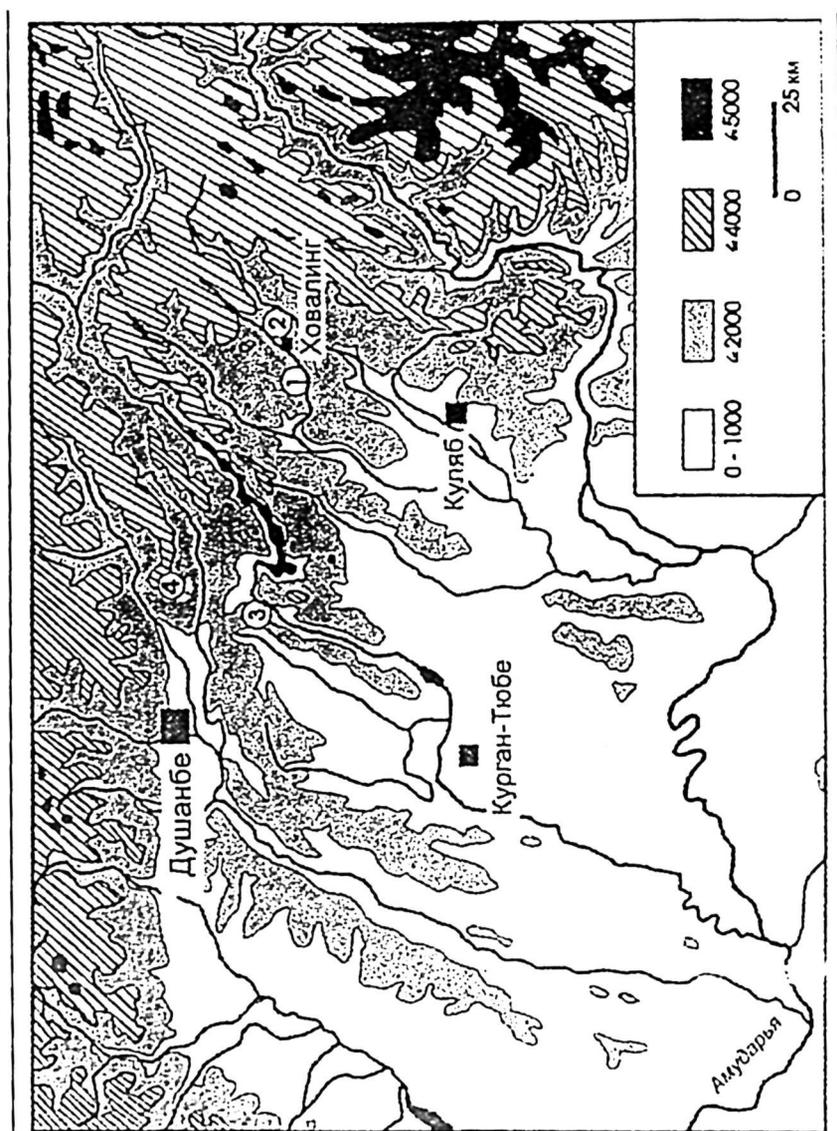
Рис.5. Каратау. 1– протокаринатный скребок, 2– острие, 3-микронуклеус, 4-преформа нуклеуса, 5-отщеп, 6-клин, 7,8-скребла.

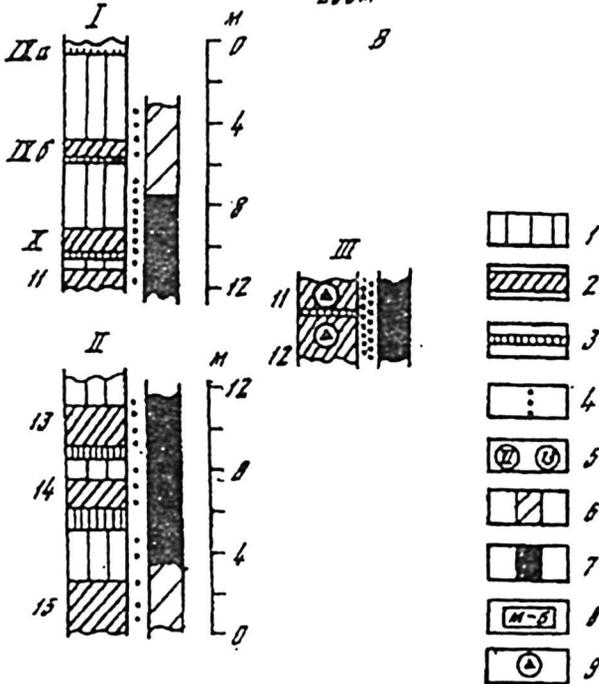
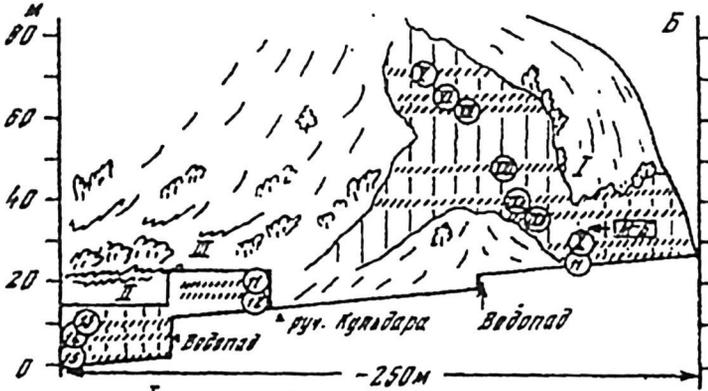
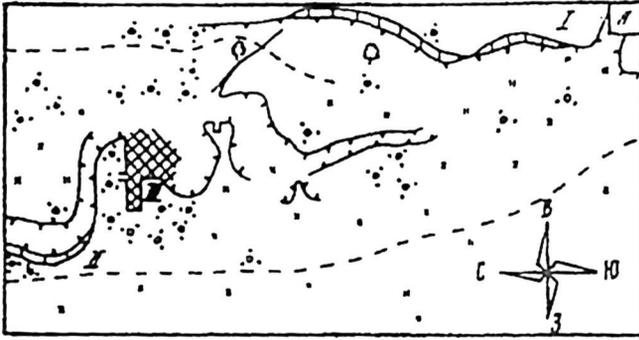
Рис. 6. Каратау. 1-клектонский отщеп, 2,4-клинья, 3-долька, 5– чоппер

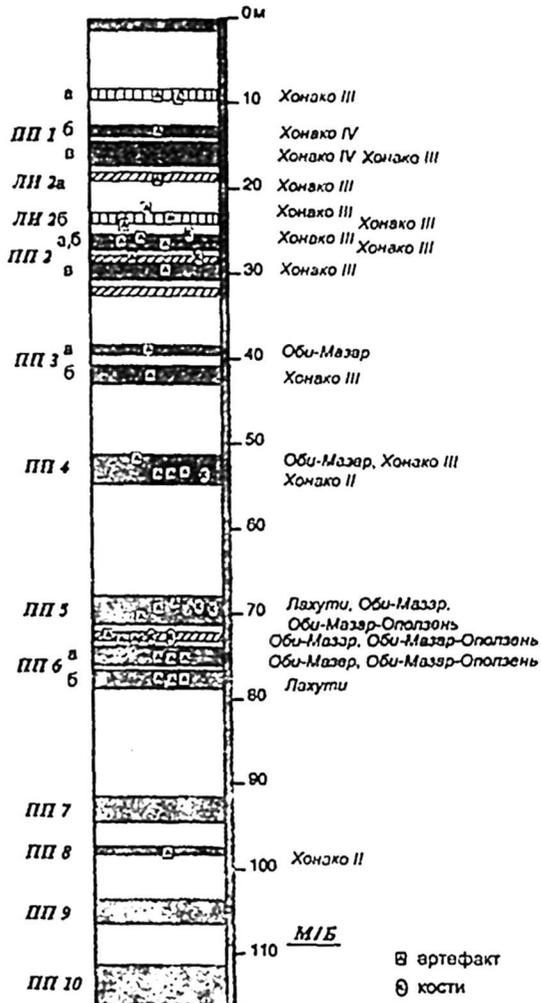
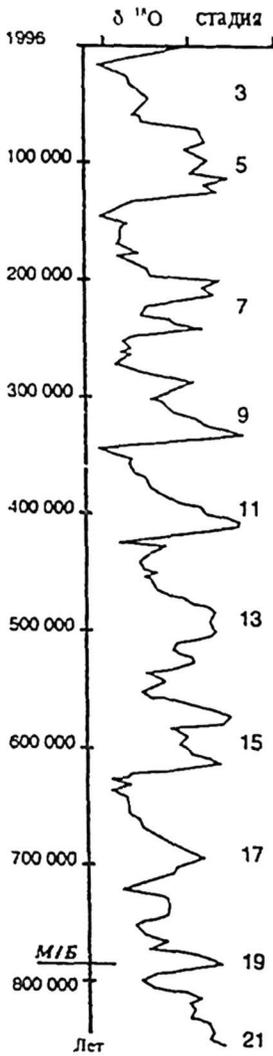
Рис. 7. Лахути. 1-пластина, 2-комбинированное орудие, 3-отщеп, 4,5,7,—выемчатые орудия, 6-острие, 8-скребло, 9- клин, 10-площадочный нуклеус.

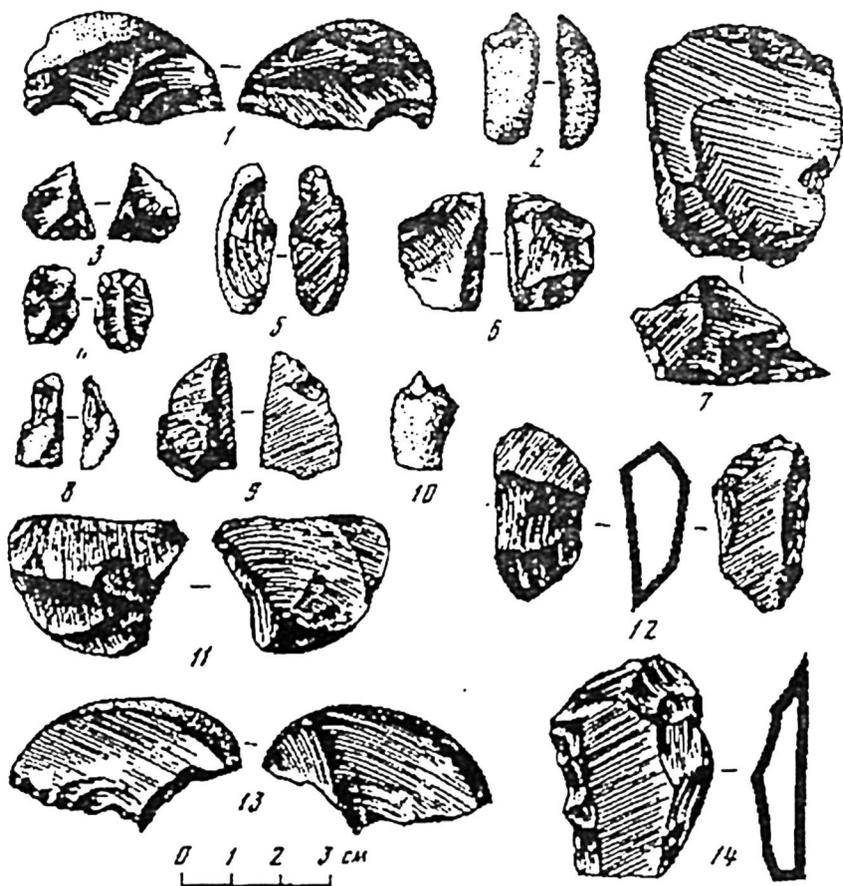
Рис. 8. Оби-Мазар. 1,6,8,10,18- отщепы, 2-пластина, 3,17-дольки. 4-отщеп с ретушью, 5,12- пластинчатые отщепы, 7-резец типа Сире, 9,13- выемчатые орудия, 11-ретушированная пластина, 14-многоплощадочный (кубовидный) нуклеус, 15-дисковидный нуклеус, 16-двухплощадочный нуклеус.

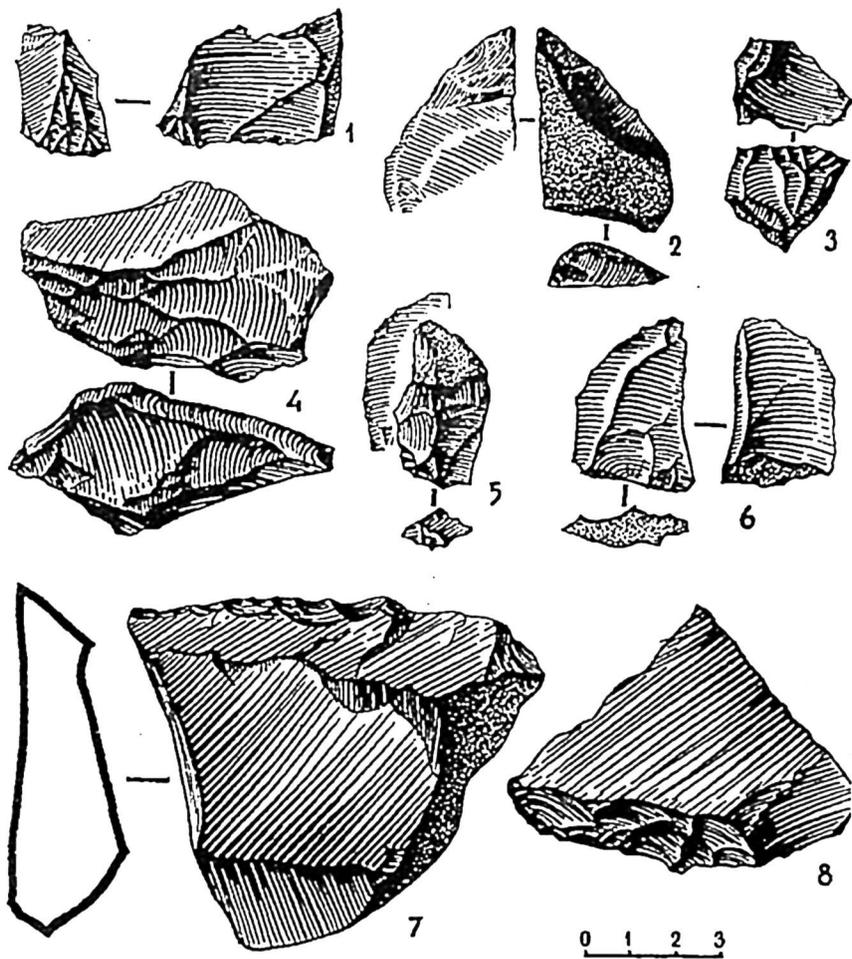
Рис. 9. Хонако ПК 2. Скребло двойное на пластине, 2-пластина с ретушью, 3,4-односторонние скребла.

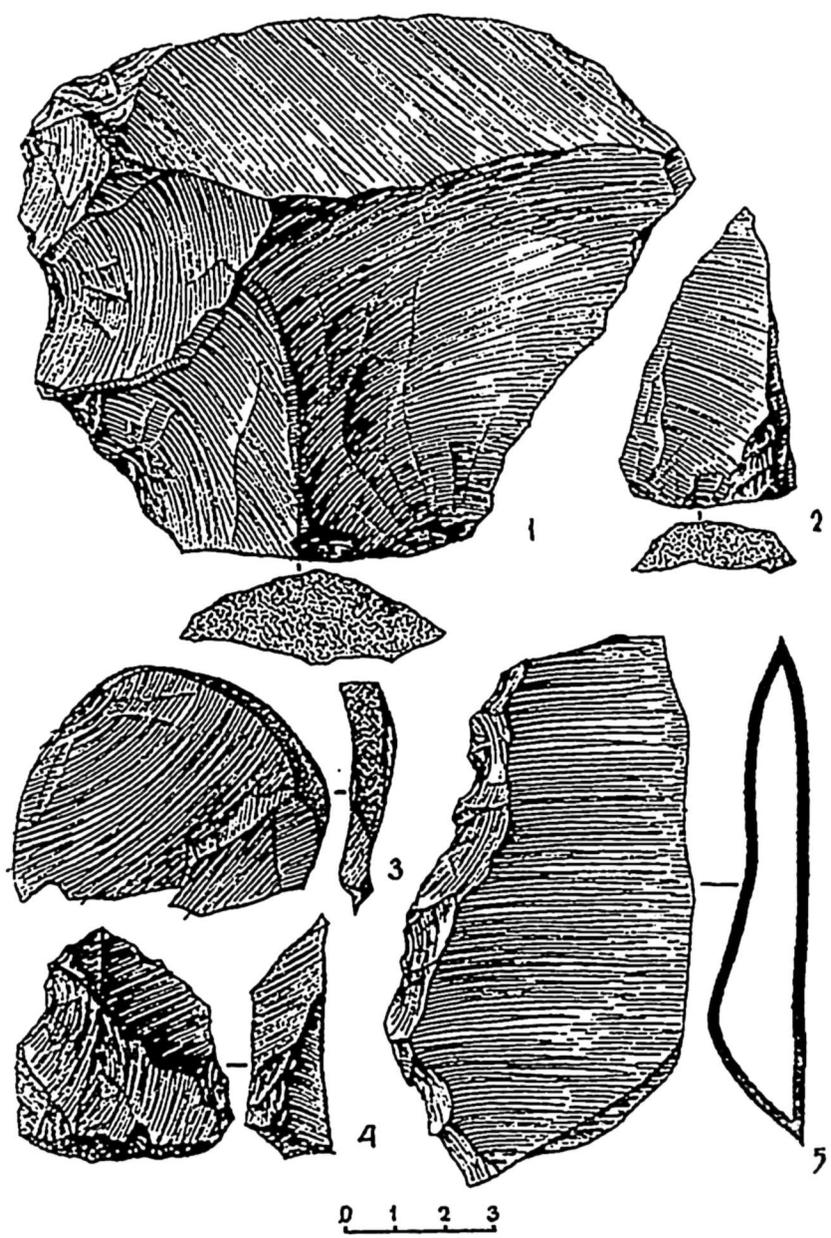

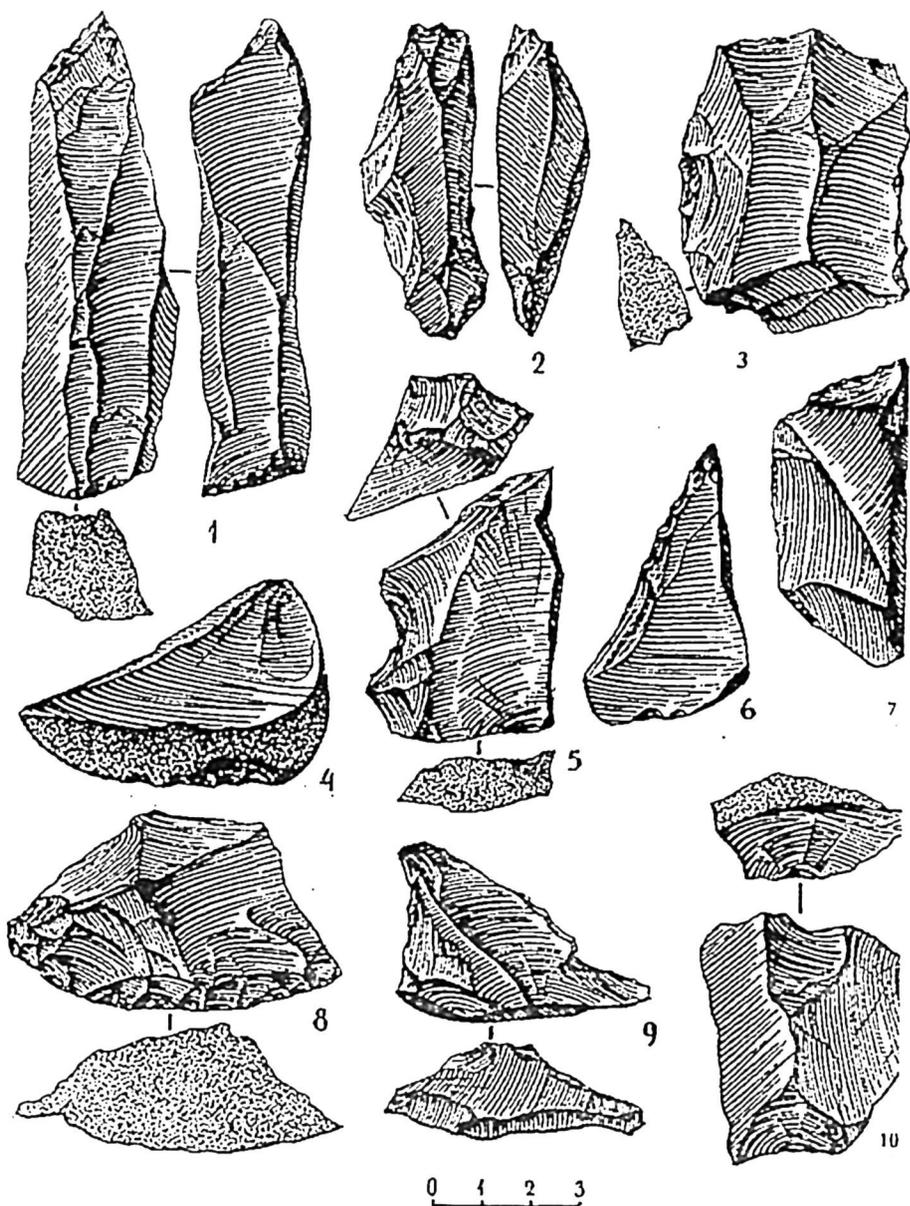

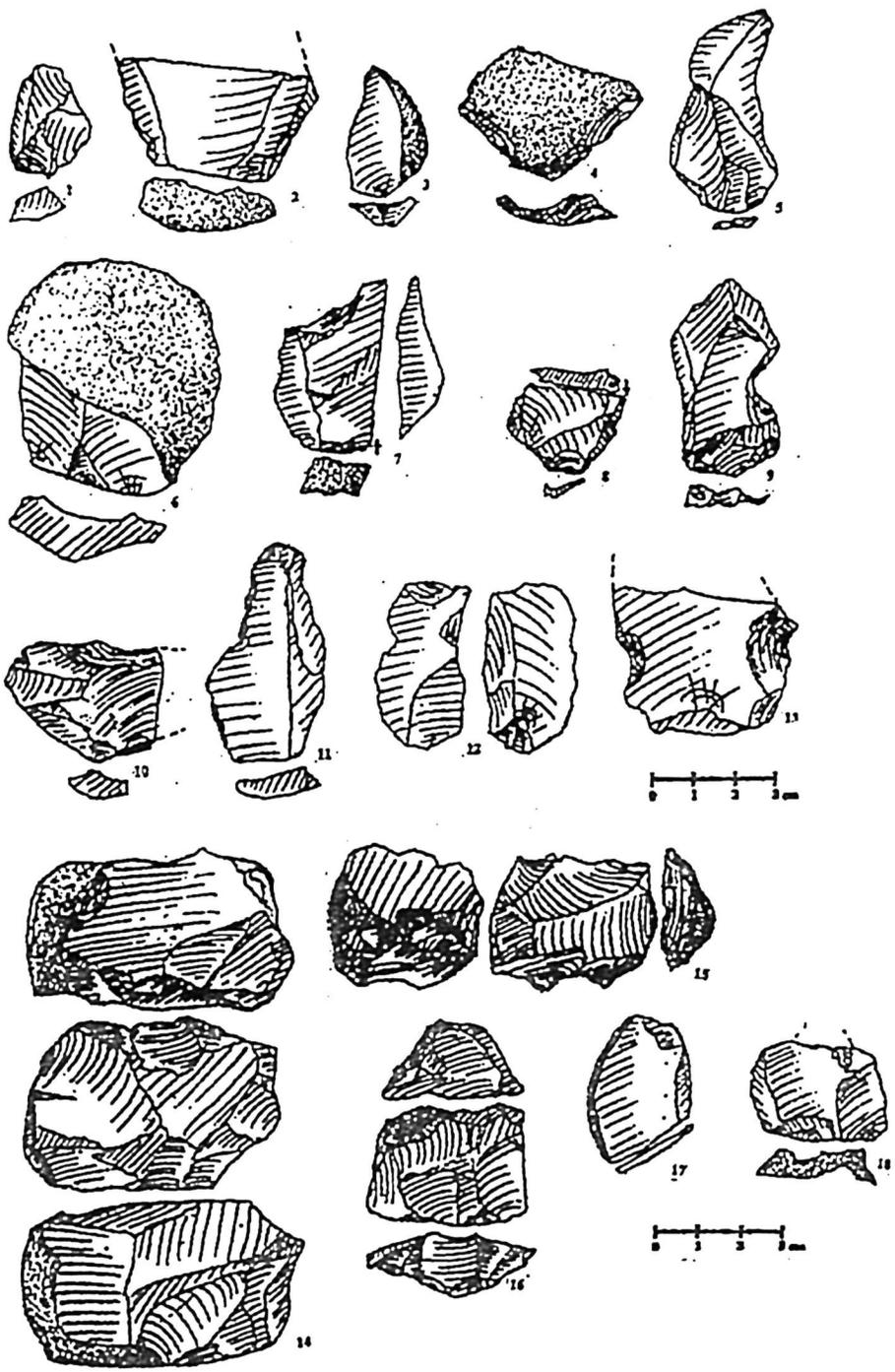

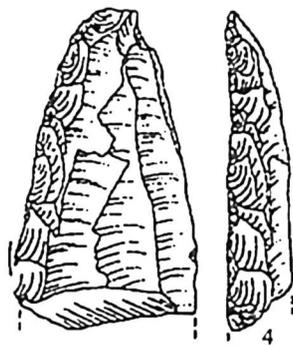
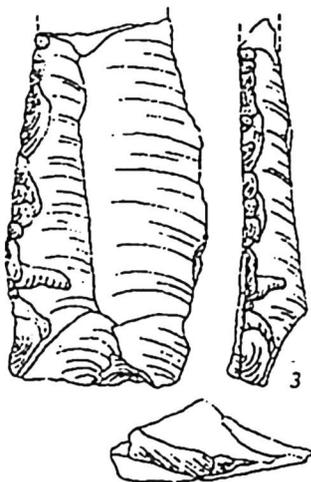
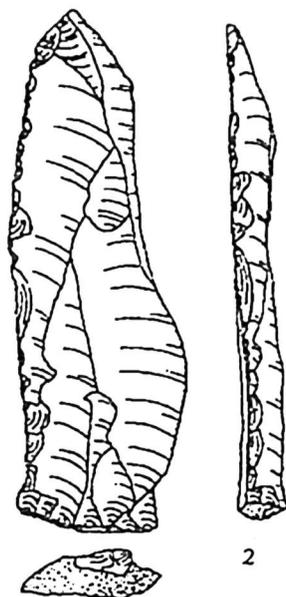
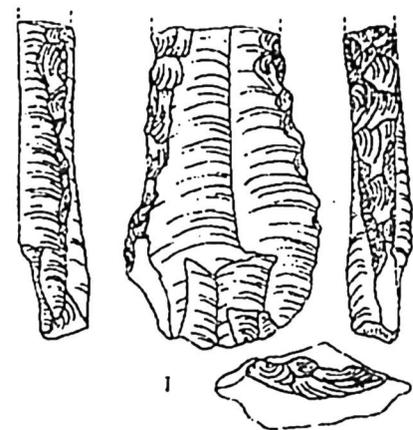

СПИСОК

печатных работ главного научного сотрудника
Отдела археологии Института истории, археологии
и этнографии им. А. Дониша, доктора исторических
наук, член-корреспондента АН РТ В.А. Ранова
(к 75-летию со дня рождения и 45-летию научной деятельности)

1995

683. Das Lösspaläolithikum am Obi-Mazar (Tadshikistan) / A.E. Dodonov, V.A. Ranov, J. Schäfer // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral Museums Mainz. 39 Jahrgang 1992, 1995, S. 209-243.

684. The Levallois Paradox // The Definition and interpretation of Levallois Technology. Monographs in World Archaeology, N 23, Prehistory Press, Madison, 1995, p. 69-78.

685. От Каспия до Желтой реки // Памир, № 7-12, 1995, с. 187-192. – Рец. на книгу History of Civilisations of Central Asia, vol.1, Paris, 1992.

686. The "Loessic Palaeolithic" in South Tadjikistan, Central Asia: its industries, chronology and correlation // Quaternary Science Reviews, vol. 14, 1995, p. 731-745.

1996

687. Б.А. Литвинский-археолог, историк, знаток древностей Средней Азии // Борис Анатольевич Литвинский. Материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана вып. 54, Душанбе, 1996, с. 17-35.

688. Опыт классификации галечных орудий на примере чопперов Южного Таджикистана / В.А. Ранов, А.Г. Амосова // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии, Ташкент, 1996, с. 37-43.

689. О периодизации и хронологии нижнепалеолитических стоянок Средней Азии / В.А. Ранов, А.Е. Додонов // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии, Ташкент, 1996, с. 44-53.

690. Могут ли геометрические микролиты быть показателем миграционных процессов в Средней Азии? // Древности. Российское Археологическое Общество, вып. 19, М., 1996, с. 25-27. То же в кн: Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации, Спб., 1996, с. 69-71.

691. On Proprietary Right in Archaeology: Some Unresolved Issue // Current Anthropology, vol. 37, Supplement, 1996, p. 126-127.

692. Neue untersuchungen zum lösspaläolithikum am Obi-Mazar, Tadžikistan / J. Schäfer, P.M. Sosin und V.A. Ranov // Archäologisches

¹ Продолжение. Начало см. в кн: Вадим Александрович Ранов. Материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана, вып. 67, Душанбе, 1996, с. 47-118.

Korrespondenzblatt, v. 26, Heft 2, p.97-109.

693. Local evolution and migration in Palaeolithic culture of South Tadjikistan. XII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, Forli, 1996, p. 124-125.

694. Presapiens epoch in Central Asia / V.A.Ranov, J. Schäfer // Before Modern Humans 400-200 ka. The Yabrudian and Micoquian in Levant and Europe. Programm of International Congress, Haifa, 1996, p. 23 (Abstract).

695. Lösstratigraphie und paläolitharchäologie in sud-Tadshikistan / J. Schäfer, V.A. Ranov, P.M. Sosin // Hugo Obermaier-Gesellschaft für Erforschung des Eiszeitalters und der Steinzeit.V., Regensburg, 1996, S. 25-26.

396. J. Schäfer, V.A. Ranov und P.M. Sosin. Obi-Mazar und Lachuti-zur Stratigraphie und Archäologie des Lösspaläolithikums Süd-Tadžikistan. *Homo erectus heidelbergensis* von Mauer. Mannheim, 1996, S. 133-140.

1997

697. О возможном изменении возраста стоянок лессового палеолита в Южном Таджикистане // Древности. Российское Археологическое Общество, вып. 23, М., 1997, с. 13-18.

698. Геральд Николаевич Матюшин – археолог, историк, общественный деятель. Биобиблиография. Древности. Российское Археологическое Общество, вып. 24, М., 1997, с. 6-25.

699. Три миллиона лет до нашей эры // В кн: Геральд Николаевич Матюшин. Биобиблиография. Древности. Российское Археологическое Общество, вып. 24, М., 1997, с. 101-105. Рец. На книгу Г. Н. Матюшин. Три миллиона лет до н.э. М., 1986.

700. Новая писанница каменного века на Восточном Памире // Археология и этнография Восточной Европы, Одесса, 1997, с. 133-139.

701. О природных условиях в районе Найзаташ (Восточный Памир) в позднем голоцене / В.А. Ранов, Р. Л. Потапов // Древности. Российское Археологическое Общество, вып., 25, кн. 2, М., 1997, с. 109-120.

702-733. Статьи в книге "Dictionnaire de la Prehistoire, Paris, 1997 (названия см. в кн. Вадим Александрович Ранов, Душанбе, 1996, с. 104-105).

734. The Cultural Evolution of Man and the Chronostratigraphical Background of Changing Environment in Loess-Palaeosoil-Sequence of Central Asia / J. Schäfer, V.A. Ranov // International Interdisciplinary Symposium. Life-Style and survival strategies in Pliocene and Pleistocene Hominids, Weimar, 1997, p. 157-158 (Abstract).

735. Siberia: a Bridge or a Barrier to Peopling the New World by Palaeolithic Man / S. A. Laukhin, V. Kletz, V.A. Ranov // INQUA Subcommittee on Paleolithic Gearchaeology, Newsletter, n. 1, 1997, p.29-36.

736. Ранний палеолит Израиля / С.А. Лаухин, В.А. Ранов, А. Ронен, В.А. Волгина // Природа, № 4 1998, с. 52-67.

737. Первая находка останков первобытного человека в Таджикистане / В.А. Ранов, С.А. Лаухин, А.А. Зубов // Природа № 7, 1998, с. 101-102.

738. Новые раскопки стоянки Худжи, Таджикистан (предварительное сообщение) / В.А. Ранов, С.А. Лаухин // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий, т. 2, Новосибирск, 1998, с. 345-351.

739. Проблема геохронологии лессового палеолита Южного Таджикистана / В.А. Ранов, С.А. Лаухин // Там же, с. 352-358.

740. К вопросу о геохронологии раннепалеолитических находок в долине Ефрата, Сирия / Е.В. Девяткин, А.Е. Додонов, В.А. Ранов // Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке, Спб, 1998, с. 256-257.

741. Современное состояние хроностратиграфии палеолита Южного Леванта (по данным полевых работ 1995-1966 гг) / С.А. Лаухин, А. Ронен, В.А. Ранов, Г.А. Поспелова, З.В. Шаронова, Я. Бурдукевич, В.А. Волгина, А. Цацкин // Там же, с. 263.

742. Новые работы по изучению лессового палеолита в Южном Таджикистане / В.А. Ранов, В.П. Клец // Там же, с. 27.

743. Результаты раскопок мустьерской стоянки Худжи в гиссарском районе Таджикистана / В.А. Ранов, С. А. Лаухин // Там же, с. 101-102.

744. Расы, этнос и комплексы каменного века в Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура (Тезисы докладов Международной Конференции), М., 1988, с. 83-86.

745. Каменный век // История таджикского народа, т. 1, гл., II, с. 45-123.

746. Первые результаты палеомагнитных исследований лессового разреза Хонако (Таджикистан) / Г. А. Поспелова, З. В. Шаронова, С.А Лаухин, В.А. Ранов, В. А. Волгина // Палеомагнетизм и магнетизм горных пород (Тезисы докладов), М., 1998, с. 66-67.

747. От редактора // В кн: М.А. Бубнова. Горно-Бадахшанская Автономная Область Западный Памир, Душанбе, 1998, с. 7-9 (Археологическая карта Таджикистана).

748. Все начинается с палеолита (о древнейшем прошлом Таджикистана) // Наследие предков, вып 3, Душанбе, 1998, с. 10-15.

749. Как была раскопана могила Рудаки// Там же, с. 25-27.

750. Неолит Пакистана // Энциклопедия Пакистана, М., 1998, с. 162-163.

751. Палеолит Пакистана // Там же, с. 163-165.

752. Соанская культура // Там же, с. 167-168.

753. Шилас / Б.А. Литвинский, В.А. Ранов // Там же, с. 174-175.

754. Stratigraphy, Paleoeology and evolution of loessic Paleolithic Industries in Southern Tadjikistan / V.A. Ranov, P.V. Sosin, J. Schäfer. // First International Symposium "Early Humans at the Gates of Europe" (Abstracts), Dmanisi, Tbilisi, 1998, p. 7.

755. The "cultural evolution" of man and the chronostratigraphical background of changing environment in the loess palaeosoil sequences of Obi-Mazar and Khonako (Tadjikistan) / J. Schäfer, V.A. Ranov, P.M. Sosin // Anthropologie, XXXVII/1-2, 1998, p. 121-135.

756. Central Asia – Anatolia, Zagros-Levant: similarities and dissimilarities in Mousterian Industries / V. A. Ranov and J. Schäfer // Préhistoire d'Anatolie. Genèse de deux mondes. Liège, 1998, p. 785-814.

757. Middle Paleolithic blade industries and the Upper Paleolithic of Central Asia / J. Schäfer, V. A. Ranov // Préhistoire d'Anatolie. Genèse de deux mondes. Liège, 1998, p. 785-814.

1999

758. Сделав невозможное – реальным // Академик Рахим Масович Масов (к 60-летию со дня рождения), Душанбе, 1999, с. 57-66.

759. Ранний палеолит Китая // М., 1999, 110 с.

760. Исследования в Таджикистане / В.А. Волгина, В.А. Жуков, В. Клец, С.А. Лаухин, В.А. Ранов, Т.Г. Филимонова, Т.У. Худжагельдиев // Археологические открытия 1997 года, М., 1999, с. 338-339.

761. Новые раскопки мустьерской стоянки Худжи в Гиссарском районе Таджикистана / С.А. Лаухин, В.А. Ранов, Т.У. Худжагельдиев // Там же, с. 354-342.

762. Древнейшие миграции палеолитических людей из Африки в Евразию вдоль берега Средиземного моря: палеомагнитные свидетельства / С.А. Лаухин, Г.А. Пospelova, А. Ронен, В.А. Ранов, З.В. Шаронова, В.А. Волгина, Я. Бурдукевич, А. Цацкин // Доклады Академии Наук, т. 369, № 3, 1999, с. 369-399.

763. Earliest Paleolithic Human Migrations from Africa to Eurasia along the Mediterranean Coast: Paleomagnetic Evidence / S. A. Laukhin, G.A. Pospelova, A. Ronen, V.A. Ranov, Z.V. Sharonova, V.A. Volgina, Ja. Burdukevich and A. Tsatskin // Doklady Earth Sciences, vol. 369A., N 9, 1999, p. 1306-1309.

764. Глиняное войско, ставшее "находкой века" // Природа, № 4, 1999, с. 53-55.

765. Новые открытия на стоянке Худжи // Наследие предков, № 4, Душанбе, 1999, с. 68-73.

766. Loess stratigraphy and settlement patterns by Palaeolithic hominids in Khovaling, South Tadjikistan / J. Schäfer, V.A. Ranov and P.M. Sosin // Loessfest '99, Extended abstracts, London, 1999, p. 212-215.

767. Археологическая карта Афганистана / В.А. Ранов, Г.Р. Каримова / Древности. Российское Археологическое Общество, вып. 28. М., 2000, с. 81-91. Рец., на книгу *Archaeological Gazette of Afghanistan (Catalogue des sites archeologiques d'Afghanistan)*, Т. I, II, Editions Recherche sur les Civilisations, Synthèse # 8, Paris, 1982, 560 p.

768. Плейстоценовые палеопочвы разреза Оби-Мазар / П. М. Сосин, В.А. Ранов, Й. Шефер // *Материалы юбилейной Конференции, посвященной 90-летию академиков С.А. Захарова и С.М. Юсуповой. Тезисы доклада*, Душанбе, 2000, с. 96-99.

769. The Paleolithic of the Late Middle Pleistocene in Central Asia, 400-100 ka ago / V.A. Ranov, J. Schäfer // *Toward Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 450-50 k-years ago. BAR International Series 850*, 2000, p.77-92.

770. Middle Paleolithic human deciduous incisor from Khuji, Tajikistan / E. Trinkaus, V.A. Ranov, S. Laukhin // *Journal of Human Evolution*, v.38, № 4, 2000, p. 575-583.

771. Лессовый палеолит / В. А. Ранов, Й. Шефер // *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 2, 2000, с. 20-32.

772. Loessic Paleolithic / V. A. Ranov and J. Schäfer. // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, N 2 (2), 2000, p.20-32.

773. Geology and Archaeology of Mousterian site Khuji (Tadjikistan) / V. A. Ranov, S.A. Laukhin. // *Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. Материалы Международной Конференции*, Красноярск, 2000, с. 116.

774. Стоянка на пути миграции среднепалеолитического человека из Леванта в Сибирь / В. А. Ранов, С. А. Лаухин // *Природа*, № 9, 2000, с. 52 – 60.

775. Новые данные о геохронологии палеолита Южного Леванта (Ближний Восток) / С.А. Лаухин, А. Ронен, В.А. Ранов, Г.А. Поспелова, Я.М. Бурдукевич, З.В. Шаронова, В.А. Волгина, О.А. Куликов, В.К. Власов, А. Цацкин // *Стратиграфия и геологическая корреляция*, т. 8, № 5, с. 82 – 95.

776. Race, Ethnos and Stone Tool Complexes in Central Asia // *Науковий Вісник. Інститут Менеджменту та Економіки. Серія технічних наук*, № 2, Івано – Франківськ, 2000, с. 205 – 208.

777. New Data on the Paleolithic Geochronology in Southern Levant / S.A. Laukhin, A. Ronen, V.A. Ranov, G.A. Pospelova, Ya. M. Burdukevich, Z.A. Sharonova, V.A. Volgina, J.A. Kulikov, V.K. Vlasov and A. Tsatskin // *Stratigraphy and Geological Correlation*, vol. 8, N 5, 2000, p. 498-510.

778. Miklós Gábori and the study of the stone age of Central Asia // *A la recherche de l'Homme Préhistorique*. Liège, 2000, p. 29-36.

БРОНЗОВЫЙ ТОПОР-КЕЛЬТ ИЗ ДЖИРГИТАЛЯ

(случайные находки)

Несколько лет тому назад, в кишлаке Оксай в Джиргитальском районе Республики Таджикистан, в результате землекопных работ, местным жителем был найден клад бронзовых изделий. В кладе, среди прочих предметов, было два бронзовых топора-кельта и двусторонние кирки. Один топор-кельт был найден студентом Университета г. Душанбе Р. Сайфиддиновым (рис. 1). Он имеет втульчатую форму, с одним петлевым ушком. Топор-кельт отлит в форме, на туловище имеются желобчатые борозды. Вокруг шеи топора видны три ряда желобков, очевидно, для крепления веревки. Размеры: длина – 12,8 см, ширина рабочей части – 6,7 см., ширина горла – 4,1 см, диаметр втулки – 3,8 см, глубина – 7 см. Первоначальная длина топора была, предположительно, не менее 13 см., однако, в результате длительного использования рабочая часть укоротилась.

Топоры-кельты являются редкой находкой в Центральной Азии. Аналогичный топор-кельт найден в кишлаке Бедак, который располагается в 15 км к юго-востоку от Пенджикента (рис. 2). Пенджикентский топор-кельт намного короче и имеет две петлевидные ручки. Топор-кельт из Джиргиталья более сложной формы, чем пенджикентский.

Подобные топоры хорошо известны в кругу срубно-андроновской степной культуры и встречаются на территории от Восточной Европы до Восточной Сибири. Они изготовлялись во 2 тыс. до н. э., по хорошо отработанной технологии бронзолитейщиками евроазиатских степей. Такие топоры имели универсальное назначение. Они использовались при вырубке лесов, подготовке дров, могли выполнять функции топора и даже мотыги. Это зависело от того, в каком положении они крепились на деревянную ручку. Несомненно, топоры – кельты также имели боевое назначение и успешно применялись в боях как ударно-наступательное оружие. Топор-кельт из Джиргиталья относится к так называемому “селинскому типу”, широко распространенному в срубной и андроновской культуре степной зоны России, Урала, Сибири и Восточного Казахстана. С.С. Черников называет их – “топоры вислообушные с гребнем”. Он пишет, что это массивное орудие с опущенной втулкой, по краю которого нет выпуклого валика, с узким клиновидным лезвием, слегка расширяющимся к острию, хозяйственного назначения, вероятно, не имело. Для этого у них слишком узкое лезвие и

тяжелый обух. Скорее всего, это боевой топор, представляющий собой грозное оружие в сильной руке. Мы не можем согласиться с таким выводом. Топоры-кельты, прежде всего, использовались как орудие труда, на это, бесспорно, указывает степень изношенности их лезвий.

Топор-кельт из Джиргиталя свидетельствует о том, что во 2 тыс. племена андроновской культуры жили во всех районах Центральной Азии.

Идея о том, что андроновцы были арийцами и до них в Средней Азии земледельцами были дравиды или другой народ, не имеет под собой почвы. В материальной культуре земледельческого населения Средней Азии, начиная с джейтунской культуры и вплоть до образования Бактрийского государства, перерыва не наблюдается, следовательно, земледельческое население региона составляли оседлые арийцы. Степные скотоводческие районы Центральной Азии занимали также арийцы, которые находились на более низком уровне жизни.

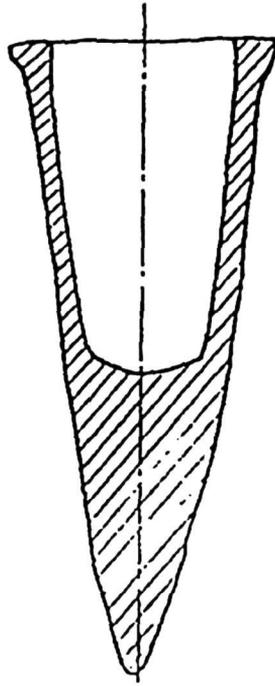
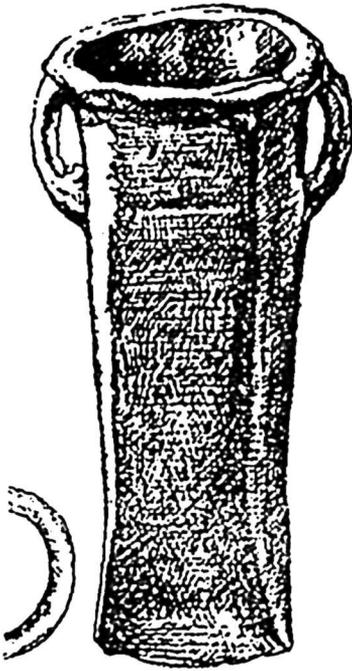
Мы считаем, что джейтунцы (земледельцы), тазабагьябцы (рыболовы) и кайракумцы – гиссарцы (скотоводы) были одним и тем же народом, только находились на разных уровнях развития, зависящих от места обитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

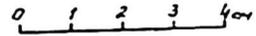
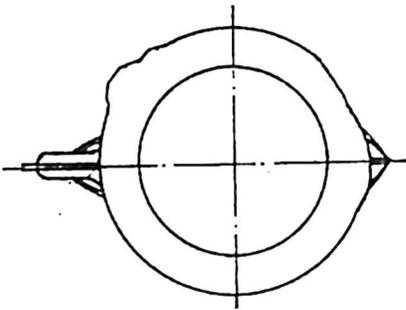
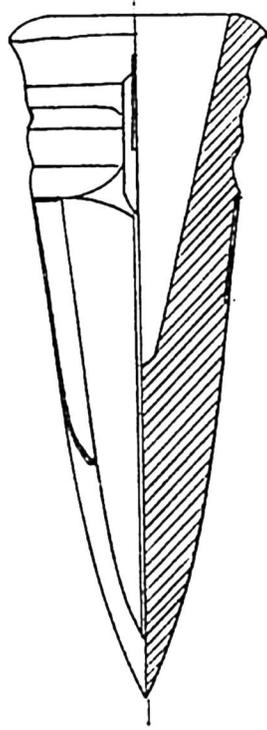
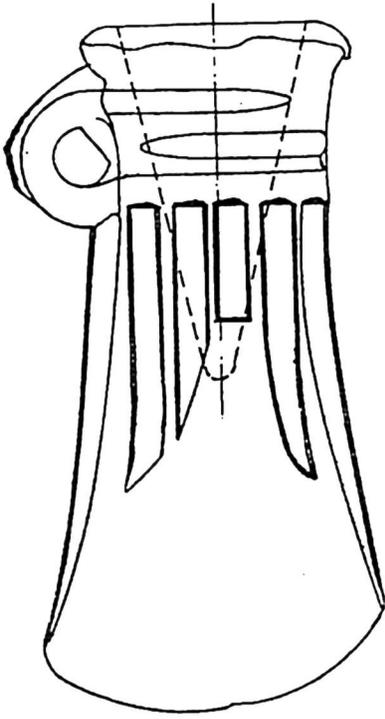
1. Бобомуллоев С. Верховье Зеравшана во 2-тыс. до н. э. Душанбе 1998, с. 109.
2. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, М.-Л., 1960, с. 76, табл. XI, 1-3.

СПИСОК РИСУНКОВ

- Рис. 1. Топор-кельт из Джиргиталя.
Рис. 2. Топор-культ из Пенджикента.

0 1 2 3 cm.

**Б.Я.СТАВИСКИЙ, Ю.Я.ЯКУБОВ,
З.А.ГАРИФУЛЛИНА, Д.Д.ДАВУТОВ.**

ОТЧЕТ О РАБОТАХ РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (РТАЭ) НА ВЕРХНЕМ ЗЕРАВШАНЕ В 1998 ГОДУ

В 1998 г. приступила к работе совместная археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН Республики Таджикистан и московских учреждений: Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГосНИИР). Целью экспедиции является продолжение историко-археологического изучения бассейна Верхнего Зеравшана. РТАЭ была создана с помощью частных спонсоров – москвичей К.Л. и И.И. Мтибли. Начальником был назначен заведующий сектором Института им. Дониша, член-корреспондент Таджикской АН Ю.Я Якубов (Душанбе); научное руководство осуществлял профессор РГГУ, заведующий сектором ГосНИИР, академик РАЕН Б.Я. Ставиский. В работах участвовали: ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии (Душанбе), кандидат исторических наук Д.Д.Давутов; этнограф, доктор исторических наук И.М. Мухиддинов и водитель автомашины З.Буриев (все из Душанбе); архитектор З.А. Гарифуллина (бывший сотрудник Института им. А Дониша, ныне руководитель группы Калужского областного архитектурно-планировочного бюро) и десять рабочих из кишлаков Горной Матчи (девять из Волгуна, один из Падаска).

Район работ РТАЭ 1998 г. – Верхний Зеравшан (иначе Горный Согд или Кухистан) сыграл немаловажную роль в истории Согда (Согдианы классических авторов) (рис. 1). Здесь находятся истоки двух основных рек, дающих воду (а в условиях Средней Азии и жизнь) Пенджикенту, Самарканду, Бухаре и другим городским центрам, вместе с окружавшими их согдийскими оазисами. Отсюда, из-за гор Кухистана восходит над согдийскими землями солнце, обожествлённое согдийцами (и древними иранцами вообще) под именем Митры, бога договора, покровителя сражающихся за правое дело воинов, владыки широких пастбищ, летящего по небу в сторону арийских стран /1/.

С территории Верхнего Зеравшана началось историко-археологическое изучение согдийской цивилизации – феномена Центральной Азии V-IX в.в. н. э.

Толчком к изучению истории и культуры раннесредневекового домусульманского Согда стало сенсационное открытие, сделанное в 1932-1933 г.г. в замке на горе Муг, который был обнаружен примерно в 120 км восточнее Самарканда и в 60 км от Пенджикента. Это была находка первой коллекции письменных источников на территории Согда, характеризующая историю, культуру и искусство его населения в конце VII – первой четверти VIII в.в./2/. Микроклимат горы Муг способствовал тому, что эти находки дошли до нас в удивительно хорошем состоянии и поведали о многом. Рукописные документы, например, пролили свет на письменность и язык согдийцев, а дешифровка их, а также прочтение академиком И.Ю. Крачковским написанного по-арабски письма, сообщили о политической обстановке не только в Согде, но, отчасти, и в других областях Средней Азии в эпоху завоевания их арабами. Из этих документов, в частности, стало известно, что Верхний Зеравшан входил в конце VII-начале VIII в.в. в состав княжества Панча, владельцем которого был Деваштич, носивший одно время также титул царя Самарканда. Найденные на горе Муг несколько монет, положили начало новому разделу науки – согдийской нумизматике, а кружевные льняные сетки для волос, обрывки шелковых тканей, изделия из кожи, дерева и металлов позволили судить об искусстве и материальной культуре Панча и всего преарабского Согда.

В 1946 г. на Верхнем Зеравшане начала свои исследования Согдийско-Таджикская (позднее Таджикская) археологическая экспедиция (СТАЭ) во главе с А.Ю. Якубовским, одним из крупнейших советских востоковедов. СТАЭ провела там разведки, а с 1947 г. начала раскопки столицы Панча – городища Древнего Пенджикента (Панчаката). Работы, продолжающиеся на этом городище и сейчас, под руководством профессора Б.И. Маршака, открыли богатый согдийский город V-VIII в.в. с замечательными памятниками архитектуры, монументального искусства, культуры, ремесла и быта. К сожалению, там не сохранились ни рукописи, ни ткани, а деревянные архитектурные детали дошли до нас лишь в обугленном виде.

Разведки и раскопки, проводившиеся в Горном Согде наряду с изучением Древнего Пенджикента, позволили открыть поселения, которые упоминались в мугском “архиве Деваштича” – в Мадме, Куме и других местах Верхнего Зеравшана /3/.

Экспедиция 1998 г. избрала объектом исследования Хисорак в Горной Матче, недалеко от Зеравшанского ледника, откуда берет начало Матчадарья, один из основных истоков Зеравшана. Городище Хисорак (иначе Калаи-Падаск или Калаи-Хисорак) было впервые обследовано в 1948 г. сотруниками СТАЭ – О.И.Смирновой и В.Л.Ворониной. Глазомерная

топографическая съемка была осуществлена В.Л. Ворониной /4/. В 1953 г. Хисорак посетил сотрудник той же экспедиции А.М.Мандельштам. Среди собранного на городище подъемного материала, наряду с раннесредневековыми фрагментами керамики оказались фрагменты красноангобированной посуды, относящейся, возможно, к кушанскому времени /5/. В 1965 г. городище пытались осмотреть со стороны кишлака Волгун Б.Я.Ставиский, А.П. Кусургашева и Б.И. Вайнберг. Добраться до Хисорака не удалось, так как мост через речку Волгун был снесен паводком, а для поиска другого пути к городищу у исследователей не было времени /6/. Наконец, в 1981г. на Хисорак, со стороны кишлака Падаск, поднялся Ю.Я. Якубов, заложивший там разведывательный раскоп. При этом было расчищено одно помещение, три стены которого имели ганчевую штукатурку. Стены помещения по низу были сложены из камней, а выше из кирпича-сырца размером 52х25х10 см. Были зачищены своды соседних помещений, сложенные приемом наклонных и поперечных отрезков. В юго-восточном углу участка обнаружен пандус, ведущий на второй этаж или на крышу. Собранная керамика могла быть датирована V-VIII в.в. /7/.

Сильный интерес к памятнику Хисорак возник после того, как В.А. Лившиц смог дешифровать текст письма, написанного на ивовой палке (один из документов "мугского архива") "правителем Мадрушката". Название этого селения сохранил нынешний кишлак Мадрушкат, который до недавнего времени был районным центром Матчи /8/. Все учёные, исследовавшие Кухистан, были единодушны в локализации именно на памятнике Хисорак резиденции неизвестного по имени правителя самого восточного согдийского владения в бассейне Зеравшана. Это было связано с тем, что это городище оказалось наиболее крупным археологическим памятником Матчинского района.

В 1998 г. Российско-Таджикская Археологическая Экспедиция вела раскопки на Хисораке с 14 июля по 3 августа. Ю.Я. Якубов, выехавший в Матчу первым, узнал, что добраться до Хисорака можно со стороны кишлака Волгун, поскольку там находится единственный пешеходный мост через одноименный сай. Экспедиционный лагерь, из-за отсутствия воды на городище, пришлось разместить примерно в 1 км от Хисорака, на западной окраине сая Волгуна, по дну которого протекает левый приток Матчадарьи. С этого места пришлось ежедневно добираться до городища.

Городище Хисорак располагается на южном (левом) берегу Матчадарьи, напротив Мадрушката, к западу от Волгуна и северо-востоку от Падаска (рис. 2). С трех сторон городище окружают глубокие овраги с отвесными склонами, высота которых в некоторых местах достигает 300 метров. К юго-восточной и юго-западной частям городища примыкают неглубокие овраги. По всей видимости, именно здесь находился в древности вход на городище, который был защищён сложной системой оборонительных

сооружений. Сюда же могла выходить линия водопровода, подающего по каналу и кубурам воду для жителей Хисорака, со стороны нынешнего Падаска. Для этого был, возможно, сооружён деревянный акведук на каменных опорах-столбах. Следы этой водопроводной линии прослеживаются в микрорельефе местности. Крепостная стена городища сложена из окатанных речных камней. Вход на городище Хисорак защищали две оборонительные стены, отстоящие друг от друга на 30 м. Вторая (внешняя) стена шла вдоль обрыва. Вход был фланкирован полукруглыми башнями. Городище Хисорак занимало площадь 200х300 м. Оно состояло из цитадели и собственно поселения, расположенного у подножья цитадели.

Цитадель Хисорака включает три различных участка, разделённых между собой обрывами. Первый участок, который располагается на севере, был треугольным в плане. Он особенно плохо сохранился, и его культурные слои имеют небольшую высоту. Второй участок имеет размеры: с запада на восток 45 м, с севера на юг по западному краю 15 м, а по восточному краю 30 м. На этом участке в 1981 г. заложен разведочный раскоп. Именно здесь сохранились остатки более десятка помещений, скорее всего хозяйственного назначения, со сводчатыми перекрытиями. Третий участок расположен к востоку от двух вышеописанных. Здесь в древности находилось монументальное сооружение, вероятно, дворец правителя. Это сооружение имело в плане прямоугольную форму. Длина его по линии север-юг составляет примерно 100 м, ширина при этом 30 м – вдоль северного края обрыва и 45 м вдоль южного края обрыва. В южной и северной части сооружения прослеживаются стены отдельных помещений. Так, на севере обследовано помещение, вытянутое с запада на восток на 22 м и с севера на юг на 3 м. На глубине 70 см от дневной поверхности хорошо просматривается пята свода, сложенная из кирпича-сырца размером 50х26х10 см на глиняном растворе.

В 1998 году на этом участке был заложен раскоп 10х10 м на месте впадины – двора (или зала). Углубление в северо-западном углу помещения (помещение 1), вдоль его западной стены, показало, что штукатурка на стене полностью разрушена, а сырцовые кладки прослеживаются с трудом. Дальнейшее углубление раскопа велось шурфом, размерами 3 х 4 м. По остаткам стены удалось дойти до пола этого помещения, на котором вдоль стены раскрыта суфа высотой 35 см и шириной 120 см. Суфа прослеживается и вдоль северной стены помещения. Здесь, видимо посередине (расчищена лишь северо-западная ее часть), суфа имела выступ и достигала ширины 2,5 м. Боковая стенка суфы была сложена из камней и так же, как верхняя поверхность, тщательно обмазана глиняной штукатуркой. Завал в помещении состоял из упавших сырцовых кирпичей и отдельных камней. Когда толщина завала достигала уже 70 см, на него рухнули кладки северной стены, которые аккуратно легли на поверхность этого завала. Метром выше

расчищен слой вторичного обживания здания. Здесь прослежена стена из камней высотой в 60-70 см, которая тянулась от западной стены помещения 1 на восток. Возле каменной стены (возможно ограды загона для мелкого рогатого скота) открыт толстый (до 20-30 см) слой навоза и следы кострищ. По всей видимости, в руинах монументальной постройки, уже после ее разрушения, находили себе убежище пастухи. Находок в помещении 1 совсем немного. В завале встречены лишь бесформенные фрагменты хумов, а на расчищенном участке пола два фрагмента кувшина VII-VIII вв. Помещения 2 и 3, расположенные южнее и юго-западнее, представляют уже известный, по раскопкам в Пенджикенте и на других памятниках Средней Азии, тип помещений – “домашняя часовня”, “домашнее святилище” или “капелла” /9/.

Помещение 2 располагалось южнее помещения 1. Оно было пристроено к несохранившейся (прослежены лишь остатки) южной оборонительной стене цитадели, тянувшейся вдоль ее южного обрыва. Помещение в 1998 г. было раскопано полностью. Прямоугольное в плане помещение, вытянутое с юга на север на 5,5 м, при ширине в 4 м, имело вдоль южной, западной и северной стен сплошные суфы. Ширина суфы составляла 120 см, высота 35 см. Посредине западной стены суфа выступообразно расширяется.

Вход в помещение 2 находился в северо-восточном углу и был оформлен тамбуром. Его стена заходила на край северной суфы, при этом, восточный торец стенки и ее западная сторона были украшены оттиснутыми на толстой (до 4 см) глиняной штукатурке прямоугольниками с орнаментальными мотивами, выполненными красной краской в виде листа с кистью винограда и розетки с шестью лепестками внутри круга с перлами. Угол стенки тамбура был оформлен глиняной колонкой, у которой база и ствол практически не сохранились.

На расстоянии 2,35 м от южной стены помещения у восточной стены был пристроен так называемый алтарь огня (рис.3). Он представлял собой арочную нишу высотой 120 см и шириной 60 см, оформленную в виде двух вписанных одна в другую перспективных арок. С двух сторон алтарную нишу фланкировали плохо сохранившиеся колонки на базах. От южной колонки до нас дошли лишь остатки глиняной базы, от северной – части ствола и базы, которая имела форму усеченной пирамиды. Внутри алтарной ниши расчищен очаг, а в нем большой фрагмент, по-видимому, специально вставленного керамического котла. Перед нишей раскрыто небольшое прямоугольное возвышение. Стенки ниши, очаг и площадка перед нишей были обожжены. Видимо, это следы от долго горевшего (или часто разжигавшегося) здесь огня. Алтарь, как и входной тамбур, в древности был покрашен в красный цвет. Судя по найденным фрагментам толстой глиняной штукатурки, разрушенный архивольт алтаря украшали оттиснутые штампами

орнаменты, такие же, как и на тамбуре.

Стены помещения 2 в основании сложены из камня, а выше из кирпича-сырца размером 48-50x24-25x10 см на глиняном растворе. Восточная стена сохранилась на высоту 2,5 м, северная от 1,5 до 2 м, западная от 0,5 до 1,5 м, южная стена только на высоту до 70 см. Южная стена оказалась наиболее разрушенной. В восточной стене на высоте 2 м расчищены два гнезда от деревянных балок размером 25x25 см (предположительно следы от карниза). В западной и северной стене открыты две ниши с арочным верхом. Первая ниша находится на расстоянии 2,4 м от северного угла помещения и в 63 см выше суфы. Её размеры: ширина внизу 65 см, высота 55 см, глубина 35 см. Вторая ниша находится на расстоянии 1,25 м от западного угла помещения и в 70 см выше суфы. Её размеры: ширина внизу 60 см, высота 55 см, глубина 32 см.

Заполнение помещения 2 состояло из обломков упавших со стен сырцовых кирпичей, мягкой серой земли и щебня. В жизни помещения можно выделить два этапа. На раннем этапе все стены его были покрыты росписью. В последствии эти росписи закрываются новой глиняной штукатуркой и к восточной стене пристроена алтарная ниша. Большого перерыва между этими этапами не было, и оба они относятся к одной, предмусульманской эпохе. В ходе раскопок в помещении 2 были найдены:

1. железный трехгранный наконечник стрелы (1,8 м от дневной поверхности, 90 см от восточной и 65 см от южной стены);
2. фрагмент резного дерева (на полу, в 20 см от восточной и 7 см от южной стены);
3. часть деревянного музыкального инструмента длиной 30 см с тремя отверстиями для прикрепления струн.

В завале и на полу помещения найдены также несколько фрагментов керамических котлов, кувшинов и толстостенных хумов, лепных и станковых.

Помещение 3 располагалось к востоку от помещения 2. Оно полностью не раскопано, но все стены его оконтурены, на одном участке раскоп в нём углублён до пола. Помещение прямоугольное в плане 4,6x6,3 м было вытянуто с востока на запад. Стены его сложены из сырцовых кирпичей и сохранились на высоту 3 м. У восточной стены, на расстоянии 2,1 м от южной стены был раскопан алтарь, аналогичный с тем, остатки которого были открыты в помещении 2. По внешнему виду он более крупный и парадный (рис. 3). Высота алтарной ниши 1,65 м, дуга арки начинается с высоты 1,1 м. В нише помещены, вписывающиеся одна в другую, две перспективные арки. По бокам алтаря располагались две колонки, одна из которых хорошо сохранилась более чем на половину высоты. Внутри её помещён круглый деревянный стержень, сужающийся кверху; он обмотан травой, сверху обмазан глиной и затем аккуратно покрыт штукатуркой. Круглая колонка покоится на базе, поверх которой располагалась еще подставка в виде сосуда

типа кузаги. База имеет форму усеченной четырехугольной пирамиды. Ее размеры: ширина по основанию 30 см, высота 18 см, ширина верхней части 21 см. Диаметр сосуда типа кузаги 16 см, высота 10 см.

Сходные алтари с колонками на Верхнем Зеравшане ранее уже были известны по раскопкам в Гардани Хисоре (в Мадме) и Куме. Особенно наглядно видно по находке из Кума то, что она монолитная, то есть, вылеплена целиком из глины /10/. Возможность того, что подобные колонки могли иметь и иное устройство, уже предполагала В.Л. Воронина, на основании найденной в Древнем Пенджикенте на объекте III (помещении 13) колонки с отверстием внутри от сгнившего стержня с отпечатками свернутого спиралью камышового жгута /11/. Находка из помещения 3 на цитадели подтверждает правоту этого большого знатока согдийской и восточной архитектуры. Алтарная ниша и, фланкировавшие ее, колонки стояли на суфе, которая имела высоту 25 см. Участок для разведения огня перед алтарем имел глиняное обрамление в форме подковы. Судя по найденным при раскопках фрагментам толстой глиняной штукатурки с оттиснутым орнаментом, верх алтарной ниши был украшен также как и алтарь в помещении 2.

Новым открытием в археологии Согда явилось открытие в помещении 3 хорошо сохранившихся деталей из органических материалов. В западной стене помещения зачищен деревянный брус шириной 20 см и высотой 18 см, уходящий более чем на 50 см вглубь сырцовых кладок. На, выступающей из стены, части бруса имеется паз для соединения бруса с, идущим вдоль поверхности стены, деревянным карнизом. Карниз, судя по находкам, имел наверху и внизу деревянные, орнаментированные резьбой, брусья с пазами. В эти пазы вставлялись, также украшенные резьбой, дощечки. Нижний брус с резным изображением растительного побега длиной 1,83 м был найден *in situ*. В него вставлялась вертикальная резная стойка, найденная в завале. Сходные конструкции известны ныне в таджикской народной архитектуре как "кавш фурумон". Остатки нижнего бруса подобного карниза с резным растительным орнаментом были открыты на восточной стене помещения 3. В ходе раскопок расчищены части конструкций перекрытия этого помещения. Они состояли из арчевых балок длиной 2,2 м и диаметром от 6 до 8 см, на которых покоились более мелкие прутья. Вся конструкция была тщательно перевязана пучками травы. Выяснилось также, что снизу, изнутри помещения, конструкцию покрывал слой глиняной штукатурки. Как любезно сообщил Б.И. Маршак, следы подобной конструкции (отверстия от сгнивших балок, отпечатки на глине и т.п.) были открыты и в Древнем Пенджикенте, в частности на объекте XVI. Найденные в Хисораке, деревянные детали карниза и перекрытия позволяют дать обоснованную реконструкцию устройства кровли согдийских построек.

Помещение 4 – коридорного типа, размером 4x1,5 м расположено на

юго-западном обрыве цитадели. Вдоль северной стены помещения 4 раскопана часть суфы, другая тянулась вдоль западной его стены. На северо-западном углу западной суфы зачищен очаг подковообразной формы. Ширина его устья 55 см, глубина 60 см. Внутри него было много золы. Прямоугольное углубление размером 70x65 см при глубине 10 см непонятного назначения было найдено на юго-западном конце западной суфы.

К югу от помещения 3 выявлены остатки коридора внутри оборонительной стены, условно названного помещением 5.

Основным итогом работ РТАЭ на городище Хисорак можно, видимо, считать открытие на его цитадели крупной монументальной постройки дворцового типа, как это и предполагалось при исследовании микрорельефа местности. Эту постройку вполне можно сравнить со строениями, раскопанными в Мадме (на Гардани Хисор) и в Куме. В то же время на Хисораке, подобно гораздо более бедному “замку на горе Муг”, сохранились материалы из дерева, камыша и даже узлы из пучков травы, не говоря уже о штампованных по глиняной штукатурке орнаментах. Всё это позволяет уверенно выразить надежду на то, что продолжение раскопок на этом археологическом памятнике принесёт новые важные и очень интересные открытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, Авеста (перевод, предисловие, примечания и словарь И.М. Стеблин-Каменского). М., 1993, с.76-116 – Гимн Митре (Яшт 10 “Михр-яшт”) и с.188-190 – Примечания к “Гимну Митре”. Ср. Авеста в русских переводах. 1861-1996 (составление, общая редакция, примечания и справочный раздел И.В. Раха). Спб., 1997, с.269-521: Яшт 10 “Михр-яшт”).

2. См. Согдийский сборник: сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Л., 1934. См. также серию “Согдийские документы с горы Муг: чтение, перевод, комментарий”: Вып.1. А.А. Фрейман. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М., 1962; Выпуск II. В.А. Лившиц. Юридические документы и письма. М., 1962; Выпуск III. М.Н. Боголюбов и О.И.Смирнова. Хозяйственные документы. М., 1963; и монографию: Ю. Якубов. Паргар в VII-VIII вв. н. э. Душанбе, 1979, с.96-125 – “Замок на горе Муг”.

3. См. О.И. Смирнова. Карта верховьев Зарафшана в первой четверти VIII в. // сб. Страны и народы Востока. Вып. 2. Л. 1961, с.220-230; Ю. Якубов. Раннесредневековые сельские поселения Горного Согда. Душанбе 1988.

4. О. И. Смирнова. Археологические разведки в верховьях Зарафшана в 1948 г. // Труды Таджикской археологической экспедиции. Том П. В серии “Материалы и исследования по археологии СССР”. № 37, М.-Л., 1953, с.181-183.

5. А.М. Мандельштам. Могильник Засун // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. 1965, 2, с.40-44.

6. Поездка в Матчу была предпринята в выходные дни, во время раскопок на Гардани Хисор (в Мадме), куда и спешили участники поездки.

7. Упоминание о работах на Хисораке см. Ю. Якубов. Раннесредневековые поселения...с.55-56.

8. В.А. Лившиц. Юридические документы и письма... с.172-173 документ Б-7.

9. Л.В. Гуревич. К интерпретации пенджикентских "капелл" // сб. Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (древность и средневековье). М., 1990, с.67-89 (там же указана библиография). См. также В.И. Распопова. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990, с.153-156 и рис. 7, 25, 42, 76, 80, 83, 84; Ю. Якубов. Религия древнего Согда. Душанбе, 1996, с.11-28.

10. Ю. Якубов. Религия древнего Согда... с.14.

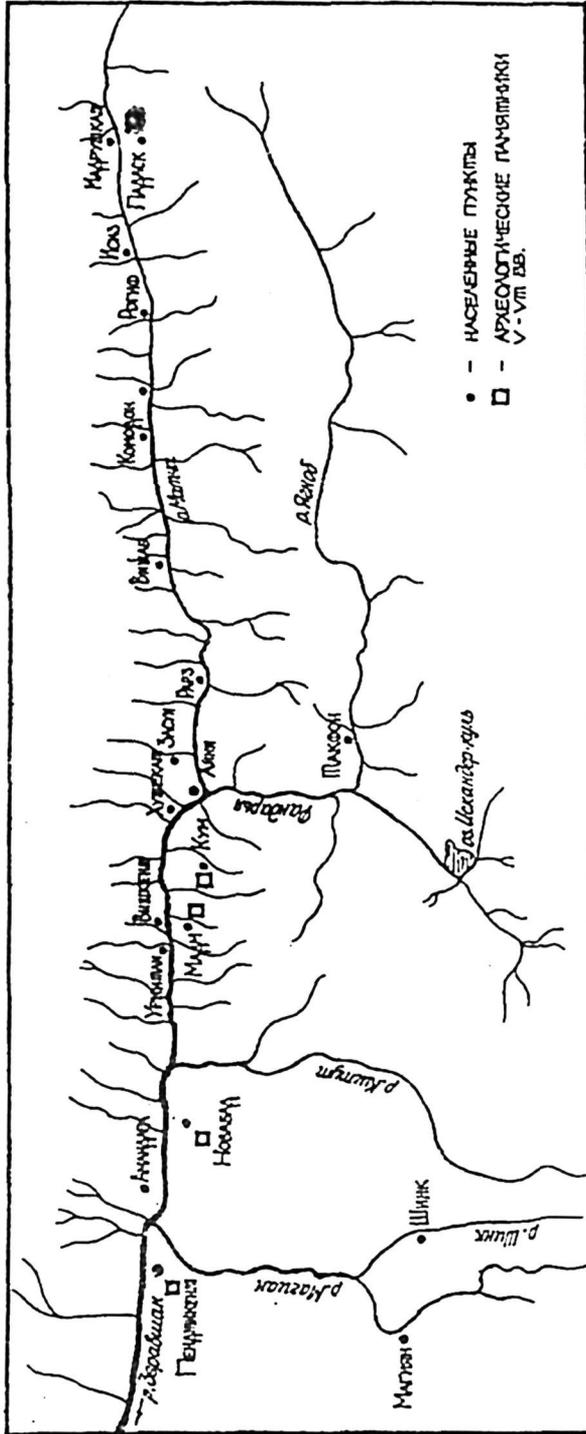
11. В.Л. Воронина. Архитектурные памятники Древнего Пенджикента // Труды Таджикской археологической экспедиции. Том II, М.-Л., 1953,, с.108.

СПИСОК РИСУНКОВ

Рис. 1. Карта Зеравшанской долины.

Рис. 2. Хисорак. Мачинский район. Глазомерная съемка.

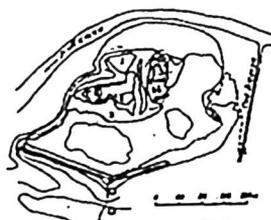
Рис. 3. Хисорак. Помещение 3. Алтарь у восточной стены.

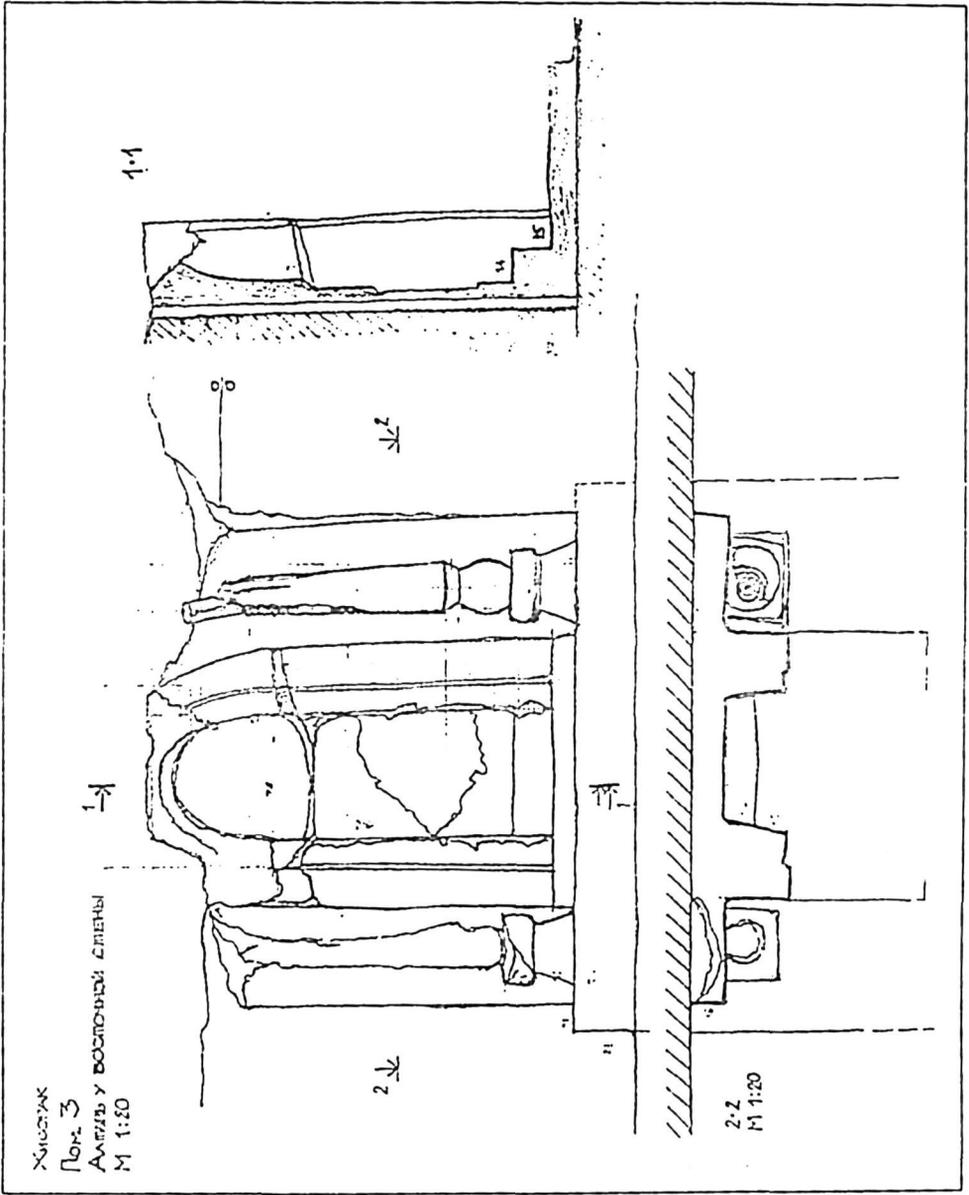
Хисорак . Малчинский р-н
Глазомерная съемка

0 5
М

② — номера помещений, раскопанных в 1993 году

Н.БОРОФФКА, М.БУБНОВА,
Г.ВАЙСГЕРБЕР, Й.ЛУЦ,
Г.ПАРЦИНГЕР, Е.ПЕРНИЦКА,
Д.СТАРШИНИН, Я.ЦИЕРНЫ, Ю.ЯКУБОВ.

ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЙОНЕ ДРЕВНИХ РАЗРАБОТОК ОЛОВА В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ (МУШИСТОН И ТАКФОН)

Со времени первых анализов металлических находок из Месопотамии, которые были проведены еще в 20-е годы XX века, стало общеизвестным, что эти изделия, начиная с середины 3 тыс. до н.э., всё чаще и чаще производятся из бронзы – сплава меди и олова.

После этого вновь и вновь поднимался вопрос о месте добычи этих двух металлов, так как стало известно, что сама Месопотамия бедна на рудные месторождения (Muhly 1973a; Muhly 1976; Crawford 1974; Alimov и др. 1998; Parzinger 1998a; Parzinger 1998b; Alimov и др. 1999; Parzinger 2000). Анатолия, Кипр, Иордания, Кавказский регион, Иран и Оман могли, принципиально, быть местами происхождения меди. Оман, аналитически и археологически, в наибольшей степени, мог бы быть идентифицирован со страной меди Маган из шумерских клинописных текстов (Weisgerber 1981; Weisgerber 1991; Dercksen 1996). Происхождение олова, в сравнении с этим, представляется намного проблематичнее. Как руда рассматривается, в основном, касситерит, но возможен также станнин. Залежей этих минералов нет в наличии даже в приграничных с Месопотамией территориях. Все ранее названные там месторождения (Arzruai 1884; Field / Prostov 1938) не были подтверждены как существующие (Muhly 1973b).

Необходимо отметить, что ближе всех других предположений, было сообщение Б.А. Литвинского в 1950 году о горных разработках олова (Литвинский 1950). Для того, чтобы проверить указания на древние разработки (Рузанов 1979; Penhallurick 1986; Cierny 1995), были объединены усилия различных научных организаций под руководством Евроазиатского Отдела Немецкого Археологического Института / Берлин (Г. Парцингер, Н. Бороффка, Й. Лутц), кафедры археометаллургии Технического университета Горной Академии / г. Фрайберг (Е. Перничка), Института Горной Археологии Немецкого Музея Горного Дела) / г.Бохум (Г. Вайсгербер, Я.Циерны) для совместной работы с Институтом истории, археологии и этнографии

Академии Наук Таджикистана / г.Душанбе (Ю. Якубов, М. Бубнова, В. Радиллиловский, Д. Старшинин) и Институтом археологии Академии Наук Узбекистана / г.Самарканд (Т. Ширинов, К. Алимов, Ю. Буряков, В. Рузаков). Было принято решение о совместной работе по проекту "Доисламская добыча олова в Средней Азии" (Parzinger 1998a; Parzinger 1998b; Parzinger 2000; Weisberger / Cierny 1999). Проект был поддержан Фондом "Фольксваген", которому мы хотим выразить свою глубокую благодарность.

В данной работе будут представлены результаты исследований в Северном Таджикистане, которые, в основном, касаются всего того, что окружает два месторождения олова на этой территории (рис. 1).

Первое месторождение находится возле Мушистона, в Пенджикентском районе (географическое положение: север 39°18', восток 67°58', высота 2830 м над уровнем моря). В этом районе в семидесятые, восьмидесятые годы 20 века производились разрезы, располагающиеся в водоразделе между Казноком (восточнее) и Негнобом (западнее) месторождений олова, а также были следы древних выработок меди и олова (рис. 1,2). В этом районе не проводились до сих пор масштабные археологические исследования. Из-за высокогорного расположения, необходимо было проведение специальных предварительных работ по подготовке подходов к этому району.

Второе месторождение олова находится на территории Айнинского района, возле Такфона (географическое положение: север 39°12', восток 68°37', высота примерно 1900 м над уровнем моря) (рис. 1,3). Это месторождение было в 30-е годы 20 века идентифицировано и, с некоторыми перерывами, разрабатывалось до середины 80-х годов. Уже в 30-е годы геологи сообщали об остатках древних выработок. Характерной чертой ландшафта вокруг Такфона является устье склонов долины реки Фон-Дарьи, которая имеет берега еще более крутые, чем рядом с Мушистоном, совершенно неприступные и непригодные для обживания. На этом участке были известны два, не исследованных до сих пор поселения – Калаи Зилчуш и Калаи Зилжавшан. Оба поселения были исследованы, и на Калаи Зилчуш проведена шурфовка для выяснения датировок и предположительной взаимосвязи с месторождениями. Кроме того, проводилось исследование прилегающей местности для идентификации предполагаемых археологических пунктов находок.

Дополнительно, нами были обследованы, известные в ходе коротких разведок, археологические следы металлургических производств в Пенджикентском районе, возле кишлака Чукурак (рис.1,3) и в долине Учко, выше кишлака Родж (рис.1,4). В обоих случаях были зарегистрированы места различных археологических находок, среди которых два были неолитическими, одно раннесредневековым и одно принадлежало новому времени (рис. 15.11-15), которые, однако, во временном смысле, не входили

в рамки данного проекта.

Далее, будут представлены результаты исследований и важнейшие итоги проведенных раскопок.

Геологические и природные аспекты Мушистон

Горный массив вокруг месторождения Мушистон является частью Зеравшанского хребта, который, как раз здесь, сложен из мощного пласта палеозойской осадочной породы, стратиграфически прослеживаемой от Ордовика и до Нижнего Карбона. Мушистон является гидротермальным месторождением, при этом многочисленные, но, относительно, слабо концентрированные выходы руды включены в побочную породу. Месторождение находится на уровне Верхне-Силурийской и Нижне-Девонской формации Купрука и переотложенной Верхне-Девонской формации Акбасай.

Пластообразный, мощный, доломитизированный известняк типичен для формации Купрук, в то время, как слои Акбасайской формации сложены сланцами. Тектонически, местность раздроблена на многочисленные блоки. При этом, образование блоков происходило на протяжении двух фаз – Нижнего Карбона и Перми, вплоть до Юрского периода. Формирование самого месторождения стоит в тесной взаимосвязи с ранней тектонической фазой.

Мушистон занимает особое положение среди центрально-азиатских месторождений олова. Особенность его заключается в том, что здесь медь и олово встречаются в руде, и при этом речь идет не о малой минерализации, а о большом месторождении. При выплавке из подобной руды, медь имеет в своем составе большое количество олова. Таким образом, при выходе получается совершенно обычная бронза. Именно это и делает Мушистон особенно интересным в археометаллургическом смысле. Позже, об этой породе будет сказано подробнее. Основной минерал в коренной породе – это станнин-1 (цинкит), который в выходах сопровождается кварцем. В рудах Мушистона соединение значительно отклоняется от обычной формулы. Некоторые из микроанализов, проведенных на различных шлифах, доказывают большое содержание цинка, замещающего в станнине-1 железо. Составные железа и цинка одинаково велики, вариации на различных шлифах не сильно отличаются друг от друга. Некоторые из исследованных проб состоят, практически, из станнина-1. Другие рудные минералы выступают как акцессорные. Среди них можно назвать, наиболее часто встречаемые, сфалерит и касситерит. Также бывают: арсенопирит, пирит, халькопирит (медный колчедан) и тетраэдрит (антимонифальэрц). Тетраэдрит отклоняется от данной формулы, он содержит очень много серебра и, часто, является важнейшим носителем серебра в руде.

Сопутствующие минералы также были установлены при некоторых пробах. Среди них: шеелит, бурнонит, висмутин, галеновисмутин, самородный висмут, галенит, тетрадимит, родостаннит (медно-оловянный сульфид).

Для древних добытчиков коренная порода имела небольшое значение, потому что Мушистон отличается достаточно четко выраженной зоной окисления. На внешней поверхности коренные сульфиды разрушены кислотными соединениями, что приводит к образованию вторичных минералов. Все исследованные свежие пробы коренных пород происходят из материалов отвала современных рудных разработок, в которых достигаются залежи из более глубоких слоев месторождения. Все доступные древние разработки находятся в зоне окисления месторождения. Типичными продуктами этого перемещения являются медно-минеральный малахит, реже азурит и оловосодержащие минералы: касситерит, варламовит и мушистонит (минерал, названный так по имени данного месторождения). Доступные сегодня древние разработки и штольни расположены на высоте, примерно, 3000 м, в сланцах Акбасайского периода (SM 1-4), или на границе слоя Купрук / Акбасай (штольня 3, туннель 1-4). На этом участке слои залегают, приблизительно, в направлении север-юг, и имеют угол падения до 45°, на запад. Как было уже упомянуто выше, выходы руды здесь не очень большие. Так, например, выход руды в штольне SM 4 только 15 см, выход руды в штольне SM 1 – несколько сантиметров. Напротив, на границе слоев Купрук – Акбасай, образовалась зона, богатая рудой. Эта зона идет параллельно слоям. Соответственно, добыча руды в прошлом могла быть здесь особенно масштабной, что доказывают древние разработки в штольне 3 (туннель 1-4). Местами руда выходит гнездообразно или мелкими включениями в карбонат.

Под воздействием выветривания, в зоне окисления изменяется не только состав минерала, но также концентрация металла в руде. В таблице 1 дано 18 анализов пород месторождения Мушистон. Часть проб происходит из отвала штольни 3, некоторые другие были взяты из древних выработок. Анализы дали, за малым исключением, общее высокое содержание меди, олова, цинка, железа и серебра. При этом, в пяти проанализированных пробах коренной породы, составные части рассыпаются на: медь, олово, цинк и железо, с достаточно крепкой связью между собой, и варьируют только в абсолютном содержании, каждая по видам примеси выхода. Медные и оловянные составляющие (вес – %) примерно одинаково высоки. Напротив, в окисленных вторичных рудах это соотношение резко изменяется. Имеются почти чистые, состоящие из малахита медные руды (например, проба T94 / 04-9), такие же чистые оловянные руды (можно рассмотреть, как пример, пробу T94 / 04-3) и все возможные смеси между этими крайностями. Эти отличия объясняются различной растворимостью или мобильностью металлов. Легко растворимые металлы, такие как медь и цинк, посредством

конденсации медленно выводятся из породы в зоне окисления. Растворяемость зависит, прежде всего, от pH – показателя, другими словами от кислотного содержания воды. В кислой среде растворяемость особенно высока. Плохо растворимые или почти не растворимые составные части руды, особенно вторичные минералы олова, остаются как свободные минералы желтовато-охристого цвета в первоначальных рудных выходах (например, пробы Т97 / 13 и 14). Это особенно относится к руде в формации Акбасай, где сланцы не содержат или только в малом количестве содержат карбонаты. Карбонат, в свою очередь, амортизирует в воде содержание кислоты. Кроме того, процесс выветривания, посредством расслаивания сланцев, усиливает связанную с ним высокую проникающую способность воды. И совершенно другое соотношение для руд, которые находятся на переходе карбонированного Купрука к формации Акбасай. С одной стороны, известь или доломиты плохо пропускают воду, а с другой стороны, растворимость меди из-за амортизационного действия карбоната снижается. Хотя руды при этом также окисляются, но составляющие вещества не выводятся, так что эквиваленты, соответствующие станнину-1 (соединение медь / олово) остаются почти такими же (проба Т97 / 17 и 19) (Табл. 1). При образовании богатой руды на переходе Купрук / Акбасай большое значение, по всей видимости, имеет еще и дальнейший процесс обогащения.

В современном отвале из штольни 3 имелись блоки известняка, покрытые толстой малахитовой коркой. Также в пробе Т97 / 16 из древнего лаза штольни в туннеле 3, имеется очень высокое количество соединений меди / олова, выше, чем в основном станнине-1. Здесь, очевидно, имеет место приток меди. Отфильтрованная вода, несущая медь из сланцев, относящихся к акбасайской формации, встречается, в какой-то определенный момент, с залежами Купрук – извести. Изменения, pH – показателей, связанные с этим процессом, приводят к повторному отделению меди, но уже в форме малахита.

Древние разработки на участке Акбасайской формации, например, древняя выработка в SM2 или в SM4, служили, судя по приводимым анализам, добыче олова. При этом в штольне 3 – туннель 1 и 4, где также была найдена керамика, относящаяся к эпохе бронзы, добывалась медно-оловянная смешанная руда.

Следы обработки металла в округе месторождения скудны. Большое значение для археометаллургических исследований имеет находка шлака на одной из террас над ручьем Казнока. Место находки находится севернее месторождения, на высоте примерно 2090 м над уровнем моря (север $39^{\circ} 20.436'$; восток $67^{\circ} 59.872'$). Эта находка содержит в себе некоторое металлическое включение бронзы с оловянной добавкой до 8% и подтверждает этим прямое получение бронзы из оловосодержащей медной руды. Невозможно установить возраст этого шлака, так как речь идет о

случайной находке, которая не сопровождается никаким другим археологическим материалом. Кроме этого, кусочки шлака были найдены вблизи места Пагна. Эти фрагменты кроме меди содержали очень маленькие части олова, поэтому, говоря о них, правильнее сказать, что это находка медных шлаков.

Такфон

Месторождение располагается на южной стороне Зеравшанского хребта, на высоте между 2200 и 2700 м над уровнем моря.

Вмещающая порода подобна Мушистонским палеозойским отложениям (сланец, кварцит, известняк, доломит).

В Такфоне есть два типа руды, которые содержат олово:

– скарны с сульфидами и касситеритом;

– рудные выходы с кварцем и сульфидом и минералы олова: касситерит и станнин-1.

Среднее содержание олова в скарнах составляет только 0,5%, в кварцевых выходах до 1%. В кварцевых выходах встречаются также обогащенные руды, которые содержат до 13% олова. В Такфоне не обнаружены следы доисламских разработок руды, также не найдены следы переработки руды. Руда не была исследована более точно.

Результаты археологических раскопок в местах горных разработок

В 1992 году два научных сотрудника Немецкого Музея Горного Дела – Г.Вайсгербер и Я. Циерны, были приглашены в Таджикистан и Узбекистан для того, чтобы посетить памятники древних горных разработок и вести переговоры о совместных раскопках. При этом была предпринята поездка на Карнаб (Самаркандская область) и геологическую базу г. Пенджикента, где была получена первая конкретная информация о Карнабе и Мушистоне. Два года спустя, исследователи, уже вместе с Е. Перничка (кафедра археометаллургии, Фрайберг), посещают месторождение Мушистон.

Мушистон

Месторождение Мушистон было освоено Магианской геологоразведочной экспедицией в 80-е годы. При бурении и разведочных работах было установлено, что речь идет о примерной цифре в 70 млн. тонн рудных залежей. При разведочных работах были вскрыты древние шахты. Богатое рудное месторождение и архаический вид этих мест добычи были причинами тому, что было решено эти шахты исследовать

археологически.

Здесь проводились работы в течение двух лет – осенью 1997 и 1999 гг.

Осенью 1997 г. были археологически исследованы и зафиксированы многие объекты. Речь идет, прежде всего, о четырех досягаемых участках, найденных при разведочных работах на дневной поверхности. Далее, была исследована древняя выработка в квершлагае современной штольни 3.

В 1999 году были раскопаны следующие 7 древних штолен на склоне Мушистона и продолжены работы в штольне 3. Ниже даётся короткое описание исследованных объектов.

Штольня № 1 (SM1)

Она находится на склоне в стене выступа, выше и примерно в 40 метрах юго-юго-западнее штольни 3, 2990 м над уровнем моря. Сам вход был разрушен при устройстве террасы. Расчищенная старая штольня идет внутрь горы и имеет в сечении нерегулярно-смещённую овальную форму. Расстояние между потолком и дном горизонта по ходу штольни 0,8 м. После 6 м ход штольни сужается до 0,4 м в высоту и заканчивается.

Дно (горизонт) этого удлинения пробито одним, лежащим несколько глубже, участком. Это второе сооружение заканчивается справа, если смотреть из пробова, на расстоянии 2,5 м; слева – идет дальше, образуя камеру 3 x 5 м, чей потолок в этой части поднимается до 2 м в высоту. В 1999 году был раскрыт проход, соединяющий штольню 3 (SM3) со штольней 1 (SM1). В выбросе камня из штольни, особенно с уровня второго горизонта, были найдены в большом количестве куски и частички древесного угля, из чего можно предположить использование здесь огня. Типичные следы огня в забое не были обнаружены, это может быть объяснено особенностями окружающей породы (окварцованного сланца). После разрыхления порода распадается на блоки с острыми краями, которые легко удаляются из забоя. В камере второго горизонта, в отвале камня, был найден фрагмент арчи. Деревья арчи (род можжевельник) растут повсеместно в этой высокогорной местности, до высоты 3000 м над уровнем моря. Метод С-14 дал дату для дерева 1515 – 1265 годы до нашей эры (2 сигма). Других археологических находок нет (рис.4. 1-11).

Штольня № 2 (SM2)

Всего в 10 м по прямой, выше от SM1, расположено следующее древнее место добычи. Его вход был разрушен в наше время. Входное отверстие имеет в сечении форму несколько перекошенного треугольника, с длиной основания 1,8 м и высотой 1,2 м. Сразу из входной части можно пройти в расширяющуюся часть размером 3 x 3 м. Горизонт, при этом, подтесан неравномерно и ступенчато. По всей поверхности участка горизонтально проходит кварцевая жила, которая имеет красный оттенок

из-за оксида железа. В ней прослеживаются включения оксидированной породы олова зеленого цвета. Из отвала происходят: два каменных молотка, фрагмент одного желобчатого била и фрагменты древесного угля, который дал наиболее древнюю дату для Мушистона – 2450 – 1935 г.г. до нашей эры (2 сигма).

Штольня №3 (SM3)

В 5 м восточнее от SM1, еще при работах 1997 года, были выявлены места предполагаемых входов в штольни. Эти входы выглядели как небольшие ниши под засыпанной поверхностью склона террасы. После того, как завал был частично расчищен, произошёл обвал каменных блоков. Работа на объекте была из-за этого прекращена. В 1999 году этот развал был убран бульдозером. Последующие раскопки раскрыли штольню с двумя горизонтами. Второй горизонт находится во взаимосвязи со вторым горизонтом штольни SM1.

Измерения показали, что штольня (SM3) одним подземным участком должна соединяться со штольней 3 (современной). Это было подтверждено также тем, что во время работы в штольне SM3, можно было слышать доносящиеся из неё звуки в штольне 3. В SM3 было найдено большое количество разбитых фрагментов отпечатков дерева, а также куски угля (рис.5).

Штольня № 4 (SM4)

В районе самой верхней террасы, несколько ниже хребта, на высоте 3050м над уровнем моря, была найдена еще одна штольня. Вход был засыпан на расстоянии 0,4 м. После расчистки завала, открылась прямо идущая штольня, с вытянуто-овальным сечением хода. Высота входа составляла 2 м при ширине 1 м. Древние шахтёры разрабатывали здесь кварцевую жилу, которая сегодня хорошо различима на всей поверхности потолка и самого горизонта. Эта штольня (длиной 5 м) не имеет руды, кроме небольшого рудного включения возле входа. В ней было найдено только небольшое количество древесного угля в каменном выбросе.

Штольни № 5 и № 9 (SM5 и SM9)

Во время второй компании, в 1999 году, при осмотре территории с бригадиром Исаевым А., который работал в Мушистоне 15 лет назад, и мог вспомнить места древних разработок, были найдены эти штольни.

Штольни SM5 и SM9 находятся рядом с SM1 и SM3. Это короткие, впущенные в склон разведочные штольни, которые не разрабатывались из-за незначительного содержания руды.

Штольни №6-8 и № 10 (SM6 – SM8 и SM10)

Эти четыре объекта горных выработок находятся на платформе террасы, на высоте 3030 м над уровнем моря, ниже SM 4. Так как именно

там была найдена рудная масса, которая доходит до внешней поверхности, совершенно не удивительно, что уже в бронзовый век здесь велись разработки. Все четыре штольни были разрушены при современных работах.

SM6 и SM8 были, по сравнению с другими штольнями, несколько меньше, хотя речь может идти только об остатках объектов. SM7 и SM10 представляли собой углубления типа воронок. Это означало, что добыча руды здесь проводилась в открытых, продолговатых ямах. В SM6-8 и SM10 было найдено несколько кусков дерева, некоторое количество древесного угля и два каменных молотка.

Штольня №11 (SM11)

Эта небольшая штольня была открыта на восточном краю рудного участка Мушистона. Штольня следовала только вдоль одного рудного выхода, примерно на глубину 3,5 м внутрь склона. Она однотипна с SM5 и SM9. Это может означать, что эти штольни были заложены древними шахтерами только для разведки месторождения.

Древние выработки в квершлагах современной штольни 3

В первых четырех квершлагах, на правой стороне штольни 3 (2970 м над уровнем моря), могли быть прослежены многочисленные следы выработок. Старые строения были частично разрушены, но проведение раскопок во многих местах всё равно было возможно. В квершлагах 1-4 были расчищены многочисленные участки. Надо отметить, что постоянная дневная температура здесь 2-3°C, условия для работы настолько сложны, что необходимо было каждые два часа подниматься наверх для того, чтобы рабочие согрелись на солнце. Это наблюдение дало нам возможность проследить рабочий режим в древности. Наиболее доступная, и потому наиболее исследованная, часть древней штольни была досягаема из квершлага 3 и 4. Во время раскопок найдено большое количество костей животных, древесного угля, остатков оттисков дерева (крепи) и большое количество каменных молотов, некоторые из них имели желобки или насечки.

_Квершлаг 3

На левой стене квершлага находились два вытянутых отверстия овальной формы. После того, как каменный завал был выбран, удалось установить, что правый объект имеет небольшой разработанный участок. Он имел высоту от 0,3 до 0,55 м и длину выработанной части 1,4 м. На поверхности сохранились многочисленные следы употребления инструментов, с которых могли быть сделаны силиконовые отпечатки для реконструкции орудий труда горняков. Рабочий конец зубилоподобного молотка был плоским, сечение четырехугольным 1,5 x 1 см. Длина

сохранившихся рабочих следов доходит до 4 см.

Левее, рядом с вышеупомянутым разработанным участком, находилась штольня, которая, после 5 метров хода, заканчивалась в двух ответвлениях. На выступах опять были обнаружены следы работы молотком. В правом ответвлении в каменном выбросе были найдены два керамических фрагмента. Один из них не орнаментирован, второй покрыт горизонтально расположенным орнаментом, "рыбья кость" (Fischgratenband). Параллели с андроновской культурой очевидны. Особенно, если сравнивать с находками из могильников Дашти-Кози, возле Айни (Пенджикент). В конце квершлага 3 находится другой древний отрезок. При измерениях здесь, в двух местах были найдены остатки древесного угля. Радиоуглерод дал дату примерно около 900 г. до н. э. (1200-800, 2 сигма).

Квершлаг 4

Этот квершлаг располагался в 16 м южнее от квершлага 3. На левой стороне находится узкий проход – лаз, через который с трудом можно попасть в двойную камеру. Высота варьирует, но в обеих камерах можно стоять в полный рост.

Первая камера имеет четырёхугольную форму и размер 6х4 м. На горизонте лежит каменный выброс и каменный развал. На дальнем участке различимы ходы, уходящие вглубь, но, из-за сильных разрушений, они оказались недоступны. Справа, обе камеры разделены опорной перегородкой, которая имеет ширину 2,5 м. Вторая камера имеет форму песочных часов. Она примерно 12 м длиной, оба конца по 5 м шириной, а в центре 2 м шириной. На горизонте везде лежит каменный выброс, а также большие каменные блоки. В выбросе и на стенках хода можно видеть следы угольного порошка. В местах выхода рудной жилы отмечены следы использования орудий горняков, также как и в старой шахте квершлага 3. Эти следы имели ширину 1,5 см, некоторые из них были оставлены зубилообразным орудием другой формы, с шириной режущей кромки 2 см.

На северном конце этой камеры в 1999 году удалось расчистить проход к древним штольням квершлага 3. Южный конец камеры является, одновременно, восточным концом древней выработки, которая тянется почти на 80 м вглубь горы (измерения от входа в штольню). Прямо возле опорной перегородки, в первой камере, в выбросе камня, был найден отпечаток дерева. Дерево дало по анализу С-14 дату между 1645 и 1250 г.г. до н.э. (2 сигмы).

Следы обживания, относящиеся к бронзовому веку

При обходах Ю. Якубовым местности, прилегающей к руднику, недалеко от источника, на скальном выступе, в 300 м юго-западнее горного

хребта, были обнаружены керамические фрагменты лепных сосудов. Некоторые из них были покрыты типичным для андроновской культуры орнаментом, "рыбья кость". Дальнейшее исследование и зондаж этого участка не дали никаких других древних находок. Это может быть связано с тем, что это место, из-за источника воды, использовалось многократно в древности. Различные уровни древних поверхностей были так сильно разрушены очагами и фундаментом находящегося там каменного дома, что предполагаемые древние культурные слои не могли быть зафиксированы. При зондаже были найдены кости животных, фрагменты глазурованной посуды, современные находки.

Общие выводы

В Мушистоне были раскрыты и зафиксированы древние шахты по добыче олова и медной руды. Радиоуглеродные анализы дерева креплений (крепов) в квершлага 4, с объекта №1 и древесный уголь в квершлага 3 и SM2 приводят к заключению, что штольни Мушистона использовались в первой половине 2 тыс. до н.э. и на стыке тысячелетий. Покрытые орнаментом керамические фрагменты от лепных сосудов из квершлага 3 и находка таких же керамических фрагментов рядом с источником воды, указывают на носителей андроновской культуры. Наиболее близкий и известный по археологическим находкам памятник андроновской культуры в Дашти-Кози (Исаков, Потемкина, 1989; Бобомуллоев, 1998) находится по прямой от Мушистона всего лишь в 20 км. Горные разработки Мушистона, относящиеся к эпохе бронзы, могут быть, по крайней мере, по исследованиям в двух пунктах, оценены, как представляющие исключительный научный интерес памятники доисторического времени. Во-первых, это древнее известное место горных выработок с широко разветвленной подземной системой по добыче олова. Во-вторых, это месторождение, на котором оловянные и медные руды сведены в одно место. Благодаря этому было возможно в прошлом, при переработке руды с таким составом, неосознанно прийти к открытию оловянных бронз. До сих пор, находка оловянных бронз объяснялась как результат специальных добавок руды олова в медь, во время процесса предварительного плавления. При этом предусматривалось, что две руды добывались в разных местах и мастера должны были обладать определенными знаниями особенностей подобных сплавов. Только теперь стало известно, благодаря проведению плавильных проб, что из руды такого месторождения как Мушистон возможно было сразу получать бронзу (Lutz, Herdits, Cierny, плавильные пробы в марте 1999 на кафедре археометаллургии, Фрайберг). Первые оловянные бронзы известны на Ближнем Востоке с 3 тыс. лет до н.э. (срав. Pernicka 1990, с.52; Pernicka 1998, с.138, рис.1а, 1б). Штольни Мушистона находились в производстве,

по результатам проведенных раскопок, с начала 2 тыс. до н.э. Возможность находки следов более древних разработок не исключается.

Такфон

В 1998 году были проведены исследования горного месторождения Такфон. На этом месторождении, по результатам разведок 80-х годов, было сообщено о находках следов древних штолен.

Трехнедельное обследование территории рудника позволило выявить остатки геологических исследований 30-х – 60-х годов 20 века. Древние горные разработки Такфона пока не подтверждены.

Результаты археологических раскопок

В ходе работы были зарегистрированы все случайные наблюдения и фрагментарные находки, а на некоторых археологических объектах проводились зондажи, в виде небольших разрезов или раскопок.

В окрестностях Мушистона были найдены: кремневый отщеп, в семи местах керамические фрагменты, пять мест скопления шлаков и пять, бросающихся в глаза, изменений поверхности или остатков памятников, которые были различимы на дневной поверхности. Единственной древнейшей находкой является кремневый отщеп (рис.15.6). Два места со скоплением керамических фрагментов могут быть датированы на основании полученного материала периодом средневековья или новым временем (рис.15.10). Пять зондажей не дали никаких находок. Пять пунктов, на основании находок, могут быть датированы V-VIII в.в. (рис. 14.9-15; 15.1-5). Описание исследования поселения Сари Хауз, грота, объекта “Горное святилище” и “Кенотафа” будут даны полностью. Находки шлаков лежат, в основном, ниже в долине у месторождения Кони Нукра и датируются средневековьем (X-XIII вв. по С-14).

Рядом с Такфоном были проведены замеры двух поселений: Кала Зилчуш и Кала Зилжавшан. Вновь зарегистрированными являются средневековые и современные могильники (Кабристон Муфтиюм, см. ниже).

Результаты раскопок Мушистон, “Горное святилище” (пункт Т015)

На небольшой, но выраженной террасе, напротив бывшего лагеря горных рабочих было исследовано четырехугольное сооружение из камня. Терраса (север 39° 18.546', восток 67° 59.132', высота 2881 м над уровнем моря) лежит несколько ниже водораздела между Казноком и долиной Пагна, вплотную к современной дороге, которая относится к советскому времени и проходит по одному из древних проходов. Именно отсюда открывается один

из самых широких обзоров долины Казнок и рудника Мушистон.

Сооружение (рис.7) состояло из северного и южного ряда выложенных каменных блоков (длина каждого ряда около 5 м). В центральную часть западной стены, которая имеет длину до 4,5 м, вставлен большой стоящий камень 1,2 x 1,0 x 0,9 м. Восточная сторона состоит из двух отрезков, каждый из которых сложен из камней разных размеров. Эта сторона выступает наружу на 2 метра, в виде угла, за прямоугольную границу сооружения.

С внутренней стороны к этой стене примыкал камень с плоской верхней поверхностью, на которой был прочерчен "Н"-образный знак.

Внутри сооружения, от большого камня до середины, была расчищена каменная забутовка прямоугольной формы, шириной 1,50 м. После расчистки было выяснено, что под этой каменной забутовкой находился тонкий слой гумуса, в котором были найдены керамические фрагменты. Под восточной частью забутовки из камней и под слоем гумуса была открыта яма диаметром – 60 см, заполненная до краев углем (С-14 дал дату 1330-1450 гг.). В яме найден точильный камень из твердой тёмной породы (рис.8.5). Фрагменты лепной керамики, найденные в яме и в слое земли, имеют светло – или темно-коричневый черепок, в изломе – с примесью белых добавок. Сосуды имеют простые, слегка утолщенные или отогнутые наружу венчики. На одном фрагменте стенки сосуда сохранилась лента прочерченного орнамента в виде "рыбьей кости". Для вышеописанной каменной конструкции, на сегодняшний день, известных опубликованных аналогий нет.

Из датирующих находок надо отметить керамический фрагмент с прочерченным орнаментом в виде "рыбьей кости". Такой орнамент является типичным для андроновской культуры эпохи бронзы. Аналогичный керамический материал был найден в могильниках андроновской культуры на Дашти-Кози (Исаков, Потёмкина 1989, рис.4, 14-15; Бобомуллоев 1998), на Тепаи Камар (Исаков 1983, 356-362, рис. 5, 2.6), на Бустане 6 (Аванесова 1997, рис.17,1-3). Этот орнаментированный фрагмент соответствует некоторым керамическим фрагментам из рудников (штольня 3, квершлаг 3).

Изолированное положение каменной ограды, также как и детали конструкции – стела с западной стороны, плоский камень с маркировкой – с восточной стороны, позволяют предположить наличие небольшого "Горного святилища" – места для жертвоприношения – мазара.

Факт того, что находки керамики могут четко датироваться эпохой бронзы, но анализ С-14, при этом, показывает позднесредневековую или современную дату, может быть объяснен тем, что это место, из-за своего топографического положения, длительное время или повторно использовалось. Возможно, существует еще связь со средневековым могильным сооружением (Кенотафом), расположенным ниже по склону.

Мушистон, “Кенотаф” (пункт ТО16)

В долине Казнока расположено большое количество округлых каменных сооружений. Они располагаются примерно в 1 км восточнее рудников Мушистона (север 39°, 18.749'; восток 67°, 58.870'; высота 2671 м над уровнем моря). Одно из них было раскрыто. Круглая насыпь сооружения состояла из камней длиной 10-15 см (рис.8. 6). С северной стороны лежала, очевидно, одна упавшая стела удлиненной формы (1,10 x 0,50 м), из мраморовидного известняка. Под каменной насыпью был раскрыт слой стерильной земли. Таким образом, эта конструкция может быть определена как – кенотаф.

На основании формы могилы и стены это сооружение может быть датировано раннесредневековым временем (Литвинский 1972; Горбунова 1981; Litvinskij 1986; Обельченко 1992; Трифонов 1975; Docimbaeva 1995).

Мушистон, Сари Хауз

Перевал “Сари Хауз” / Кухи-Чур находится примерно в 3 км севернее рудника и состоит из скальной вершины Кухи-Чур, которая возвышается на севере над горным хребтом и соединяется с ним через вытянутый в длину перевал Сари-Хауз. Перевал имеет следующие координаты: север от 39°,19.974' до 39°,20.036', восток 68°, 00.219' до 68° 00.409'; высота 2450 м над уровнем моря. На юго-восточном склоне, ниже скальной вершины находится грот. У южного и юго-восточного склона вершины Кухи-Чур и на перевале, узнаваемы выступающие из земли остатки оборонительной стены, сложенной из камней. Эта стена имеет снаружи, в трех местах, четырехугольные, башнеобразные выступы (примерно 2 x 3 м). От них до перевала, который находится южнее укрепления, прослеживаются четырехугольные очертания стен.

На внешней поверхности юго-восточного склона перевала и на самом перевале было собрано большое количество керамических фрагментов и бусина из серпентина (рис.14.5).

На северо-западной стороне перевала, в месте расположения одной стены был заложен поперек этому склону шурф 4,7 x 2,00 м (разрез 7). При этом предусматривалось исследовать частично видимые остатки стены и стратиграфию участка.

На северо-западе раскопа, вдоль края террасы, была раскрыта стена на глубину 2,6 м. В ходе работ фундамент стены не был достигнут, по расположению местности он должен располагаться значительно глубже. Стена состоит из необработанных скальных блоков длиной до 0,6 м, которые скреплены глиняным раствором и могли служить для укрепления края террасы (рис. 9. А, С).

Западнее ее, на верхнем плато перевала, наискосок к стене террасы

расчищен ряд каменной кладки, которая располагалась в направлении север – северо-восток юг – юго-запад. Каменная кладка сложена из каменных блоков размерами до 40 x 50 см, над которыми были расчищены единичные рухнувшие кирпичи из необожженной глины (рис.9). Непосредственно над этим фундаментом из камней находился слой красной прокаленной глины, толщиной 3-4 см. На глубине 1-1,1 м от дневной поверхности, на небольшом отрезке в юго-восточном углу разреза, были расчищены остатки еще одного ряда камней. Этот ряд идет параллельно стене, укрепляющей террасу, и расположенной на расстоянии 2,4 м северо-восточнее от нее.

В промежутке между этими стенами найдены, не связанные ни с чем, отдельные кирпичи из не обожженной глины. До глубины 1,7-1,8 м не было ничего найдено. На участке раскопа материковая поверхность не достигнута. Среди немногочисленных находок необходимо упомянуть десять фрагментов костей и четыре фрагмента керамики. Лепная керамика представлена: фрагментами одной чаши с отогнутым венчиком, небольшим фрагментом поддона сосуда и одним фрагментом стенки гончарного сосуда со светло-красной полосой краски. Так как керамика этого разреза очень похожа на керамику, собранную на дневной поверхности и в гроте, расположенном ниже Сари Хауз, то она может быть отнесена к одному археологическому комплексу и рассматриваться позже, вместе с материалом со следующего пункта нашего исследования.

Мушистон, грот ниже Сари Хауз

Ниже перевала Сари Хауз, в скальном известняковом выступе, находится грот (север 39° 20.021'; восток 68° 00.404'). Грот имеет два входа, которые разделены между собой скальной перегородкой. Грот уходит на глубину 5 м в скалу и имеет высоту прохода до 1,5 -1,7м.

Для того, чтобы проверить предположение о том, что в этом защищенном закрытом месте, в непосредственной близости к поселению и укреплению Сари Хауз / Кухи Чур, могут быть найдены археологические остатки, были проведены раскопки на участке каждого из входов в грот (разрез б и ба) (рис.10).

Юго-западный раскол (разрез б) не дал никакого археологического материала, однако было зафиксировано три горизонтальные поверхности с местом, где использовался огонь. В восточном раскопе (разрез ба) было также выделено две горизонтальные поверхности с местами использования огня (рис.10в).

Керамические находки на Сари Хауз – с поверхности и из раскопа 7, также из грота ниже от Сари Хауз – раскол б и ба, выглядят однотипно. Преобладают изготовленные от руки темно-серые или красно-коричневые керамические черепки, тесто которых часто отощено слюдой (рис.11, 13.1-7, 14.1-3,7). Очень редки среди находок фрагменты гончарных сосудов

(рис.12, 14. 4,6,8).

Среди сосудов, изготовленных вручную, можно выделить широкие горшки с раздутым туловом с более или менее отогнутыми наружу краями (рис.11.1-6, 13.3,5, 14.1-3,7) с плоским дном. На стенках сосудов имеются небольшие наклепные ручки или подковообразные "ухваты" (рис.11.4,6) или ручки в виде утолщений (рис. 13.5). Такая форма, типологически, из-за широкой верхней части, часто относится исследователями к котлам (Якубов 1979, рис. 40-41, (Пархар, VII-VIII вв.)). В качестве украшения выступают небольшие полосы с насечками (рис.11.2,5-6); горшки с округло-раздутым корпусом, узким горлом и отогнутым венчиком (рис.13.7); горшки с цилиндрической верхней частью. Один сосуд был украшен наклепом под венчиком в виде утолщения (рис.13.6); кувшины с узким горлом, отогнутым наружу краем и ручкой, прикреплённой в верхней части к венчику сосуда (рис.13.2).

Среди гончарных сосудов выделяются: горшки с широким коротким горлом и несколько утолщенным (рис.13.3,5,10), профилированным, выступающим наружу (рис. 14.4) или ступенчатым венчиком (рис.14.6). Некоторые сосуды имеют ручку, прикрепленную в верхней части сосуда к венчику (рис.12.10). Они украшены пятнышками красной краски (рис.14.6) или прочерченными волнообразными линиями и насечками (рис.12.4,10).

Горшки с выпукло-надутым туловом, узким, приближающимся к цилиндрическому, горлом и отогнутым уплощенным краем (рис. 12.1-2,6,9), которые покрыты красным (рис.12.1,6) или черным ангобом (рис.12.2) или наклепными полосками (рис.12.9). Сосуды с узким горлом и внутренним краем (рис.14.8), которые также покрыты красным ангобом. Еще один широкогорлый сосуд с отогнутым, наружу оттянутым концом и ручкой, прикрепленной к венчику и находящимся сбоку на тулове носиком-сливом (рис.12.8). Этот сосуд в верхней части имеет красное покрытие. Одному из найденных сосудов может принадлежать фрагмент кольцевого поддона и небольшая часть стенки с прочерченными волнообразными линиями. Снаружи, на верхней поверхности зеркала сосуда, находится часть штампа с узкой спиралью (рис.12.7).

Подобные раздутые горшки были найдены в Душанбе (Бубнова 1991, рис.4,25 – ранее средневековье), на Курганче (Фергана) (Салтовская 1991, 43, рис.2,1-2 (VI-VIII вв)), в Пенджикенте (Бентович 1953, 133-135, таб.8 (VII-VIII вв.)), Исаков 1977, 122-144, рис.46;49 (V-VIII вв.)), на Расулбайкунтепа (Падаев 1992, рис.2,2 верх (IV-V вв.); рис.2,14; 3, 8.14.20 низ (VII-VIII вв.)), на Шишихоне (Атаханов 1991,291, рис.5,1-5 (V-VIII вв.)) или в районе распространения культуры Каунчи (фаза 2 и 3)(Левина 1971, рис.59, 137-148.305 (Каунчи II-III = IV-VIII вв.)); Буряков 1982, рис.8, 10-12 (Каунчи II-III = II-VI вв.) и могут быть датированы IV-VIII веками.

Также, для подковообразных захватов можно найти прямые параллели

(на Айтугды-Тепе, в Душанбе, в Пенджикенте, на Расбулбайкултепа, на Шишихона) для этого времени. Горшки с округлым туловом и узким горлом были найдены в Пенджикенте (Исаков 1977, 122-144, рис.46; 49) в нижних горизонтах Расулбайкултепа (Падаев 1992, рис. 3,3.13) и датируются IV-V веками. Форма венчика, как у нашего гончарного горшка с широкой верхней частью, также распространена на территории Каунчи (фаза 2-3) (Левина 1971, рис.59, 185. 187. 319. 320; Буряков 1982, рис. 8, 2-4). Гончарные горшки с раздутым округлым туловом известны с Айтугды-Тепе (Кабанов 1972, рис. 4,5) и датируются V-VII веками. Горшки со сливом, также покрытые ангобом, имеются в Пенджикенте (Исаков 1977, 122-144, рис.37, 5.8) и укладываются в рамки V-VIII веков.

В общем, после исследования на Сари Хауз / Кухи Чур, можно говорить, что речь идет об одном укреплении с примыкающим к нему открытым поселением и о датировке VI-VII веками.

Такфон, Кала Зилчуш

Укрепление Кала Зилчуш (север 39° 12.640', восток 68° 37.798') находится на северной окраине современного селения Такфон, рядом с местом впадения текущего с запада ручья в реку Ремон, на крутом скальном выступе (рис.16) (2010 м выше уровня моря). Скальный выступ выдаётся, примерно, на 100 м над Ремоном, вытянут в направлении север – юг и соединяется с горным массивом через глубокий перевал на севере. Многочисленные остатки каменных стен, распознаваемы на поверхности (рис.16). На севере могут быть прослежены остатки башни, которая завершает сооружение. На перевале, у северного подножья скальной вершины, проходит широкая стена в северном направлении.

Южнее этой скальной вершины также прослежены сохранившиеся части стен, которые служили для укрепления террасы. Южнее находятся еще две террасы, которые, в свою очередь, также укреплены двумя идущими по краю пролетами стен. Одна из них, южная, снабжена округлой конструкцией на юго-западном углу и четырёхугольным бастионом в центре. Восточнее этого места, проходят в направлении север – юг другие стены, укрепляющие террасу. С юга примыкает самая большая терраса, которая на западе укреплена одной длинной стеной. На южном краю этой стены находится бастион, а в юго-восточном углу – округлая конструкция (башня). На востоке сохранились очень небольшие отрезки стен, остальные, скорее всего, обвалились. На внешней поверхности найдены керамические фрагменты (рис.19.3-4,6) и ещё один сохранившийся сосуд с пальцевыми вдавлениями на внешней поверхности венчика, с четырьмя маленькими напелами внутри сосуда, с красной раскраской (рис.19.2). Этот сосуд был принесён одним из местных жителей.

Раскоп (3 x 4 м), заложенный по линии север-юг, южной узкой стороной

был ориентирован по внешнему фасаду южной стены. При этом, вся ширина южной стены попадала в раскоп, также как и лежащая с внутренней стороны часть южной террасы (рис.16,18). Раскоп был заложен на этом месте, потому что, по наблюдениям, это могла быть единственная часть с не потревоженными культурными слоями, которые могли прояснить стратиграфическую картину. При этом была затронута часть внутренней застройки, после чего поверхность раскопа была расширена. Были расчищены слои до глубины 2,5 м от дневной поверхности.

Самый ранний слой обживания (рис.18С), отмечен прямо на материке (сланец), и представляет собой эрозионный слой рыхлого сланца (рис.17.30). Были открыты угол помещения (рис.17.5-6а,18 С-6-6а) и коридор с платформой из необожжённого сырцового кирпича (рис. 17.29,18.С-29) и дверной проход, открытый на севере. Под полом этого сооружения (рис.17.28,18.С-28) лежали фрагменты одного большого, изготовленного от руки, горшка, с ручкой в виде подковообразного ухвата (рис.19.1), небольшое количество костей животного, многочисленные косточки от абрикосов, слив. Над последним полом также были найдены керамические фрагменты (рис. 19.7-8), вырезанный деревянный клин от дверной коробки, также кости животных (рис.19.9), скорлупа одного лесного ореха и косточка абрикоса.

Во второй фазе жизни городища, очертания стен остаются неизменными (рис.18В). Некоторая разница прослеживается в западной части помещения, где в это время уже отсутствует порог. На втором уровне пола и над ним было найдено небольшое количество лепной керамики (непрофилированные стенки), кости животных, в большом количестве косточки абрикоса, две скорлупы от лесных орехов и одна косточка сливы. Из-за узости пространства между стеной раскопа и пролетом стены, невозможно было вести дальнейшие раскопки в северо-западном углу, под вторым полом. Для последней фазы поселения может быть отмечено изменение планировки помещений. Массивная южная каменная стена отодвинута дальше и восточный её конец (юго-восточный угол раскопа) был разобран (рис.18А). При этом, некоторые камни на южном фасаде расположены так, что легко могут быть отнесены к проходу, образовавшемуся здесь. Внутренняя сторона прохода была выровнена и оштукатурена толстым слоем глины. Эта штукатурка в нескольких местах носит следы пожара. Третий уровень пола доходит до юго-восточного прохода (рис.18А). Далее, используется только часть стены от всего северного угла. Эта стена, расположенная по линии север-юг, несколько скошена, так как её восточная сторона была частично разрушена при обрушении примыкающей стены по линии восток-запад. Разрушенный отрезок был продлен за счет одного положенного и одного поставленного на боковую сторону кирпича (рис.18А). В это южное продолжение северной стены, и в одну, выкопанную в южной стене нишу, были вставлены концы, сделанного из дерева, дверного порога.

Так как нижнее углубленное отверстие порога находилось на юге, дверь открывалась за запад. На северном и южном конце порог имел четырехугольные отверстия (11 x 3,5 см; глубиной 3 см), в которые вставлялись перпендикулярно доски дверной коробки. Её остатки наблюдаются с северной стороны. Ширина двери равнялась примерно 0,7 м. Восточнее северной стены находился проход шириной 0,85 м, который с востока был ограничен стеной из сырцового кирпича, видимой в восточном профиле. Эта стена построена по направлению, стоявшей здесь ранее, каменной стены, только при этом несколько сдвинута на юг. Поверхность пола на северо-востоке и на юго-востоке, также как и глиняная обмазка штукатурки, закрывавшей сырцовые кирпичи, была прокалена. На поверхности пола в западном помещении находились остатки деревянной балки, лежащей в направлении север-юг (рис.18А). В северо-восточном помещении находился завал, который состоял из остатков сгоревших кусков дерева и балок, упавших с севера-востока (рис.17.4,18А 10). По всей видимости, это части обрушившегося перекрытия крыши. Затем лежат упавшие кирпичи, камни, рыхлая земля с гравием и гумус (рис.17.5). В юго-восточном помещении лежали сгоревшие палки и остатки балок, особенно рядом с южным дверным проемом. Они могут быть отнесены к конструкции двери или крыши. Этот участок и вообще весь южный проход, были, в основном, заполнены камнями и упавшими кирпичами, под которыми был прослежен слой земли и далее слой гумуса (рис.17.1-2). Над третьим уровнем пола были найдены керамические фрагменты (рис.17.9-10,18А 9-10), определяемые остатки металлических предметов, кости животных, косточки абрикоса, один земляной орех и косточка от вишни. Надо отметить, что в юго-западном углу на полу были зафиксированы остатки места для хранения хвороста.

Немногочисленный спектр находок всех трех фаз (Такфон – Кала Зилчуш 1-3) и материал с дневной поверхности, похожи между собой. Почти вся керамика лепная, с красным в изломе черепком из-за окисленного обжига. Изделия, в основном, не аккуратно окрашены. Разнообразие форм небольшое. Определяются такие же формы горшков (рис. 19.1,3,5-8), которые были найдены на Мушистоне “Сари Хауз” и в гроте ниже “Сари Хауз” (Мушистон, разрез 6, 6а и 7). Они могут быть датированы VI-VII веками. Кроме того, найден фрагмент горшка с налепом подковообразной формы, украшенный насечками. Налеп находится ниже венчика сосуда. Стенка этого сосуда значительно утолщается в нижней части, образуя резко выступающее ребро на внешней поверхности (рис.19.1). Следующий сосуд небольших размеров с волнообразно формованным краем. Внешняя поверхность полностью, а внутренняя частично и натеками покрыта, красным ангобом. На внутреннем зеркале сосуда имеются четыре круглых налеса (рис.19.2). Типологически, горшок, с ребром на внешней поверхности и ручками, может

быть отнесен к котлообразным сосудам, но аналоги к нему, по опубликованным материалам, пока не найдены. Чаша с волнообразным краем, типологически, определяется как светильник, являясь распространенной формой, найденной на городище Пенджикент и датируется VII-VIII веками (Бентович 1953, 140-141, рис. 9.1; Маршак 1961, 185, таб.7,4 (тип 3)).

Таким образом, укрепление Кала Зилчуш может быть, как и Сари Хауз / Кухи Чур возле Мушистона, определено как высокогорное поселение VI-VII веков.

Такфон, Кала Зилжавшан

Недалеко от впадения реки Ремон в Фон-Дарью, восточнее и выше по течению современного поселения Такфон, расположено укрепление Кала Зилжавшан (север 39°, 12.193, восток 63°, 37.334). Оно располагается на возвышенном месте, которое соединено через перевал с горами на северо-востоке. Несмотря на то, что эта территория много раз в послевоенное время осваивалась (были заложены топографические метки, построена насосная станция), все же можно проследить остатки каменных стен, которые дают в итоге общий план (рис.20). Стены сложены из камней больших размеров в глиняном растворе. Керамика, собранная с внешней поверхности и рядом с укреплением соответствует керамике с укрепления Кала Зилчуш и может быть датирована V-VIII веками. Также имеются керамические фрагменты, которые датируются X-XI веками и некоторое количество современных керамических фрагментов. Из-за того, что внутренняя часть укрепления разрушена в ходе современной строительной деятельности, было ясно, что раскопки вряд ли дадут возможность зафиксировать не потревоженный культурный слой.

Такфон, Кабристон Муфтиюм

Около 1 км восточнее Такфона, на левом берегу Фон-Дарьи, располагаются остатки, разрушенной самой же рекой, эрозионной террасы. Проход вдоль реки (север 39° 11.989, восток 68° 37.869) называется Кабристон Муфтиюм (Кладбище Муфтиев). В профиле эрозии наблюдаются многочисленные погребения, спущенные на различную глубину (до 7 м) от дневной поверхности. Само название и расположение погребённых по линии север-юг, говорит о том, что описываемое место использовалось в исламское время как кладбище. Погребальные конструкции имеют одинаковые строительные приемы и оформление. Поэтому в рамках данного проекта, было зафиксировано одно погребение, небольшая часть которого, была уже обрушена и без больших усилий подверглась расчистке и исследованию.

Зафиксированное захоронение (рис.21) имело верхнее перекрытие из 4 сохранившихся каменных блоков. Над костяком лежали три деревянные

балки. Большие каменные блоки были выложены вокруг костяка в виде ящика, который имеет некоторое сужение к голове и ногам погребенного. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на север. Голова была несколько запрокинута, так как именно эта часть погребения подверглась оползню и разрушению. Под костяком была прослежена тонкая присыпка из песка, лежащая на материке (рис.21.1). Не было найдено никакого погребального инвентаря.

Формы захоронений в Центральной Азии в средневековое и в новое время были различными (см. Поляков 1972; Поляков 1977; Горбунова 1981; Litvinskij 1986; Грицина / Усманова 1992; Заднепровский 1995). Поэтому для этих погребений не могут быть выделены какие-либо элементы, дающие точную датировку. Наиболее близкие аналоги конструкций могут быть найдены на Культепа (XII-XIII века) (Грицина / Усманова 1992) или на Несторианской могиле в долине Чуй (XII-XV века) (Бернштам 1950, 157, таб. 95,20). Однако, там погребальные камеры построены из кирпича. Захоронения на старом и новом кладбищах Такфона указывают также на подобную форму камер, но из каменных блоков. Время функционирования кладбища может быть определено между XII-XX веками, более точная фиксация даты не возможна.

Общие итоги археологических исследований на севере Таджикистана, в районе разработок олова, дают следующую картину: местность, окружающая Мушистон и примыкающая непосредственно к местам добычи олова, была освоена со времени не позднее бронзового века (высокогорное святилище). Нахождение небольшого святилища может указывать на длительное заселение или, по крайней мере, повторное посещение этого района. Остатки каких-либо культурных слоев, подтверждающие такие предположения, не могут быть зафиксированы. Они, из-за природных особенностей изучаемой местности, либо совершенно уничтожены или находятся на недоступной глубине, из-за каменных завалов. Однако, бесспорно, что активность вокруг месторождения приходится уже на бронзовое время. Новая интенсивная деятельность в Мушистоне может быть подтверждена опять с периода V века, и связывается не только с добычей меди, олова, но и с разработками свинца и серебра.

Поселения, заложенные в древности в долине реки Ремон, возле Такфона, не могли быть визуально обнаружены. Исследование было ограничено, прежде всего, недоступным, сильно эрозированным ландшафтом. Только для времени, начиная с V в. нашей эры, можно говорить о длительном заселении этой местности на основе зафиксированных двух укреплений. Нет точных указаний на взаимосвязь поселений с местами добычи олова, однако, топографическое расположение обоих укреплений: Кала Зилчущ – недалеко от места добычи и Кала Зилжавшан – над входом в долину, разрешает делать подобные предположения.

Таблица 1

Результаты анализов 18 проб руды из Мушистона. Измерения для Sn, Zn, Fe, As, Sb, Ag и Ni были проведены при помощи анализа активирования нейтронов, для Cu, Pb и Bi – спектральным анализом атомной абсорбции. Все данные приводятся или в% или $\mu\text{g/g}$ ($10000 \mu\text{g/g} = 1\%$). У данных, с поставленным впереди «<», речь идёт о границах учёта, так называемая очевидная концентрация меньше, чем данные показатели.

Пробы	Место находки	Описание	Cu	Sn	Zn	Fe	As	Sb	Ag	Ni	Pb	Bi
			%	%	%	%	$\mu\text{g/g}$	$\mu\text{g/g}$	$\mu\text{g/g}$	$\mu\text{g/g}$	%	%
T94/04-1	Отвал штольни 3	Окс.руда (олово)	11,5	30	1,08	6,9	5700	14100	3200	<100	0,8	0,3
T94/04-2	Там же	Малахит	27	0,1	0,25	0,55	187	72	38	2,2	0,017	<0,010
T94/04-3		Окс.руда (олово)	1,45	34	1	6,5	7300	4800	890	<70	0,308	0,101
T94/04-4		Окс.руда (олово)	4,7	33	0,58	7,8	4500	247	2400	<50	<0,009	0,028
T94/04-5		Окс.руда (олово)	7	20	1,18	5,3	6200	1240	1410	<60	0,009	0,099
T94/04-6		Корен. порода	4,5	4,9	1,66	2,49	1,53	15,8	310	<10	<0,008	0,016
T94/04-7		Корен. порода	2,98	4,8	1,69	2,5	3	10,7	390	6	<0,007	0,023
T94/04-8		Корен. порода	14	15	4,6	4,2	4400	1240	1040	<35	0,029	<0,008

Пробы	Место находки	Описание	Cu	Sn	Zn	Fe	As	Sb	Ag	Ni	Pb	Bi
			%	%	%	%	µg/g	µg/g	µg/g	µg/g	%	%
T94/04-9		Малахит	50	0	1,16	0,25	59	14,1	2,53	<8	0,033	<0,008
T94/04-10		Преим. малахит	16,4	2,3	0,42	1,95	450	27,8	135	9,7	<0,009	0,02
T97/04a1		Корен. порода	6,5	6,4	2,27	2,37	4100	710	410	<50	0,038	0,044
T97/04a2		Корен. порода	15,4	16	4,2	4,2	1360	1280	950	<50	0,039	0,038
T97/13	Кровля штольни SM 4	Окс.руда (олово)	1,94	7,3	0,16	2,43	5400	1330	380	40	0,013	0,073
T97/14	Кровля отхода SM2	Окс.руда (олово)	0,42	20	0,25	5	5800	12600	790	<70	1,01	0,168
T97/15	Шт. 3,Кв.3, подпорка	Окс.руда	8,9	6,6	2,74	3,4	2140	590	440	45	<0,006	0,058
T97/16	Шт.3,Кв.3,в ыработка	Преим. малахит	17,2	2,9	2,13	2,09	1830	970	193	47	0,029	0,031
T97/17	Шт.3,Кв.3,в ыработка	Окс.руда	4,9	4,5	3,6	2,11	1150	640	268	66	<0,006	0,023
T97/19	Забой штольни 1	Окс.руда	8,2	7,9	1,72	2,84	4800	3100	246	175	0,053	0,04

ЛИТЕРАТУРА

Атаханов 1991

Т.М.Атаханов, Работы на городище Шишихона в 1983 г. АРТ 23, 1983 (1991), 284-297.

Бентович 1953

И.Б.Бентович, Керамика Пянджикента. В кн: Труды Таджикской Археологической Экспедиции 2, 1948-1950 гг. МИА 37 (Москва, Ленинград 1953), 133-145, Таб. 8-10.

Бернштам 1950

А.Н.Бернштам, Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина". МИА 14 (Москва, Ленинград, 1950).

Бостонгухар 1998

С. Бостонгухар (Бобомуллоев), Верховья Зерафшана во II тысячелетии до н. э. (Душанбе 1998).

Бубнова 1991

М.А.Бубнова, Археологические работы на территории города Душанбе в 1983 г. АРТ 23, 1983 (1991), 332-346.

Буряков 1982

Ю.Ф.Буряков, Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса (Ташкент 1982).

Горбунова 1981

Н.Г.Горбунова, О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э. Археологический Сборник Государственный Орден Ленина Эрмитаж 22, Л., 1981, 84-99.

Грицина 1992

А.А.Грицина, Археологические памятники сырдарьинской области (Ташкент 1992).

Грицина / Усманова 1992

А.А.Грицина / Е.Л.Усманова, Изучение могильника XII – начала XIII в. на городище Культепа. ИМКУз 26, 1992, 193-206.

Заднепровский 1995

Ю.А.Заднепровский, Номады древней Ферганы: Типология памятников,

районирование, историческое истолкование. Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня (Бишкек 1995), 53-74.

Исаков 1977

А.И.Исаков, Цитадель древнего Пенджикента (Душанбе 1977).

Исаков 1983

А.И.Исаков, Исследования Саразмского отряда в 1984 г. АРТ 24, 1984 (1993), 117-130.

Исаков / Потемкина 1989

А.И.Исаков / Т.М.Потемкина, Могильник племён эпохи бронзы в Таджикистане. СА 1989.1, 145-167.

Кабанов 1972

С.К.Кабанов, Айтугды-Тепе. ИМКУз 9, 1972, 73-88.

Левина 1971

Л.М.Левина, Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции, 7 (Москва 1971).

Литвинский 1950

Б.А.Литвинский, К истории добычи олова в Узбекистане. Труды Среднеазиатского Государственного Университета 11, Гуманитарные науки 3, 51-68.

Литвинский 1972

Б.А.Литвинский, Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). Могильники Западной Ферганы I (Москва 1972).

Маршак 1961

Б.А.Маршак, Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII веков. Культура и искусство народов востока 6. ТГЭ 5 (Ленинград 1961), 175-201.

Обельченко 1992

О.В.Обельченко, Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н. э. – VII в. н. э. (Москва 1992).

Падаев 1992

М.Падаев, Археологическая работа на Расулбайкултепа. ИМКУз 26, 1992, 108-113.

Поляков 1972

С.П.Поляков, Отчет о раскопках средневековых погребений у кишлака Пушинг. АРТ 12, 1972 (1976), 199-212.

Поляков 1977

С.П.Поляков, Могильник Калаи Сар. АРТ 17, 1977 (1983), 298-313.

Рузанов 1979

В.Д.Рузанов, О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана. ИМКУз 15, 98-104.

Салтовская 1991

Е.Д.Салтовская, О работе Западно-Ферганского отряда в 1983 г. АРТ 23, 1983 (1991), 35-46.

Седов 1987

А.В.Седов, Кобадиян на пороге раннего средневековья (Москва 1987).

Сорокин 1961

С.С.Сорокин, Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейна реки Сох). Культура и искусство народов востока 6. ТГЭ 5 (Ленинград 1961), 117-161.

Трифонов 1975

Ю.И.Трифонов, Конструкции древнетюркских курганов центральной Тувы. In: Первобытная археология Сибири (Ленинград 1975), 185-193.

Якубов 1979

Ю.Якубов, Паргар в VII-VIII вв. н. э. (Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья) (Душанбе 1979).

Alimov и др. 1998

K.Alimov / N. Boroffka / M. Bubnova / Ju. Burjakov / J. Cierny / Ju. Jakubov / J. Lutz / H. Parzinger / E. Pernicka / V. Radililovskij / V. Ruzanov / T. Širinov / D. Starshinin / G. Weisgerber, Prähistorischer Zinnbergbau in Mittelasien. Vorbericht der Kampagne 1997. Eurasia Antiqua 4, 1998, 137-199.

Alimov и др. 1999

K.Alimov / N. Boroffka / Ju. Burjakov / J. Cierny / J. Lutz / H. Parzinger / E. Pernicka / V. Ruzanov / T. Shirinov / G. Weisgerber, Research at Karnab, Uzbekistan. Preliminary notes from the 1997 campaign. ИМКУз 30, 1999, 80-87.

Arzruai 1884

X. Arzruai, über das Vorkommen von Zinnstein und die Bronzeindustrie des Kaukasus. Zeitschrift über Ethnologie 15, 1884, 58-60.

Avanesova 1996

N. A. Avanesova, Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au début de l'âge du Bronze: relations et influences mutuelles. In: B. Lyonnet, Sarazm (Tadjikistan). Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Mémoire de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale, t. 7, (Paris 1996), 117-131.

Avanesova 1997

N. A. Avanesova, Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flussoase nach den Befunden der Nekropole Bustān 6. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 29, 1997, 147-178.

Cierny 1995

J. Cierny, Die Gruben von Muschiston in Tadschikistan – Stand die Wiege der Zinnbronze in Mittelasien? Der Anschnitt 47, 1995, 68-69.

Crawford 1974

H. E. W. Crawford, The problem of tin in the Ancient World. World Archaeology 5 / 6, 1974, 242-247.

Dercksen 1996

J. G. Dercksen, The Old Assyrian copper trade in Anatolia (Leiden 1996).

Docimbaeva 1995

A. Docimbaeva, New archaeological investigation of early turkic burial sites on the territory of Kazakhstan. Известия Национальной Академий Наук Республики Казахстан 4, 1995, 55-59.

Field / Prostov 1938

H. Field / E. Prostov, Tin deposits in the Caucasus. Antiquity 12, 1938, 341-345.

Litvinskij 1986

B. A. Litvinskij, Antike und frühmittelalterliche Grabhügel im westlichen Fergana-Becken, Tadjikistan. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 16 (München 1986).

Muhly 1973a

J. D. Muhly, Copper and Tin. The distribution of mineral resources and the nature of the metals trade in the Bronze Age. Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences 43, Special issue 1973, 155-535.

Muhly 1973b

J. D. Muhly, Tin routes of the Bronze Age. American Scientist 61, 1973, 404-413.

Parzinger 1998a

H. Parzinger, Archäologie am Rande der Steppe. Die Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts. Antike Welt 29.2, 1998, 97-108.

Parzinger 1998b

H. Parzinger, Archäologie zwischen Steppen, Oasen und Hochgebirgen. Die Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts. Archäologisches Nachrichtenblatt 3, 1998, 338-353.

Parzinger 2000

H. Parzinger, Zinn für Mesopotamien. In: Archäologische Entdeckungen. Die Forschungen des Deutschen Archäologischen Instituts im 20. Jahrhundert, Bd. 2 (Mainz am Rhein 2000), 247-251.

Penhallurick 1986

R.D.Penhallurick, Tin in antiquity, the mining and trade throughout the ancient world with particular reference to Cornwall (London 1986).

Weisgerber 1981

G. Weisgerber, Mehr als Kupfer im Oman. Der Anschnitt 33.5 / 6, 1981, 174-263.

Weisgerber 1991

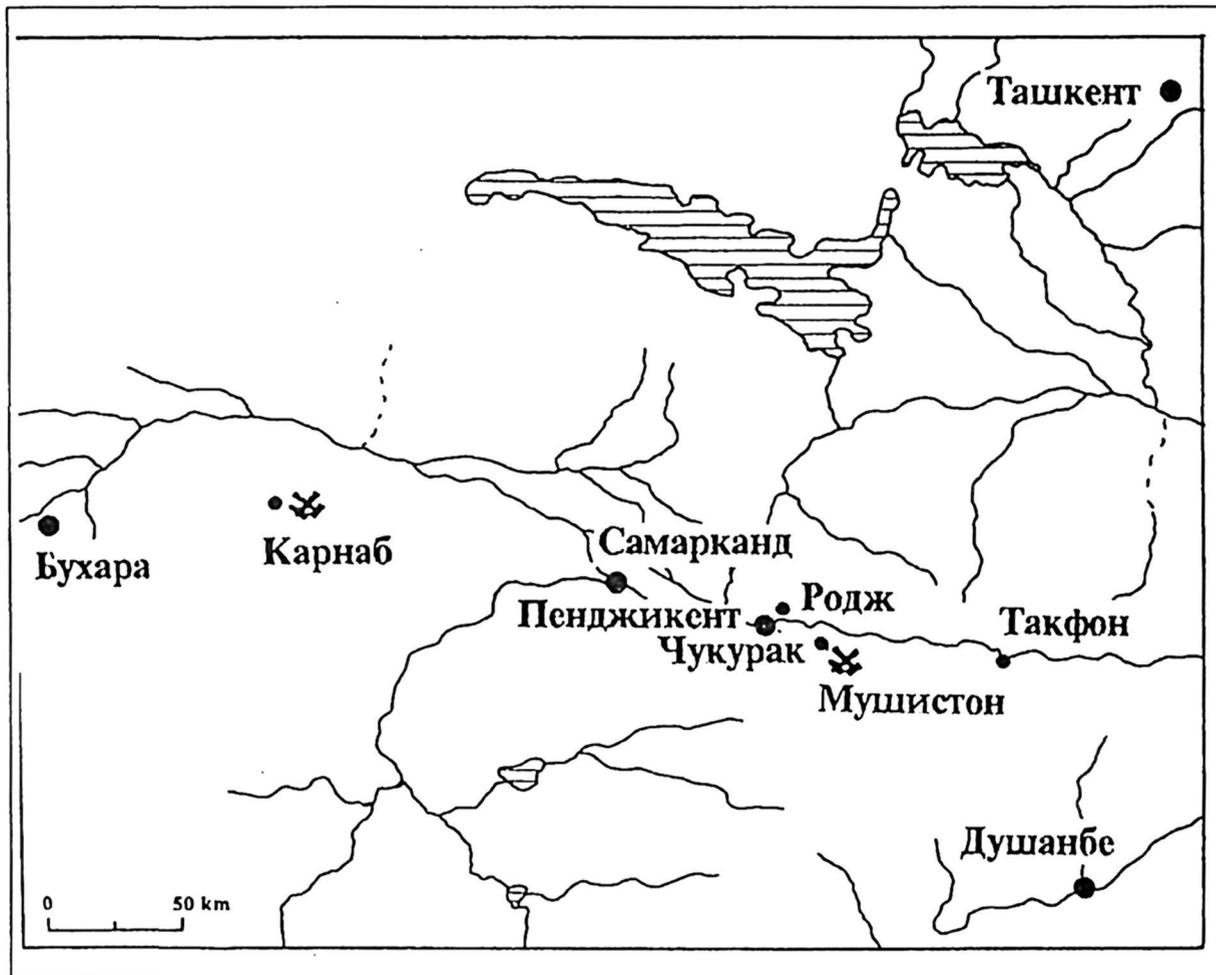
G.Weisgerber, Die Suche nach dem altsumerischen Kupferland Makan. Das Altertum 37, 1991, 76-90.

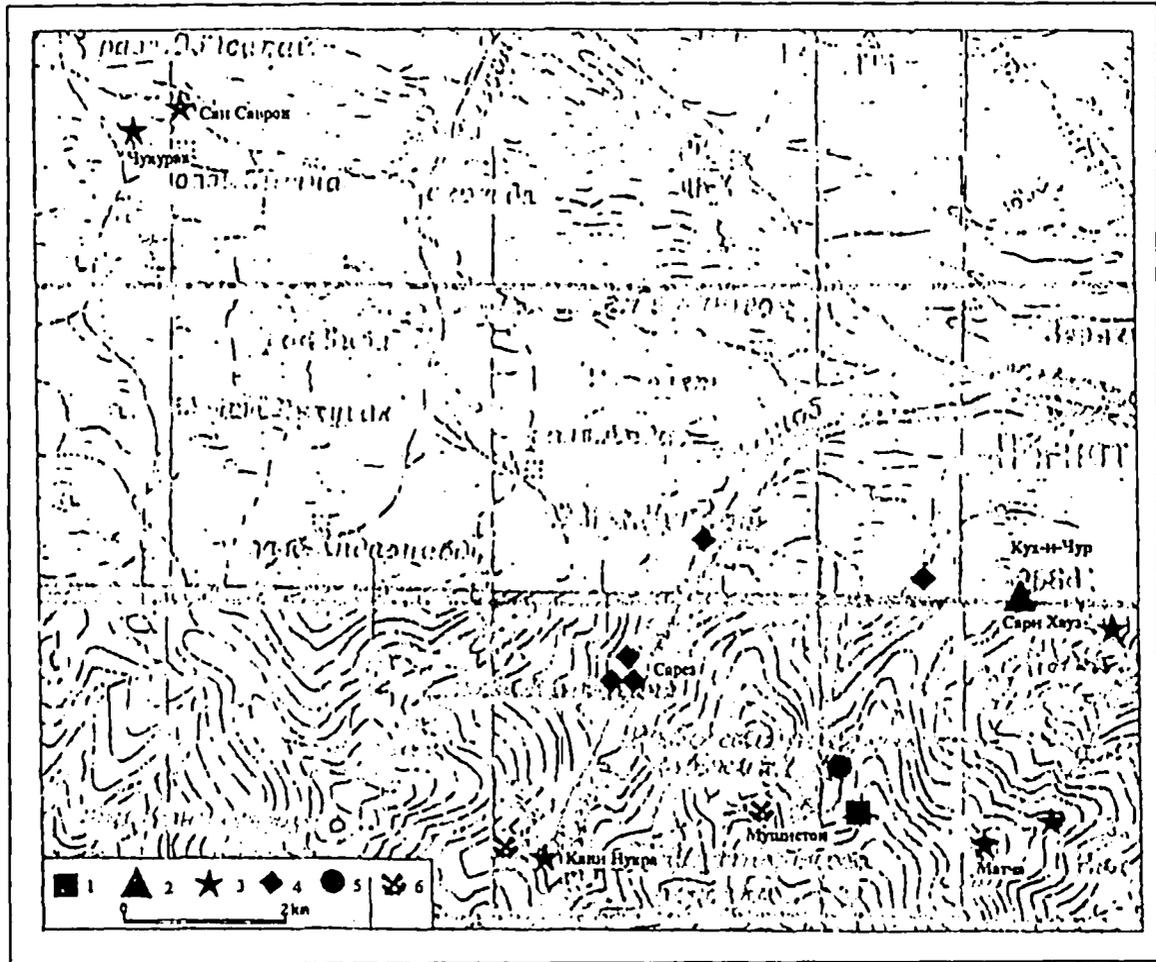
Weisgerber/Cierny 1999

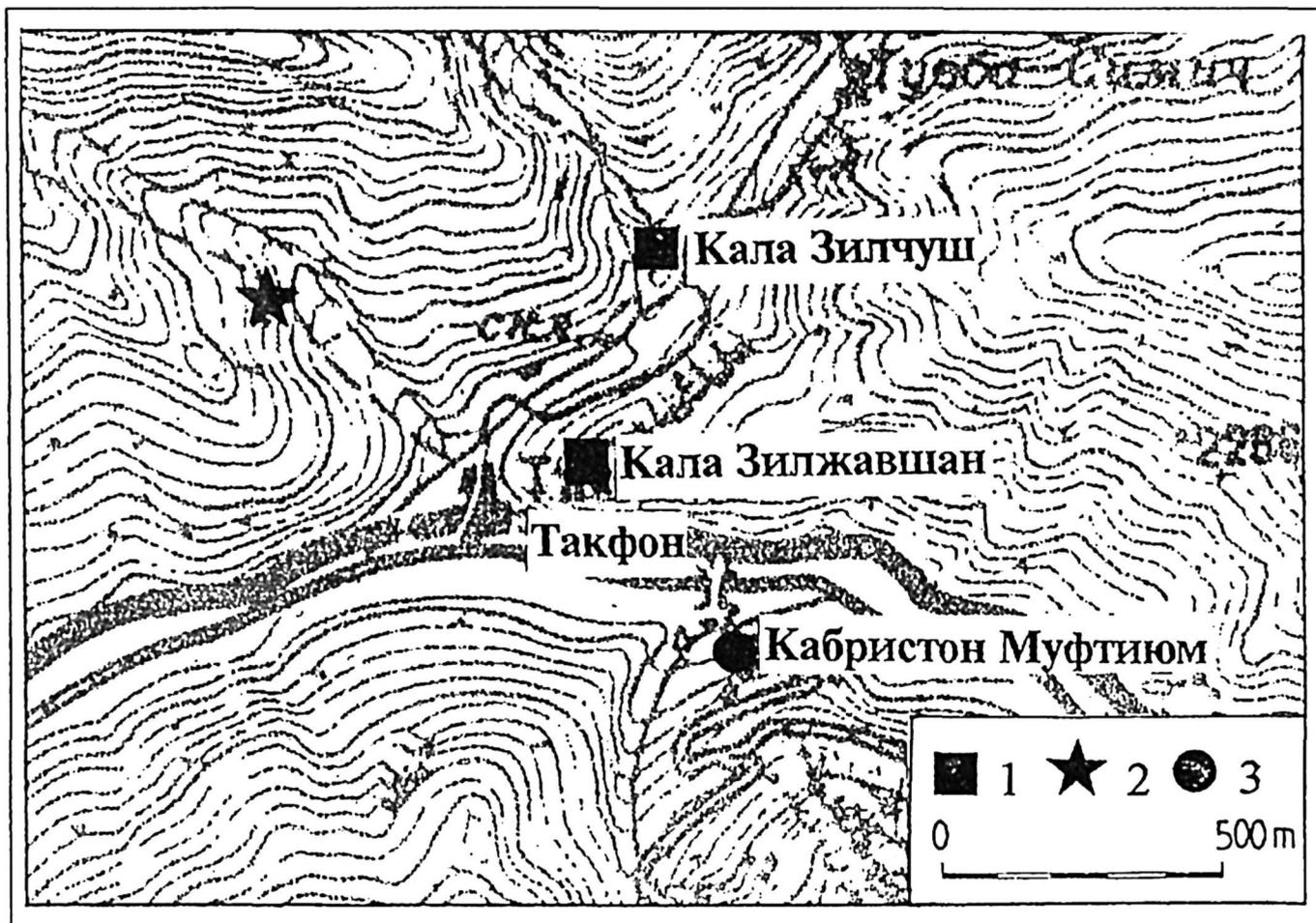
G. Weisgerber, J. Cierny, Ist das Zinnrätsel gelöst? Auf den Spuren der Bronzezeit in Zentralasien. Oxus H. 4, 1999, 44-47.

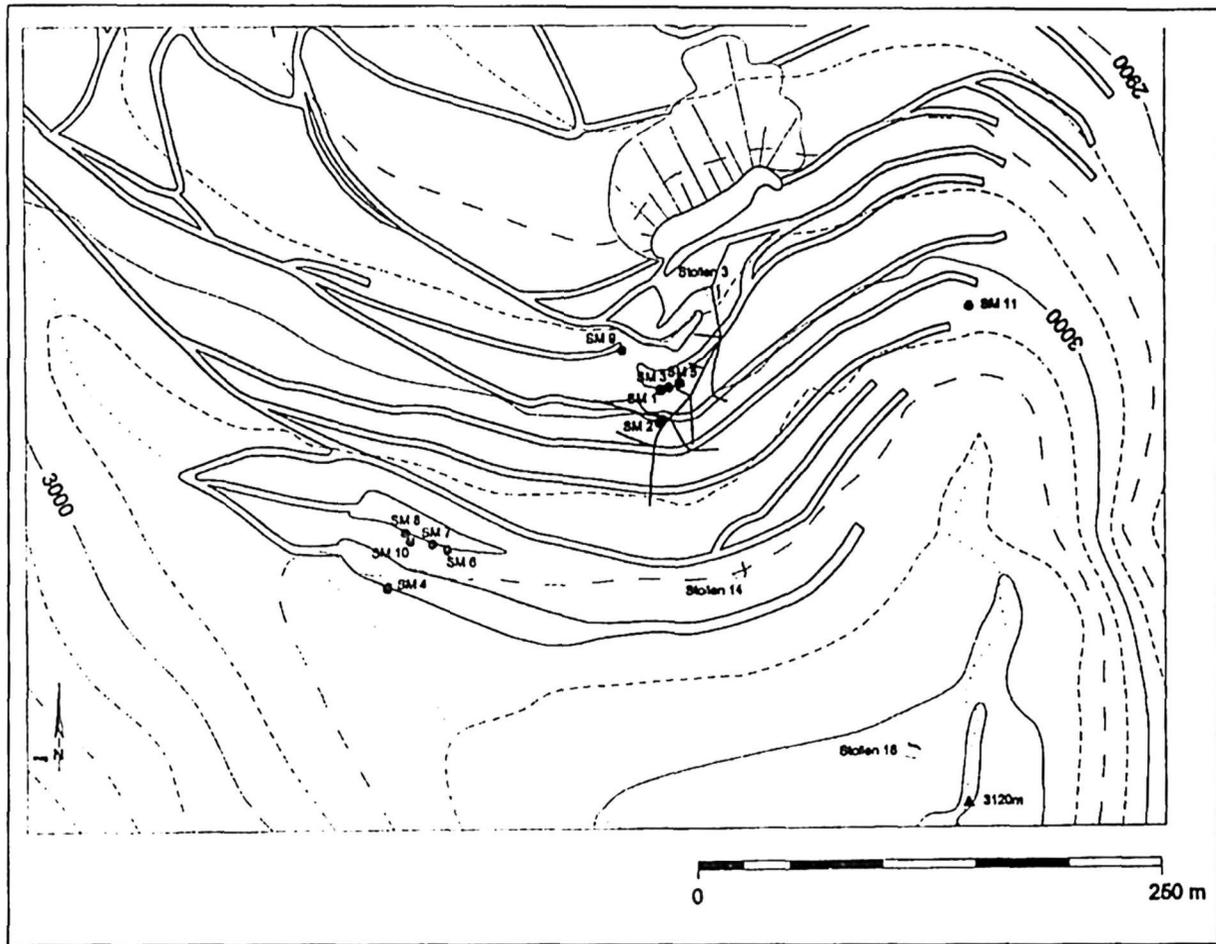
СПИСОК РИСУНКОВ

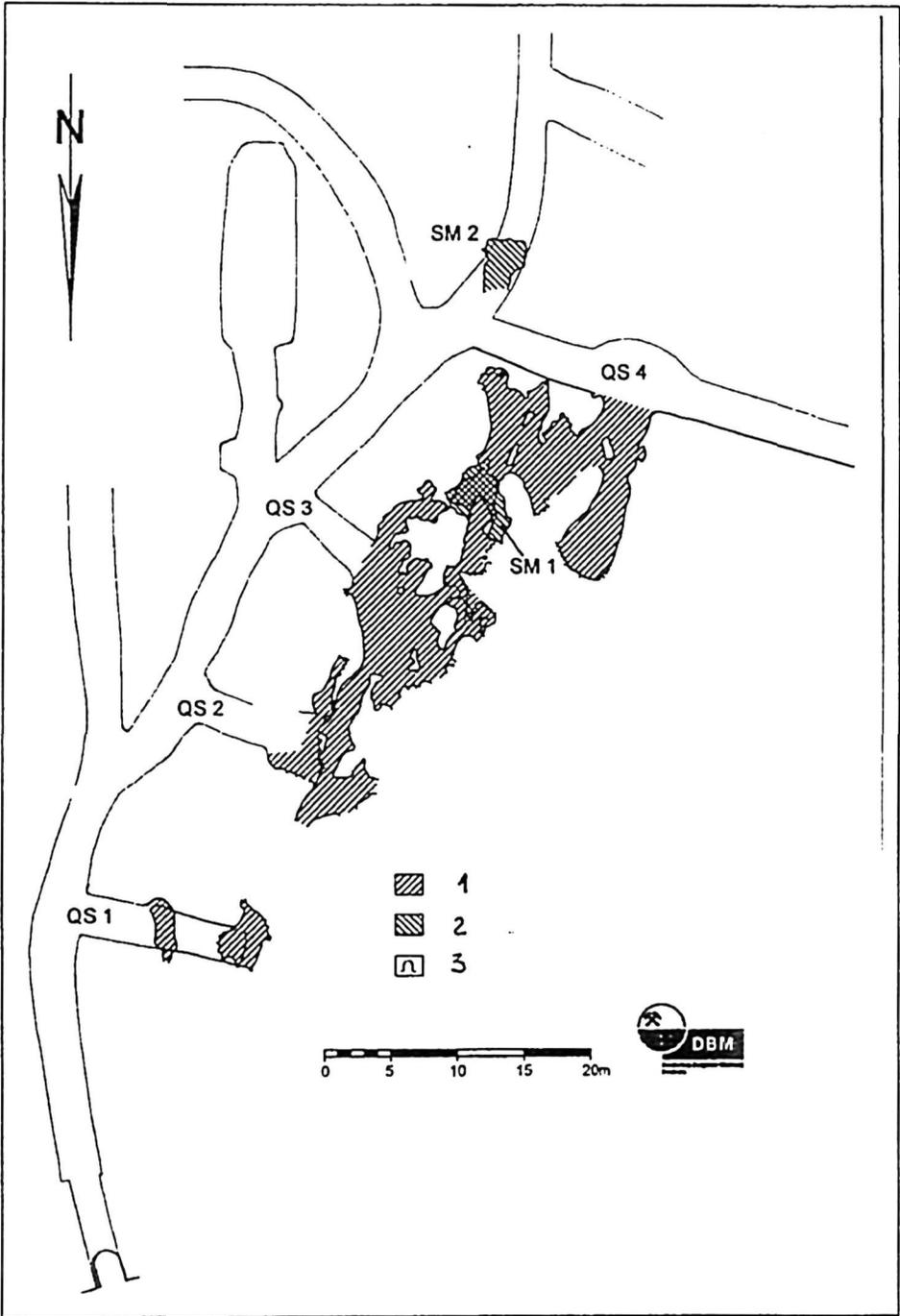
- Рис. 1. Географическое положение пунктов работы в Таджикистане.
- Рис. 2. Места находок рядом с Мушистоном: 1. "Святылище", 2. Случайная находка, 3. Находка захоронения
- Рис. 3. Места находок в округе Такфона: 1. Горное укрепление, 2. Случайная находка, 3. Находка захоронения.
- Рис. 4. Мушистон. Топографическая карта с положением раскопанных древних штолен SM1-SM11 и современной штольни З.
- Рис. 5. Мушистон, штольня З с расположением древних выработок. Штольни SM1 и SM2 лежат в 5-8 м выше.
- Рис. 6а. Мушистон, штольня З. Каменный молоток с желобком (квершлаг З), каменный молоток с засечкой (квершдаг 4). Из наличия желобка или насечки можно заключить, что оба инструмента укреплялись на деревянную палку.
- Рис. 6б. Мушистон, штольня З, квершлаг З, фрагмент керамики андроновского типа.
- Рис. 7. Мушистон. "Высокогорное святылище". План. 1. Древесный уголь, 2. Яма.
- Рис. 8. Мушистон. "Святылище": 1-4. Керамика, 5. Камень-точило, 6. "Кенотаф". План.
- Рис. 9. Мушистон. Сари Хауз, профиль и план.
- Рис. 10. Мушистон. Сари Хауз – пещера, план и профиль.
- Рис. 11. Мушистон. Сари Хауз. 1-6 лепные сосуды.
- Рис. 12. Мушистон. Сари Хауз. 1-10 гончарная керамика.
- Рис. 13. Сари Хауз. Находки. 1-7 лепная керамика, 8 – костяной гребень.
- Рис. 14. Мушистон. 1-8. Сари Хауз. 9-15. Кафыр Кала, 1-4, 6-15 керамика, 5 – бусина.
- Рис. 15. Находки, собранные во время разведки: 1-5 Мушистон. Кафыр Кала, 6 восточный Мушистон, 7-9 Мушистон, Матча, 9 Мушистон, 10 Долина Пагна, 11-13 Радж, 14-15 Чукурак, Сай Совран. 1-5. 7-9. 11-13 керамика, 6. 14-15 кремневые орудия, 10 железный наконечник стрелы.
- Рис. 16. Такфон, Кала Зилчуш. Топографический план: 1 – скальные выходы 2 – стены.
- Рис. 17. Такфон, Кала Зилчуш. Северный и восточный профили.
- Рис. 18. Такфон, Кала Зилчуш. Планы.
- Рис. 19. Такфон, Кала Зилчуш: 1-8 керамика, 9-10 дерево.
- Рис. 20. Такфон, Кала Зилжавшан. Топографический план.
- Рис. 21. Такфон. Кабристон Муфтиюм. План и разрез захоронения: 1 – песок 2 – дерево 3 – камень.

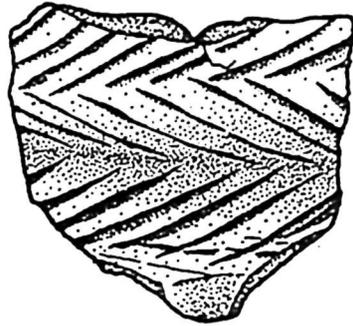
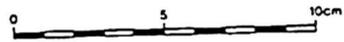
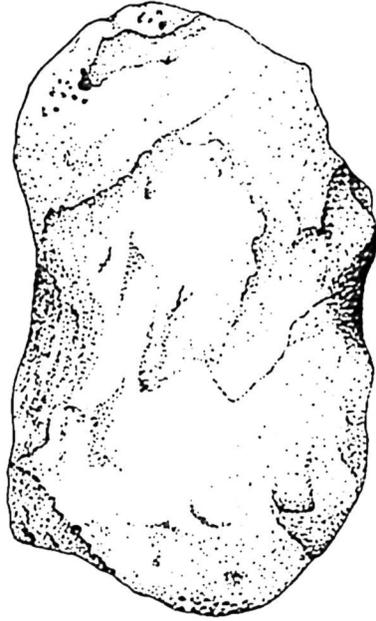
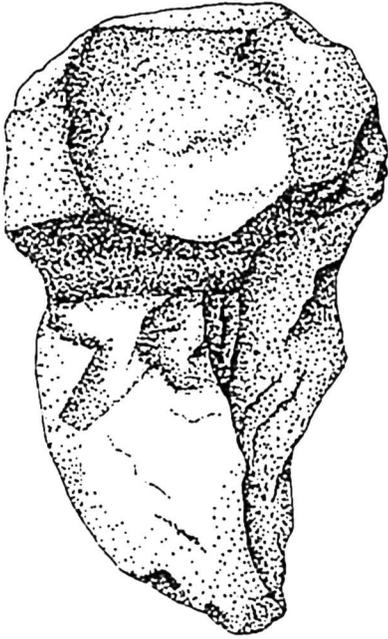

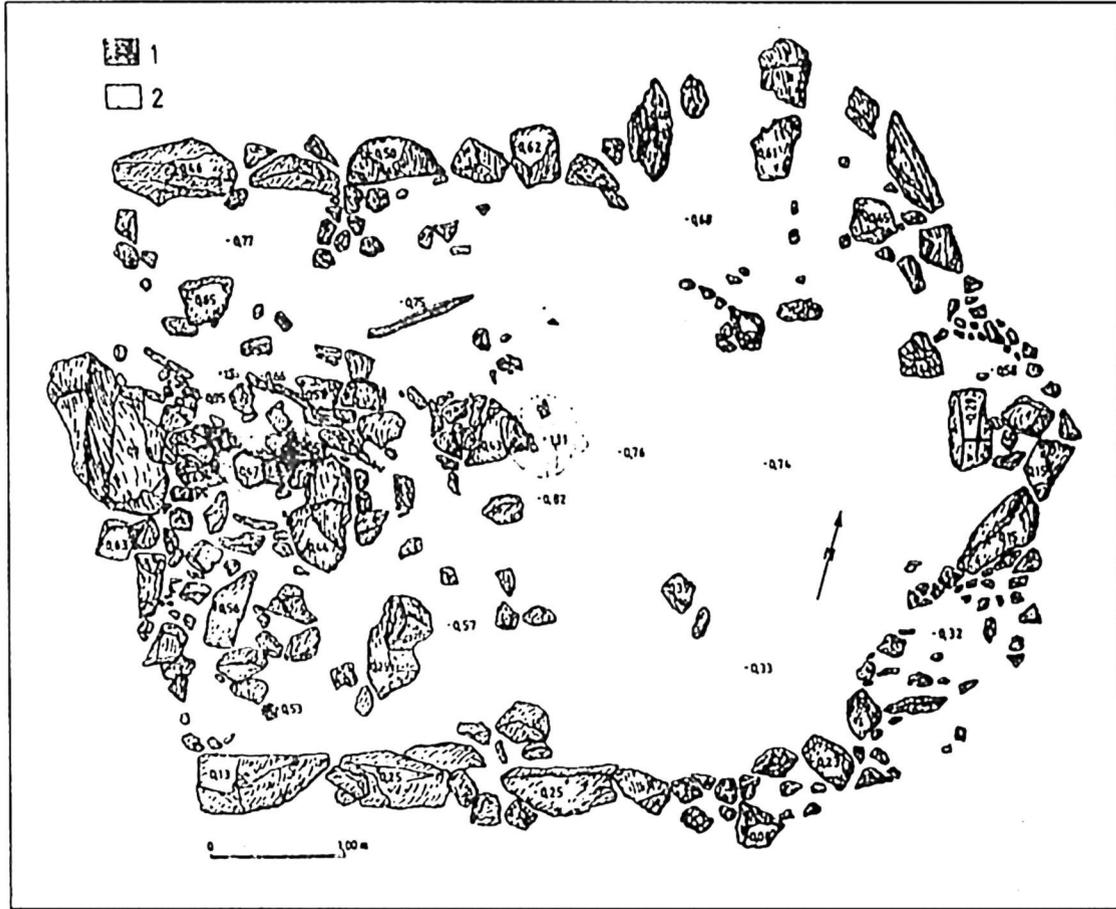

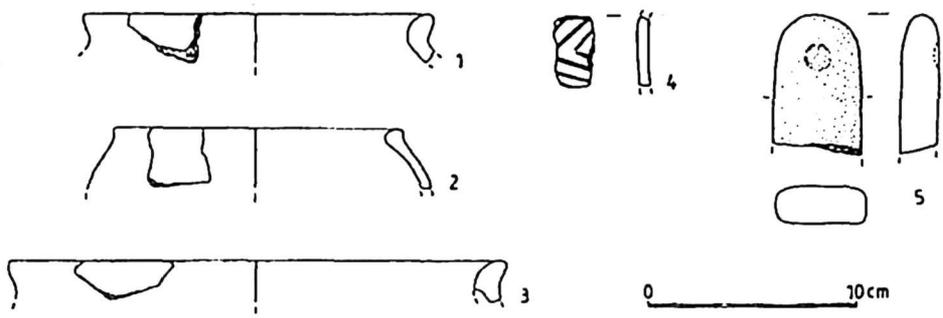

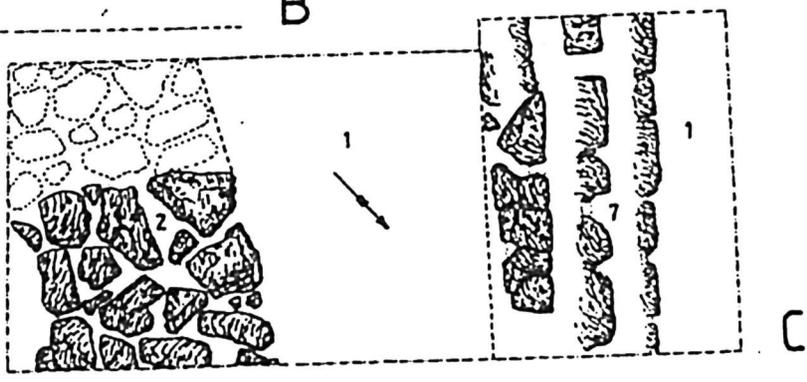
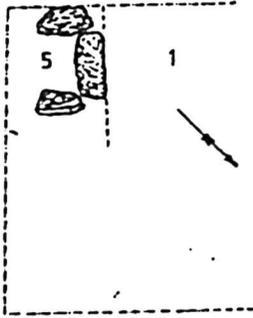
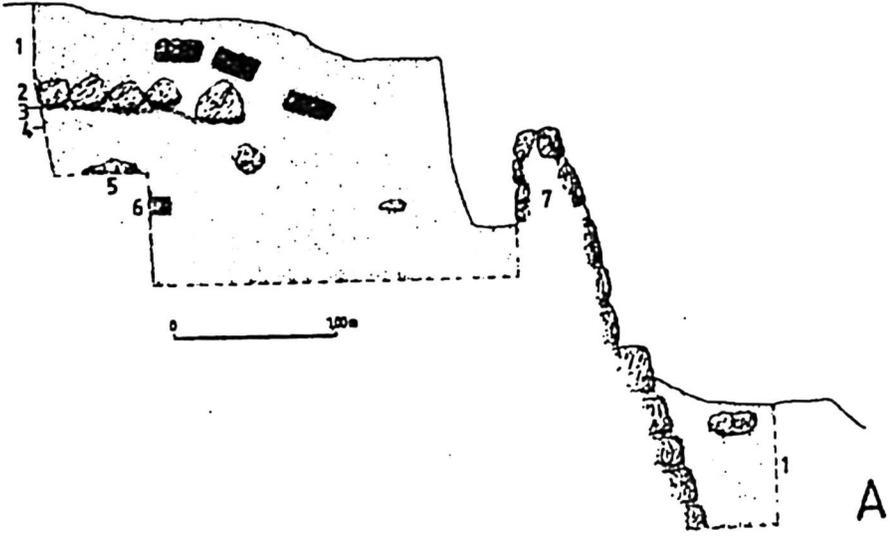

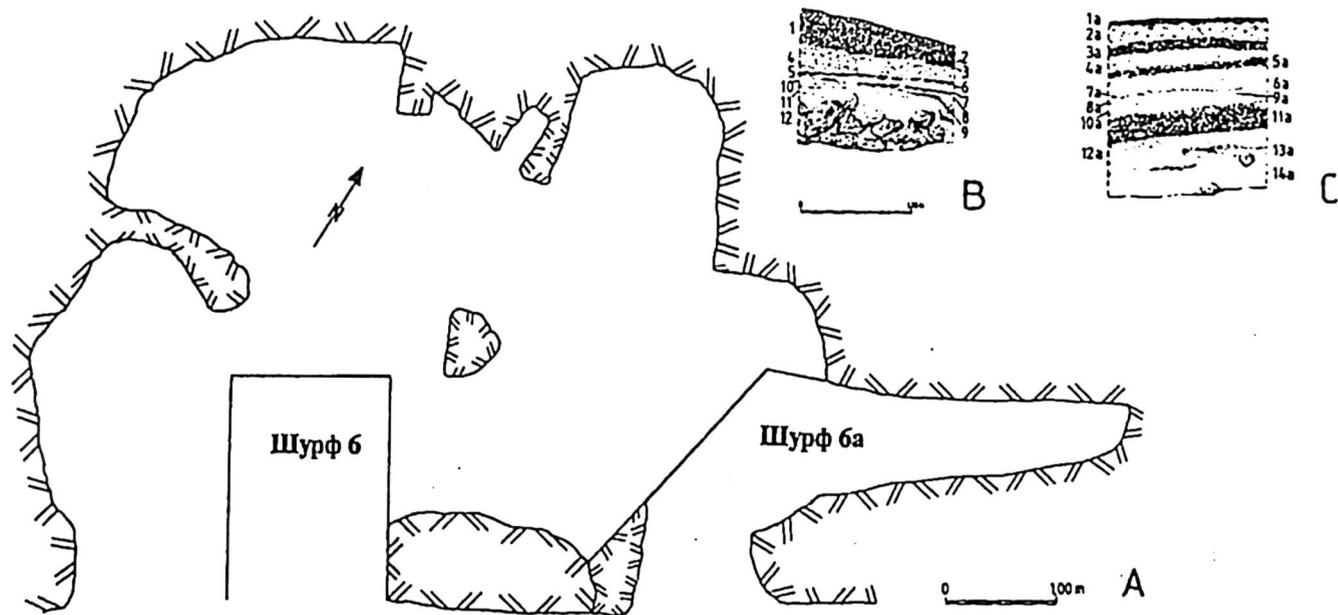

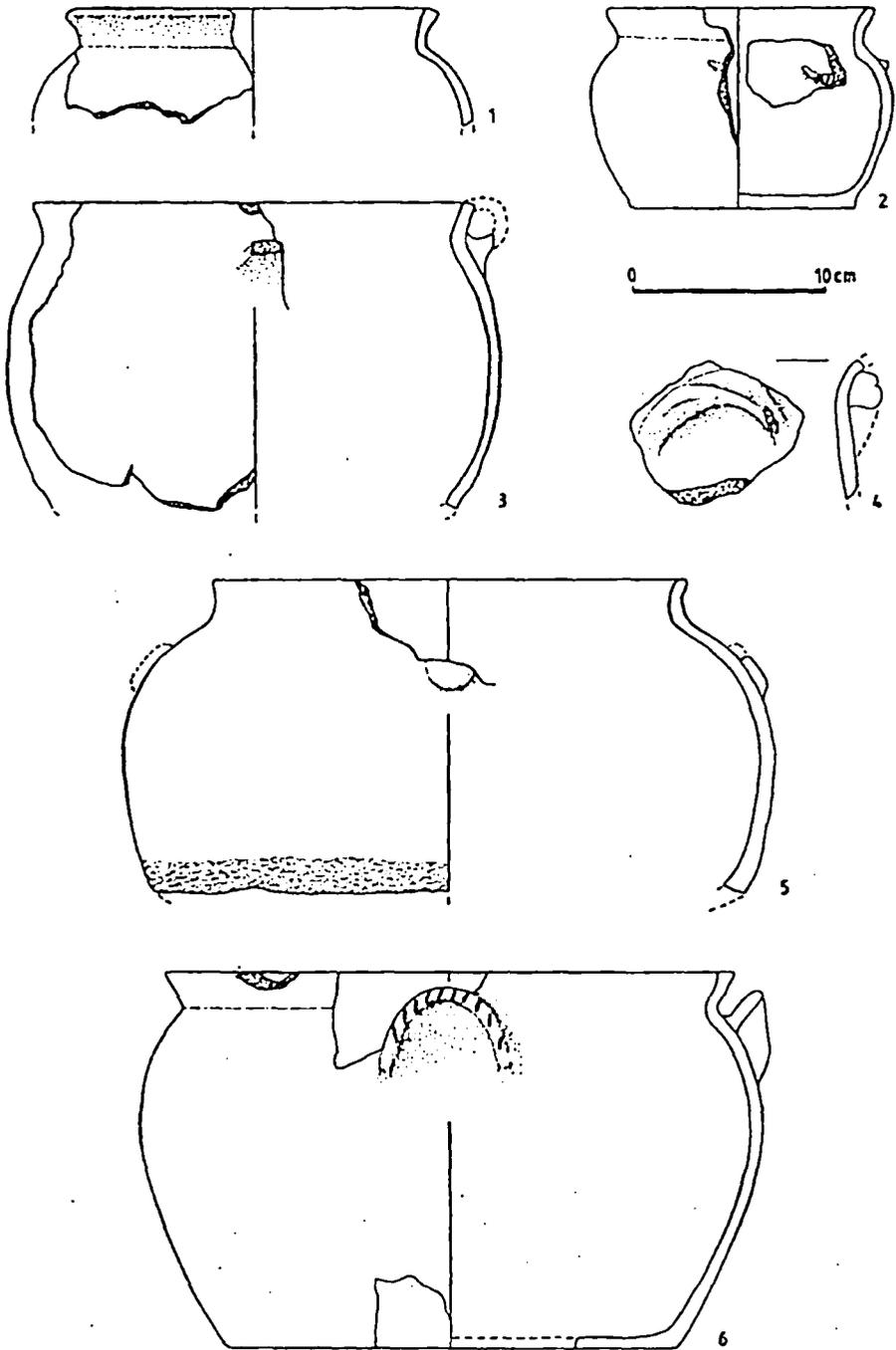

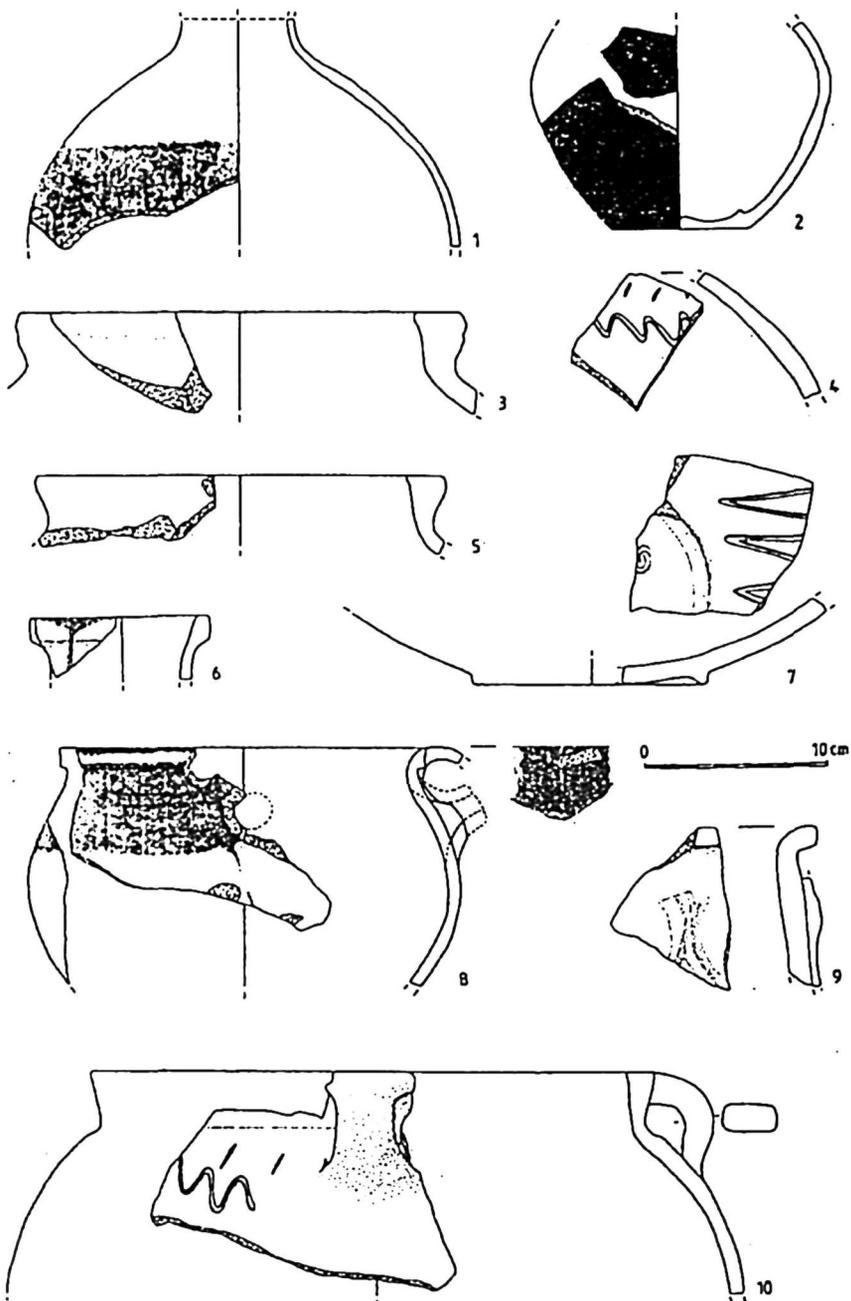

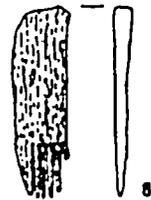
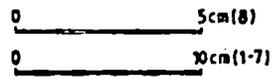
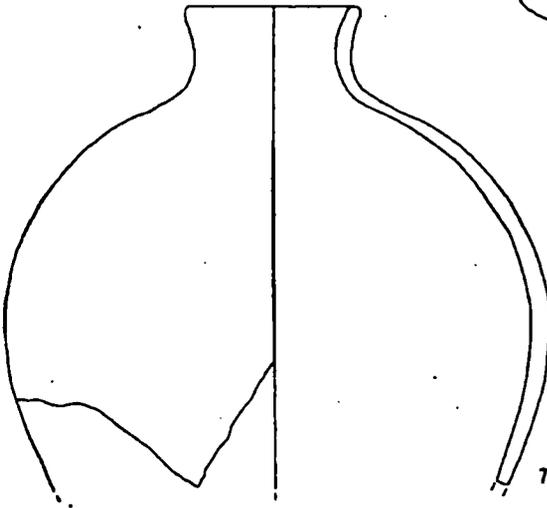
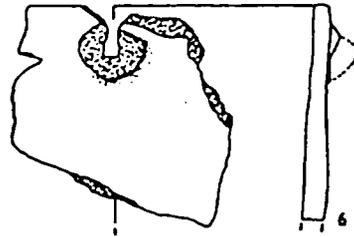
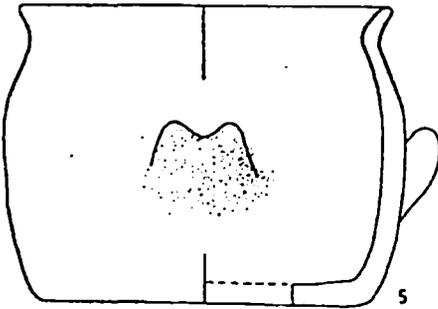
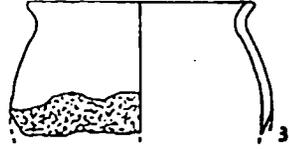
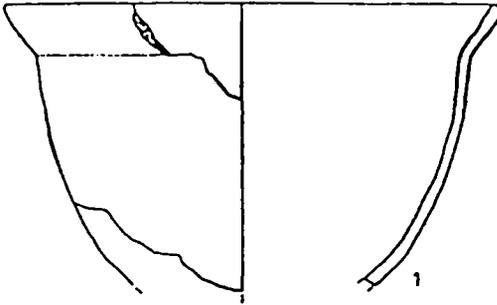

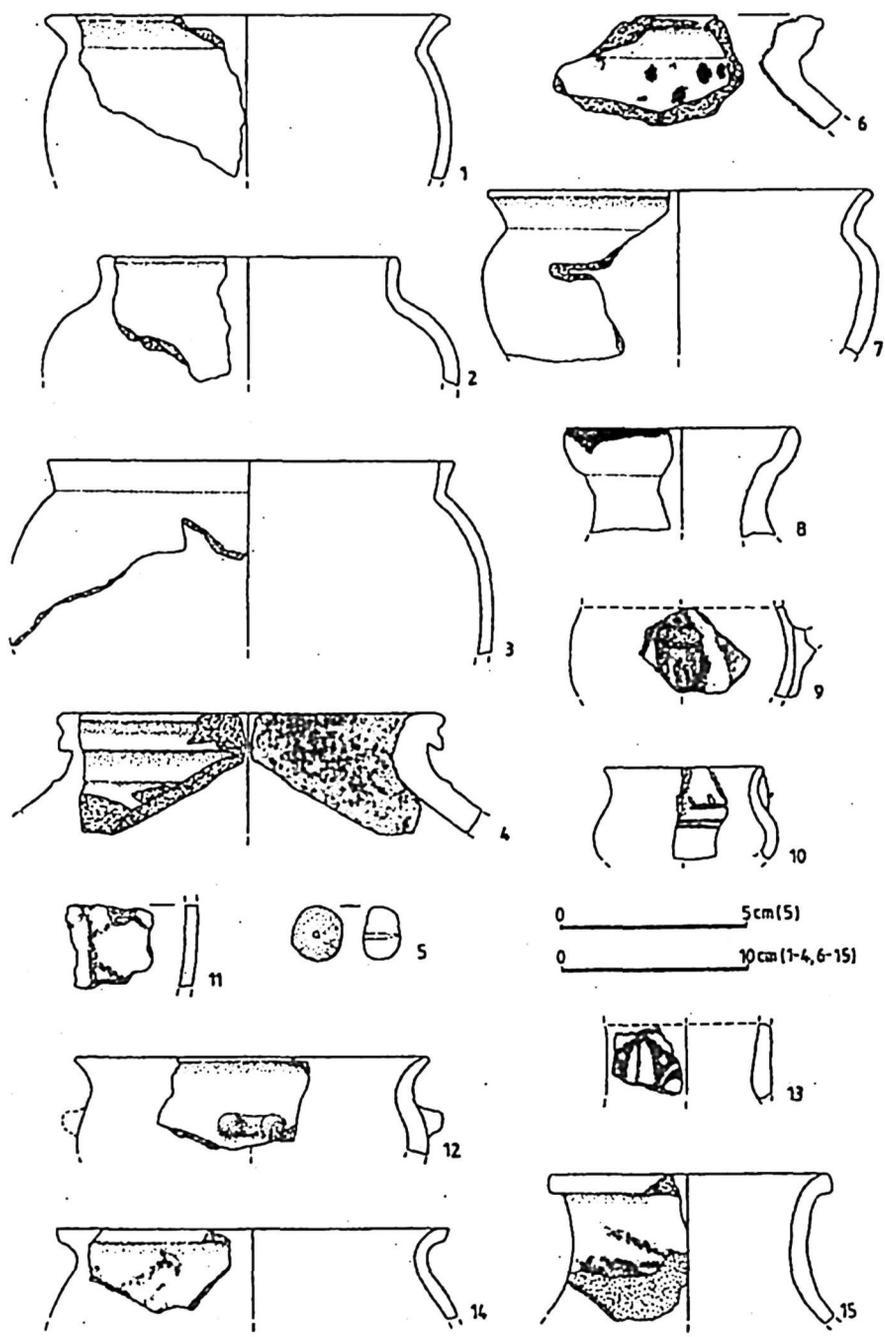

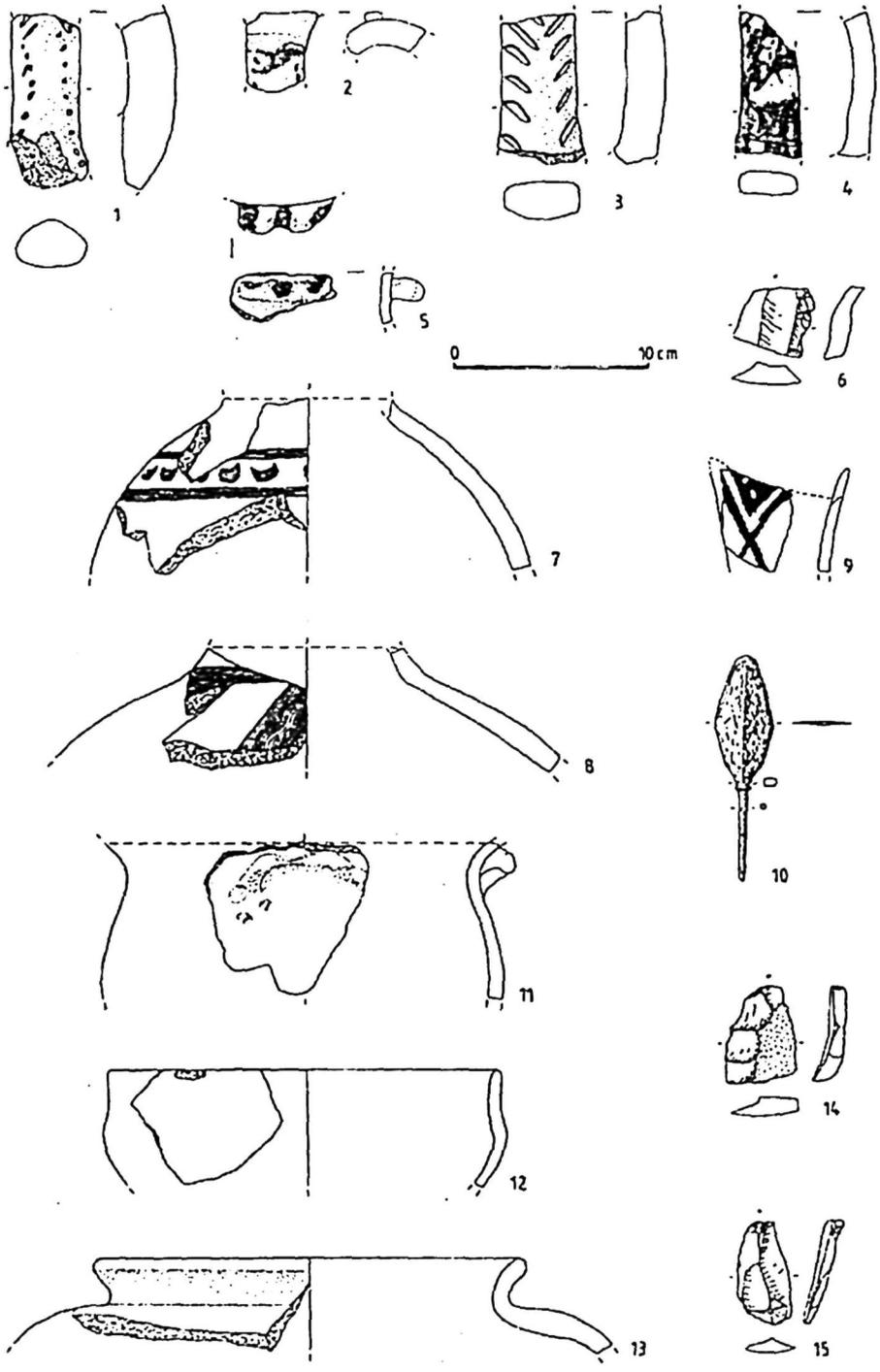

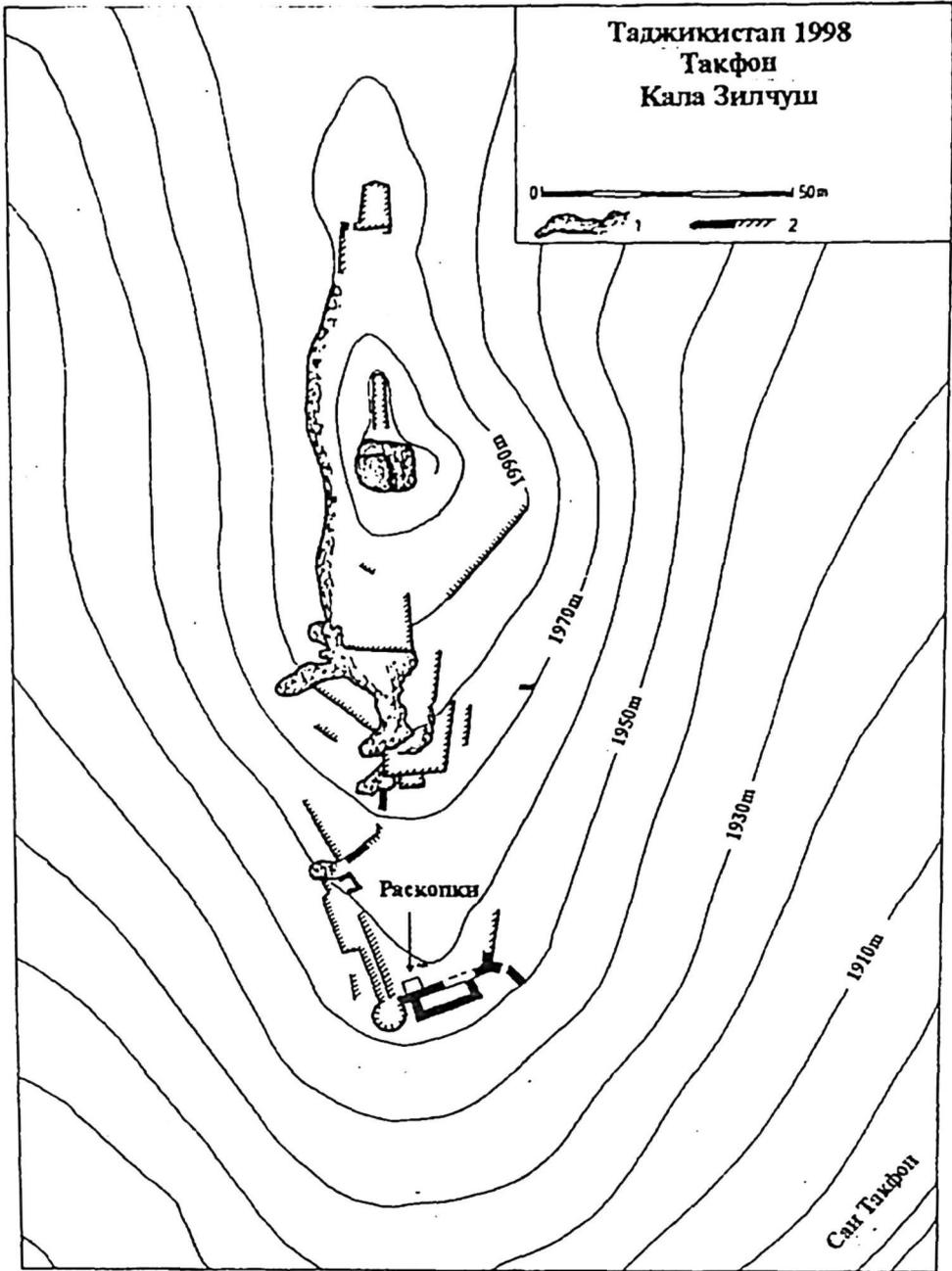

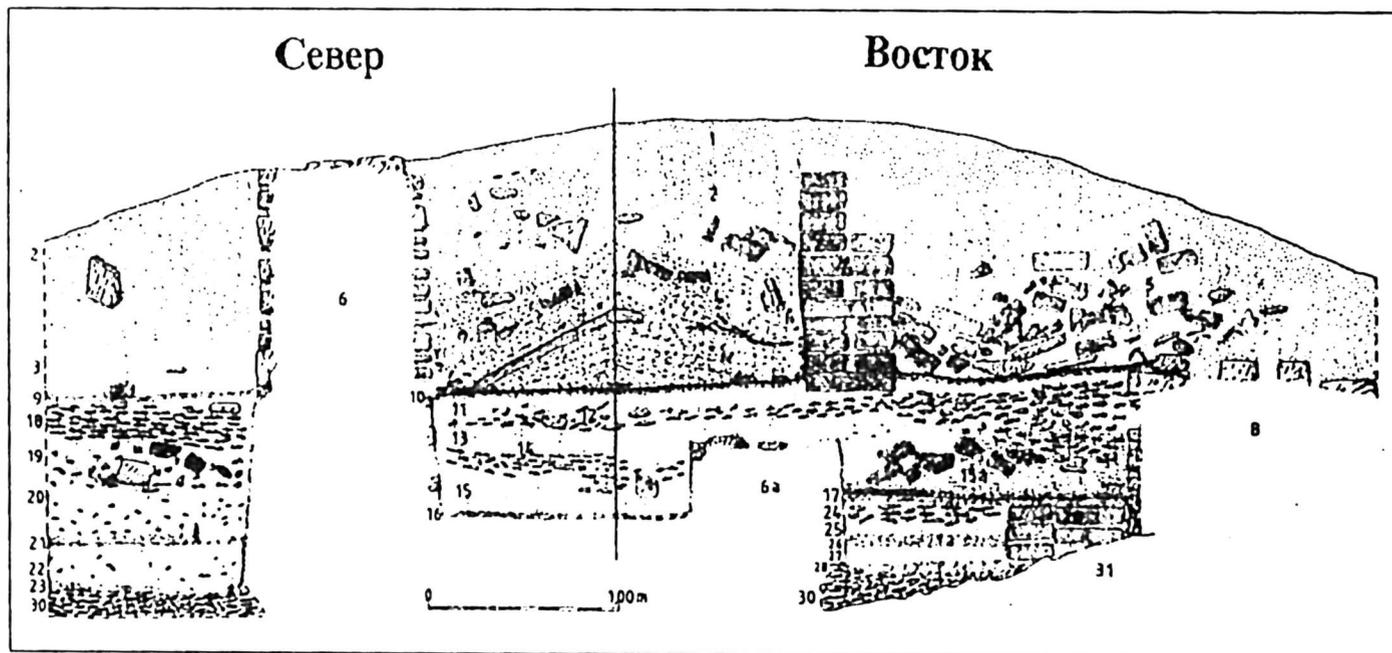

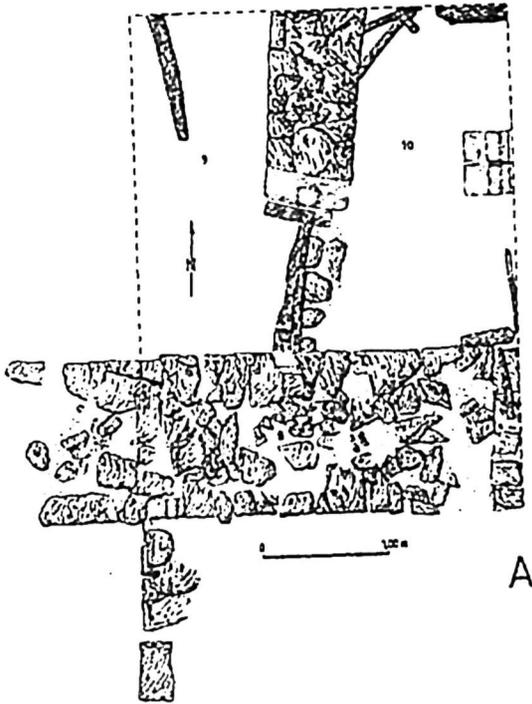

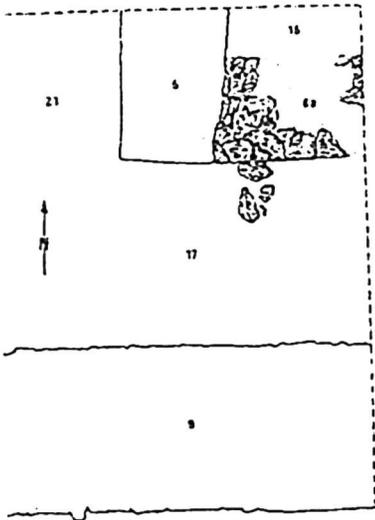

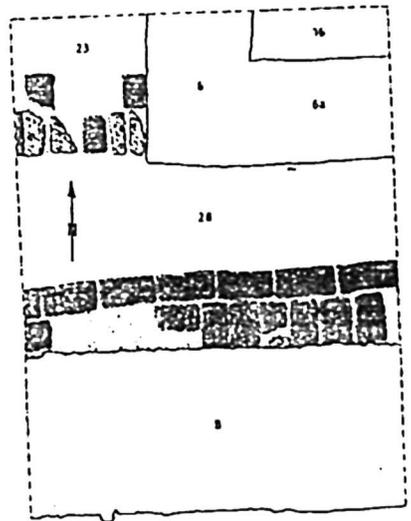

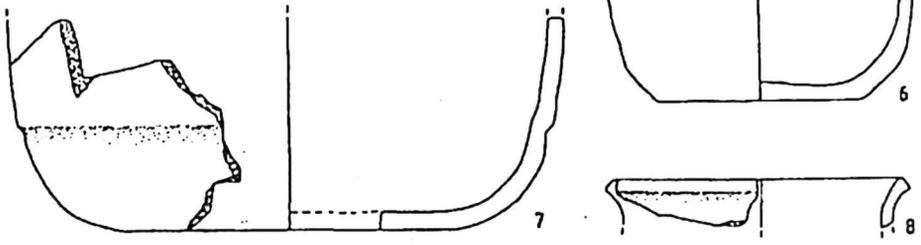
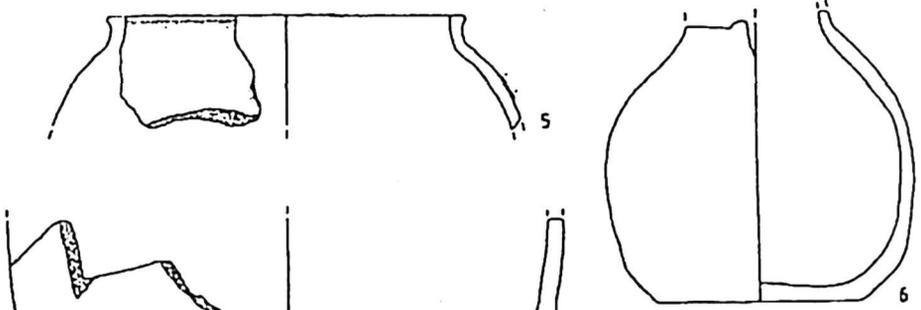
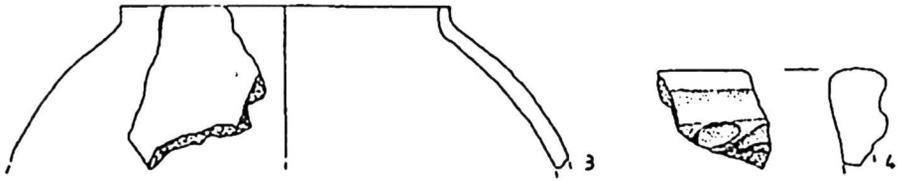
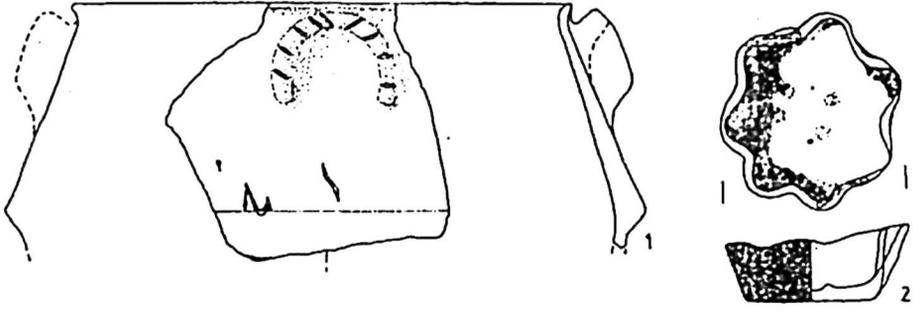
A

B

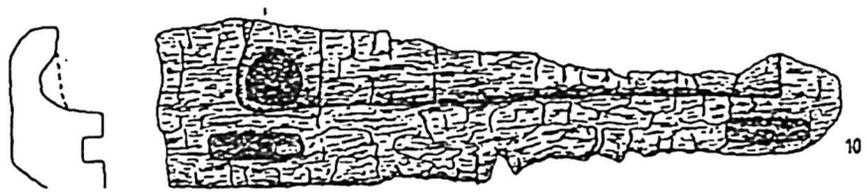

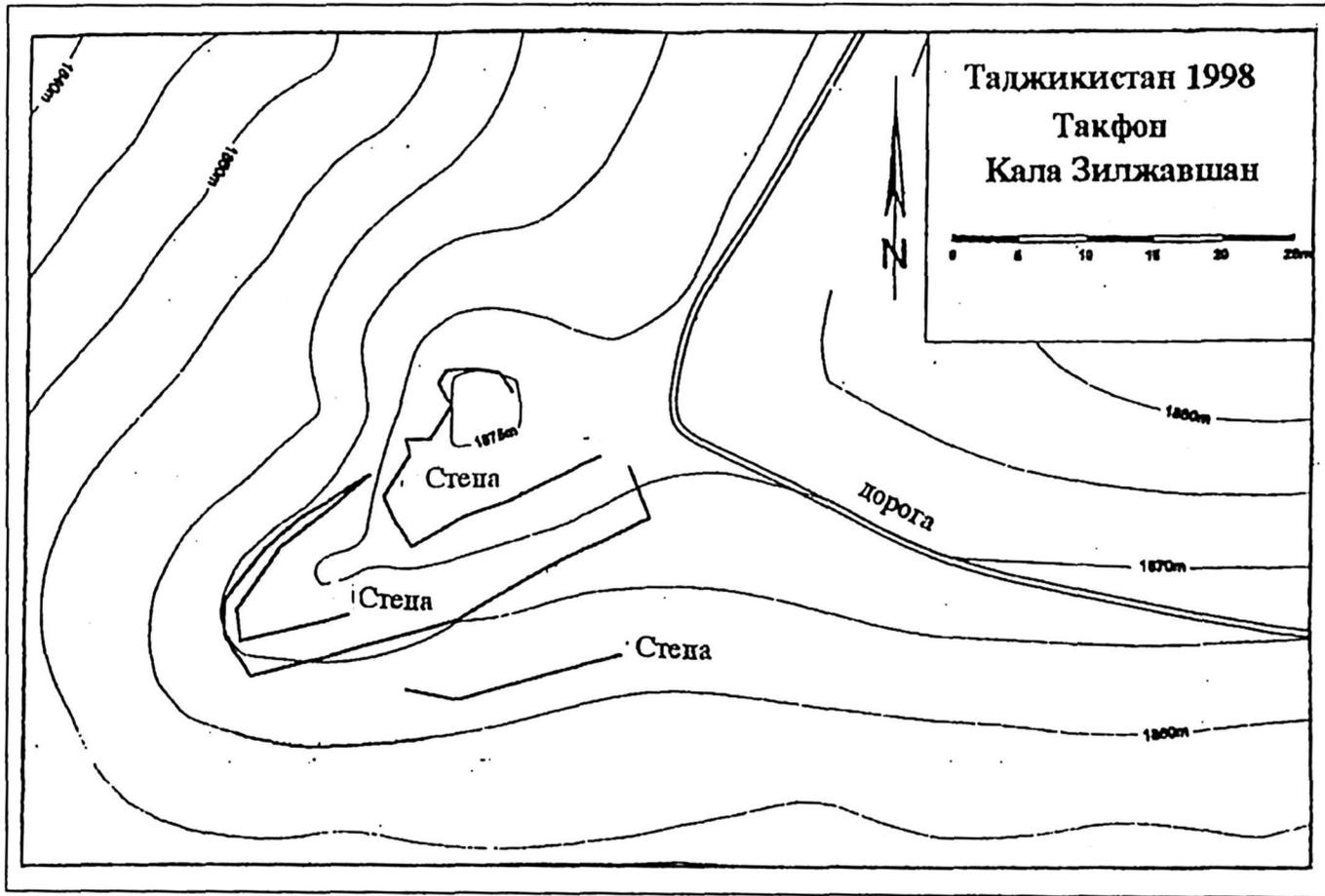
C

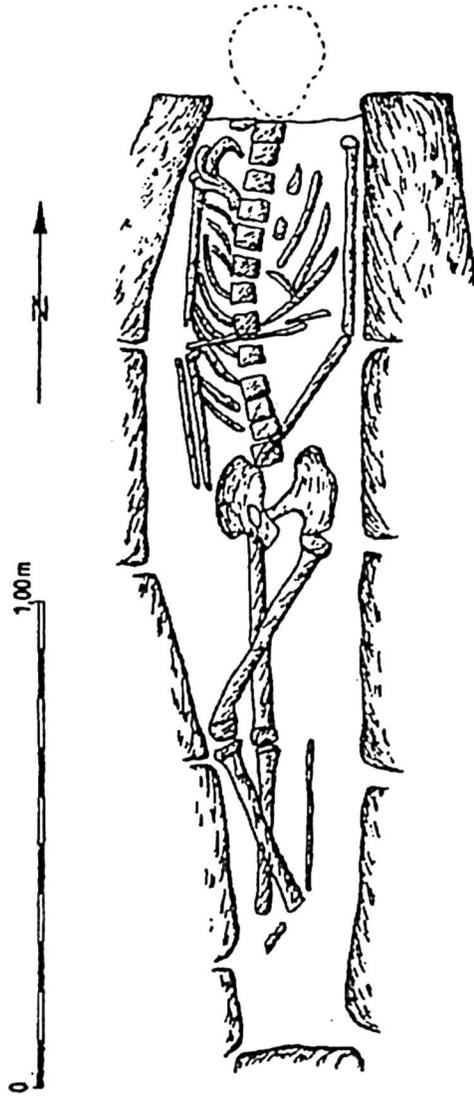
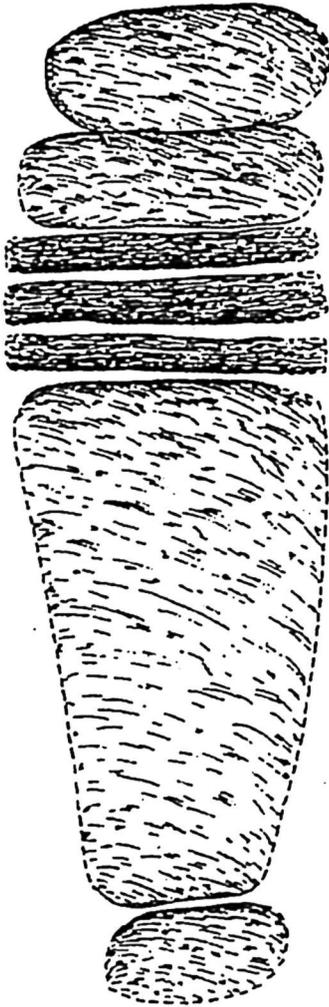

0 10 cm (1-9)

0 50 cm (10)

НАЧАЛО “РЕАНИМАЦИИ” ХУДЖАНДСКОЙ КРЕПОСТИ

Таджикский народ создал во все исторические эпохи множество материальных и духовных ценностей – неповторимые памятники культуры. И среди них наиболее ценными, многообразными, хронологически долгими были и есть традиции оседлого земледелия и урбанизации, прежде всего градостроительства.

В конце XX века наступило время созидания и неовозрожденческого эхъё. Сейчас в Республике Таджикистан, несмотря на множество кризисных трудностей, началось созидание целого ряда патриотических сооружений: комплекса Вахдат с памятником основателю первого общетаджикского государства Исмоила Сомони в центре столицы Душанбе и ряда исторических городов. Среди них ярко светит Худжанд, а его трех тысячелетнюю историю урбанизации представляет Худжандская крепость.

У этой крепости, основанной в многорукавной дельте речки Ходжабахоргона, притока Сырдарьи, многотысячелетняя история. Сначала, представляется, что здесь была группа поселений из десятка приречных усадеб первых согдийских земледельцев и ремесленников – начала 1 тыс. до н. э., затем, город жителей VII-IV вв. до н. э. и Александрия Эсхата III-I вв. до н. э. античных греко-римских авторов, после этого, мощная цитадель правителей-маликов, хокимов, беков и правящей аристократии в 1 и 2 тысячелетиях нашей эры и наконец, город с современным двухтысячелетним названием Худжанд.

Нынешние археолого-фортификационные остатки сохранили и высвечивают почти все подробности этой сложной истории города. Уже почти столетия ученые археологи стационарно занимаются восстановлением страниц истории крепости и города. В городе заложены 40 шурфов и раскопов, почти половина из которых находится внутри или непосредственно снаружи крепости. Произведено множество архитектурных и фортификационных разрезов и зондажей. Здесь выросла целая плеяда учёных-худжандоведов, имена которых хорошо известны общественности города, республики и в науке. Ими выпущено несколько сот публикаций, книг, научных отчетов, аналитических статей и докладов. О Худжандских открытиях, особенно об открытии Александрии Эсхаты опубликовано более тысячи научно-популярных очерков и статей в десятках стран. В связи с

многократными и сильными разрушениями Худжандской крепости и юбилейными торжествами 2500-летия города Худжанда (1986 год) началась вторая фаза научных исследований и конкретная разработка проектов реставрации и реанимации крепости. В 1993-1994 гг. был проведен открытый конкурс регенерации Худжандской крепости и примыкающих к ней городских территорий. А идея реставрации выдающегося памятника крепостного зодчества и фортификации – Худжандской крепости, формировалась с начала наших экспедиционных работ ещё в 50-х годах. Таджикскими историками, особенно археологами и архитекторами проведены значительные исследования по изучению материальных памятников военной истории, остатков крепостного и замкового зодчества, вооружения и снаряжения. С.Ш. Марофиевым проведено специальное диссертационное исследование крепостного зодчества Таджикистана позднего средневековья. Отметим, что ныне, из большого списка памятников военного зодчества, на территории современного Таджикистана сохранились два самых выдающихся: Худжандская и Хисорская крепости.

Фактически, было установлено, что возможно реанимировать крепостные стены, относящиеся к различным историческим периодам. Мы избрали для реанимации Восточную стену, обращенную к центру современного Худжанда, один из самых изученных этапов жизни города – время государства Саманидов.

Среди множества исходных данных для реконструкции, назовём главные: жжёный кирпич, размером 21x21x5-6 см, худжандских памятников; техника и система кладки “спаренными кирпичами в перевязку”, бухарского Мавзолея Саманидов и облицовочные керамические плитки с геометрическими узорами. Все они изготовлены (отформованы, обожжены) по выработанной “саманидской технологии” в мастерских современных худжандских керамистов. Фортификационное формирование стен, башен и ворот опирается на системные данные таджикской военно-фортификационной науки, выявляемой при наших археолого-фортификационных исследованиях в Худжанде и других таджикских средневековых городах. Таким образом, в Худжанде может быть создан уникальный в мировой практике археолого-фортификационный Музей. Основные направления его работы можно представить уже сейчас, посетив Музей археологии и фортификации научно-исследовательской кафедры ЮНЕСКО Худжандского государственного университета им. Б.Г. Гафурова. “Реанимация” Восточной стены Худжандской крепости начата по директивному решению Председателя Ленинабадской области К.Р. Касымова, по заказу и при финансировании Хукумата города Худжанда. Научная идея, разработка и реализация проекта проводится под руководством академика АН Республики Таджикистан Н.Н. Негматова, архитектурно-фортификационное обоснование подготовлено профессором

Р.С. Мукимовым и профессором С.Ш.Марофиевым. Проектно-сметные работы выполнены в Худжандском филиале Института "Таджикгипрострой" Госстроя Республики Таджикистан инженерами: Р.Собировым, М. Бобоевым, И.Шариповым; главный архитектор проекта С.Мухаммедов; архитектор-реставратор А.Рахматов; инженеры-конструкторы: А.Рахмонов, С.Шарипов, Н.Муродов. Строительные работы проводятся СЗМК Ремстрой, начальник треста А.А. Абдураходов, главный инженер Н.Набиджанов, и М.Д.Ашуров. Реконструкция исторических кирпичей и кладка стен, башен и элементов фортификации производится сотрудниками фирмы под руководством Усто Ходжи Абулхай и Мирзорахима Кодирова. Камнетесные работы: И.Умаров и К.Нодиров. Крепостные ворота Усто Вулода. В работах принимают участие мастера-строители: К. Рахимов, С. Бурханов, Б. Султонова, Р. Ходжаев, И.У. Халимова.

Реконструкция Восточной стены Худжандской крепости была начата с самого сложного участка – Восточных ворот с предвратными башнями и всеми элементами фортификации стен. Уже в 1999 г. были успешно завершены: весь отрезок входных ворот, внутрстенные и внутрибашенные залы и помещения, где размещена экспозиция Музея археологии и фортификации Худжанда, рабочие кабинеты и лекционный зал вышеназванной кафедры ЮНЕСКО.

Такое оригинальное решение и использование памятника археологии и фортификации в реставрационной практике стран Центральной Азии осуществлено впервые и, как представляется, очень целесообразно и привлекательно.

ИЗУЧЕНИЕ СТРАТИГРАФИИ ИСФАРЫ

Современный Исфаринский район Республики Таджикистан представляет собой ядро историко-культурной области Асбара (юго-западной области древней Ферганы), расположенной на стыке Уструшаны, Рашта, Худжанда и собственно Ферганы. Сведения письменных источников об Асбаре довольно скудны, в них имеются упоминания о названии области, отрывочные сведения о двух городках и также о разработке полезных ископаемых. Основным материалом для воссоздания исторической картины предоставляют раскопки археологических памятников, которыми насыщена вся территория района.

В исторической науке Таджикистана Исфаринский район считается довольно хорошо изученным регионом. Проведенные в 1951-1952 г.г. и позднее, исследования Б.А. Литвинского и Е.А. Давидович, в целом, дали ценный материал для создания археологической карты всего района и позволили наметить предварительные контуры историко-культурной характеристики Исфары. Уже тогда авторы "Археологического очерка Исфаринского района" осознавали, что материалы, собранные для этой археологической карты в 1951-1952 г.г., далеки от совершенства, в смысле количества памятников, и не равноценны, в части полноты их описания.¹ Действительно, последующие исследования Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции выявили целый ряд новых памятников (могильники Тангии Сурх, Лангари Мохиён, крепость Осиёи Бод, остатки кореза Тешик Таш и др.) и позволили несколько по-другому взглянуть на отдельные моменты истории Исфары, предложить новую локализацию основных городских центров Асбары² и т.д.

Одним из "белых пятен" в истории района был вопрос о современном городе Исфара, времени его возникновения и этапах истории. Поэтому, основной целью работ археологического отряда в полевом сезоне 1999 года стало изучение стратиграфии центра Исфары.³

Намеченная для исследований историческая часть Исфары – это правобережная, вторая надпойменная терраса с, расположенными здесь, современным центральным рынком, зданиями: библиотеки им. Лахути, историко-краеведческого музея, детских музыкальной и художественной школ, пятничной мечетью Масчители Калъа (топографически, все эти объекты находятся на территории Калъа и Урда) и жилым кварталом Гузари эшонхо. Уже сами топонимы "Урда" (ставка, цитадель) и "Калъа" (крепость) указывают на их немаловажную роль в истории города Исфары. По материалам

стратиграфического шурфа, который был заложен в 1990 году во дворе мечети на территории Калъа, были изучены культурные слои I-III в.в., V-VI в.в., саманидского, тимуридского времени и позднего средневековья, которые, в целом, характеризуют 2000 лет истории Исфары. Однако, до начала новых раскопок территория Урда представляла для исследователей "белое" пятно. Урда занимает площадь около 2 га. На севере, она отделена от Калъа современной автодорогой, на западе, территория Урды доходит до крутого обрыва террасы. Здесь сохранились отдельные участки внешних стен. Глинобитные (пахсовые) стены различной высоты, в пределах 1 – 1,5 м. Они поставлены на один ряд крупных речных камней. Стены не возвышаются над современным уровнем городища, а, как бы, лепятся к краю террасы и образуют своеобразный глиняный "футляр" для культурных слоев, накопленных за все периоды обживания террасы. Восточные и южные границы городища на современном рельефе трудно различимы, вероятно, они проходили по краям Гузари эшонхо и сада (Боги Урда). Однако, по рассказам местных жителей, при земляных работах и южнее сада были найдены целые кувшины и фрагменты других керамических изделий вместе с остатками костей.

Согласно рассказам местных жителей, Урда была в прошлом местом резиденции правителей Исфары, здесь же – в северо-западной части Урды находится здание городского историко-краеведческого музея, который является памятником архитектуры колониального периода. Здание было построено в 1912 году, и на протяжении ряда лет в ней располагалась администрация Исфаринской волости. В годы Советской власти здесь были построены и другие здания, служившие разным целям: поликлиника, местные органы власти, другие государственные учреждения, летний кинотеатр. Ныне эти здания разрушены, сохранилось только здание волостного управления (ныне – городской музей) и одно длинное здание, в котором размещаются детские музыкальная и художественная школы. На пустыре, к югу от этого здания находится стадион средней школы №2. На современной поверхности Урды подъемный материал почти отсутствует (за исключением нескольких невыразительных фрагментов керамики), но в останках стен и по краям крепости (особенно в местах размыва дождевыми потоками) встречаются разные по форме фрагменты керамики. Для выяснения стратиграфической картины на этом участке было заложено несколько шурфов и раскопок.

Шурф №1. Шурф заложен в северо-западной части Урды, на свободной от зелёных насаждений площадке между юго-восточным углом здания музея и фасадом детской художественной школы. Перед началом раскопок была зачищена большая площадь, углубление же производилось на территории размером 5х5м, ограниченной со всех сторон бетонным бордюром. Верхний слой – насыпной, завезенный для огорода инородный грунт, достигает местами толщины 30 см. Под ним зачищена дневная

поверхность с остатками старого дерна, скоплениями камней и остатками корневищ деревьев. В юго-восточном углу шурфа находился большой пень срубленного несколько лет назад пирамидального тополя, корни которого зачищались на всей площади раскопа. Грунт вокруг корней тополя – темно-серого цвета, рыхлый, комковатый, но чем дальше от юго-восточного угла, тем плотнее и плотнее. Приблизительно в центре шурфа, на глубине 30 см от современной поверхности зачищена слегка задернованная поверхность, на которой обнаружена советская монета достоинством в 3 копейки выпуска 1937 года. При заглублении на 10-15 см, найдено несколько маловыразительных фрагментов неглазурованной керамики, таких как: небольшой фрагмент верхней части сосуда (скорее всего это была горловина горшкообразного сосуда), венчик которого отогнут наружу под прямым углом и заострен; фрагмент стенки жёлто-глиняного тонкостенного кувшина, украшенного тремя параллельными, слегка заглубленными желобками вкруговую; еще один фрагмент стенки кувшина, но более грубого изготовления, орнаментированного трехзубным гребнем; а также нижняя часть светло-ангобированного хума с грубо заглаженной внешней поверхностью. Несколько далее, к северу от вышеописанных находок была обнаружена еще одна монета советского периода: достоинством в 10 копеек, выпуска 1925 года.

На глубине 45-50 см от современной поверхности раскрываемая площадь была уменьшена. Работы продолжались на участке размером 4x2м, длинная сторона шурфа располагалась по линии север-юг. Уменьшение площади было связано с тем, что раскапываемый участок, зажатый с двух сторон крупными зданиями, вероятно, был ранее затронут строительной деятельностью и в связи с этим, мог оказаться малоперспективным в плане изучения стратиграфии. На уровне второго яруса почти вся площадь шурфа имела однородный плотный грунт темно-серого цвета. Однако на глубине 60 см, а в отдельных местах на глубине 70 см от дневной поверхности, значительная часть шурфа, а именно северо-западный участок стал выделяться. Грунт здесь по структуре менее плотный, светлее по цвету, не однороден – местами серый комковатый сменяется красноватого цвета лёссом. На срезе северной стенки шурфа хорошо прослеживается изменение грунта. Это проявляется в том, что плотно утрамбованный грунт, на удалении 80 см на запад от восточной стенки шурфа, круто обрывается, образуя углубление на 140 см от дневной поверхности (по той части грунта, которая попала в шурф трудно определить точно его характер, не исключено что это понижение рельефа). Нижняя часть "углубления" представляет собой твердый слой с большим количеством камней. Здесь много сломанных обожжённых кирпичей, которые по размерам и качеству похожи на те, из которых выстроено соседнее с раскопом здание музея – постройка 1912 года. В этом строительном мусоре, а также ниже по слою были найдены

фрагменты керамики. Небольшие по своим размерам фрагменты неглазурованной керамики мало выразительны и сказать что-либо определенное по ним трудно, даже невозможно отнести их к известным видам изделий. Глазурованная керамика представлена пятью фрагментами крупной, массивной чаши. Складывающиеся фрагменты образуют нижнюю донную часть изделия. Судя по разлому и срезам стенок, чаша изготовлена из хорошо отмученной глины, обжиг ровный. Толщина стенки придонной части – 1 см, диаметр дна чаши – 22 см. О высоте изделия сказать трудно, сохранившаяся высота плавно поднимающихся от дна стенок – 10 см. Глазурована только внутренняя поверхность. Фон белый, дно свободно от орнамента. По внутренней поверхности стенок голубого цвета волнистые линии, между которыми орнамент из марганцевых “клякс”. Этот элемент орнамента хорошо известен в искусстве украшения керамики Средней Азии: вихревая розетка в процессе длительной эволюции к XVIII веку приобретает именно такую форму. Судя по орнаменту, рассматриваемое изделие относится к концу XIX – началу XX в.в.⁴ Следует отметить, что подобный орнамент хорошо известен и по этнографическим материалам, коллекциям керамических изделий из северных районов Таджикистана – экспонатам музеев Ленинабадской области. Еще одна находка – донце глазурованной чаши типа коса. Размеры её обычные, стандартные. Диаметр донца – 10 см. Сохранившаяся часть изделия – дно, свободно от орнамента, имеет белый подглазурный фон.

На всей остальной территории шурфа состав грунта оставался неизменным и на следующих ярусах – все тот же плотный однородный грунт темно-серого цвета, без каких-либо включений, остатков человеческой деятельности. По всей вероятности на протяжении многих веков структура грунта не была потревожена. На глубине 246-250 см была зачищена очень твердая каменистая поверхность. Судя по обрывам, расположенным в местности Урда, ее основу составляет грунтово-галечная подушка. Вероятно, именно эта естественная поверхность и была достигнута в шурфе №1. В нескольких участках были проведены зондажи достигнутой твердой поверхности. Без сомнения, на этой глубине площадь шурфа занимает твердый галечник. Дальнейшие работы в шурфе №1 были приостановлены.

Шурф №2. Заложен в 6 метрах западнее шурфа 1, на площадке между музеем и зданием детской художественной школы. Местом для раскопок выбран участок, примыкающий к юго-восточному углу здания музея. Шурф размером 4х2 м, вытянут по линии запад – восток. Между шурфом и стеной здания – бетонная дорожка шириной 80 см. Углубление началось на всей площади шурфа, очищенной от клевера и строительного мусора. Верхний слой – темно-серый грунт, насыщенный влагой, что было связано с недавним поливом. Уже на глубине 25-35 см. от современной поверхности, сначала в северо-восточном углу, а вскоре по всему северу шурфа начали появляться

камни. Была зачищена шестидесяти сантиметровая каменная полоса, идущая параллельно вышеупомянутой бетонной дорожке по периметру здания музея. Немного южнее каменной вымостки и чуть глубже неё (40-42 см от дневной поверхности), в центральной части шурфа 2 по линии запад-восток, зачищена канализационная "труба", выложенная из обожжённых кирпичей (формат кирпичей 27x13(12)x7см). Кирпичная канализационная "труба" выходит из здания музея в 61 см от северо-восточного угла шурфа, на расстоянии 60 см от южной стенки шурфа поворачивает на запад и наискосок пересекает площадь шурфа 2. Грунт на этой глубине по своей структуре, цвету и составу почти не отличается от верхней части. Первый ярус дал немногочисленные находки, главным образом керамику.

Находки 1-го яруса: Два металлических предмета и керамика. Первая находка – фрагмент дверного замка. Вторая находка – массивный, внешне напоминающий колокол предмет, однако подлинное назначение его трудно определить. Предмет полый внутри и состоит из двух частей – верхней куполообразной и нижней баночной формы, диаметром 10,5 см. Общая высота предмета также равна 10,5 см. Металлические изделия коррозированы. Вместе с описанными изделиями в 1 ярусе найдены фрагменты разнообразной керамики, главным образом, глазурованной. Среди них нижняя часть сосуда типа кося, фрагменты стенок нескольких чаш типа кося и т.д. Поддон этой чаши – дисковидный, диаметром 10 см. Внутренняя, донная часть имеет подглазурный растительный орнамент (сохранились контуры двух листьев, выполненных марганцем на бледно-голубом фоне). Сочетание марганцевой и сине-голубой краски встречается и на многих других фрагментах керамики. На одном из них – сетка из пересекающихся косых линий (внутренняя поверхность) и продолговатые листья, прорисованные марганцем, залитые внутри синей краской, и все это на бледном голубом фоне. В данной коллекции глазурованной керамики, полученной в верхнем ярусе шурфа, выделяются расцветкой два фрагмента. Первый из них это небольшая часть стенки изделия с чистым (без орнамента) белым подглазурным фоном и другой фрагмент стенки чаши типа кося, на внутренней поверхности которой две тонкие линии по кругу коричневого и зелёного цвета на жёлтом фоне; на внешней поверхности – растительный орнамент с использованием опять же, этого сочетания цветов. Другая часть керамических находок из слоя – фрагменты стенок неглазурованных изделий (стенки хумов, кувшинов, горшков и т.д.). Датировке поддаётся только первая часть коллекции – это керамика второй половины XIX и начала XX веков. А если быть точнее, это керамика времени постройки здания музея и небольшого отрезка времени, предшествовавшего этому событию.

Как было отмечено выше, канализационное сооружение из кирпичей – на стыке двух ярусов, а по длине уходит за пределы раскопа. Состав грунта под канализацией в целом не меняется, однако кое-какие изменения

просматриваются на срезах стенок шурфа. В южной половине шурфа грунт относительно рыхлый, хотя по цвету и не отличается. Здесь же найдены несколько маловыразительных фрагментов керамики. На глубине 82 см, в северной стенке шурфа обнаружена еще одна находка – часть стенки глазурованного блюда, придавленного небольшим камнем. Несколько дальше был открыто ещё два камня. Грунт по составу и цвету на этой глубине остается без изменений и если бы не отдельные находки, раскопки в шурфе можно было бы остановить.

Керамика 2-го яруса. Слой беден на находки. Обнаружено 9 фрагментов керамики: верхняя часть горшкообразного сосуда (сгиб перехода от тулова к горловине), небольшая часть донца, фрагмент ручки сосуда (эллипсовидная в срезе), сегмент плоской крышки, 4 фрагмента стенок разных изделий и довольно большой фрагмент глубокого блюда. Перечисленные фрагменты за исключением фрагмента глубокого блюда не покрыты глазурью. Глазурованная стенка блюда завершается отогнутым наружу и разделенным глубокой канавкой на две части венчиком. Глазурована только внутренняя поверхность блюда. Подглазурный фон – серый. В верхней части стенки блюда голубой краской проведены две линии, ограничивающие полосу шириной в 4 см, в которой голубой и коричневой краской нанесен волнистый орнамент. Орнаментальный бордюр выделен снизу еще двумя тонкими коричневыми линиями по кругу. Судя по фрагменту, это было изделие довольно крупных размеров. Восстанавливаемый по венчику диаметр 46 см, приблизительная высота 12-14 см. Рассмотренную керамику можно датировать в пределах XVII – XIX веков.⁵

При дальнейшем углублении выяснилось, что вся раскапываемая площадь занята однородным влажным плотным грунтом тёмно-серого цвета. Обнаружены только фрагменты глазурованной керамики. Один из них – типичный образец керамики позднего средневековья с использованием для орнамента сочетания светло-голубой и марганцевой красок на белом фоне, а цветовую гамму составляют жёлтый и салатный цвета на светло-коричневом фоне. Глазурованы обе поверхности стенок. Картина не меняется на всей глубине ярусов 2 и 3. Находок почти нет. Найдено несколько фрагментов стенок сосудов довольно грубого изготовления. Интересно, что все они массивны. В центральной части шурфа обнаружены два других фрагмента керамики. Они покрыты жидким черным ангобом, с ними же рядом лежал венчик горшкообразного сосуда грубого изготовления. Слегка отогнутый наружу венчик в срезе овальной формы. Тесто грубое с большим количеством инородных включений. Вышеописанные фрагменты керамики можно датировать серединой 1 тысячелетия нашей эры, т.е. IV-V в.в.⁶ Дальнейшее углубление в пределах шурфа не изменило общей картины. Лишь в конце яруса 3, в северо-восточной части шурфа получена интересная находка – небольшой фрагмент стенки сосуда. Черепок тонкий, легкий на

вес и по разлому видно, что этот сосуд был изготовлен из хорошо отмученной глины и без инородных включений. Интересно, что внутренняя поверхность покрыта не плотным черным ангобом, а внешняя поверхность – плотным красным ангобом. О форме и назначении изделия сказать что-либо определенное очень трудно, однако по фактуре и внешнему виду черепок можно датировать I-III веками нашей эры.

Состав, цвет и структура грунта не меняется и в 4-ом ярусе шурфа. В разных точках найдены фрагменты четырех керамических изделий хорошего качества. Все они покрыты плотным красно-коричневым ангобом. Два фрагмента имеют легкий изгиб в средней части. Вероятно, это фрагменты кубкообразных сосудов. Найденная керамика, судя по технологии, ангобу и качеству изготовления относится к позднеантичному периоду и датируется также в пределах I-III вв. нашей эры. Эти находки дают надежду на обнаружение на территории памятника древних культурных слоев, если не здесь, то на другом участке городища.

В конце 4-го яруса зафиксирован стерильный лесс, без каких-либо включений. На глубине 186-190 см уже не встречено ни одного фрагмента керамики. В самом начале 5-го яруса (209-210 см) зачищена твердая каменная поверхность. С достижением материка раскопочные работы в шурфе 2 были прекращены.

Раскоп №3. Раскоп заложен на юго-западной окраине городища и охватывает небольшой участок наружной стены и, прилегающую к ней с востока, площадь памятника. Выбранное для раскопок место – двухуровневое: здесь городище имеет выступ – относительно ровную площадку, уровень поверхности которой на 85-95 см ниже уровня основной части Урды. Первоначально работы велись отдельно на двух раскопочных площадях: узкой траншее, перпендикулярной к внешней стене (нижняя площадка) и в шурфе, размером 4x4 м, заложенном на основном уровне городища. Такое сочетание позволяет четко выявить стратиграфию культурных напластований на данном участке городища, изучить разрез и основание стены и получить необходимые материалы для определения времени постройки стены.

В ходе раскопок, шурф был расширен в западном направлении. На уровне начала третьего яруса, траншея и шурф были объединены в один крупный раскопочный объект – Раскоп №3. В связи с этим, описание хода раскопок траншеи и шурфа 3 до начала третьего яруса представлено отдельно, а с середины третьего яруса – вместе.

Траншея. Верхний горизонт грунта в траншее представлял собой размытые слои плотного лёсса, постепенно сменяющегося рыхлым, комковатым заполнением, особенно на самом западном участке траншеи, прилегающей к остаткам стены.

Находки. В верхнем слое траншеи находок немного, главным образом

это керамические фрагменты. Несколько стенок разных размеров от неглазурованных сосудов, не дающих форму, это затрудняет не только датировку, но и определение функционального назначения находок. Два фрагмента грубых стенок, без ангоба, с добавлением в тесто песка и извести: поддон крынки (или горшка?) (диаметр – 7 см) и фрагмент стенки кувшина (?) с волнистым орнаментом, нанесенным зубчатым гребнем и др. Глазурованная посуда представлена семью фрагментами одного блюда. Блюдо было разбито давно, но оказавшиеся в одном месте семь стыкующихся фрагментов позволяют восстановить почти половину изделия. Глазурованное блюдо небольшого размера, но относится к типу глубоких блюд: диаметр венчика – 20 см, высота изделия – 5 см; от слегка вогнутого к центру дисковидного поддона (диаметр – 7 см) плавно вверх поднимаются стенки, завершающиеся закругленным венчиком. Обе стороны блюда орнаментированы и покрыты глазурью. Орнамент внешней стороны гораздо богаче: голубые линии, по внешней поверхности венчика и у поддона, образуют широкую, почти на всю внешнюю поверхность стенки, орнаментальную полосу, где голубые косые линии пересекаются друг с другом и образуют ромбики, внутри которых марганцем нанесены стилизованные трилистники. Внутри блюда, орнамент только в донной части: по кругу симметрично четыре двулистника, контурные линии которых в самом центре пересекаются и образуют ромбик. Контурные линии нанесены марганцем, внутреннее пространство двулистников и ромба тонировано голубым цветом и заштриховано более темными голубыми линиями. Сочетание сконцентрированной орнаментальной группы на дне изделия, при свободной остальной части внутренней поверхности с белым фоном, создает видимость большей объемности при реально небольшом диаметре, но это не в ущерб изяществу. Это блюдо можно отнести к числу первоклассных изделий парадной столовой посуды XIX века. Найденные в других частях траншеи, на этом же уровне, фрагменты керамики можно датировать в пределах конца XVIII – XIX веков (рис.1).

В восточной, более возвышенной части траншеи стратиграфическая картина намного сложнее. Здесь первый ярус состоит, в основном, из современного строительного мусора: это куски алебастровой штукатурки, битые кирпичи, фрагменты бутылок и стекла, скрученные провода, консервные банки и т.д. Этот слой, через 25-30 см, сменился плотным грунтом серого цвета, без каких-либо включений. Кое-где встречаемый дерн указывает, что некогда это была дневная поверхность. Уже после 8-12 см, вновь (на глубине 40 см), грунт становится рыхлым, и встречаются фрагменты керамики, характеризующие культурный слой памятника. Два фрагмента стенок глазурованных изделий имеют в орнаменте марганцевые линии на белом и голубом фоне. Такая же палитра красок использована при орнаментации хумчи, фрагмент которой находился на срезе южной

стенки траншеи. К неглазурованным изделиям относится вогнутая крышка с грибовидной ручкой в центре. Подобные изделия трудно датировать – на протяжении долгих лет они медленно изменяются, но чаще всего использовались в X-XIV в.в. Для формовки была использована хорошая глина без примеси, чего нельзя сказать о двух других фрагментах, найденных в слое вместе с вышеописанной крышкой. Эти фрагменты – части стенки и нижней половины хума или хумчи – изготовлены из глины с большой примесью дресвы и шамота. Здесь также была найдена донная часть небольшой чаши, типа пиалы, с кольцевым поддоном. Другие находки очень незначительны по размерам, но все они являются фрагментами неглазурованных изделий. Вместе с ними найдена кость животного.

В западной части траншеи, ближе к крепостной стене, на глубине начала второго яруса (соответствует четвёртому ярусу от репера и дневной поверхности основной части городища) получен интересный керамический комплекс: большое количество стенок и разнопрофильных венчиков неглазурованной керамики и два фрагмента, вероятно, одной (судя по технике исполнения) глазурованной чаши. Комплекс интересен тем, что именно последняя чаша позволяет, более или менее точно, датировать все остальные фрагменты керамики, найденные в одном с ней культурном слое. Дело в том, что фрагменты неглазурованной керамики многочисленны, но не выразительны. Даже те части изделий, которые имеют хорошо профилированные венчики, датируются довольно широко, в пределах IV-V веков. В то же время, глазурованная чаша датируется XI-XII в.в. Сохранилась нижняя часть изделия с дисковидным поддоном. Диаметр поддона – 6,5 см. В местах скола видно, что чаша изготовлена из глины красноватого цвета хорошего качества и без примесей. Снаружи изделие было покрыто плотным серым ангобом, внутренняя же поверхность чаши покрыта светло-желтой глазурью. Подглазурный орнамент не сложен: в центре дна сосуда кружок (диаметр 2 см) и пять лучеобразно отходящих от него волнистых линий. Круг и линии прочерчены до покрытия сосуда глазурью. На линиях – небольшие по размерам расплывчатые капли коричневого и светло-зеленого цвета. Керамика подобного типа и цветовой гаммы характерна для района на стыке Ферганы и Уструшаны. ⁷ Еще, по материалам раскопок Калаи Боло, стало ясно, что в керамике Исфары XI-XII в.в. господствовал тип блюд и чаш, покрытых светло-желтой глазурью со скупым подглазурным орнаментом в зелено-коричневой гамме (иногда – с граффито). ⁸

Шурф №3. Верхний слой представлял собой сильно перемешанный грунт, содержащий органические остатки, камни разных калибров, угольки, керамику и т.д. На глубине 25-28 см, грунт северо-западной части шурфа несколько отличался по своей структуре: среди массива Шурф №3. Верхний слой представлял собой сильно перемешанный грунт, оватый лёсс вперемешку с золой. Была зачищена хозяйственная яма диаметром около

70 см, большая часть которой оказалась за пределами шурфа. Судя по содержимому ямы, она принадлежит недавнему прошлому; здесь находились разбитые банки и бутылки, камни, какие – то запасные части тракторов и т.п. Но в другой половине площади шурфа, приблизительно на такой же глубине что и яма, да и по всему первому ярусу, найдены многочисленные фрагменты позднесредневековой глазурованной керамики. Попадались разные части и неглазурованных изделий. Основную массу среди первых составляют стенки блюд и чаш. Глазурью покрыта только внутренняя поверхность сосудов, лишь некоторые фрагменты имеют узкую полосу глазури по внешней стороне стенки, у самого венчика. Подглазурный фон – голубой, разных тонов, чаще всего грязно-голубой. Элементы орнамента (сочетание растительного и геометрического: вихревые розетки, прямые и волнистые линии, стилизованные листья и цветы и т.п.) выполнены темно-фиолетовой краской. находки слишком фрагментарны, чтобы говорить о размерах, однако, формы венчиков представлены в трех вариантах – прямое продолжение стенок, завершающее округлой площадкой, заостренные венчики и венчики, слегка отогнутые наружу. К сожалению, полученный в раскопе материал недостаточен для выводов о преобладании какого-либо венчика, из указанных вариантов, в комплексах керамики Исфары позднего средневековья. Рассмотренная керамика близка к изделиям этого же времени из Канибадама, Риштана и Коканда конца XVIII-XIX веков, что совершенно ясно определяется направленностью культурных и экономических связей Исфары, в пределах Кокандского ханства.

В юго-восточном углу шурфа, в середине первого яруса зачищалось большое очажное пятно, которое продолжается на глубину, до середины второго яруса. Пятно четко очерчивается 3-5 сантиметровой прокаленной полоской. О силе огня говорит состояние грунта и находок: они сохранили следы воздействия сильного огня. Два камня были почерневшими от копоти, с глубокими трещинами и при первом же касании разделились на части. Через некоторое время очаг, скорее всего, был засыпан мусором и грунтом, принесённым сюда с другого участка городища. С золой был смешан чистый лесс, а также имеются фрагменты керамики, совершенно не тронутые огнем и т.д.

Несколько севернее очажного пятна, описанного выше, наискосок, по линии северо-запад – юго-восток расчищена каменная полоса, напоминающая фундамент глиняных стен – дувалов. Чуть позднее, такая же полоса каменного фундамента была зачищена и вдоль западного края шурфа. Рядом с камнями был строительный мусор, включающий куски обожжённых кирпичей и штукатурку. Вероятно это остатки какого-то строения недавнего прошлого, разрушенного до основания. Согласно данным опросов, в 20-тые годы в этой части Урды стояло два жилых здания.

Остальная площадь шурфа, между хозяйственной ямой, очажным

пятном и каменным фундаментом, занята плотным грунтом серого цвета. В верхнем слое находок немного, а к концу первого яруса, и особенно во втором ярусе, все чаще встречаются разнообразные фрагменты керамики. В глаза бросается различие находок разных уровней: здесь уже нет того богатства и разнообразия орнамента поливных изделий; преобладает однотонность серо-голубого подглазурного фона с редким орнаментом (рис.2). По цветовой гамме, комплекс керамики на стыке верхних ярусов Урды можно датировать XVII-XVIII в.в. ⁹

Самое начало второго яруса дало иной комплекс керамики. Здесь, как и ранее, количественно преобладает глазурованная керамика. В довольно плотном грунте найдены поддоны, стенки чаш и блюд, стенки горшков и кувшинов и т.д. Но если для комплексов позднесредневековой глазурованной керамики, рассмотренных нами выше, были характерны серо-голубой и расплывчато-голубой фон и рисунок марганцем, то здесь, в комплексе второго яруса мы видим фрагменты керамических изделий хорошего качества, с черно-голубоватым рисунком на желтовато-белом фоне или голубой и серовато-черный рисунок на почти белом фоне. Эту группу керамики можно датировать XVI-XVII в.в. Но среди находок из слоя есть несколько фрагментов более раннего времени: два фрагмента чаши с орнаментом краской синего цвета на белом фоне (так называемая "тимуридская" керамика – XV-XVI в.в.) и мелкие фрагменты посуды с фиолетово-черным рисунком на бирюзовом фоне. Эти последние фрагменты считаются типичными для XIV в., подобная керамика ранее была найдена при исследованиях замка Калан Боло в Исфаре.¹⁰

На глубине 70-95 см от современной поверхности, почти вся раскапываемая площадь шурфа представляет собой единый культурный слой – плотный серый грунт с включениями керамики. Если в начале второго яруса довольно много глазурованной керамики, то во второй половине яруса – в основном, неглазурованная. Это стенки сосудов с шаровидным туловом, горловины кувшинов (4 фрагмента), поддоны. Большинство фрагментов покрыто светлым ангобом. На горловинах кувшинов имеется прочерченный орнамент. Оба упомянутых поддона по форме дисковидные, диаметром 7,2 и 8 см. Два фрагмента стенок крупных сосудов имеют на внешней поверхности ряды горизонтальных линий-углублений. В общей массе неглазурованных фрагментов выделяется один фрагмент – толстая стенка сосуда с белым подглазурным фоном. Описанная группа фрагментов второго яруса трудно поддается датировке. Небольшой фрагмент тулова одного изделия резко отличается от других цветом, структурой и качеством глины. Черепок изготовлен из хорошо отмученной огнеупорной глины зеленоватого цвета. Внешне фрагмент напоминает известные в X-XIII века сфероконические сосуды, называемые в литературе симобкузача и служившие, по мнению многих исследователей, для перевозки ртути. Также

существует мнение, что подобные сосуды, наполняемые зажигательной смесью, могли служить во время военных действий в качестве своеобразных "бомб", снарядов, бросаемых в места скопления врагов. Отсюда и второе название этих сосудов – "нафтандоз". Однако один фрагмент не может быть достаточным аргументом для датировки данной группы керамики. Почти полное отсутствие глазурованных изделий как бы говорит о раннем, до начала широкого использования глазури, времени, однако здесь нет характерных для VII-VIII веков форм посуды. Поэтому вопрос о датировке данной группы остаётся открытым. Исходя из стратиграфической ситуации, датировка может быть относительной: находки из нижнего слоя второго яруса более ранние, чем керамика XIV-XV в.в., либо же одновременна с ней.

Большое количество фрагментов керамики третьего яруса составляют стенки сосудов, которые плохо поддаются датировке. В целом, стенки можно разделить на две группы: 1 – тонкостенные фрагменты (вероятно, стенки кувшинов и горшков) и 2 – фрагменты толстостенных изделий типа хумов и хумча. Некоторые стенки из первой группы имеют, на уровне плеч сосудов, орнамент, в виде проведенных по сырой глине линий. В эти группы не входят три фрагмента: горловина небольшого сосуда, имеющая в срезе Т-образный венчик, но изготовленная из грубого теста с включениями дресвы; фрагмент сильно отогнутого наружу венчика горшка с шаровидным туловом (таже грубого изготовления) и часть изделия с сужающимся вниз туловом. Последний сосуд изготовлен из красной глины с незначительной примесью мелкого речного песка; верхняя часть с венчиком и поддон не сохранились. Интересен для датировки один из фрагментов горловины кувшинообразного сосуда (говорить уверенно о кувшине не позволяет большой диаметр горловины, это могла быть и кружка). Горловина имеет треугольный слив. По предположению исследователей, этот тип изделий и некоторые другие, имеющие так называемые "согдийские" очертания, являются следствием проникновения некоторых традиций согдийских гончаров в Фергану в конце VII-VIII в.в. ¹¹ В целом, весь этот комплекс фрагментов, весьма условно, можно датировать в пределах V-VIII вв.

Следующий, четвёртый ярус шурфа представляет собой отложения плотного спрессованного лесса с многочисленными фрагментами керамики.

Керамика IV-го яруса по количеству находок превосходит все комплексы предыдущих ярусов. Но этот комплекс можно разделить на две группы: находки из верхнего слоя яруса и керамику из нижнего слоя, причем есть различие не только по составу находок, но и хронологически. В группе керамики верхнего слоя больше находок, дающих представление о формах и назначении предметов. Здесь фрагменты разных керамических изделий: венчики и стенки хумов, хумча; венчики, стенки, нижние части сосудов типа горшков и корчаг; стенки более тонкостенных изделий. Два фрагмента имеют отпечатки тканей (рис.3. 8).

Среди фрагментов преобладают венчики хумов и хумча. Это и не удивительно: такая картина наблюдается на многих памятниках Средней Азии периода раннего средневековья. Некоторые венчики вертикальны, они являются простым продолжением стенки, отогнутой и поставленной более или менее вертикально. Высота венчика 2,5 – 5 см., при толщине 2-3 см. Диаметр венчика равен 25-35 см.

Другая, более многочисленная группа венчиков хумов и хумча включает в себя отогнутые и оттянутые наружу венчики, округлой или подквадратной формы. Большинство хумов изготовлено на гончарном круге, покрыто серым или светло-коричневым ангобом, черепок в изломе раковистый, тесто с дресвой и с включениями дроблёных камней, обжиг хороший. Представлен экземпляр хума с пальцевым тиснением по внешней нижней части венчика. Один фрагмент хума закопчен. По форме венчиков хумы похожи на подобные находки на многих археологических памятниках Средней Азии, которые относятся исследователями ко времени раннего средневековья (рис.3, 1-5).

Среди находок две стенки покрыты неплотным черным ангобом и имеют прочерченный волнистый орнамент на поверхности. В целом, комплекс верхнего слоя четвертого яруса по аналогиям можно датировать V-VI в.в.

В нижней части яруса слой значительно плотнее, находки – фрагменты керамики – приходилось с большим трудом отделять от грунта. Керамика более фрагментарна, чем в вышеописанной группе. Как было отмечено, в составе находок главным образом стенки от разнообразных изделий разной толщины. Интересно, что здесь нет ни одного фрагмента венчика хума или хумчи, зато много сосудов меньших размеров: горшков, котлов, мисок и т.д. Есть фрагмент сосуда с небольшим примятым носиком-сливом, часть плоского изделия, может быть крышка, диаметром около 20 см. Большинство фрагментов от тонкостенных изделий. Чрезвычайно интересным является фрагмент скульптуры животного. Сохранилась только верхняя часть, изображающая голову и шею. Высота от места облома шеи до верха головы – 5,3 см. Скульптура полая, во всяком случае её сохранившаяся часть. Морда фигурки вытянута и слегка загнута вверх. Глаза животного выполнены двумя отверстиями. Такие поделки из обожженной глины встречаются в курганных захоронениях Исфары середины 1 тыс. н. э. Керамику нижнего слоя четвертого яруса можно датировать III-V в.в. н.э.

В самом конце яруса, в северо-восточной части шурфа были обнаружены три сосуда, дополняющие вышеописанный комплекс. Первая находка – небольшая, не очень глубокая чаша, покрытая снаружи красным ангобом. Диаметр по венчику – 11,5 см, высота – 3 см, диаметр выделенного дисковидного поддона – 10 см. Рядом с чашей была зачищена нижняя часть кувшинообразного сосуда, с диаметром дисковидного, слегка выделенного поддона 11 см. Сосуд покрыт светлым, сероватого оттенка ангобом. Третий

фрагмент – донная часть крупного сосуда. Дискovidный поддон, диаметром 24 см, очень плавно переходит в стенки. К сожалению, высоту и форму сосуда трудно определить. Изделие очень хорошего качества: в тесте нет примесей, обжиг ровный, снаружи стенка покрыта красным ангобом. Найдены три крупных и множество мелких частей сосуда. Плечики сосуда были орнаментированы зигзагообразной линией, нанесенной до обжига и ангобирования.

На уровне начала пятого яруса, в центре шурфа была достигнута материковая поверхность – твердая каменистая, такая же, как и в других шурфах. Однако, эта полоса материковой поверхности, шириной около 1 м, проходит в середине шурфа с юга на север в виде вала, то есть к западу и востоку от этой поверхности имеется также культурный слой толщиной 20-35 см. В этих частях, подстилающих материк, была обнаружена керамика, которая характеризует и датирует самый ранний культурный горизонт шурфа. В обеих частях шурфа найдены фрагменты мисок, чаш и другой бытовой посуды. Изделия разительно отличаются от фрагментов предыдущего комплекса. В массе своей это прекрасно отделанная тонкостенная посуда первых веков нашей эры, среди которой много фрагментов керамики, покрытой красным и коричнево-черным ангобом со следами лощения. В науке эту керамику часто, но не совсем точно, называют “кушанской” или “позднеантичной”, имея в виду только период её существования – первые века нашей эры. Найденные фрагменты можно по форме разделить на две группы: 1) чаши и кубки, 2) кувшины и горшки.

Из изделий первой группы представлены хорошо чаши (миски) средних размеров, с диаметром венчика 15-25 см (рис.4,1). Для них характерен невысокий, отогнутый внутрь сосуда бортик. Близки к этому типу чаши с более высоким небольшим бортиком, поставленным почти вертикально. Среди них встречаются довольно крупные, с диаметром до 30 см. Плоские миски были с вертикальными или наклонёнными наружу бортиками. Имелись и чаши с округлым туловом. Некоторые из них имеют профилированные венчики. Другие, с меньшим диаметром, близки к бокалам.

Крупные сосуды, типа котлов, представлены фрагментами стенок из огнеупорной глины, многие из них имеют закопченную внешнюю поверхность.

Кувшины представлены разными типами. Некоторые из них маленькие, изящные, изготовлены из прекрасно отмученного теста, другие – фрагменты крупных сосудов, изготовлены из грубого теста с использованием дресвы. Тонкостенные кувшины имеют венчики в виде отогнутого наружу бортика. У крупных сосудов венчик имеет своеобразную профилировку.

Поддоны – дискovidные. Могут быть как плоскими, не выделенными, так и слегка вогнутыми к центру. Найдена нижняя часть довольно крупного сосуда, с хорошо выработанной кольцевой ножкой. Высота кольцевой ножки – 4 см. Сосуд покрыт плотным темно-красным (почти коричневым) ангобом.

Среди керамических фрагментов выделяется стенка сосуда, у которой кирпично-красный черепок в изломе, а на внешней поверхности процарапанный, так называемый “даваньский” орнамент: треугольники, заштрихованные мелкими зигзагами (рис.4,6,8). Главная отличительная особенность такого орнамента – в прочерчивании рисунка после ангобирования сосуда.¹²

Керамика позднеантичного или кушанского периода очень высокого качества. Сосуд после просушки покрывался толстым слоем красного или черного ангоба. Некоторые сосуды ангобировались двумя цветами: так, черепок из раскопа 2 внутри покрыт черным, снаружи – красным ангобом. Иногда верхняя и нижняя части одного изделия покрывались ангобами разных цветов. Реже встречается коричневый ангоб. Лишь некоторые фрагменты имеют следы лощения. Наиболее ранние фрагменты комплекса можно датировать II-I вв. до н.э. – I в. н.э. Но основная масса тонкостенной ангобированной керамики относится к I-III в.в. н.э. Бесспорно, это продукция высококвалифицированных мастеров, свидетельствующая о высоком уровне развития технологии. Немногочисленность и кажущаяся скудость раскопного материала, полученного в сезоне 1999г, ни в коей мере не умаляет его ценности для изучения истории Исфары. Благодаря проведенным раскопкам получен материал, который, в совокупности с данными предшествующих лет, позволяет создать первую историко-археологическую стратиграфическую периодизацию памятников на территории города Исфары, и на её основе наметить главные этапы развития города. Изучение стратиграфии – это лишь первый этап исследования. Еще предстоит изучение отмеченных слоев на больших площадях с тем, чтобы проследить динамику развития городского организма, изучить оборонительные сооружения, общественные и культовые здания, ремесленные кварталы. Вероятно, все эти исследования будут сопровождать строительные работы в исторической части Исфары в ближайшие годы. Таким образом, подводя итоги работ, на основе совокупности материалов всех шурфов можно констатировать намного более чем 2000-летний период обживания древнего ядра Исфары – Урды, где и начинается формирование городского организма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Давидович Е.А., Литвинский Б.А.. Археологический очерк Исфаринского района. – Тр. АН Тадж.ССР. Институт истории, археологии и этнографии, т. XXXV. – Сталинабад, 1955.-С.138.

2. См.: Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К.. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины Таджикистана. – Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. – М., 1985. – С.501-507; Мирбабаев А.К. Некоторые материалы из могильника Лангари Ходжиён Исфаринского района. – Археологические работы в Таджикистане. Вып. XX (1980г.). – Душанбе, 1987. – С.348-349; Он же. О работах Чоркуйского хоздоговорного отряда в 1981 году. – Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXI (1981г.). – Душанбе, 1988. – С.56-57; Негматов Н.Н., А.К. Мирбабаев Город из легенды. – Коммунист Таджикистана, 1990, 19 мая.

3. Исфаринская группа Северо-таджикистанской археологической комплексной экспедиции в составе: Н.Т. Рахимова, докт. ист. наук Н.Н. Негматова, Р.С. Мукимова и группы рабочих по найму, работала на средства Хукумата г. Исфары с 5 июня по 15 августа 1999 года.

4. См.: Беляева Т.Е. Раскопки верхних горизонтов Арка Ходжента. – Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981. – С.59; Она же. Художественная керамика XIII-XIX вв. – Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата, 1983. – С.43; и др.

5. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.. Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972. – С. 117-122; Беляева Т.В. Раскопки верхних горизонтов Арка Ходжента. – Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981. – С.59.; Мирзаахмедов Дж. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII – первой половины XVIII вв. – История материальной культуры Узбекистана, вые. 16. – Ташкент, 1981. – С. 104 и далее;

6. Подобная керамика встречается на многих памятниках Исфары. см.: Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. – Тр. АН Тадж.ССР. Институт истории, археологии и этнографии, т. XXXV. – Сталинабад, 1955.

7. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XI вв. – Ташкент, 1986. – С.64-65; подобная керамика известна и для Кашкадарьи – см.: Н.П. Столярова. Орнаментация глазурованной керамики IX – начала XII вв. Кашкадарьи. – Древняя и средневековая археология Средней Азии. – Ташкент, 1990. – С.129.

8. Давидович Е.А., Литвинский Б.А.. Археологический очерк Исфаринского района. – С. 115;

9. См.: Древности Таджикистана. Каталог выставки. – Душанбе, 1985.

– С. 329 (846-849).

10. Давидович Е.А., Литвинский Б.А.. Археологический очерк Исфаринского района. – С. 112.

11. Мирзаалиев Г. “Ферганский тип” согдийской керамики. – Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы советско-французского коллоквиума. – Ташкент, 1990. – С.66-67.

12. Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. – М., 1973. – с. 159-162.

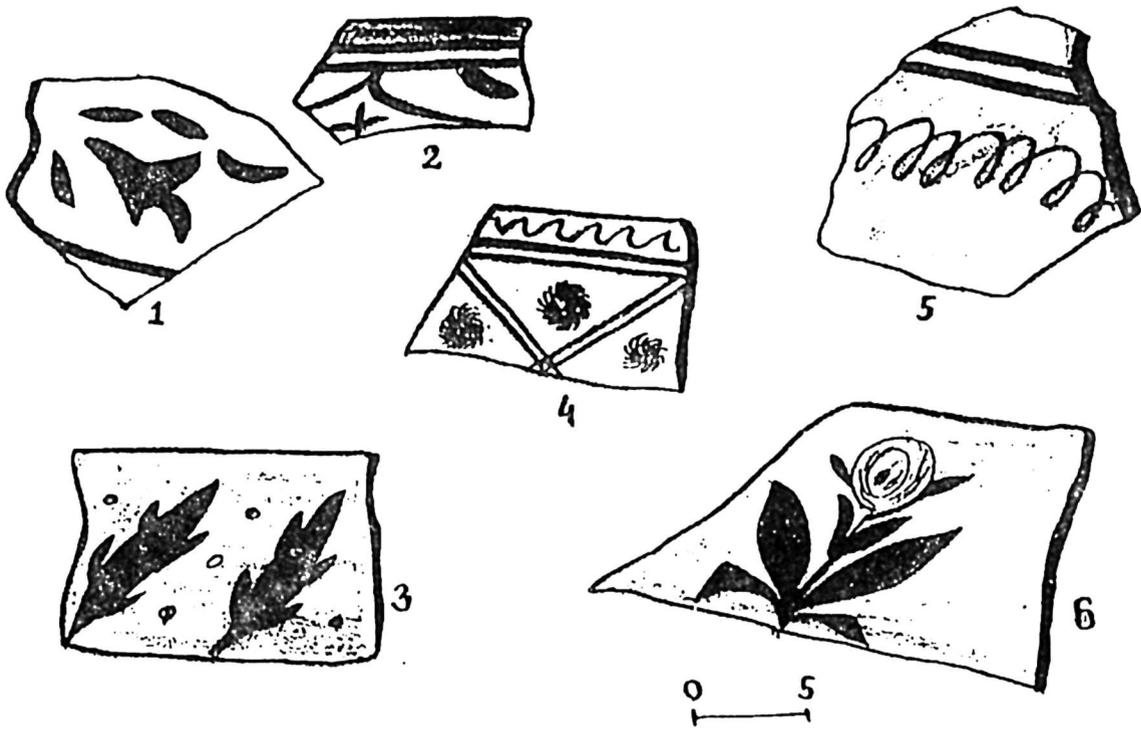
СПИСОК РИСУНКОВ

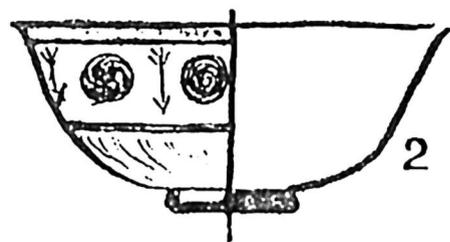
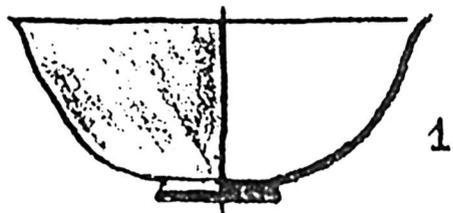
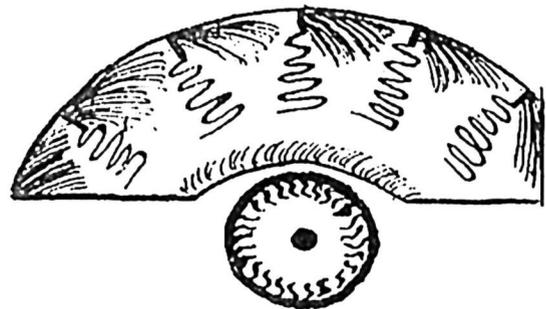
Рис. 1. Исфара. Раскоп 3. Фрагменты глазурованной керамики.

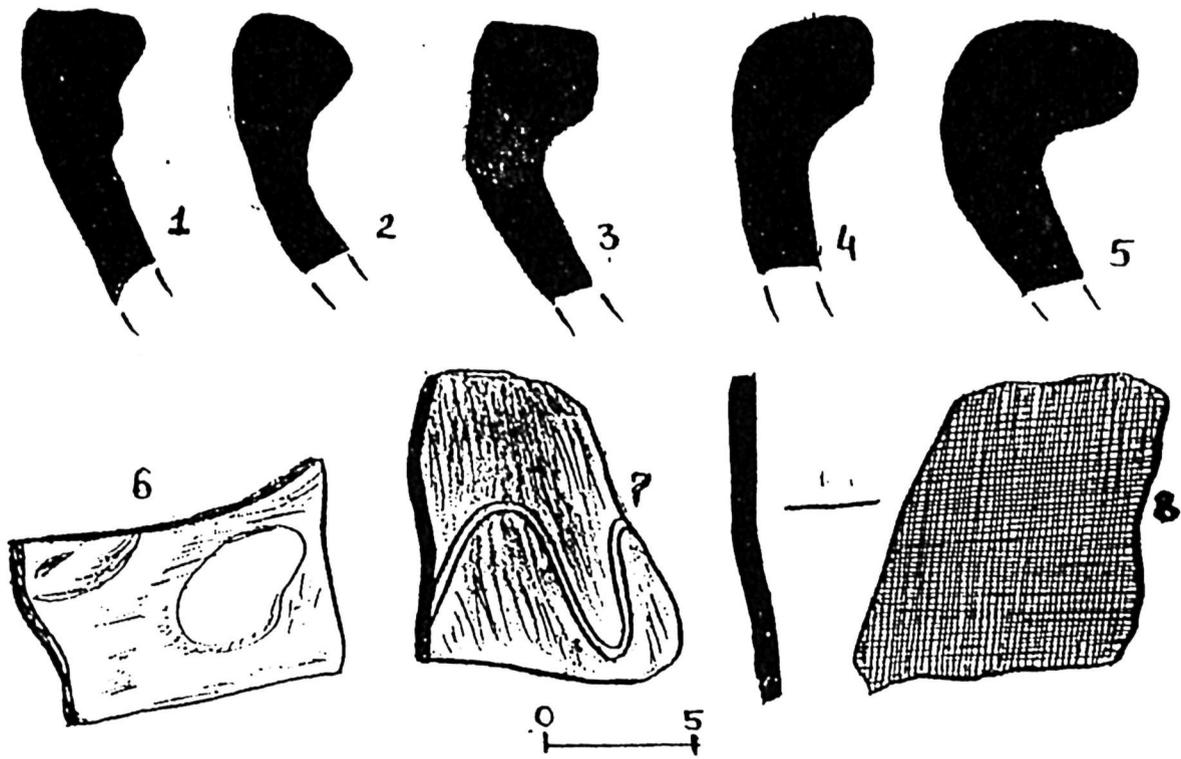
Рис. 2. Исфара. Глазурованная керамика XVII-XVIII веков.

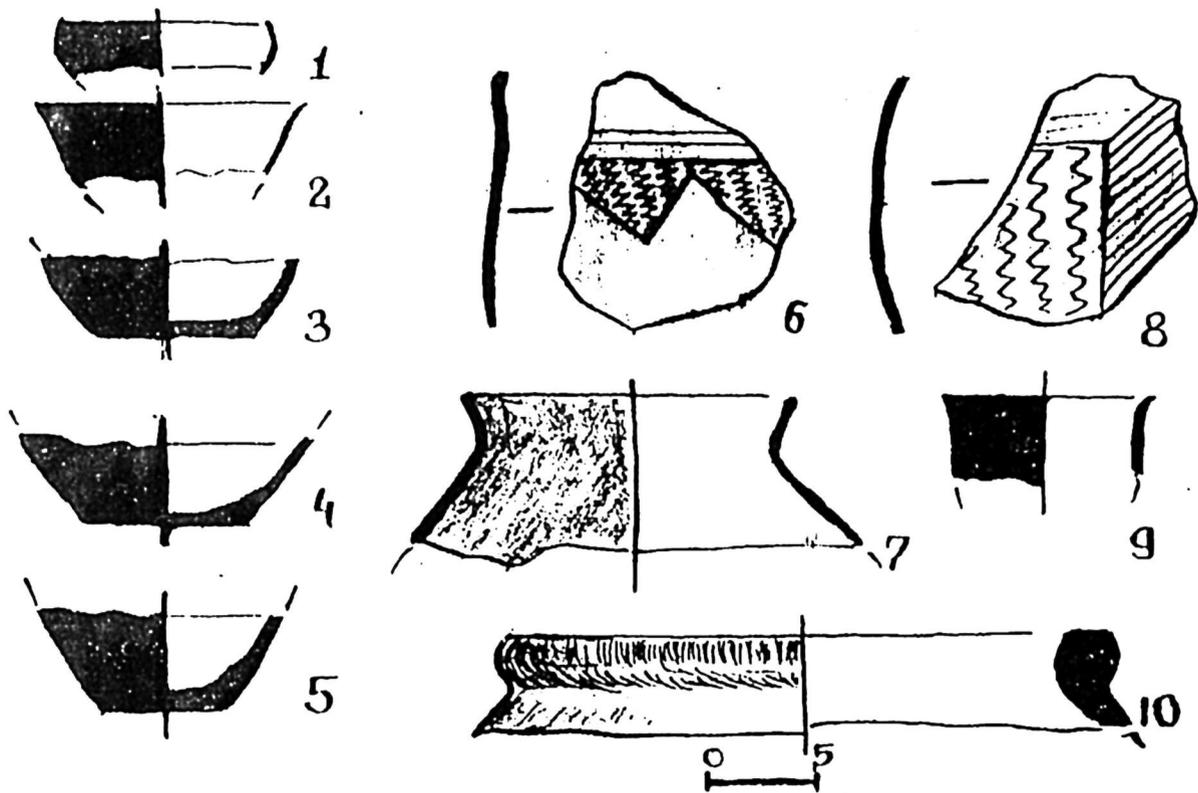
Рис. 3. Исфара. Раскоп 3. Керамика V-VIII веков.

Рис. 4. Исфара. Раскоп 3. Керамика нижних ярусов.

С.Ш. МАРОФИЕВ,
Н.Т. РАХИМОВ,
А.Ю. ЮСУПОВ

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАНИ В ХУДЖАНДЕ В 1999 ГОДУ

В феврале 1999 г. при строительстве Центра молодежи в исторической части Худжанда (в пределах средневекового шахристана города) ковш экскаватора разрушил какое-то сооружение, при этом было вынута из земли и погружено на самосвалы большое количество жёных кирпичей и фрагментов керамики. Работы были вовремя приостановлены. Археологический отряд ¹, созданный для изучения объекта, провел раскопочные работы в котловане намеченного к постройке фонтана.

Котлован (45x15 м) был вырыт на глубину более 1 м в самом центре Худжанда. Раскопки начались в северной половине котлована, где были обнажены остатки округлого в плане помещения. В процессе исследования выявлены четыре культурных горизонта: XIX – начала XX вв., XV-XVI вв., XI-XII вв. и IX-XI вв. В отвалах грунта много фрагментов позднесредневековой керамики и других находок. Осмотр стен котлована показал, что здесь, на глубине двух ярусов фиксируются остатки сооружений. Чётко просматриваются стены с многократной штукатуркой, уровни пола, остатки строительного мусора. Судя по многочисленной керамике XIX века, здесь располагались постройки, бывшие в пределах кварталов Намазгох, Миршабхона и Хазрати Боба. В культурном слое третьего и, частично, четвёртого ярусов, также повреждённых при рытье котлована, засыпке его дна гравием и последующей трамбовке, зафиксированы строительные остатки и типичная "тимуридская" керамика. Однако этот слой незначителен, на многих участках его перекрывают прослойки камня и песка.

Следующий культурный слой содержал жёные кирпичи, фрагменты изделий из керамики и стекла, несколько монет. Неглазурованная керамика представлена: венчиками хумов; обломками хумчей, горшков, крышек. Особенно много – разных частей кувшинов, некоторые из которых имеют штампованный орнамент. Найдены фрагменты глазурованной посуды, со слегка окрашенной поливой фисташкового, светло-желтого цветов, и, процарапанным по ангобу, подглазурным орнаментом. В подглазурной росписи часто использованы светло-коричневый и салатный цвета. Наиболее характерными среди мотивов орнаментации являются: вихревая розетка, усложнённый лист, плетение или сильно стилизованные буквы. Основные формы сосудов – блюда и чаши на дисковидных, слегка вогнутых к центру и

с кольцевым вырезом поддонах. В комплексе находок немало светильников типа чираг (рис. 1). Формы изделий, их цветовая гамма и роспись характерны для керамики Средней Азии XI-XII вв.²

На уровне начала четвёртого яруса несколько меняется характер грунта, больше разно-форматных жжёных кирпичей, золы. Начали намечаться контуры архитектурных остатков. Становятся различимыми участок мощной стены и угол какого-то помещения в восточной части раскопа. В заполнении получено небольшое количество неглазурованной и глазурованной керамики, которая может датироваться концом IX-X вв. При дальнейшей работе начали оконтуриваться помещения, видимо, составляющие один комплекс.

В полевом сезоне 1999 г. зачищены 6 помещений и 3 узких коридора между ними, которые, в целом, дают представление о планировке здания³. Разновременность находок и свидетельства некоторых перестроек указывают на то, что определенный, довольно длительный период сохранялась первоначальная планировка здания, а затем план был несколько изменен. Но при этом перестройка не коснулась основного ядра сооружения. Периоду постройки и функционирования общественной бани (так позже был определен раскапываемый объект) соответствует одна из найденных здесь монет,⁴ определение которой позволит нам уточнить хронологические рамки функционирования этого монументального сооружения.

Главный вход в банный комплекс находился в северо-восточной части раскопа. Возможно, существовал и другой вход, но это можно утверждать или опровергнуть лишь после вскрытия остальной части здания (рис. 2).

Через восточный вход (ширина проёма – 0,9 м) можно было попасть в прямоугольное помещение 1, размером 3,2x2,1 м.⁵ Это – лучше всего сохранившаяся часть здания. Стены помещения сложены из жжёного кирпича и сохранились на значительную высоту, местами до 1,35 м. Большая тумба в северо-западном углу (шириной 1 м) и выступ южной стены как бы делят помещение на две части. Зачищен и пол комнаты, также выложенный жжёным кирпичом на водостойком растворе. Весь уровень пола имеет следы воздействия сильного, долговременного огня. Огонь, вероятно, действовал на всем пространстве помещения – кирпичи стен на разных высотных отметках от пола также прокалены, имеют следы копоти, грунт заполнения помещения сильно перемешан с золой. Даже обнаруженные в углу комнаты фрагменты неглазурованной керамики – со следами копоти. Найдены упавшие фрагменты свода, указывающие на способ перекрытия помещения. Также здесь было найдено некоторое число керамических фрагментов, среди которых: части стенок и горловин кувшинов с ручками; чаши; обломок светильника типа чираг, с листовидным навершием. Последний фрагмент покрыт глазурью темно-зеленого цвета. Вдоль северной стены помещения,

на высоте 0,5 м от уровня пола зачищен дымоходный (жаропроводный) канал, сложенный из жжёного кирпича и заполненный чистой травяной золой и сажей. Длина канала 2,2 м, при ширине желоба – 0,5 м.

Помещение 1 было проходным: два прохода ведут из помещения 1 в соседние помещения 2 и 4. Помещение 2 расположено к западу от первого. По своим размерам эти два помещения близки друг к другу, они разделены перегородкой с двумя выступами. Ширина перегородки – 0,3 м, сохранившаяся высота – 0,46 м. Ширина прохода между помещениями – 0,7 м. Пол помещения 2, в отличие от предыдущего, вымощен плотно пригнанными плитами серого сланца. Кроме этого, поверхность пола помещения имеет покатость к центру. Заполнение содержало фрагменты керамики и золу. В нескольких местах грунт имел разноцветную окраску. В северо-восточном углу помещения, на полу обнаружен большой фрагмент каменного жернова. Напротив, к югу, выступ перегородки (0,5 м) образует в юго-восточном углу помещения небольшое изолированное пространство с порошкообразным травяным заполнением. Западная стена помещения плохо сохранилась. Но по верхней поверхности стены, в 0,5 м от края обнаружены остатки водопроводной линии из керамических труб – кубуров. Кубуры длиной 0,7-0,8 м, диаметр входного отверстия 0,2 м, диаметр выходного отверстия 0,17 м. Плотно соединённые друг с другом трубы – кубуры образовывали водопроводную линию, идущую по направлению север-юг, вдоль всей западной стены помещения 2. Такая практика широко применялась при благоустройстве средневековых городов Средней Азии, особенно в IX – XII вв.⁶

С юга к помещению 1 примыкала другая комната – помещение 4 (3,2x2 м). Эти два помещения также соединял узкий проход, но, по всей видимости, функционально помещения резко различались. В помещении 4 вдоль стен зачищены возвышенности – суфы, высотой в 6-9 рядов кирпичей. Они предназначались для массажа и отдыха. В юго-западном углу и в средней части восточной стены помещения имеются ванны, отгороженные от остальной части помещения невысокими перегородками из вертикально поставленных кирпичей. Дно ванн оформлено положенными плашмя кирпичами. При выкладке и обмазке ванн были использованы известково-зольные, так называемые “кыровые” растворы, известные как водостойкие.⁷ Под ванны подведены теплопроводящие каналы. В юго-западном углу, за ванной, в толще южной стены зачищен резервуар для воды. Его внутренняя поверхность тщательно замазана. На одной суфе, а также на углу перед входом в помещение имелись следы горения. Заполнение над полом состоит из однородного грунта серого цвета с обломками жжёных кирпичей, следами перегноя и скоплениями золы в отдельных местах.

С помещением 4 на западе соседствует помещение 3. Оно также прямоугольное, вытянутое с севера на юг, со сторонами 1,45x4 м. В восточной

части этого помещения, вдоль стены открыты остатки ванны, под которой проходит теплопроводящий канал. В самой своей северной части ванна переходит в своеобразную полочку-нишу в северной стене помещения 3. По всей вероятности, ниша предназначалась для моющих принадлежностей.

Восточная стена помещения 3 сохранилась на высоту до 1 м. Кладка стен выложена фигурно, кирпичи располагаются в вертикальном и горизонтальном направлениях. Этот приём встречается и на других архитектурных памятниках IX-X вв.⁸

В углу помещения 3, в конце IV яруса найдены: целый сосуд – симобкузача; резервуар глазурованного чирага; фрагменты нескольких кувшинов со штампованным орнаментом, который является характерным для X-XI вв.⁹ К западу от помещения обнаружены еще два резервуара и зафиксировано продолжение вышеописанной линии труб – кубуров. Раскопки помещения 3 в сезоне 1999 г. не завершились – еще предстоит зачистить юго-западную часть.

Полностью не раскопано и помещение 5, расположенное к югу от помещения 4. Они разделены мощной стеной. В этой стене, на высоте 0,6 м от уровня пола имеется сквозной канал, вероятно, имеющий отношение к отопительной системе, следы которой фиксируются и в других помещениях комплекса.

Вообще следует отметить, что северная стена помещения 5, как и все другие внутренние стены комплекса, по оси запад-восток отличается массивностью. Помещение в плане прямоугольное, вытянутое с востока на запад. Ширина – 1 м. Южная стена зачищена на длину 2,5 м. Не определена толщина восточной стены, которая уходит за пределы котлована.

В северо-западной части раскопа зачищена топочная камера (см. рис. 2: в планах и чертежах – помещение 6). Сказать что-либо конкретное об устройстве топки очень трудно – ковш экскаватора наткнулся именно на эту часть комплекса и сильно разрушил её. Сейчас помещение в плане имеет овальную форму. Стены, на всю сохранившуюся высоту, сложены из жёванного кирпича со следами сильного, долговременного огня. В толще южной стены топки имеется крытый теплопроводящий канал, который, вероятно, огибал по периметру весь комплекс. В средней части канала были проемы, от которых в остальные помещения бани подавалось тепло.

Восточная стена топки имеет значительную толщину. Сейчас, до завершения раскопок всего комплекса, трудно сказать о планировке этой части раскопа. Возможно, здесь будет открыта фасадная часть здания либо же новое, крупное по размеру помещение. Во всяком случае, сейчас зачищен только угол, образуемый восточной стеной топочного узла и северной стеной помещения 1. Прямо на углу было большое скопление золы, немного сепоя и фрагменты глазурованной и неглазурованной керамики IX-XI вв.

Таким образом, в ходе раскопок нижних ярусов раскопа в строительном

котловане, на прямоугольной площади (24x15м) зачищен многокомнатный комплекс из нескольких сводчатых камер и помещений, выложенных из жжёного кирпича квадратной (20x20x5 см; 21x21x5 см) и прямоугольной (27x14x4 см; 24x16x3 см; 24x13x3 см; 28x14-13x4-3 см; 30x17x3 см) формы. Помещения комплекса соединены между собой проходами, некоторые имеют суфы вдоль стен, ванны и небольшие отсеки, образованные специальными выступами стен. Здесь же найден набор фрагментов от предметов специального назначения: симобкузаха, небольшие сосуды из стекла и разные виды керамических чашек, кувшинов, тагора и т.п.

В помещениях, ниже уровня пола зачищены каналы, сложенные из жжёных кирпичей. Кирпичи черные от копоти. Основное направление канала по оси запад-восток, но от него имеются отводы в соседние комнаты. Теплопроводный канал прослеживается вдоль суфы, затем поворачивает и идет на север, вдоль стены помещения до стены топки. В соседнем, к западу от стены, помещении 3 также прослежена канава, параллельная первой. Эта канава прослежена на протяжении 7,2 м между примыкающими друг к другу кладками стен помещений 4 и 5, а также под полом коридора, соединяющего эти два помещения.

Помещения комплекса обогревались горячим воздухом из топочной камеры, подаваемому по системе теплопроводящих каналов: по каналу, огибающему здание в толще стен, по периметру, и взаимно перпендикулярным подпольным каналам, выложенным жжёным кирпичом и обогревающим пол и суфы в моечных комнатах. Полы и стенки каналов накопили толстый слой сажи и много золы от длительного и интенсивного использования. Такая система обогрева помещений известна по нескольким баням Афрасиаба ¹⁰, Тараза ¹¹, по баням типа "кадух" на городище Сайёд ¹² и по раскопкам зданий цитадели Хульбука ¹³. Кроме этого, воздушно-жаровые каналы, идущие от центрального топочного узла, отмечены на уровне суф и выше. Предполагается, что они предназначались как для отопления, так и для вдувания лечебных травяных благовоний, предназначенных для ингаляционных процедур. Ведь хорошо известно, что в средневековых банях Востока не только мылись, но и лечились. О пользе бани и употреблении при купании, в лечебных целях, растворов некоторых трав, серы, золы, отваров шиповника, ягод и лавра писал Абу Али ибн Сино ¹⁴.

Западнее топки зачищены два резервуара для воды, вмурованные в толщу стен. Резервуары имеют грушевидную форму и напоминают позднесредневековые ямы хозяйственного назначения – бадрабы. Диаметр резервуаров – 0,92 м. С внутренней стороны резервуары тщательно обмазаны водостойкой штукатуркой. Один из них служил для хранения горячей воды – резервуар, на половину своего корпуса, входит в топочную камеру. Рядом с первым раскопан другой резервуар – для холодной воды. От них берет начало система глиняных труб – кубуров, служащая для подачи

горячей и холодной воды в моечные помещения. К западу от помещения 3 зачищены еще два резервуара для воды, идентичные двум первым. Кубуры проложены по верхней поверхности западной стены помещений 2 и 3 до юго-западного угла помещения 3, затем водопровод поворачивает и по южной стене помещения 3 завершается у резервуара 5. Последний резервуар меньше, чем ранее раскопанные. Он также вмурован в толщу южной стены помещения 4.

Как известно, резервуары и ванны – обязательные элементы многих раскопанных бань Средней Азии. Их назначение не вызывает сомнений. В бане XII в. на цитадели Нисы, рядом с резервуаром были врыты два хума, один из которых изнутри обмазан цементирующим раствором. Г.А. Пугаченкова предположила особое назначение помещения, где содержались щелок и ароматические настои¹⁵. Так как в банях не только купались, но и проводили лечение, то в резервуарах могли содержать и чистую воду, и разнообразные лекарственные воды (например: соленые, кварцевые, купоросные, медные, железные и др.)¹⁶, а также настои.

Как видно из вышеприведенного описания и аналогий, планировки и назначения помещений, специальных наборов находок, раскапываемый нами памятник является крупной баней общественного пользования. Сам факт обнаружения бани IX-X вв. не удивляет. Этот период отмечен интенсивным строительством общественных бань во всей Средней Азии. На сравнительно небольшой, относительно всей площади Самарканда, раскопанной части Афрасиаба обнаружены шесть бань¹⁷. Выше было сказано о банях Хульбука, Тараза. Хорошо изучены средневековые бани и других городов XV-XIX вв.¹⁸. В литературе освещен вопрос и о классическом типе бань, с указанием назначения и названия всех их помещений. О некоторых банях позднесредневекового Худжанда писали исследователи С.М. Мамаджанова¹⁹ и А.К. Мирбабаев.²⁰

Однако наш объект имеет некоторые особенности. Прежде всего, это первый раскопанный банный комплекс IX-X вв. на территории средневекового Худжанда. Как особенность нами отмечены и обнаружены свидетельства применения благовоний и лекарственных настоев. Здесь, наряду с купанием, широко практиковались лечебные процедуры. Сопоставление вскрытой планировки системы отопления и теплоснабжения объекта с описаниями лечебно-профилактических учреждений средневековых авторов, на протяжении IX-XIII вв., затем XIV-XV вв., позволяет, достаточно убедительно, предположить о существовании на территории средневекового Худжанда крупного банно-лечебного и фармакологического комплекса, обычно называемого “Дорул Шифо”. До сих пор о подобных средневековых учреждениях мы знали лишь по письменным источникам, теперь же, в связи с раскопками на шахристане средневекового Худжанда, мы имеем материальное подтверждение столь представительного

сооружения, свидетельствующего о развитии и применении медицины и общей культуры городской жизни. Учитывая важное значение раскапываемого объекта, Министерство культуры Таджикистана включило "Дорул Шифо" Худжанда в список охраняемых государством памятников истории и культуры республиканского значения (1999 г.). Раскопочные работы на объекте будут продолжены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Худжандский археологический отряд экспедиции по изучению историко-культурного наследия "Мерос" Хукумата Ленинадской области и ХГУ им. Б.Г. Гафурова работал в составе: С.Ш. Марофиев – начальник отряда, Н.Н. Негматов и Р.С. Мукимов – научные консультанты, У.П. Пулатов, Н.Т. Рахимов, А.Ю. Юсупов – научные сотрудники отряда, студенты ХГУ им. Б.Г. Гафурова – рабочие отряда. Работы велись с 3 марта по 15 августа 1999 г.

2. Сайко Э.В. Глазурованная керамика Средней Азии VIII-XII вв. (По материалам керамических комплексов Хутталя, Согда, Ферганы). – Тр. Института истории АН Тадж. ССР, т. XXXVI. Душанбе, 1963 – с.137; Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. – Ташкент, 1986. – С. 54-56, рис. 28.5; 29, 2-4; Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. – Ташкент, 1986. – С.58-60. Табл.37, 3-4; Табл.40, 3, 6; Ахраров И. Керамика Ферганы IX-XIII вв. – Автореферат канд. диссертации. – Ташкент, 1964.

3. Обмеры и чертежи памятника выполнил А.А. Рахматов, архитектор-реставратор ХФ ГПИ Таджикгипростроя.

4. В ходе раскопок, в разных слоях памятника найдены 11 монет, переданных в Институт истории, археологии и этнографии АН РТ для очистки и определения.

5. Нумерация помещений в порядке их вскрытия.

6. См. Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981.-с.78-83.

7. Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. – с.22.

8. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. т.2. Душанбе, 1989.-с.71.

9. Древности Ташкента. – Ташкент, 1976. – С.45-46; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. – Ташкент, 1932. – С.197 Древности Таджикистана. Каталог выставки. – Душанбе, 1935. – С.316 (8!2, 8!4).

10. Шишкина Г.В. Городской квартал УШ – XI вв. на северо-западе

Афрасиаба. – Афрасиаб. Вып. П. –Ташкент, 1973. – С.130-131.

11. Бернштам А.Н. Бани древнего Тараза и ее датировка. – Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. 11. – Л., 1940.

12. Гулямова Э. Раскопки средневековых городищ Хульбук и Сайёд (1978 г.). – Археологические раскопки в Таджикистане. Вып. XVIII (1978). – Душанбе, 1984. – С.197 и др.

13. Гулямова Э. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г. – Труды Института истории АН Таджик. ССР, т. XXXI. – Душанбе, 1961. – С. 155-159; Она же раскопки городища Хульбук в 1960 г. – Археологические работы в Таджикистане. Вып. VIII (1960). Труды Института истории АН Таджик. ССР, т. XXXIV. – Душанбе, 1962. – С.120-124;

14. Абу Али ибн Сино. Канон врачебной науки. Кн. 1. – Ташкент, 1954. – С. 198.

15. Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы. – Труды ЮТАКЭ, т.1. Ашхабад, 1949. – С.243-244.

16. Абу Али ибн Сино. Канон врачебной науки, кн. 1. Ташкент, 1954. – С.198.

17. Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. – Ташкент, 1981.-С.103.

18. См. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии(IX – начало XX вв.). – Ташкент, 1980. – С.72 и др. Там же библиография вопроса.

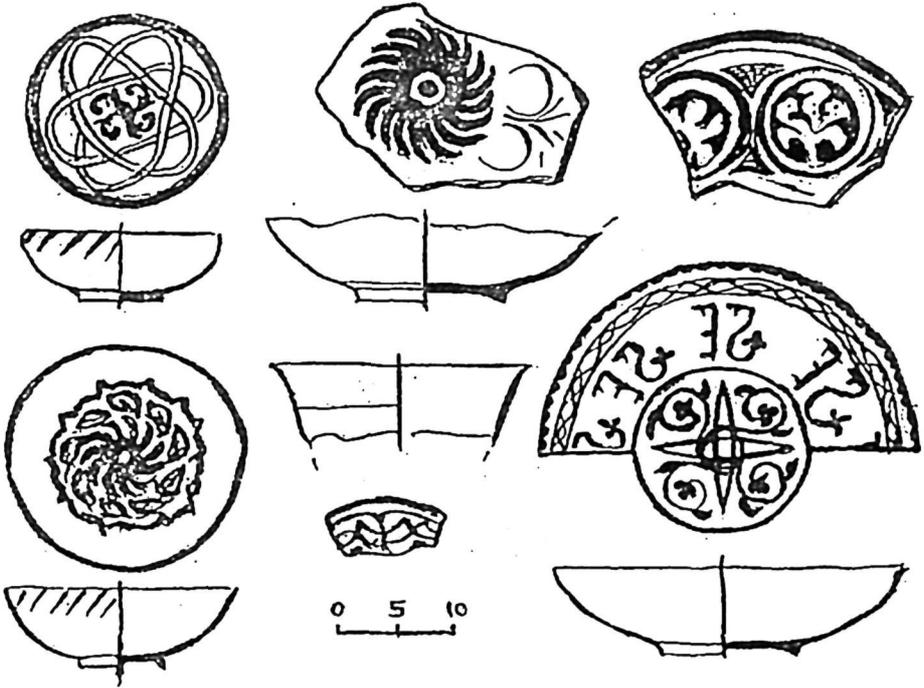
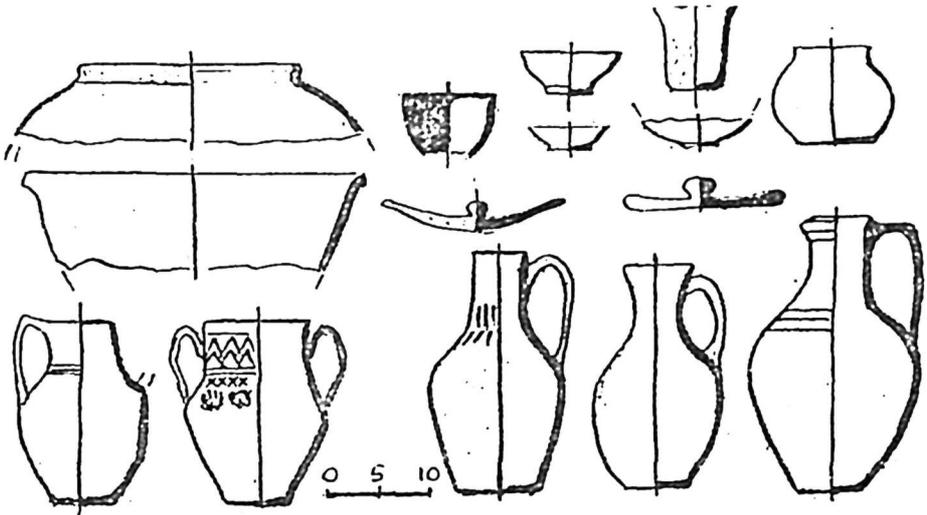
19. Мамаджанова С.М. К вопросу о планировке Ходжентской городской бани и освоении народных традиций. – Исследования по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986. – С. 152-159.

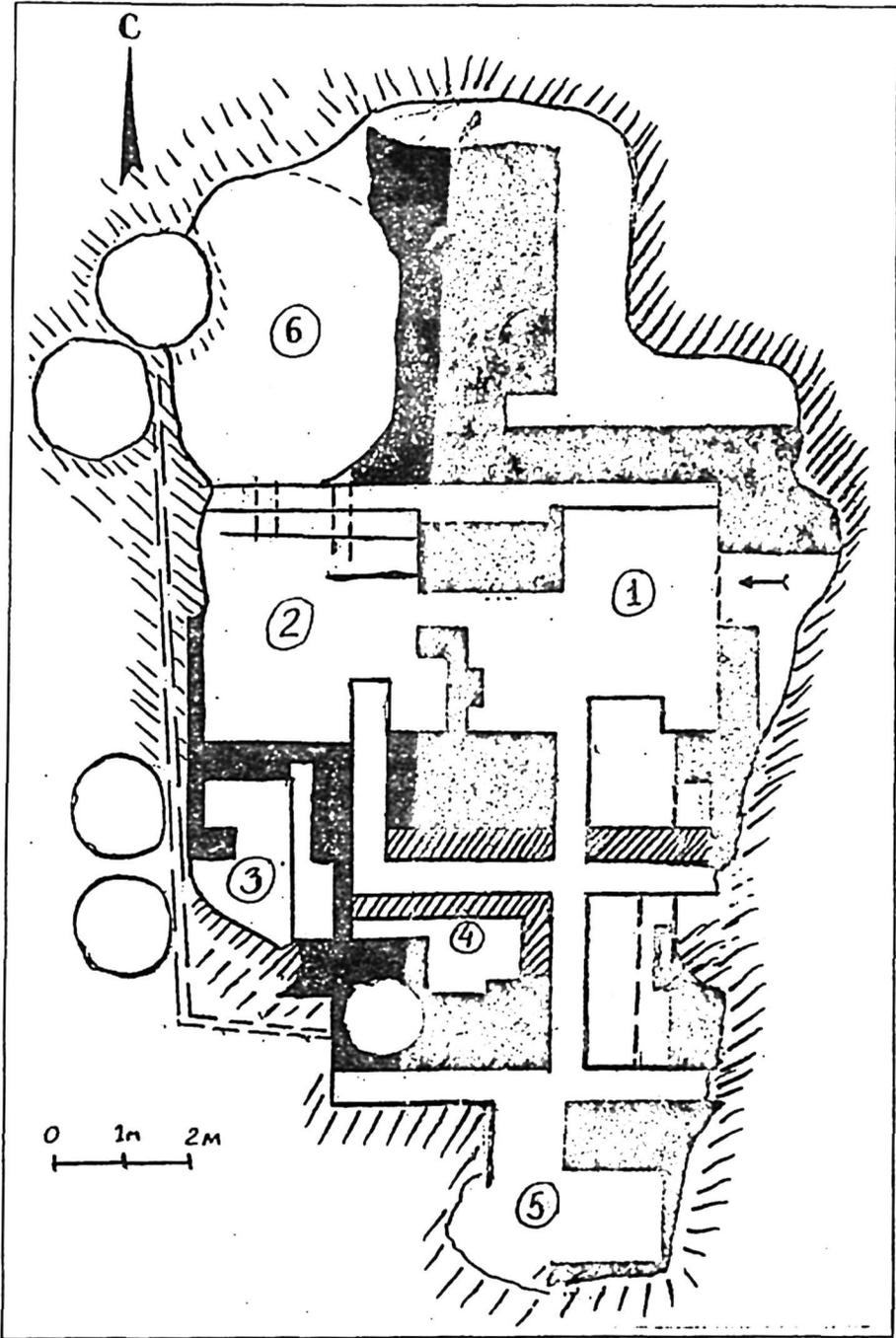
20. Мирбабаев А.К. Ходжентские квартальные бани “мурича” – одна из древнейших традиций среднеазиатской миниатюрной бани. – Исследования по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986. – С. 160-173.

СПИСОК РИСУНКОВ

Рис. 1. Керамика XI-XII веков.

Рис. 2. План раскопанной части бани.

А. ИСАКОВ,
С. БОБОМУЛЛОВ,
Н. ВИНОГРАДОВА

ОТЧЕТ О РАБОТЕ ДАШТИКОЗИНСКОГО ОТРЯДА В 1993 ГОДУ

Даштикозинский археологический отряд продолжил исследование могильника Дашти-Кози (Пенджикентский район)¹, который уже изучался Исаковым А.И. и Потемкиной Т.М. в 1984-1986 гг.²

В 1990 г. Бобомуллов С.Г. во время раскопок могильника обнаружил два детских погребения. Поэтому, было решено в 1993 году провести расчистку оставшейся части могильника и полностью завершить его исследование (рис.1).

Кроме этого, предполагалось провести археологическую разведку от могильника Дашти-Кози на запад, до границы с Узбекистаном, по второй и третьей террасе левобережья Зеравшанского бассейна, на территории Пенджикентского района.

Раскопки могильника Дашти-Кози проводились в северо-западной, северной и северо-восточной его части (рис.2).

1. Северо-западный участок. Здесь в квадратах 3а Б, 2а Б, 1а А, 1а Б был заложен раскоп площадью 10 кв. метров. При расчистке задернованной поверхности земли, на отметке +466 см над репером, в отдельных местах был встречен лесс красно-розового оттенка с измельченными угольками и слабо прокалённая поверхность. Толщина этого смешанного слоя не превышает 10 см.

В квадрате 3а Б и 2а Б обнаружен зольник, толщиной более 2,5 см, с прослойкой чистого светлого лесса. По площади зольник весьма внушителен: по линии север-юг он имеет длину – 2,25 м, а по линии восток-запад – 1,5 м. Предполагается, что зола была перенесена сюда уже в остывшем виде, так как поверхность, на которой зола была найдена, не имеет обгоревших следов. Судя по тому, что зола была расчищена в яме (глубиной не более 30 см), можно предположить, что яма была выкопана специально для золы. Дно ямы расположено на отметке +431 от репера.

В квадрате 1 Б, на уровне дневной поверхности наблюдалось скопление камней, а под ним, на уровне +513 от репера, две небольшие прокаленные точки овальной формы, размерами 0,75 x 0,5 и 0,8 x 0,6 м. После разбора камней и расчистки зольников, к югу от них было обнаружено

очертание могильной ямы овальной формы, размером 1,4 x 0,7 м, которая была вытянута с северо-запада на юго-восток и имела глубину 60 см. Ниже ямы начинается материковый грунт. Таким образом, в яме костяка не оказалось, что натолкнуло нас на предположение об очередном кенотафе.

В квадрате Е, на расстоянии 2 м западнее коллективного захоронения (погребение 27), под дерновым слоем был обнаружен зольник прямоугольной формы 2 x 1,61 м. Он также, как и вышеуказанные зольники в квадрате 3а Б и 2а Б, представлял собой специально подготовленную яму. На поверхности южного борта ямы прослеживалась прослойка розового цвета, которая могла являться остатком выброшенной в яму недогоревшей древесины. Наличие прослойки (до 15 см толщиной) комковатой земли между зольными слоями говорит о том, что горячая зола присыпалась землей.

В результате исследования упомянутых квадратов, более отчетливо вырисовывались очертания трех погребений, отмеченных как №30, 31, 32. При наличии овальной формы дромуса – впускной ямы, во всех трех погребениях не были обнаружены погребальные камеры. В дромусах этих трех погребений, кроме нескольких, очень плохо сохранившихся костей животных, больше ничего не было обнаружено. Поэтому, эти погребения могут рассматриваться как кенотафы.

Таким образом, исследования показали, что могильник Дашти-Кози имел небольшие размеры.

Подводя общие итоги исследования этого могильника, отметим, что здесь было найдено всего 29 полноценных погребений с захоронениями и около 10 ям – кенотафов. Несмотря на то, что в ямах были обнаружены следы кострищ, остатки красной охры, скопления камней и другие признаки погребений, полное отсутствие человеческих костяков дает основание не считать их полноценными могилами.

При всем этом не исключается возможность того, что поблизости от этого могильника могут быть найдены другие могильники и поселение носителей скотоводческо-кочевнической культуры эпохи бронзы, второй половины 2 тысячелетия до н.э., к которому относится археологический комплекс Даштикозинского могильника.

2. Археологические разведки массива Сародор. В археологическом отношении массив Сародор исследовался впервые. Он расположен на третьей террасе левобережья реки Зеравшан. Западная граница массива начинается с правого берега сая (оврага) Зоврона, расположенного в 1 км к юго-востоку от кишлака Новобод. На востоке массив Сародор тянется до долины сая Киштут. Массив с юга, небольшими холмами и возвышенностями соединяется с северными отрогами Зеравшанского хребта, а с севера, со второй надпойменной террасой упомянутой реки. Длина массива более 10 км, а ширина колеблется от 1 до 4 км. Следует отметить, что в древности

массив орошался горными родниковыми и речными водами, спускающимися в долину с северных отрогов Зеравшанского хребта. Десятки глубоких и мелких саев, прорезающих массив с юга на север, являются подтверждением вышесказанного. О том, что массив издревле является одним из обитаемых микрооазисов верховьев Зеравшана, свидетельствует тот факт, что в 1990 г. верхнезеравшанский отряд под руководством Ю.Я.Якубова, в западной части массива, на берегу сая Зоврон нашел несколько кремневых орудий эпохи верхнего палеолита и мезолита. Несколько ранее, в 70-ые годы, орудия и пластины эпохи мустье были найдены сотрудником Пенджикентской экспедиции Е.И.Маршаком. Дополнительно к этому, в ходе разведки было обнаружено великолепное поселение, одноименное с массивом Сародор.

Поселение Сародор, площадью более 25 га, расположено в 1,5 км к северо-западу от современного кишлака Варзи Канда, на правом берегу сая Зоврон. К сожалению, площадь поселения полностью нивелирована и используется под посевы. Первичный рельеф разрушен и топографические съемки безрезультатны. На всей предполагаемой территории поселения можно встретить огромное количество измельченных фрагментов керамики эллинистического и постэллинистического периодов.

Для уточнения характера культурных слоев и хронологии памятника в двух местах заложили разведовательно-стратиграфический шурфы.

Шурф № 1 (4 x 4 м), был заложен на возвышенности, слегка выделяющейся от остальной распаханной части, приблизительно в центре поселения (рис. 3.1). Толщина распаханного слоя колеблется от 23 см – в западном, до 43 см – в восточном разрезах шурфа. Естественно, здесь культурный слой нарушен, а встреченные находки, в основном – керамика, мало отличаются от находок на поверхности поселения. Ниже пахотного слоя, в южной части шурфа, лежала плотная глина серого цвета, а в северной – относительно рыхлая земля также серого цвета, но с большим количеством керамики. В слое встречено значительное количество костей животных и кусков обожженной глины. Толщина этого слоя по северному обрезу шурфа колеблется от 30 до 34 см. Почти аналогичная картина наблюдалась и в трех остальных разрезах (западном, северном и восточном). В западной части шурфа обнаружены ступеньки высотой 40-44 см, приподнимающиеся с юга на север. Это свидетельствует о том, что, возможно, мы имеем дело с остатками жилого помещения. Это подтверждает заполнение западной и северо-западной части шурфа, состоящее из уплотненных обломков пахсы с керамикой и костями животных. На дне шурфа обнаружена прослойка серо-зеленого цвета толщиной в 1 см. Нет сомнения, что это пол предполагаемого помещения. В северо-западной части помещения, на расстоянии 0,6 м от западной и 0,76 м – от северной бровки обнаружена яма диаметром 0,2 м, глубиной 0,3 м. Очевидно, когда-то в ней стояла небольшая колонна, поддерживающая балки перекрытия помещения.

Шурф № 2 (2 x 4 м) был заложен на расстоянии 50 м к югу от шурфа № 1, на относительно ровной части поселения (рис.3). На глубине 0,56 м от современной дневной поверхности, в северо-восточном углу обнаружена небольшая яма, глубиной 19 см, без определенной формы. Яма заполнена мелкой галькой, среди которой встречаются фрагменты стенок хума.

Археологический комплекс поселения Сародор состоит из керамики. Она была найдена как в культурных слоях двух шурфов, так и среди распаханной территории. Основную массу составляют ножки колоколовидных кубков, а также фрагменты (стенки и венчики) от этих сосудов. Встречаются венчики и донца горшков, котлов и хумов. В целом, датировка поселения Сародор по керамическому материалу может соответствовать II-III вв.н.э. Однако эта дата еще нуждается в уточнении, так как среди подъёмного материала встречаются фрагменты более позднего времени, т.е. III-V вв. н.э.

3. Исследование Калтаминара и его окрестностей. Группа памятников, расположенная между кишлаками Суджина (с юга) и Чорбог (с севера). Территория на западе граничит с правобережьем Магиан-Дарьи, а на востоке – с массивом Дашти-Кали Малля. Общая площадь исследуемой местности, от правобережья Магиан-Дарьи до Дашти-Кали Малля, более 20 кв. км.

Здесь располагается несколько памятников разного характера и периода. Здесь же имеется древнее ирригационное сооружение – кяризы (подземные каналы), начало которых связано с известным средневековым каналом Ишон Арык. Последний из них, проведён по правобережью Магиан-Дарьи открытым способом, по подножью высокого холма, от кишлака Чорбог к упомянутому Суджинскому массиву. В возвышенной части выкопаны колодцы, глубиной более 10 метров. Эти колодцы соединены под землёй для протока воды. Эти сооружения были исследованы археологом У.Э. Эшонкуловым в 80-е годы.

Интерес представляет минарет, возведенный из сырцовых кирпичей и известный в науке как Калтаминар³. Он представляет собой глинобитный монолит, возведенный поясами. Высота пояса колеблется от одного метра до 75 см. В целом, минарет имеет округлую форму с конусовидными устройствами. В 1948 г. О.И. Смирнова, посетившая эту местность, видела его в более сохранившемся виде, с высотой более 9 м. Последние сведения об этом минарете мы встречаем в работах Ю.Я. Якубова и У.Э. Эшонкулова. В настоящее время, сохранившаяся высота составляет не более 5 м.

Как было отмечено, кроме Калтаминара и кяризов, на массиве Суджина было обнаружено еще несколько памятников. Здесь, в 1974 г. Ю.Я. Якубов нашёл единственное погребение эпохи поздней бронзы, характерное для кочевническо-скотоводческой культуры. По сообщению исследователя, остатки погребения были обнаружены на расстоянии 15 м к северо-западу от безымянного холма, который расположен северо-восточнее Калтаминара.

По характеру захоронения погребение относится к андроновскому типу и аналогично Муминобадскому могильнику ⁴.

Наша задача заключалась в том, чтобы более широко исследовать местность и, если возможно, обнаружить остатки погребений эпохи поздней бронзы. С этой целью был совершён осмотр упомянутого безымянного холма. В обрывах и искусственно разрушенных местах, кроме отдельной кладки сырца, были обнаружены торчащие из земли человеческие кости. Раскопки не дали ожидаемого результата. Захоронение было вскрыто, но установить структуру погребения не удалось. Костяки в расчлененном виде лежали в куче. Сопровождающий инвентарь отсутствует, контур могилы не восстанавливается. Захоронение было зафиксировано как погребение №1.

Погребение № 2 располагалось в 2 м восточнее погребения №1 и также оказалось разрушенным. Контур могилы не восстанавливается, человеческие кости разбросаны.

Погребение № 3 было обнаружено на расстоянии 1,5 м севернее погребения № 2. Костяки лежали здесь в анатомическом порядке, но структуру могилы установить не удалось. Скелет усопшего, у которого отсутствует череп, был ориентирован по направлению север-запад и уложен в вытянутом положении, характерном для поздних обрядов погребения. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение № 4 было обнаружено в середине холма. До раскопок, над погребением была обнаружена каменная ограда четырёхугольной формы. Расчистив кладку, мы углубились на 0,25 м, где обнаружили дромус, размером 1 x 2,85 м. На глубине 0,5 м был обнаружен подбой – вход в погребальную камеру. Погребальная камера, размером 1 x 2,6 м, была вытянута с севера на юг, параллельно дромусу. Скелет в анатомическом порядке лежал на спине, с небольшим отклонением с северо-запада на юго-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые, голова слегка направлена на юго-запад, в сторону киблы. Подбой – вход в камеру, был первоначально закрыт сырцовыми кирпичами (30 x 25 x 10 см).

Погребение № 5 было обнаружено в северо-восточном углу каменной кладки (рис. 4). Устройство погребения такое же, как и у погребения № 4. Скелет лежит в анатомическом порядке, на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и прямыми ногами. Голова слегка повернута на юго-запад.

Как было отмечено, все погребения лишены какого-либо вещественного инвентаря. Поэтому, если исключить два первых погребения (погребения № 1 и 2), где костяки встречались в расчленённом виде, то три последних, бесспорно, относятся к мусульманскому периоду, свидетельством чему является устройство могил и положение скелета.

Возможно, что погребения эпохи бронзы были уничтожены при планировке местности под посевами.

4. Поселение Охтом находится в 4,5 км севернее кишлака Чорбог и

расположено на мысе второй надпойменной террасы правобережья Магиан-Дарьи ⁵. Оно привлекло внимание своими керамическими фрагментами, торчащими в обрыве сая. Фрагменты керамики, кости, отдельные обгоревшие прослойки встречались по всей полутораметровой толще лёсса. В целом, это лёссовая, относительно плоская возвышенность, на 1,5-2 метра выше окружающих её посевных полей. Место для шурфа (2x2 м) было выбрано в наиболее высокой точке поселения, на краю обрыва, на лессовом отложении (рис.4). Шурф был раскопан до материка, который обнаружен на глубине 1,46 м. Наблюдение культурных слоев показало, что памятник имеет два жилых горизонта. Первый, более ранний горизонт, расположен на глубине 1,44 м от дневной поверхности. Слой, лежащий на материке, представляет собой глиняную обмазку толщиной 5-6 см. Пол перекрыт слоем, толщиной 8-12 см, состоящий из гумуса, золы и рыхлой земли. Находки представлены фрагментами поливной и неполивной керамики, типичной для IX-XI веков (рис.5).

Пол второго (позднего) жилого горизонта зафиксирован на глубине 0,87м от дневной поверхности или на 0,42м выше пола первого горизонта. Заполнение второго горизонта представляет собой землю серого цвета. Толщина слоя колеблется от 20-22 см – в южной части шурфа, до 40 см – в северной части. Основной, наиболее мощный слой верхнего горизонта состоит из плотной глины, толщиной 1 м. На глубине 1,22 м от дневной поверхности обнаружено основание стены, возведенной из пахсы. Поверхность стены отштукатурена глиной сероватого цвета. Стена сохранилась на высоту 40 см. Находки этого горизонта состоят из десятков фрагментов глазурованной и неглазурованной керамики.

Керамика с коричневой и жёлтой поливой на белом фоне, а также фрагменты расписной керамики позволяют нам датировать Охтом – XI-XII веками (рис.6).

5. Археологические разведки по левобережью Зеравшана (от Пенджикента до Равоти Хаджа – 25 км)⁶. Цель этой разведки заключалась в более внимательном исследовании второй террасы Зеравшанского бассейна по левому берегу. На наш взгляд, именно эта терраса представляет большой археологический интерес по части наличия памятников эпохи бронзы. В этой зоне в 80-ые годы было обнаружено погребение Зардча-Халифа ⁷ и знаменитое поселение Саразм ⁸.

С целью обнаружения поселения, современного погребению Зардча-Халифа, был заложен шурф на возвышенности, расположенной к западу от сая Тошмунор. Шурф, размером 2 x 2 м, был раскопан на глубину одного метра. Судя по тому, что материк был обнаружен сразу же под пахотным слоем, на глубине 60 см, а в пахотном слое не было встречено никаких признаков материальной культуры, дальнейшая работа была прекращена. Найденные на поверхности земли единичные фрагменты керамики

относились к раннесредневековому периоду. Эти скудные артефакты говорят о том, что местность сильно нивелирована, а некогда имевшиеся поселения были, по-видимому, полностью разрушены. На расстоянии около 2 км к западу по правому берегу сая Кырк-Арча и в 1 км к северу от Тошмунора было обнаружено поселение, размером 40 x 80 м. Оно вытянуто с северо-запада на юго-восток и отделено от основной территории глубокими оврагами. С западной, северной и восточной сторон крутые края памятника окружены саями и обрывом р. Зеравшан. Поверхность поселения выровнена бульдозером и подготовлена для посадки растений, о чем свидетельствуют многочисленные лунки. Лишь в юго-западной части сохранилась возвышенность, высотой более 1 м. Собранные на поверхности керамика датирует памятник VII-VIII веками. С целью выяснения возраста поселения, на южном склоне заложили шурф, размером 1 x 2 м. В культурном слое, который состоял из лесса и рыхлого завала, было найдено 8 фрагментов керамики, подтверждающей вышеуказанную дату. Толщина культурного слоя шурфа 1,2 м. Под ним был обнаружен материк из слоя галечника.

Следующим памятником на маршруте был Тепаи-Сегона, обнаруженный в 1981 г. А.Я. Исаковым. В пониженной, юго-западной части холма заложили шурф, размером 2 x 2 м. Шурф раскрыли на глубину 1 м. Шурф дал огромное количество керамики раннесредневекового периода (рис.7). Кроме того, на поверхности поселения и его окрестностях были собраны измельчённые черепки керамики с остатками глазурованного покрытия, характерные для X-XII веков.

Далее на запад, на расстоянии около 1,5 км за тремя оврагами расположена ровная местность, где на площади более 20 га находится современное кладбище жителей кишлаков Хавзака и Чимкурган. Осмотр кладбища показал, что на могильных насыпях в переотложенных слоях лежат различные фрагменты античных сосудов. Среди них были встречены венчики и стенки хумов, кубкообразные чаши с вертикальным и горизонтальным лощением. Эти находки свидетельствуют о том, что в северной части кладбища некогда могло находиться большое поселение, от которого сейчас сохранилось только тепе (30 x 50 м), рядом с обрывом р. Зеравшан. Оно имеет вытянутую с запада на восток форму и возвышается над уровнем кладбища примерно на 4 м. Очевидно, эта возвышенность являлась замком или цитаделью упомянутого античного поселения. Однако давать памятнику какую-либо характеристику, без дополнительных исследований, невозможно.

Следующий памятник, исследованный в этой местности – городище Чимкурган, расположенный на расстоянии 600 м западнее от упомянутого тепе и в 300 м севернее современного кишлака Чим-Курган, у обрыва р. Зеравшан, площадью более одного гектара. Поселение, очевидно, существовало с VI по XII века. Этот памятник в 1947 г. был осмотрен О.И. Смирновой⁹, а в 1983 г. – А.И. Исаковым¹⁰.

Дальнейший маршрут разведки прошёл через северную оконечность кишлака Чим-Курган, по относительно ровному участку, длиной более 5 км, до кишлака Тегирмон. Эта местность также была нивелирована. В настоящее время здесь выращивают табак, зерновые культуры и др. Иногда в пахотных слоях встречаются фрагменты керамики античного, раннесредневекового и средневекового периодов. Это говорит о том, что местность была издревле обитаемой (рис. 7.2).

Ещё одним пунктом разведки был район плотины Роват Ходжа, рядом с границей Узбекистана. Там был произведён осмотр археологических памятников: безымянного городища № 1¹¹ и, расположенного на расстоянии более 100 метров к востоку, караван-сарая Куяк-Кургон¹². К северу и востоку от последнего, в распаханном поле, вблизи забора птицефермы колхоза А. Навои были собраны десятки фрагментов античной керамики II-I вв. до н.э. Однако от памятника, некогда расположенного здесь, ничего не сохранилось¹³.

Безрезультатно закончился осмотр, расположенных поблизости друг от друга, трех высоких холмов, известных под названием Кук-Тепа (зеленый холм)¹⁴. Среди местных жителей этот памятник известен под названием Чух Кургон (Курган-вышка)¹⁵. Как было установлено О.И. Смирновой и А.И. Исаковым, вся территория этих холмов и примыкающая к ним площадь в XIX в. была превращена в кладбище. Хронологически, керамический материал даёт приблизительные датировки в пределах VII-XI веков.

Разведку завершили по саю Кырк-Акча, в кишлаках Шурнова и Яман-Кия, расположенных на третьей террасе р. Зеравшан. Это также обширная территория, площадью более 100 км². В отличие от второй террасы, этот район состоит из десятков саев, прорезанных селевыми потоками, стекающими с северных отрогов Зеравшанского хребта в долину. Местность в археологическом отношении весьма заманчивая. По всей территории третьей террасы расположены многочисленные возвышенности в виде холмов, поселений. Однако на поверхности характерные для памятников признаки отсутствуют. Тем не менее, в ходе маршрута нами были осмотрены ранее известные археологические памятники: Киндык-тепа, к востоку от кишлака Кырк-Арча и Джилтегирмон, к западу от него¹⁶. Между кишлаками Кырк-Арча и Шурнова было обнаружено большое поселение Байлартепа, площадью до одного гектара. Оно находится на высокой возвышенности, неповреждённая дневная поверхность которой, имеет большое археологическое значение.

Говоря о результатах разведок, надо отметить, что вторая и третья террасы левобережья реки Зеравшана, начиная с долины Кишту до территории Узбекистана, общей длиной более 60 км и общей площадью около 500 км², имеют большое значение в изучении истории Согда. Наиболее интенсивным временем обживания этой территории можно считать III-II вв.

до н.э.

В последующие исторические этапы, такие как кушанский (I-VI вв. н.э.), раннесредневековый (V-VIII вв. н.э.) и средневековый (IX-XII вв. н.э.) в этом районе появляются крупные и мелкие городища. Среди них наиболее известные: Древний Пенджикент, Санчаршо, Ак-тепа, Гур-тепа, Муг-тепа, Бойлар-тепа и др. После арабского завоевания многие раннесредневековые памятники прекратили свое существование, а на поверхности некоторых из них появились застройки X-XII веков. Многочисленные керамические фрагменты этого времени, встречаемые повсеместно, и отсутствие слоёв со строительными остатками позволяет констатировать, что население Пенджикентского оазиса расселялось широко. Однако в строительстве жилищ мы сталкиваемся с отсутствием монументальных сооружений. Среди сотни археологических объектов этого региона мы не имеем, пока, ни одного памятника, на примере которого можно было бы исследовать характер средневековых застроек.

Необходимо отметить, что в ходе вышеописанных разведывательных работ, не было обнаружено ни одного памятника эпохи бронзы. Однако уже известные в Пенджикентском районе памятники этого времени, такие как: Саразм, Зардча Халифа, Дашти-Кози, являются неоспоримым фактом, характеризующим древнейшую культуру этого субрегиона и дающим надежду на новые находки в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отряд был создан по инициативе старшего научного сотрудника Института Востоковедения РАН Виноградовой Н.М. Работы финансировались фондом "Меценос" (Швейцария). Отряд работал с 5 по 11 октября в следующем составе: Исаков А.И. и Виноградова Н.М. – научные консультанты; Бобомуллоев С.Г. – начальник отряда; Болелов С. – археолог-исследователь; Зицер Э., Комарова З., Панкрашкина – художники; Флеров П., Жуков В. – топографы; Курбанов Ш., Исаков Д., Исанова О. – археологи-исследователи; Нурбанов Т., Султанов М. – водители; 13 маршрутных рабочих.

2. Исаков А., Потёмкина Т.М. Раскопки могильника Дашти-Кози // Археологические открытия 1986 года. М., 1988, с.514-518. Они же. Могильники эпохи бронзы в Таджикистане // Советская Археология, 1989, №1, с.145-167. Исаков А.И. Исследование Саразмского отряда в 1984 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1984 году. Душанбе, 1993, вып. XXIV, с.127-130.

3. Смирнова О.И. Археологические разведки в бассейне Зеравшана в 1947 г. – Труды Северо-Таджикской археологической экспедиции., т.1,

Материалы и исследования по археологии СССР, № 15, М.-Л., 1950, с. 67-80.

4. Якубов Ю.Я. Разведки Зеравшанского отряда в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1975 году. Душанбе, вып. XV, 1980, с.169-171.

5. Памятник впервые обнаружен Смирновой О.И. см. указанную работу.

6. Этот район в разные годы был исследован О.И.Смирновой (1947-1948), Исаковым А.И. (1960-1962), Эшонкуловым У.Э. (1984-1985).

7. Погребение было обнаружено в 1986 г. при рытье ямы для очистительных сооружений г. Пенджикента и исследовано А.Р. Разоковым.

8. Исаков А.И. Саразм. Душанбе, 1991.

9. Смирнова О.И. Археологические разведки в бассейне... С.74.

10. Исаков А.И. Археологическая карта Пенджикентского района. Рукопись хранится в архивах Пенджикентской археологической базы, папка № 3.

11. Исаков А.И. Археологическая карта...

12. Смирнова О.И. Археологические разведки... с.74.

13. В 1981 г. строители фабрики доставили целый керамический кубок, датируемый II-I вв. до н.э.

14. Смирнова О.И. Археологические разведки... с. 74.

15. Исаков А.И. Археологическая карта ... О том, что этот памятник называется Чух-Курган, нам сообщил житель кишлака Авазали в Саразме Ашурали Тайлонов. Смирнова О.И. также называла его Чух-Курган. См. указ. соч. С. 74.

16. Смирнова О.И. Археологические разведки в бассейне... с.74., Исаков А.И. Археологическая карта...

СПИСОК РИСУНКОВ

Рис. 1. Могильник Дашти-Кози. План раскопа. 1– очертания могильных ям с указанием глубины, 2-нечеткие очертания ям, 3-4 – граница карьера, 5-углистые пятна, 6-отдельные угли, 7-следы прокала, 8-пятна и включения охры, 9-камни с указанием глубины залегания. 10-сосуд, 11– скелет человека, 12-череп человека.

Рис. 2. Могильник Дашти-Кози. Топографический план.

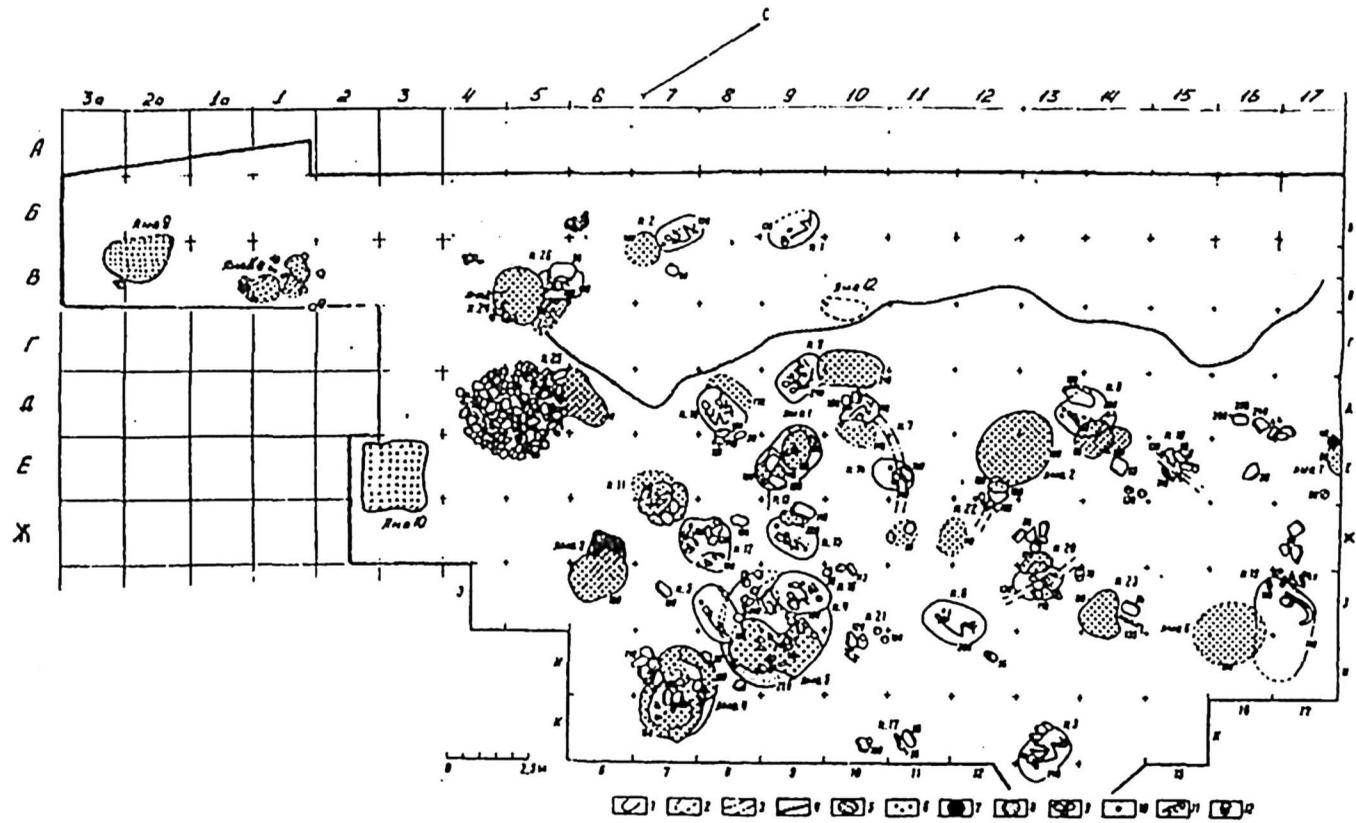
Рис. 3. Сародор. План и разрезы.

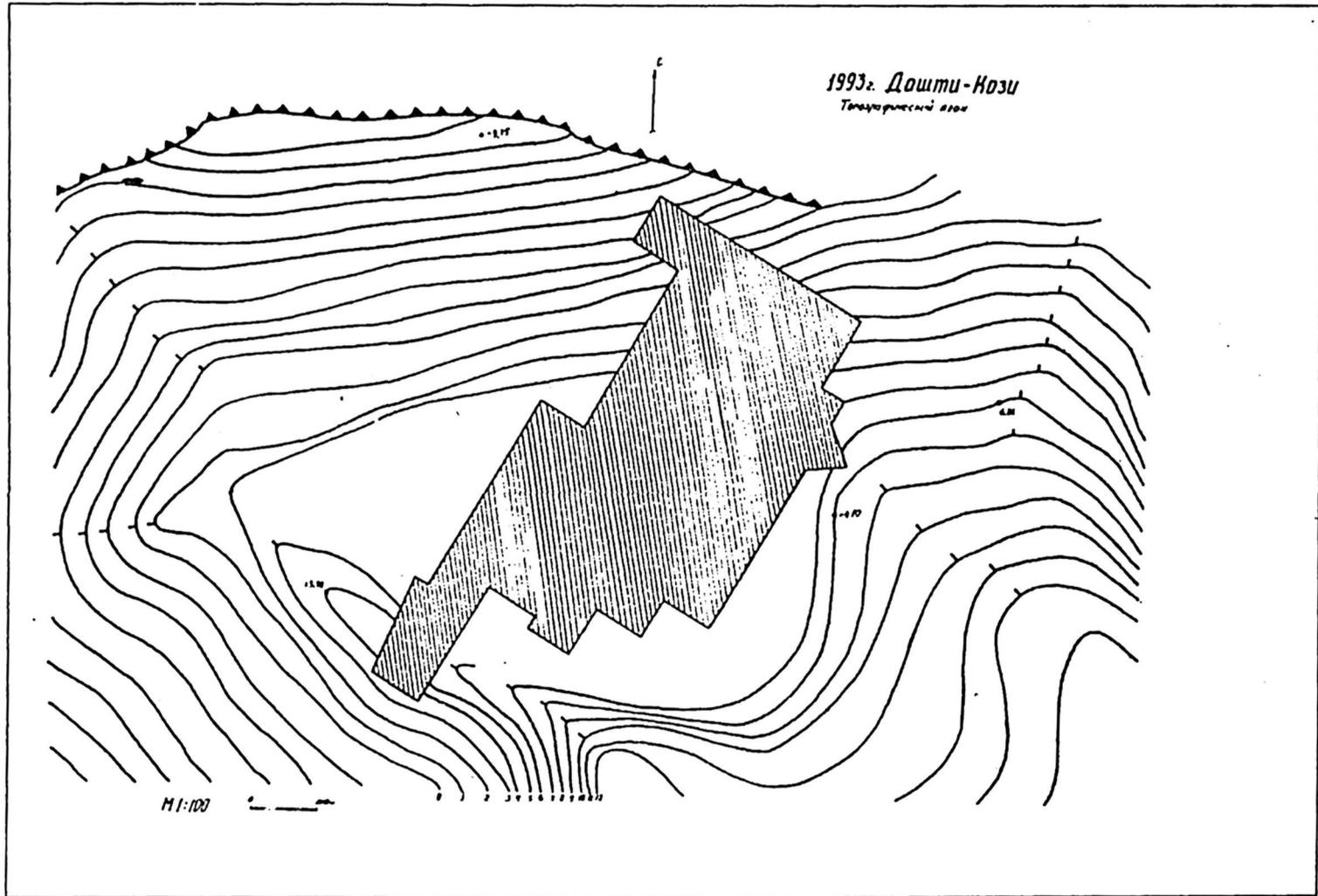
Рис. 4. Калтаминар, Охтом. План и разрезы погребений 3, 4, 5.

Рис. 5. Охтом. Керамика раннего периода.

Рис. 6. Поселение Охтом. Керамика позднего периода.

Рис. 7. Керамика поселения Сегона и Чимкурган.

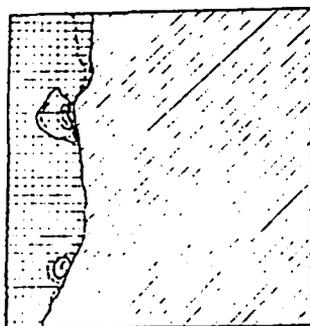

Сородор-93

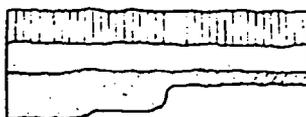
Шурф №1

Южная бровка

Северная бровка

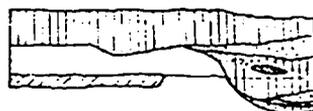
Разрез восточной бровки

Разрез северной бровки

Разрез южной бровки

Разрез западной бровки

Условные обозначения

- - земля коричневого цвета с мелкими комками
- - влажная земля
- - АРС
- - земля серого цвета с перемелом и комками
- - комковатая земля с мелкими комками
- - земля коричневого цвета с крупными комками
- - земля коричневого цвета
- - влажная земля серого цвета
- - приоттаявшая земля
- - выровненная земля
- - камни
- - ясты
- - фрагменты керамики
- - гравийная смесь
- - галька

M 1:20

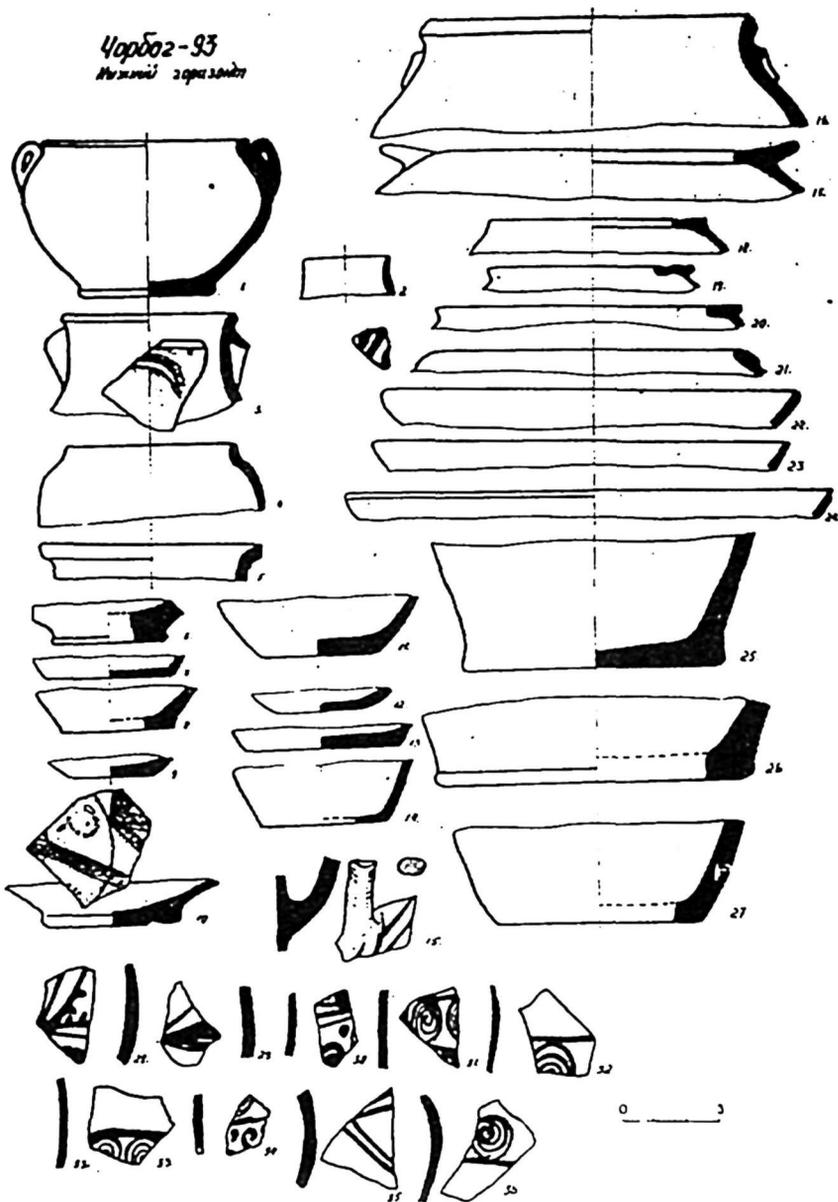
Сородор-93

Шурф №2

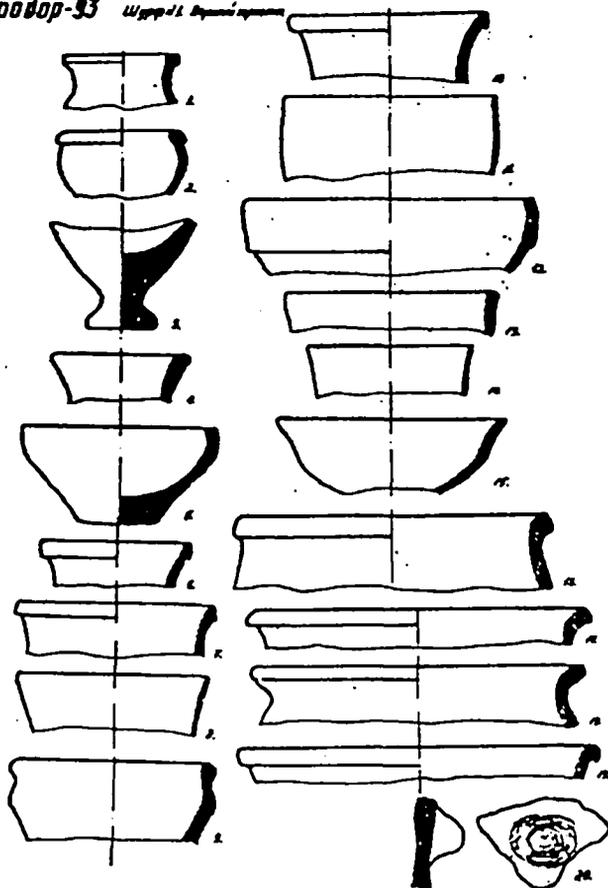
Разрез южной бровки

Чарбоз-93
 Нижний горизонт

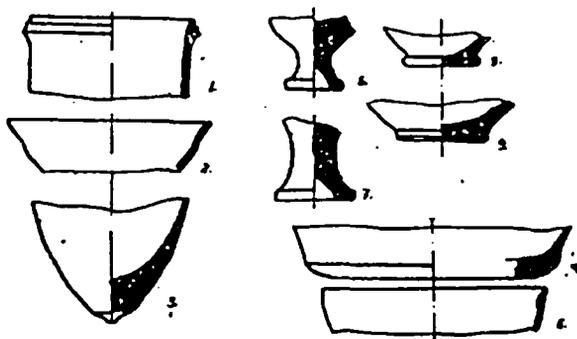

Сародор-93 *Шародор-93*

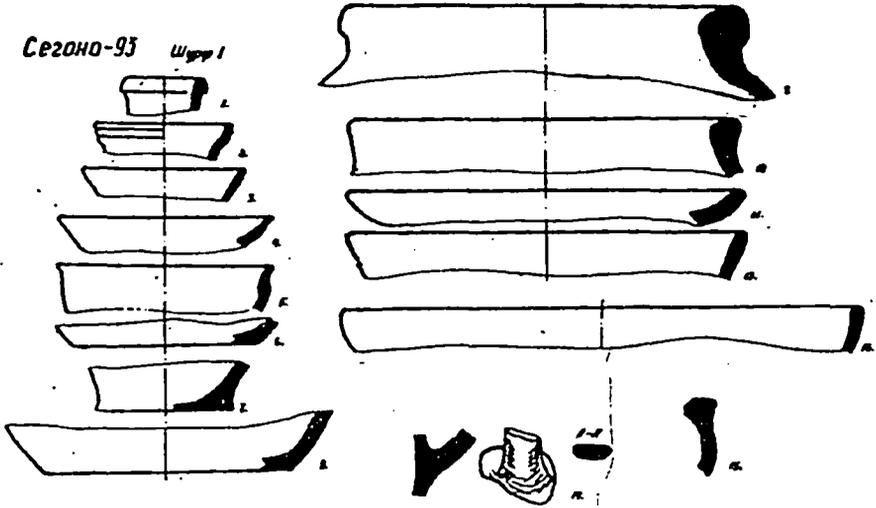

0 — 3

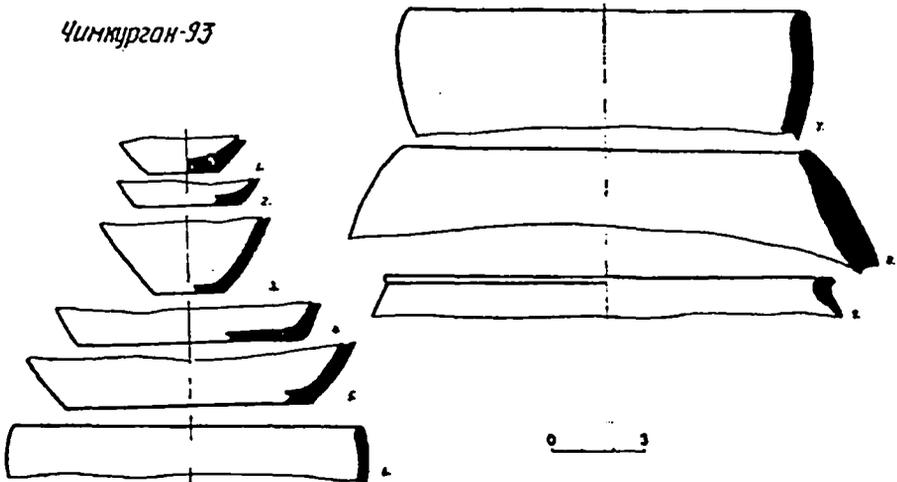
Шародор-93

Сезона-93 Шурт I

Чимкурган-93

**А.И. ИСАКОВ,
А.Р. РАЗЗОКОВ,
С. БОБОМУЛЛОЕВ**

РАСКОПКИ САРАЗМСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА В 1988 ГОДУ

1. Раскопки объектов поселения.

В отчетном году, продолжая раскопки стационарных объектов (раскоп IV, V, VI), начали исследования нового объекта (раскоп-IX).

Раскоп – IV. До сезона 1988 года на этом раскопе были обнаружены четыре жилых горизонта, выделенные нами на следующих этапах: А – среднеэнеолитический, А-1 – поздэнеолитический, Б – ранняя бронза, В – развитая бронза. Кроме этапа – А, на всех других этапах территория раскопа была застроена многокомнатными домами и отдельными культовыми комплексами¹.

Задача отряда заключалась в том, чтобы оконтурить раскопанные здания и выйти на улицу или во двор. С этой целью, раскопки производились в двух секторах, расположенных к северу и западу от ранее обнаруженных застроек.

Первый сектор (северный) длиной 20 м, шириной 4 м, был заложен к северу от помещений 11 и 12, а также небольшого дворика. Зачистка пахотного слоя показала, что культурный слой сохранился здесь на глубину около 50 см. На этом участке мы обнаружили отрезок улицы, вымощенной гравием, относящейся к этапу Б.

Второй сектор (западный) исследован на площади 80 кв.м. Здесь культурный слой значительно мощнее. Он равен 1м. Остатки стены указывают на то, что здесь мы имеем дело со строительными комплексами, характерными для двух поздних этапов (этапа Б и В) жизни раскопа IV.

Раскоп-V. Раскопки производились на площади около 90 кв.м, расположенной к востоку от застроек дворцового комплекса. Отметим, что указанная площадь исследовалась до материка, лежащего на глубине 1,2 м от дневной поверхности. Как правило, культурный слой верхнего жилого горизонта (горизонт-IV) нарушен многолетней вспашкой. Поэтому, в данном периоде мы имеем лишь остаток двух стен, возведенных из сырца, размером 36 x 21 x 11 см, сохранившихся в один ряд. Тем не менее, удалось расчистить поверхность горизонта со следами кострищ и очагов. Интерес представляет

очаг – алтарь прямоугольного плана, размером 80 x 30 см, с лункой посередине. Судя по единственному проходу, шириной 90 см, можно предположить, что некогда здесь функционировали жилые и, возможно, культовые помещения. Культурный слой южной половины раскопа был полностью уничтожен каналом, шириной 3,7 м, в 60-е годы. Культурный слой третьего жилого горизонта, как правило, сохранился лучше. За сезон раскопан участок двора и часть застройки отдельного жилого комплекса. Комплекс, состоит из 5-ти помещений, из которых околонушено только 3 (рис. 1). Первое из них, помещение 1, вытянуто с севера на юг, длиной 7,75 м. Его южная и северная торцовые стены отличаются друг от друга по длине. Северная стена помещения – 3,5 м, а южная – 4 м. Стены возведены из сырца, размером 50 x 29 x 14 см, и сохранились на высоту до 60 см.

Два других, полностью околонушенных помещения, расположены к югу от первого. Они (помещение 2, 4) невелики по размеру и в плане – квадратные. Размеры их колеблются от 3 x 3 м до 3 x 4,4 м. Интерес представляют, обнаруженные в северо-западном углу помещения 2, скопления обломков различных пород: черного кремня, сердолика, яшмы, халцедона, кварцита, агата и отдельные большие куски лазурита. Вместе с ними находились десятки галечных орудий по обработке указанных камней.

Два других помещения, указанные в плане под №№ 3, 7, раскопаны частично. Интерес представляет только помещение 3. Его размер в раскопанной части равен 30 кв.м. Это свидетельствует о том, что возможно здесь мы имеем дело с крупным общественным залом. Однако, не ожидая окончательного результата, учитывая устройство этих пяти раскопанных помещений, можно констатировать, что к востоку от дворцового здания была постройка, представляющая собой самостоятельный многокомнатный дом.

Относительно вопроса строительного дела отметим, что основным строительным материалом для возведения стен служил сырцовый кирпич, размером 50 x 29 x 14 см.

Что касается вещественных находок, то для этого горизонта характерны: кремневые наконечники стрел, орудия различного назначения, фрагменты расписной и нерасписной керамики.

Раскоп-VI. Этот объект исследуется с 1985 года. В отчетном году на площади 60 кв.м. были обнаружены три жилых горизонта, расположенных послойно друг над другом.

Верхний жилой горизонт (горизонт III). Толщина культурного слоя не превышает 30 см, она сильно нарушена в результате вспашки.

Тем не менее, удалось обнаружить отдельные участки поверхности полов, на которых были устроены кухонные и обогревательные очаги. Из предметов быта и культуры были встречены: костяное шило, трубочка с заостренными концами, каменная стамеска-долото. Среди находок этого горизонта особое значение имеют фрагменты каменной решетки-панджара.

Средний жилой горизонт (горизонт II). Культурный слой не был потревожен. Благодаря этому удалось раскопать остатки 3-х помещений. Из них, полностью околонуено помещение 2. Два других помещения исследованы частично (рис. 2А). Также частично раскопана значительная площадь двора (в плане двор 1).

Помещение 2 представляет собой, вытянутый с юго-востока на северо-запад, прямоугольник, размером 3,3 x 5,5 м. Возведенные из пахсы – битой глины, стены сохранились на высоту до 45 см. В центре помещения был устроен круглый алтарь, диаметром 75 см, с лункой. Возможно, это помещение служило домашним святилищем, наподобие помещения-святилища раскопа II.

Что касается двух не докопанных помещений, они указывают на то, что раскоп VI, также как ранее исследованные объекты поселения, представляет собой жилой массив.

Из археологических комплексов, которые состоят из фрагментов керамики и каменных орудий, отметим изделие серповидной формы с двумя заостренными концами. Это, видимо, ритуальный предмет, по форме напоминающий козлиный рог. Результат трассологических исследований показал, что он подправлен с двух сторон пильчатой ретушью, где следы износа не прослеживаются.

Нижний жилой горизонт (горизонт I). Застройки этого горизонта обнаружены под полами строений горизонта II, под помещением 2 и двориком. Из этого комплекса раскопаны остатки двух помещений (в плане №№ 4 и 5) и дворик с двумя строительными ямами и гончарной печью (рис. 2Б). План упомянутых помещений весьма архаичен. Первое из них, помещение 4, расположено в северо-западном углу раскопа. Три стены этого помещения: западная, южная и восточная, сохранились на высоту от 25 до 34 см. Северная стена пока не обнаружена. Второе помещение (помещение 5), размером 4,3 x 1,75 м, расположено к западу ст помещения 4. В северо-западном углу помещения 5 обнаружена суфа, длиной и шириной соответственно 285 x 35 см. Проход, шириной 65 см, расположенный в середине южной стены, указывает на то, что это помещение было связано с двориком, лежащим в юго-западном углу раскопа.

Некоторые важные сведения хозяйственной структуры обитателей исследуемого дома были получены при раскопках упомянутого дворика. В отчетном году было раскопано 32 кв.м. площади двора. Кроме двух ям появившихся при строительстве жилых комнат, на юго-западном углу двора была обнаружена гончарная печь, с оригинальным устройством.

Расчистка показала, что печь имела овальную форму. Размер ее по длине 2,40 см, по ширине 1,93 см. Общая площадь печи равна 4,6 кв.м. По середине печи обнаружен круглой формы столбик диаметром 56 см. Он сохранился лишь на высоте 30 см. Судя по найденным фрагментам хума и

хумчи, а также ошлакованной глины, можно сказать, что печь была предназначена для обжига сосудов различных форм, включая и крупногабаритные хумы. Кроме этого, также интересен тот факт, что на внутренней поверхности стенки печи сохранились следы пальцев мастера – строителя печи. Кроме того, в завале внутри обжигательной камеры была найдена глина серого цвета, из которой некогда изготовлялись керамические сосуды. Этот факт был подтвержден путем эксперимента, в результате которого мы получили сосуды, близкие по тесту к керамике позднего энеолита. Кроме упомянутой глины, поблизости от печи было обнаружено около десяти килограммов песка с измельченными обкатанными гальками. Это еще раз свидетельствует о том, что песок был предназначен для изготовления очередной партии керамики.

В конструктивном отношении, печь раскопа VII, имеет некоторую близость с печами из Намазга-депе². Однако, печь которую исследовал Б.А.Куфтин сохранилась значительно лучше.

Из находок горизонта отметим: каменный противовес с желобком посередине; глубокую зернотерку и десяток фрагментов керамики.

Раскоп-IX. Интенсивное освоение южной части поселения под табачную плантацию заставило нас заложить новый раскоп и сохранить эту часть поселения от дальнейшего разрушения. Этот раскоп расположен на расстоянии около 100 м к югу от раскопа V. Место раскопа представляет собой относительно ровную площадку размером 150 x 220 м. В отчетном году удалось раскопать 200 кв.м. площади, с остатками двух строительных горизонтов.

Верхний строительный горизонт, как правило, был разрушен при вспашке поверхности поселения под богару. Поэтому культурный слой был перемешан, а строительные остатки были уничтожены. Из этого слоя мы имеем лишь незначительное количество фрагментов керамики и несколько каменных орудий в виде терочников, лоцил и зернотерок.

Последующий строительный горизонт (более ранний период) был обнаружен под пахотным слоем, на глубине 30-35см. При тщательной расчистке в промежутке пахотного и неразрушенного слоя был вскрыт следующий строительный горизонт (более ранний период), находившийся под пахотным слоем, на глубине 30-35см. Удалось раскопать остатки 5-ти помещений, 2-х обходных коридоров и 2-х дворовых площадок (рис. 3). Из этих застроек были полностью раскопаны: центральное помещение (помещение 1) здания и два обходных коридора 1,2. Что касается других помещений (помещения 3,4,5,6), а также двух дворов, то они раскопаны частично. Учитывая научный интерес исследуемого объекта, вкратце представляем описание раскопанных помещений.

Помещение 1. Оно занимает центральное положение. Это помещение, размером 5,4 x 5,8 м, скорее всего, служило святилищем общественного

характера. Три стены (западная, северная и восточная) покоятся на фундаменте. Ширина фундамента 75 см. Он высотой в 4 ряда и возведен из сырца, размерами 52 x 24 x 11 см. Стены святилища, шириной 55 см, которые были возведены на фундаменте, также из сырца, того же размера, что и фундамент, и сохранились на высоту до 60 см. Поверхность всех стен аккуратно оштукатурена. Интерес представляют три стены: северная, западная и южная. Снаружи они имеют прямоугольные пилястры из сырца, выступающие от плоскости стен на 25 см. Кроме пилястр, по северной и западной стене обнаружены световые окна.

Культово-общественный характер этого помещения можно констатировать по прямоугольному алтарю, размером 80 x 90 см., с 8-7 см. бортиком и лункой, диаметром 17 см, расположен в центре помещения. Лунка, глубиной 25 см, напоминает закопченный лепной сосуд. К востоку от алтаря была обнаружена прямоугольная яма, размером 50 x 70 см, с гравийным заполнением.

При зачистке пола упомянутого алтаря были найдены фрагменты кирпича с остатками штукатурки. Поверхность штукатурки была разрисована полихромными и орнаментальными сюжетами. Прорисовка и реконструкция орнаментов показали, что композиция состоит из картуша квадратной формы, стороны которого имеют пилонидные треугольники. Посередине картуша изображены два креста: многоступенчатый и одноступенчатый. Эти находки, более чем убедительно, характеризуют культовое значение этого помещения.

В свою очередь, центральное помещение с севера и востока окружено двумя обходными коридорами, а с запада – вытянутым помещением, размером 2,5 x 5,4 м. Это помещение (в плане помещение 2), очевидно, выполняло роль жилища слугителей культа. Проход, расположенный в юго-западном углу, ведет в помещение 3, которое сохранилось частично. Из стен обнаружены: северная – длиной 2,5 м и отрезок восточной, длиной всего в 2 м. Поэтому, мы затрудняемся определить отношение этого помещения к культовому комплексу.

Для характеристики культового комплекса большое значение имеет помещение 4. Оно также сохранилось частично. Судя по сохранившейся части северной стены, длина которой равна 4,5 м, и прямоугольному алтарю, расположенному в центре помещения, можно предположить, что некогда площадь этого помещения была равна 4,5 x 4,5 м.

Два других помещения культового комплекса, как указывалось, только намечены. Они (помещения 5 и 6) расположены к востоку от обходных коридорчиков святилища. Естественно, их характеристики будут представлены после установления окончательных планов.

Новым в строительном деле поселения являются два открытых обходных коридора: коридор 1 вытянут с запада на восток, длина 10,1 м,

ширина 1,5 м., Он расположен к северу от помещений 1 и 3, а также коридора 2. Этот коридор интересен тем, что вдоль двух стен, южной и северной, устроены по четыре тумбовидных прямоугольных пилястра. Каждый из них шириной 50 см. Они выступают на 25 см от плоскости стен и расположены симметрично, друг против друга. Вход в коридор, шириной 75 см, расположен в западной торцовой стене и связывает коридор с помещением 5.

Коридор 2 расположен к западу от центрального помещения. Он уступает первому по размерам внутреннего интерьера и напоминает обходной переулочек с двумя проходами. Его длина 5,4 м, ширина 1,3 м. Первый проход, шириной 55 см, расположен в северной части восточной стены и ведет в помещение 5, второй проход, шириной около 1 м, расположен в южной части. По сохранившимся отрезкам стен, вытянутых на юг, можно предположить, что коридор 2, возможно, имел продолжение, которое было уничтожено при рытье канала на этом участке.

Как было указано, кроме упомянутых застроек, частично раскопаны остатки двух дворилов. Первый – двор А расположенный к западу от культового здания исследован на площади 20 кв.м. Второй – двор Б, расположенный к северу от здания на площади 25 кв.м. Однако по этим двум незначительным площадкам, мы не имеем возможности определить их характер. Тем не менее, в юго-западном и юго-восточном углу двора Б обнаружены два отрезка кирпичной стены вытянутых к северу. Поэтому, возможно, мы имеем дело с какой-то обширной застройкой.

Как бы там ни было, поверхности обоих, так называемых дворилов, были покрыты гравийной подсыпкой, характерной для улиц и дворилов Саразма.

2. Характеристика археологического комплекса.

Вещественные находки, которые являются органической частью материальной культуры, в отчетном году были представлены в виде керамических, металлических, каменных и костяных предметов. Каждая из этих категорий находок характеризует роль развития хозяйственного производства первобытных общин исследуемого поселения. Кроме этого, ряд находок, особенно керамика, имеет аналогии среди керамики раннеземледельческих поселений ближневосточного региона. Так, например, полихромный сосуд из горизонта II, раскопа V, поверхность которого покрыта сплошной полихромной росписью, сеточным орнаментом и многоступенчатым крестом (рис. 4.4), аналогичен керамике Геоксюрской культуры ³.

Одновременно с Южно-Туркменскими параллелями ⁴, некоторые мотивы керамики Саразма находят аналогии с мотивами керамики памятников Белуджистана. Факт этот подтверждается тем, что орнаменты керамики верхнего горизонта раскопа VI (рис. 4.2), раскопа IX из культового помещения (рис. 4.3,5) и коридора 1 очень схожи с орнаментами керамики

поселения Сур-Джангал-II, культуры Кветта ⁵.

Чрезвычайно важное значение по вопросам художественной культуры имеют фрагменты настенной росписи. Несмотря на фрагментарность этих находок, можем отметить, что на них мы видим те орнаменты, которые встречены на керамике Саразма. Треугольники – так называемые пиловидные мотивы, многоступенчатый и одноступенчатый кресты, являющиеся солярными символами, не только обязательный орнамент керамики, но и украшение интерьера святилища. Стилистика этих мотивов, видимо, связана с искусством эпохи энеолита. Упомянутые орнаменты были известны племенам раннего энеолита поселения Яссы-тепе Южного Туркменистана ⁶.

Относительно художественного искусства поселения Саразма отметим, что культура настенной росписи этого поселения не была случайной. Фрагменты настенной росписи были найдены на святилище этапа 5 раскопа IV.

Из металлических изделий отметим находки двух кинжалов и булавки, обнаруженных на раскопе VI. Кинжалы были найдены на верхнем горизонте (рис. 5.1,2), а булавка на горизонте 2 (рис. 3).

Обе категории находок аналогичны кинжалам и булавкам, найденным ранее на этом же поселении Саразма и других раннеземледельческих памятников Средней и Передней Азии.

Уникальными для Саразма являются находки и фрагменты двух каменных решеток-панджара (рис. 6). Судя по сохранившимся фрагментам, их размеры, очевидно, были равны 45 x 45 и 50 x 50 см.

Многочисленные квадратные и треугольные клетки со значительными отверстиями могли пропустить через себя нужные для помещения воздух и свет. Хотя мы, пока, не располагаем прямой аналогией, но в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что найденные фрагменты алебастровой мозаики ⁷ во дворце Дашли 3, очевидно, некогда служили решеткой.

Из других каменных предметов отметим находки наконечников стрел и других различных орудий (рис. 7), стамеска, долото (рис. 8).

Костяные предметы представлены шильями-проколками (рис. 8), являющимися характерными орудиями труда первобытных общин. Среди костяных изделий имеется, в единственном экземпляре, предмет особого значения. Это тщательно обработанная морская ракушка из верхнего горизонта этапа В раскопа IV (рис. 8). До этого мы имели дело с аналогичными находками, и они были нами определены как предметы импорта из раннеземледельческих памятников долины реки Инда и берегов Индийского океана.

В заключение подчеркиваем, что результаты исследований поселения Саразм в отчетном году интересны тем, что мы получили новые неоспоримые артефакты, свидетельствующие о структуре общественно-культурного

центра поселения. Если в пору позднего энеолита культовым святилищем служило одно здание из жилых помещений комплекса, то теперь, по ходу развития идеологических воззрений общества в пору ранней бронзы – первой половины 3 тысячелетия до н.э., на территории поселения сооружались обособленные общественные культовые здания.

Ленинград-Пенджикент, май – 1989г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А.И.Исаков – Саразм – новый раннеземледельческий памятник Средней Азии. СА, 1986, № 1, стр. 152-167

2. Куфтин Б.А. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952г. Тр. ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад 1956, с. 267, рис. 7, 8.

3. Массон В.М. Кара-тепе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960, с. 421, табл. 1. 1, 9.

4. Сарияниди В.И. – Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЗ-8, ч. IV. М., 1965, табл. VIII, 26; Массон В.М. – Энеолит Средней Азии, Археология СССР, Энеолит СССР. М., 1982, табл. XXII.

5. Fairervis W.A.Jr. Archeological Surveys in the Zhob and Lofalai Districts. West Pakistan. Anthropological papers of the American Museum of Natural History, 47, 2, New York, 1959, Fig. 15: 57, 66.

6. Хлопин И.Н. – Археология СССР, САИ БЗ-8, Энеолит южных областей Средней Азии, часть 1. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении, М.-Л., 1963 г, табл. II.

7. Сарияниди В.И. – Древние земледельцы Афганистана, М., 1977, стр. 46, рис. 19.

СПИСОК РИСУНКОВ

Рис.1. Раскоп V. План застройки горизонта III. Условные обозначения: 1-границы раскопа, 2-стены горизонта II, 3-стены горизонта III, 4-линии условных стен.

Рис.2. Раскоп VI. А – план застройки горизонта II. Б – план застройки горизонта III.

Рис.3. Раскоп IX. План застройки горизонта II. Условные обозначения: 1-линии раскопа, 2-стены, 3-линии разреза, 4-кладки платформы, 5-гравийные насыпки, 6-камни.

Рис.4. А.: Фрагменты расписных сосудов из раскопа VI и IX: 1-

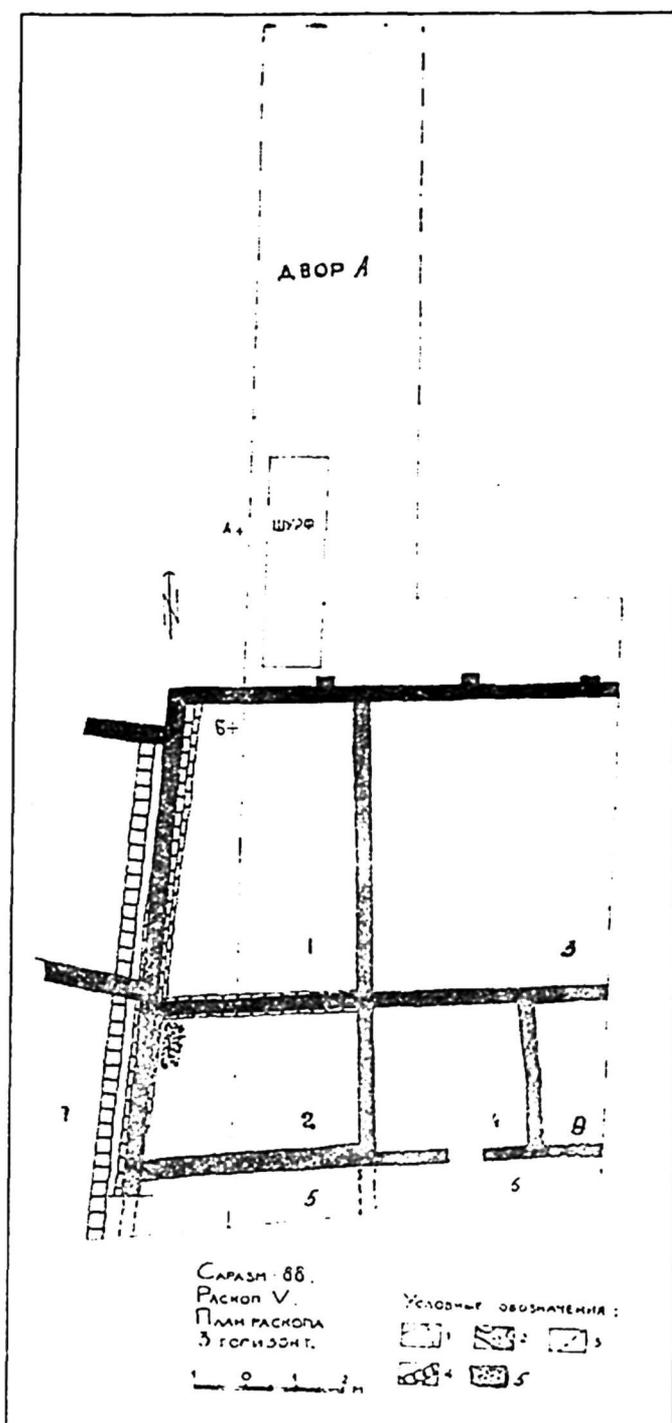
фрагмент сосуда с веточным орнаментом (раскоп IX), 2-фрагмент чаши с чешуйчатым орнаментом (раскоп VI), 3-фрагмент полусферической чаши с горизонтальными и вертикальными линиями (раскоп IX), 4-полусферическая чаша с сеточным и многоступенчатым орнаментом (раскоп V), 5-фрагмент сосуда с волнистым и горизонтальным орнаментом (раскоп IX). Б: Фрагменты росписи на штукатурке (раскоп IX).

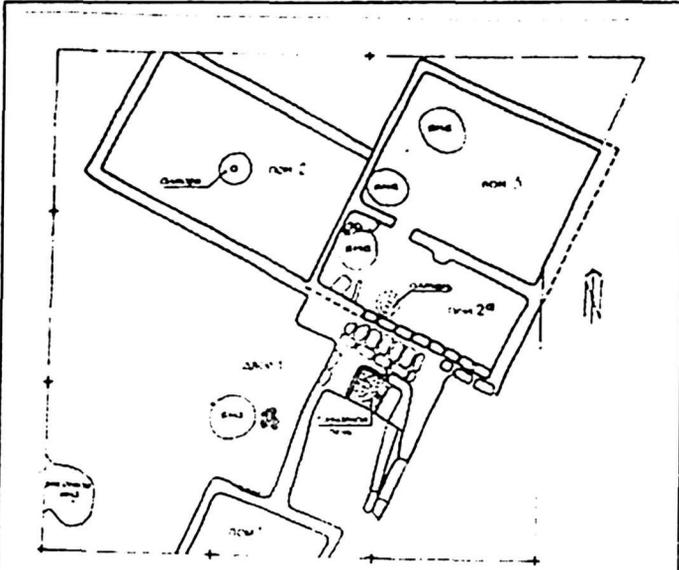
Рис. 5. Раскоп VI. 1, 2 – бронзовые кинжалы, 3 – бронзовая булавка.

Рис. 6. Раскоп VI, горизонт III. Детали каменной панджары (обрешетки).

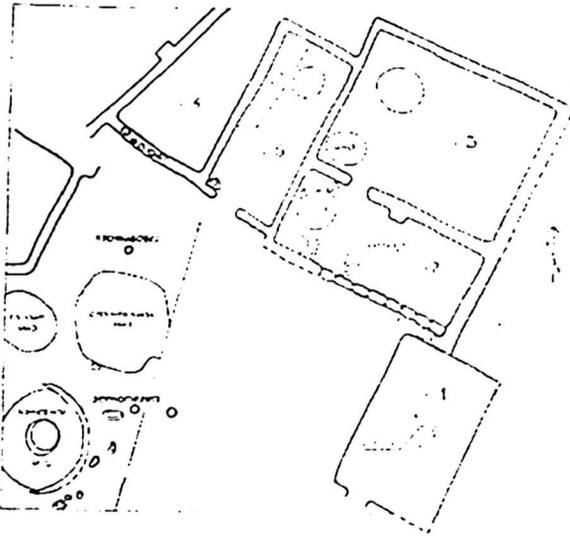
Рис. 7. Раскоп VI. 1 – 6-наконечники стрел из кремня, 7-фрагмент наконечника дротика, 8-кремневый предмет, 9-вкладыш ножа.

Рис. 8. Раскоп VI, горизонт III. 1, 2-каменные стамески, раскоп-IV, этап В 3 – 4-каменные долота, раскоп-VI, 5-8 – костяные шилья, проколки, 9-морская ракушка.

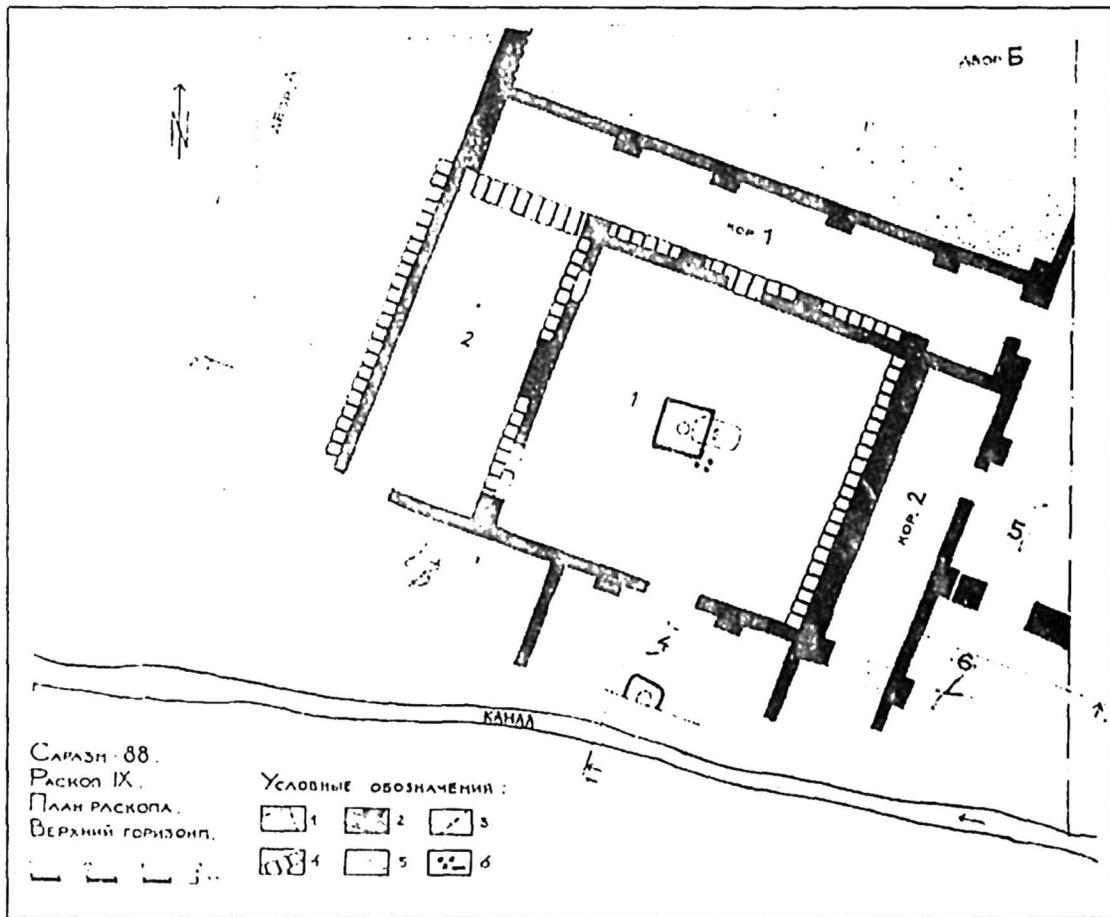

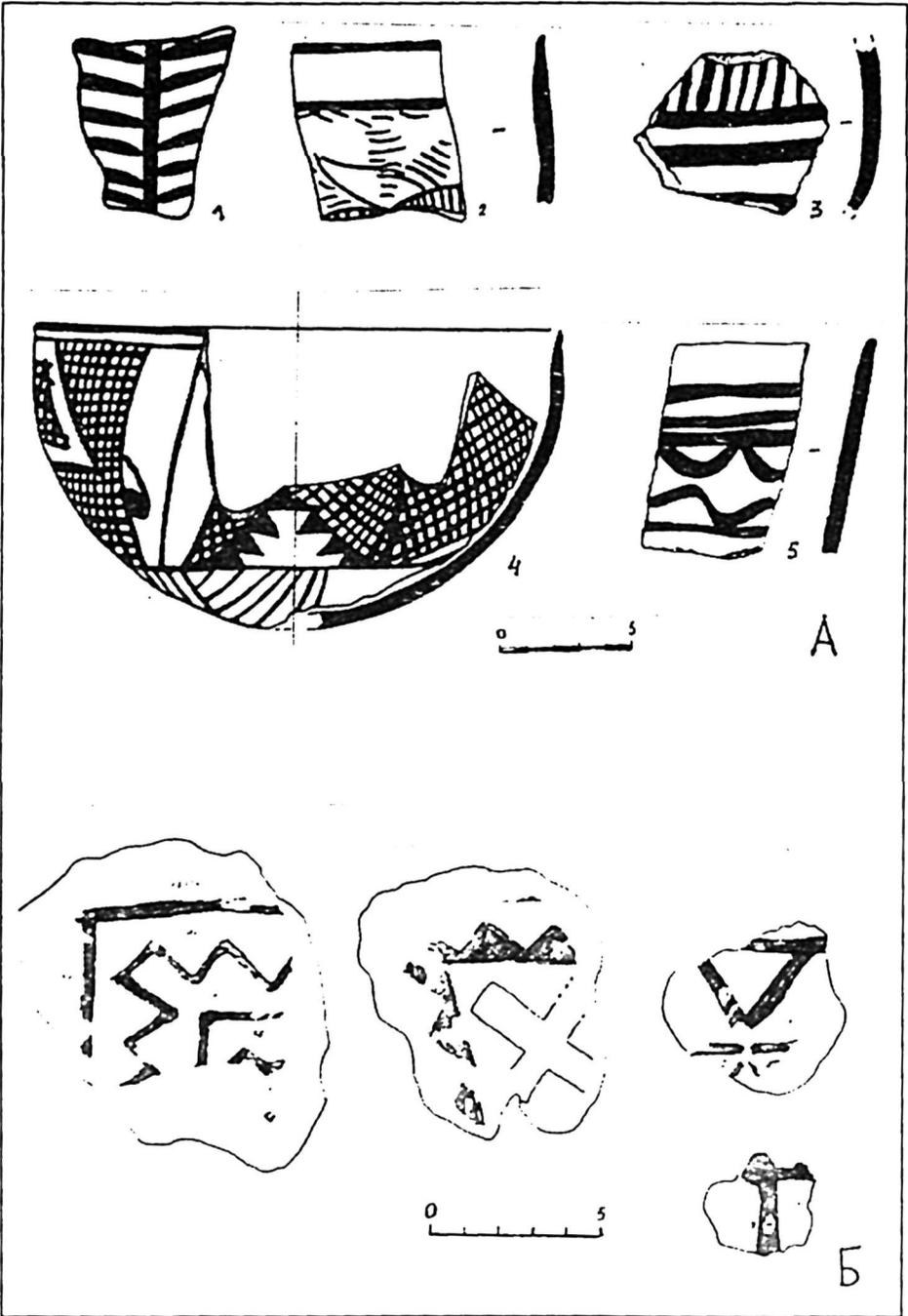

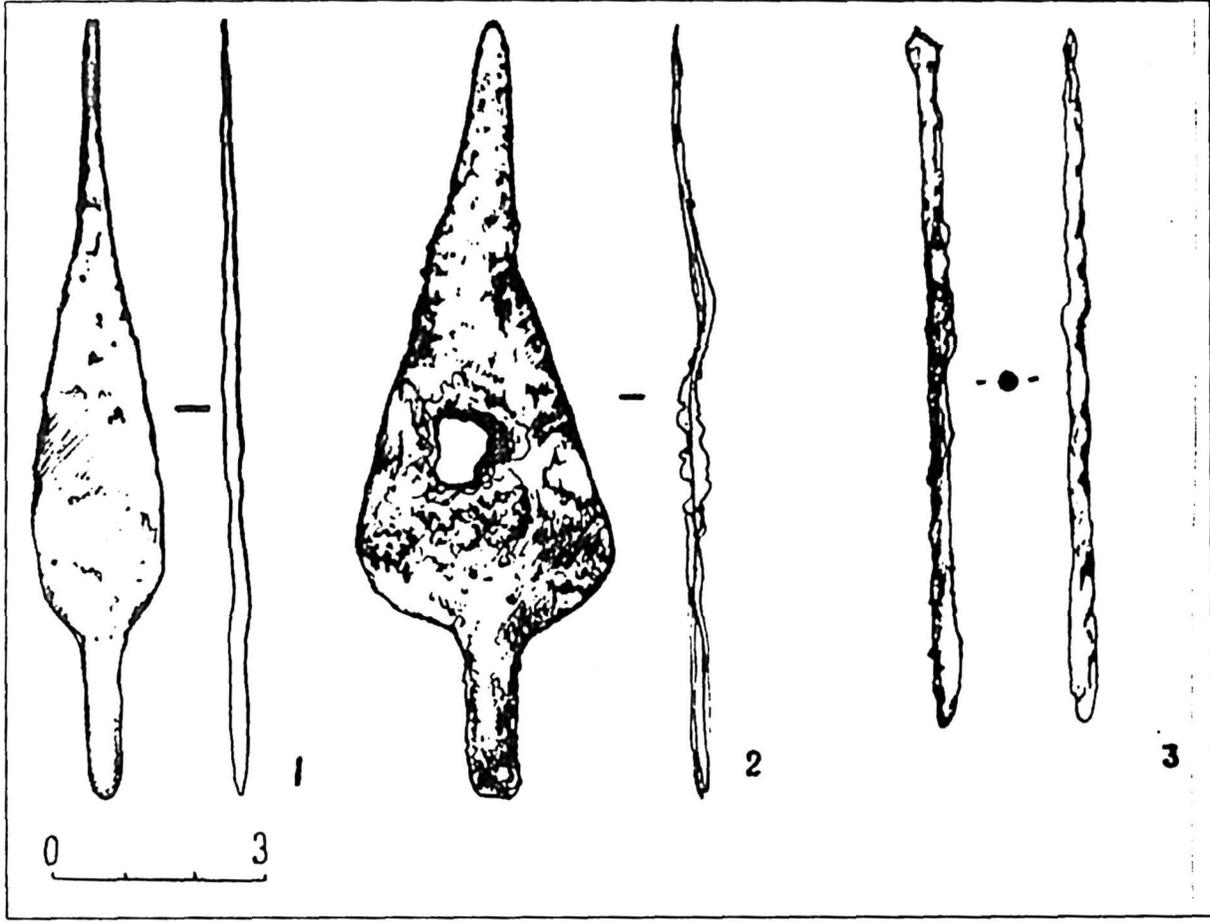
A

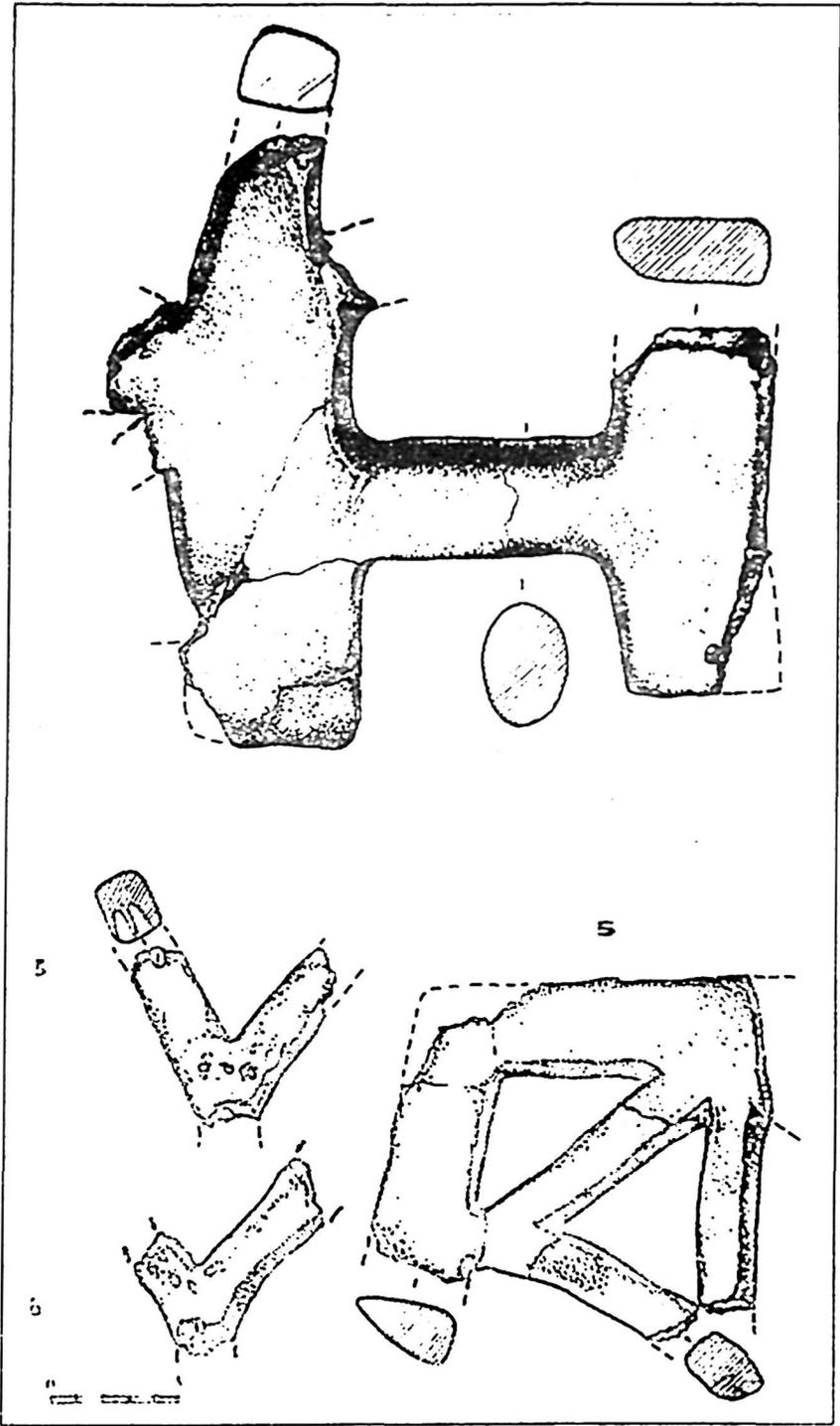

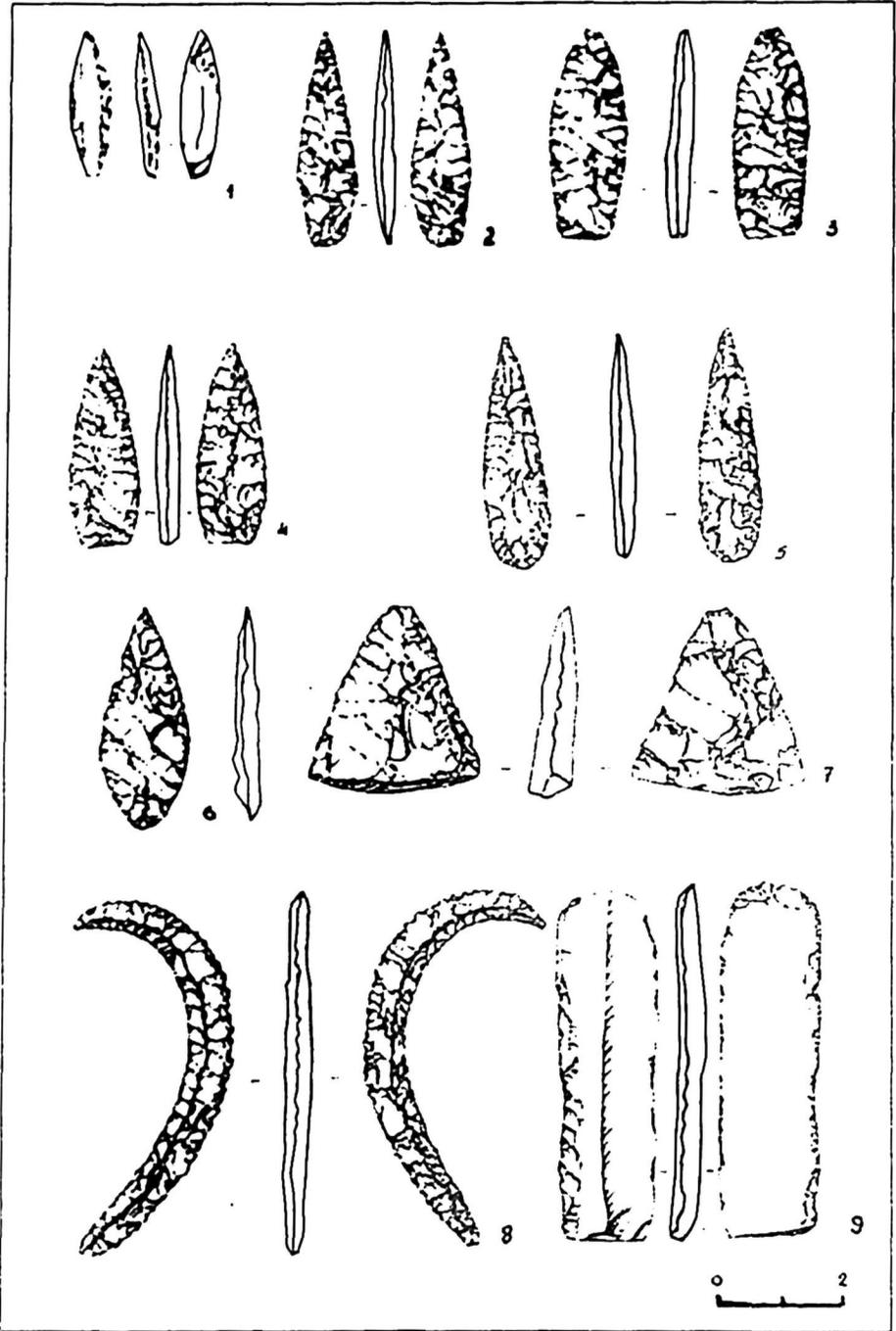
Б

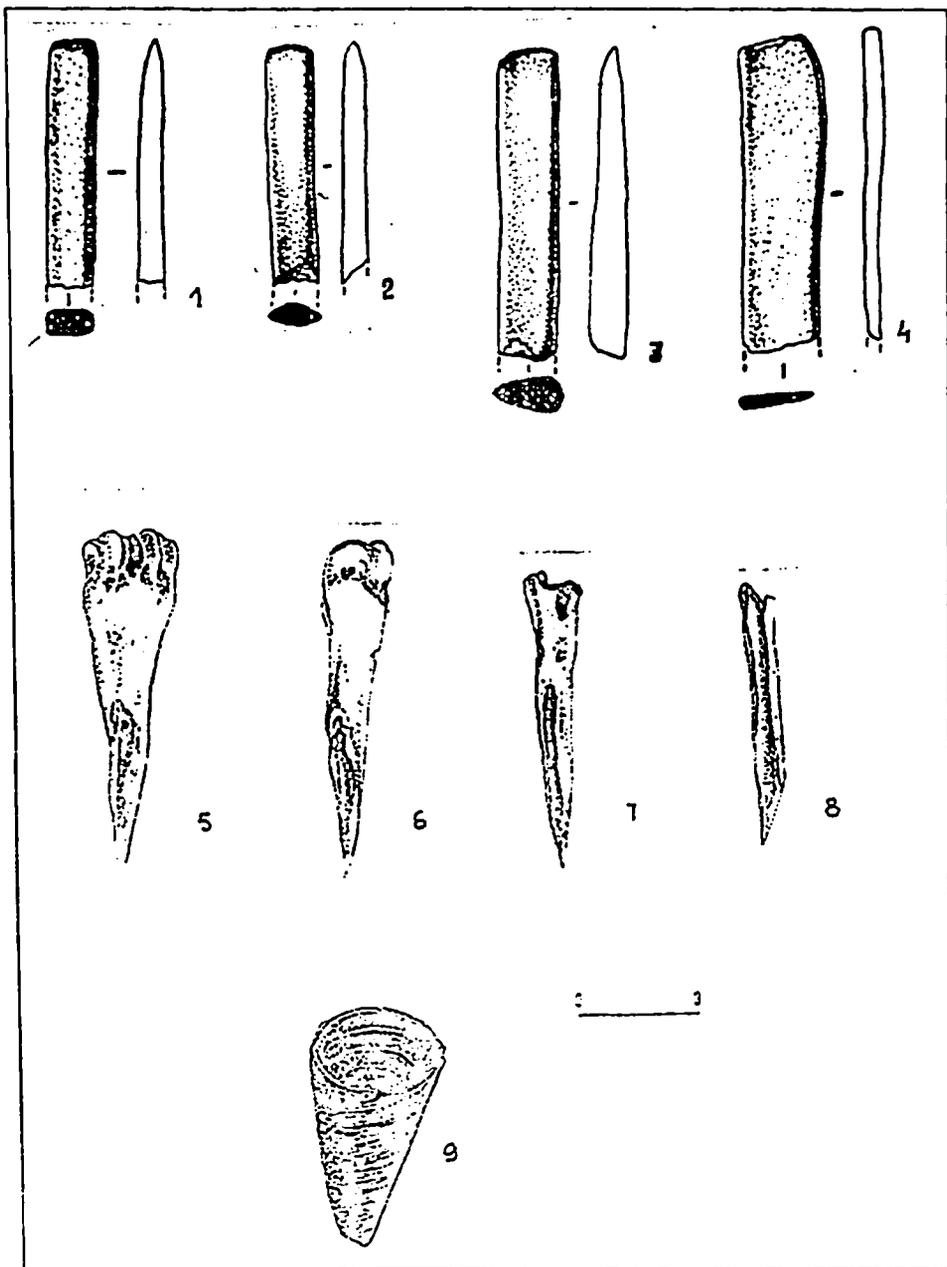

**Б.И.МАРШАК,
В.И.РАСПОПОВА,
В.Г.ШКОДА**

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О РАБОТАХ НА ГОРОДИЩЕ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА В 1986-1999 ГОДАХ

Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1986-1999 гг., как и в предыдущие годы, проводила совместная экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии Наук Республики Таджикистан, Государственного Эрмитажа и Института Истории Материальной Культуры Российской Академии Наук.

Раскопками отдельных объектов руководили: храм – В.Г. Шкода; объект VI – Г.Л. Семенов; объект IX – Н.Ф. Саввониди; объект XVI – В.И. Распопова; объект XXIII – А.Н. Шабетник (в 1991 и 1992 гг. при участии И.К. Малкиеля), с 1997 г. – М.Х. Хасанов; объект XXV – Д. Абдуллоев; объект XXVI – Ш.Ф. Курбанов; объект XXVI-север – И.К. Малкиел; объект XXIX – А.А. Малыгина, кроме 1987 г., когда здесь работал Г.Л. Семенов. В 1987 г. Г.Л. Семенов также руководил раскопками на Кайнаре. В 1990 г. наус близ цитадели раскопан под руководством Н.Е. Сазоновой, которая также руководила раскопками дворца на Кайнаре в 1988 -89г. В 1988 г. Н.Ф. Саввониди раскопал комплекс виноградодавильни вне городских стен и жилую застройку к западу от цитадели, которую он продолжал исследовать в 1989-90г.

В составе экспедиции работали реставраторы Государственного Эрмитажа: И.А. Баженова в 1986г.; Р.М. Беляева в 1986-89, 91-92 гг.; Т.С. Василенко в 1986-89, 91 гг.; Д. Вильнер в 1997 г.; Е. С. Калмыкова в 1989 г.; М.Б. Соловьева в 1996-1998 гг.; Г.И. Тер-Оганьян в 1986-1996 гг.; В.А. Фоминых в 1991-1999 гг. Большую работу по реставрации глиняной скульптуры льва провел в 1990 г. реставратор ИИАЭ им. А.Дониша Н.В. Турлыгин.

1986

Работы велись на территории шахристана, где было продолжено исследование городских храмов (объекты I и II), оборонительных сооружений (объект VI), базара близ восточных ворот за пределами крепостных стен (объект IX) и жилой застройки (объекты XVI, XXIII, XXV).

На объекте I раскопки шли на двух участках: в юго-западном углу

внешнего (восточного) двора и близ западной ограды всего храмового комплекса.

В юго-западном углу, в колонном портике вдоль западной стены восточного двора в завале, найдены многочисленные фрагменты настенных росписей VII в. По большей части это изображения богов и богинь с нимбами, языками пламени над плечами и т.д.

Вдоль западной ограды внутреннего (западного) двора раскопки проводились с внешней стороны, где продолжалось изучение переулка, и с внутренней, где обнаружены остатки предшествовавших храму строений. Ориентация этих строений соответствует храмовой, но расположение стены толщиной 2,5 м, идущей с запада на восток, никак не согласовано с членениями территории храма. Судя по ее толщине, она могла быть внешней стеной раннего поселения.

На объекте II в северо-западном углу внутреннего двора храма исследовались ранние слои в дополнительном святилище. На северной стене открыты остатки живописи второй половины VI или начала VII вв. (фигуры донаторов). Между полами начала VIII в. и 740 гг. обнаружен комплекс votивных предметов и обломков глиняной и алебастровой скульптуры (остатки не менее трех статуй). На двух серебряных медальонах одним и тем же чеканом выбито изображение эллинистического правителя. Небольшая раскрашенная алебастровая статуя сидящей богини по своей иконографии и стилю может быть отнесена к позднеантичному, а не раннесредневековому искусству.

Принципиально новые находки 1986 г. во II храме – это прекрасные произведения торевтики и скульптуры, убедительно показывающие значение наследия древности для раннесредневековой культуры.

На объекте VI раскопаны укрепления VI-VII вв. на юго-восточном углу шахристана. Обнаружена прямоугольная башня VII в., которая настолько мало выступала от линии стены, что не могла фланкировать куртину восточного фасада. В VI в. вообще не было угловой башни.

На объекте IX изучались лавки и мастерские базара, находившиеся вне крепостной стены и ворот города. Они датируются от начала VIII в. до 770-ых гг.

Весьма интересно для истории архитектуры помещение VII в. с двумя окнами напротив друг друга и с трапециевидным в сечении деревянным перекрытием, исследование которого продолжено на объекте XVI.

На объекте XXIII открыты два выходящих в переулок вестибюля рядовых жилищ конца VII-VIII вв. и небольшой зал одного из этих жилищ. Архитектура вестибюлей с лестницей на второй этаж очень выразительна.

Наконец, на объекте XXV открыта новая магистральная улица, идущая с запада на восток, с прекрасными выложенными камнями "тротуарами".

Эта улица, на которую выходит и фасад здания, изучаемого на объекте XVI, дает основание для уточнения всей уличной сети древнего Пенджикента.

1987

В 1987 г. исследовались городские укрепления и примыкающая к ним застройка близ источника Кайнар и в углу городской стены к востоку от южных ворот (объект XXIX), продолжалось изучение базара у восточных ворот (объект IX), одного из храмов (объект I), улиц и жилых домов в центре городища (объекты XVI, XXIII, XXV).

Особый интерес представляет обнаруженный близ Кайнара слой, с керамикой первых веков н.э., который залегает на материке. Открыт также канал, приблизительно V-V вв., который был проведен от Кайнара в восточном направлении, и несколько последовательно пристраивавшихся друг к другу стен укреплений IV-VI вв. Выясняется, что источник был выгорожен в V-VI вв. особой стеной, ориентированной по оси С-Ю. Имеется хронологический разрыв между слоем первых вв. н.э. и остальными строениями.

На объекте XXIX раскопано несколько помещений здания VII-VIII вв., пристроенного к городской стене так называемого южного выступа городища. Обнаружена улица, идущая с востока к площадке у южных ворот.

На объекте IX расчищены постройки базара, относящиеся, в основном, к 40-50-м гг. VIII вв. Выявлено 4 уровня этого периода. К югу от базара исследовали башню городской стены, сооруженную, по-видимому, в начале VIII в. и разрушенную вскоре после постройки.

На территории заднего (западного) двора храма I продолжалось исследование дохрамовой застройки. Выявлено два строительных периода. Наслоения второго периода содержат керамику V в., тогда как более ранний слой не дал никаких находок. Таким образом, удалось подтвердить, что храм I построен в V в., а не ранее. Во дворе перед главным зданием храма расчищены хауз и ведущий к нему канал VII в. Под восточной оградой двора вода проходила по керамическим трубам. На берегу хауза росло дерево, от которого сохранился пень. Вдоль южной стены двора открыты базы колонн перистиля VI-VII вв.

Во внешнем (восточном) дворе храма I близ его западной стены завершено извлечение из завала обломков штукатурки с росписью. Наиболее интересны фрагменты с грандиозным жертвенником с пылающим огнем и приближающейся к нему полуобнаженной мужской фигурой (дух ветра?). Надо отметить также другой фрагмент с царем, стоящим, по-видимому, перед зооморфным тронном божества.

На объекте XVI работы велись в помещении б, которое в 1961 г. было раскопано по верхнему полу. В этом году оно частично расчищено по полу, на котором лежит пожарище, относящееся к 722 г. Вход в помещение вел с

востока. Расчищены остатки входного тамбура с двумя дверями и деревянным настилом между ними. Раскопана кладовка, в которую попадали из помещения б, но которая находилась под лестницей, относящейся к соседнему жилищу. Оба жилища сооружены одновременно.

На объекте XXIII раскапывались три жилища. Завершены раскопки прекрасно сохранившегося жилища рядового ремесленника, в которое входили вестибюль с очагом и лестницей, ведущей на антресоли, и сводчатая комната с антресолями. В завале найдены остатки ямки с ошлакованными стенками и тигель для литья бронзы.

На объекте XXV работы сосредоточились, в основном, на улице, открытой в 1986 г., там обнаружены каменные вымостки и система ливневой канализации начала VIII в.

Работы 1987 г. позволили по-новому понять предысторию Пенджикента, отодвинув дату основания поселения (но еще не города!) на полтысячелетия. Росписи храма I со стационарным алтарем огня раскрыли новую страницу истории идеологии Согда. Это первый, явно зороастрийский сюжет в искусстве Пенджикента.

1988

Наряду с традиционными раскопками на территории шахристана были проведены работы близ водопроводной станции, у источника Кайнар. Это было связано с прокладкой водопроводных труб в двух направлениях: к востоку и к западу от станции. Раскопы были названы "Кайнар" и "Кайнар (западный)". Кроме того, к западу от городища на берегу канала Токсанкариз среди современных домов были открыты остатки застройки начала IX в. с четырьмя давяльнями винограда, их ямы-резервуары емкостью более 1000 л были обмазаны алебастровым раствором. Лучше всего сохранилась давяльня, находившаяся в помещении усадебного дома с пахсовыми стенами. Она состояла из облицованной плитками обожженного кирпича и обмазанной алебастром площадки и резервуара для сока емкостью около 1500 л. В заполнении резервуаров найдено много керамики, в том числе целая серия изготовленных на гончарном круге котлов. Возможно, сок предназначался для варки шинни (ширини).

На объекте "Кайнар (западный)", находящемся к западу от южной части цитадели, обнаружена обширная пахсовая платформа. Под ней над материком прослеживается прослойка земли с керамикой V – начала VI вв. На платформе стены нескольких помещений. Наиболее поздние слои датируются началом IX в. Таким образом, открыта ранее неизвестная часть города, которая была оставлена жителями значительно позднее, чем шахристан.

На раскопе "Кайнар" продолжены работы по исследованию помещений дворца VI в., построенных к востоку от фаса оборонительной стены V в.,

защищавшей южную часть цитадели. Дворец был двухэтажным зданием без сводов. С востока его защищала новая крепостная стена. Ряд залов и коридоров были побелены, некоторые залы имели стены, покрытые черной краской. Все помещения заполнены сплошной сырцовой закладкой – основанием оборонительной стены VI-VII вв., толщина которой по низу 13 м. наибольший интерес представляет зал с пристенным очагом-алтарем, стены которого сохранили два-три слоя штукатурки с живописью. Эти слои прикрыты двумя более поздними обмазками без росписей. На стене – три слоя росписей. Два из них орнаментальные: сетка квадратов, в каждом из которых цветы – тюльпаны и маки. На третьем слое красным контуром нарисован профиль мужчины в греческом шлеме. Этот рисунок передает греческое скульптурное изображение: бюст или гемму. На тамбурной стенке два слоя росписей. На нижнем – сцена конной охоты на горных баранов. Эта роспись может быть названа шедевром согдийского искусства, она впервые дает нам адекватное представление о светском искусстве согдийцев VI в.

На территории шахристана были продолжены работы по изучению развития жилой застройки в VII – первой половине VIII вв. (объект XVI), жилищ рядовых горожан VII-VIII вв. (объект XXIII), уличной сети (объект XXV).

В храмах исследовались главным образом двор перед главным зданием храма I, где выявлены базы всех колонн перистиля и три помещения к востоку от восточного внешнего двора храма II (объект X). Из этих трех помещений, среднее – это огромный айван, через который с улицы входили во двор. По сторонам от него расположены два больших зала. В северо-западном углу айвана сохранились росписи VII-начала VIII вв. На западной стене изображен кафтан (с пустым рукавом) из полихромного шелка со слонами в медальонах с перлами и птицами в четырехугольниках между медальонами. В углу на обеих стенах мандола с фигурой танцовщицы или музыкантши. На северной стене – остатки стоящей фигуры мужского божества в тигровом плаще, опиравшегося на лук. На его шароварах – плохо сохранившаяся согдийская надпись.

В северном зале, в середине его южной стены есть ниша с глиняной скульптурой льва в натуральную величину. Это, видимо, зооморфный трон богини Наны. Западнее ниши участок стены был расписан, тогда как юго-западный угол только побелен, но не расписан. Сюжет росписи: поверженный демон и, видимо, его победитель – стоящий бог в полном вооружении. Дата скульптуры и живописи ориентировочно та же, что и живопись айвана.

В целом, сезон дал новые важные данные по исторической топографии Пенджикента и истории искусства Согда.

1989

Были продолжены раскопки близ источника Кайнар, где в 1987 г. над

материком обнаружили слой с керамикой первых веков н.э. Каких-либо строительных остатков этого времени на раскопанном участке не оказалось. Стены оборонительного сооружения с коридором, стоящие на этом раннем слое, датируются V в. н.э. по керамике из галечной подсыпки, примыкающей к неоштукатуренной стене. Над подсыпкой был пол, выше которого стена уже имела глиняную штукатурку. Крепостная стена с коридором предшествует стене с прямоугольными башнями, синхронной с самыми ранними оборонительными сооружениями шахристана.

К западу от Кайнара и цитадели исследован слой с неполивной керамикой IX в. и раннесаманидскими фельсами 844-845 г. Пенджикент IX в. лежал, видимо, на западной окраине города VI-VIII вв.

Продолжено изучение дворца VI вв. в северной части цитадели. Расчищено несколько помещений, в числе которых кухня с обширным очагом. В комнате с очагом-алтарем завершено раскрытие композиции со сценой конной охоты на тамбурной стенке. На западной стене, расположенной напротив очага-алтаря, открыты три слоя штукатурки с росписями. Нижний, синхронный со сценой охоты, орнаментальный. Стена разделена на квадраты с тюльпанами и маками на белом фоне. Снизу проходит фриз в виде "гармоники". Третий слой состоял только из "гармоники" внизу и маленького рисунка красной линией по белому фону. Изображено человеческое лицо в профиль. Рисунок остался незавершенным.

В храмах изучались восточные дворы и окаймляющие их помещения VII – начала VIII вв. Было установлено, что входной портик из восточного двора храма I в основной двор с главным зданием имел 8 колонн, расположенных в два ряда. Портик был расписан. Продолжено исследование перистилия восточного двора (объект X), где определено число колонн вдоль восточной стены: в южной половине их оказалось 9.

Три помещения раскапывались на участке между улицей и восточным двором храма II (помещения 13-15 объекта X). Помещение 13 – это 12 колонный открытый на улицу входной портик. Колонны стояли в два ряда. Около входа во двор открыт завал обломков расписной глиняной скульптуры: лист аканта, лапа льва, бок льва с подпругой, складки одежды, видимо, принадлежавшей божеству, сидевшему на львином троне, какие-то орнаменты, расписанные синей и золотой красками. В зале 14 к северу от портика в нише южной стены полностью раскрыта глиняная скульптура лежащего льва в натуральную величину. Сохранились складки одежды сидевшей на этом львином троне богини, вероятно, Наны, культу которой в храме, видимо, придавалось особое значение. Зал весьма обширный, прямоугольный, вытянутый с севера на юг. Ниша со львом прорублена в стене, которая ранее была декорирована черным контурным рисунком по белому фону: стоящая женская фигура в одежде со складками и орнамент "гармоника". Этот рисунок в VI в., был полностью заштукатурен двумя слоями

обмазки, так что во время прорубки ниши его не видели.

Зал 15 к югу от портика квадратный с 4-мя колоннами, в его северной стене – ниша со скульптурой, которую открыли в 1990 г. Планировка этих трех помещений зеркально симметрична плану соответствующей части храма I.

На объекте XXIII, в центре городища, и на объекте XXIX, неподалеку от южных ворот, изучались двухэтажные дома рядовых горожан конца VII-VIII вв. На объекте XXV близ северного конца обширного незастроенного участка, начинающегося от главных южных ворот, открыты помещения необычного для Пенджикента одноэтажного здания конца VII-VIII вв.

Работы 1989 г. существенно увеличили наши знания о древнем Пенджикенте и дали новые произведения искусства, среди которых выделяется величественная статуя льва.

1990

Исследовались храмы (объекты I, X), оборонительные сооружения (объект XXIX), уличная сеть (объекты XXV, XXIX), жилая застройка шахристана (объекты XXIII, XXV, XXIX), квартал в западном предместье у подножья цитадели (Кайнар Запад) и наус (объект IV), расположенный к югу от южной внешней стены цитадели.

В храме I уточнена планировка портика с входом во внутренний двор, который в VI-VIII вв. был восьмиколонным. Расчищен также участок суфы и пандус, спускающийся с нее во внешний двор, у осевого прохода из приулочного портика. На суфе открыта база колонны перистиля к северу от этого прохода.

Наиболее важные результаты получены в ходе изучения четырех помещений (13-16 объекта X), находящихся между улицей и внешним двором храма II. В них вскрыт верхний горизонт VII-VIII вв., хотя их план, в основном, сложился уже в VI в. В помещении 13 – двенадцатиколонном портике – раскопана юго-западная четверть с тремя колоннами. К северу от портика продолжены раскопки помещения 14, в котором в 1989 г. была найдена ниша со статуей богини на льве. Это шестиколонный зал с проходом в коридор (помещение 16), из которого широкий проем выводил во двор. К югу от портика в четырехколонном зале (помещение 15) расчищена скульптурная группа в нише северной стены. Это круглая скульптура из глины, выполненная в начале VIII в. На лежащем с подогнутыми ногами быке Нанди сидит полуобнаженный Шива, а на его колене – Парвати. В левой руке Шивы – трезубец, в правой – плод. Верхняя часть композиции не сохранилась. В теле скульптуры найдены обломки более ранней статуи, вероятно, находившейся до нее в той же нише. Зал через коридор (помещение 3) сначала сообщался с двором, но во время после создания скульптуры Шивы сохранилась связь только с улицей, а проход во двор был заложен стеной,

которую (со стороны двора) расписали. Таким образом, от большого согдийского храма было отделено особое святилище Шивы.

Городская стена близ южных ворот (объект XXIX) оказалась состоящей из двух разновременных кладок, из которых более поздняя (VII в.) возведена на обвалованных развалинах более ранней, стоящей на материке. Данных для датировки этой ранней стены пока нет, но на других участках внешняя ограда построена около рубежа V-VI вв. При перестройке стена (в отличие от того, что наблюдалось на объектах V, VI, XII, XXVIII) не стала шире. Ее расширили лишь в 3-ий строительный период.

На объекте XXV исследовался участок между торцом улицы Южных ворот и южной меридиональной улицей. Определился план двух изолированных друг от друга "секций", которые не похожи на жилища. Возможно, в VII-VIII вв. здесь неподалеку от главного въезда в город располагались помещения для краткого пребывания людей, которые приходили и приезжали в город.

На объекте XXIII открыто несколько жилых помещений. Интересен алтарь-очаг с двумя колоннами, найденный у стены помещения первого этажа. Этот очаг находился на втором этаже и сполз вдоль стены при разрушении здания. Все сооружения объекта XXIII датируются в пределах VII-VIII вв.

Наус (объект IV) – одна из последних построек такого рода, оставшихся не раскопанными. Датировать его трудно, несколько мелких фрагментов керамики V-VII вв. из завала происходят из кладок. Поскольку вокруг нет лесса, строители приносили землю: не только лесс адыров, но и, видимо, грунт с территории города. Одинокое расположение науса близ цитадели говорит о том, что в нем могли хоронить покойников из семьи правителя. Особенность архитектуры этой погребальной постройки – стилобат в виде усеченной пирамиды.

На раскопе к западу от цитадели исследовалась жилая застройка Пенджикента IX в. Собран комплекс керамики. На обломке котла есть надпись мастера: имя "Ибрахим".

Подводя итоги сезона, надо отметить, что скульптура Шивы и Парвати – это не только подлинный шедевр, но и первое бесспорное свидетельство распространения шиваизма в Согде.

1991

Исследовались храмы (объект X), жилые дома в центре города (объект XXIII) и близ южных ворот (объект XXIX), уличная сеть (объект XXV), городская стена (объект XXIX).

В храме II завершено изучение айвана, выходявшего на улицу (помещение 13 объекта X). Двенадцатиколонный айван (22,5 x 8,5 м) в начале VIII в. был украшен глиняной статуей богини Наны, которая была показана

сидящей на стоящем льве. От статуи, помещенной на суфе, к югу от прохода во двор, сохранились на собственном месте лапы льва и много обломков в завале, позволившие сделать графическую реконструкцию. Общая высота скульптуры была около 4 м. Под животом льва на стене за ним – отдельная живописная композиция синхронная со статуей – сцена конной охоты. В соседнем помещении 14 в 1988-1989 гг. расчищалась ниша со скульптурой лежащего льва, на спине которого сохранились остатки фигуры Наны. В 1991 г. на стене слева от ниши раскрыта роспись с конем, ведущим этого коня человеком и поверженным демоном. Эта роспись синхронна нише со скульптурой. На более ранних слоях штукатурки той же стены обнаружены не росписи, а монохромные рисунки. На нижнем слое штукатурки два рисунка: более ранний и более поздний разделены только тонким слоем белого грунта. Расчленив их удалось благодаря исключительному мастерству реставраторов Р.М. Беляевой и В.А. Фоминых (Эрмитаж). Сюжет обоих рисунков: Нана на лежащем льве. По правую руку богини – донатор в костюме VI в., а по левую – его супруга, изображение которой было открыто в 1989 г. На втором слое штукатурки прослежены остатки рисунка с изображением какого-то божества (не Нанайи) с мечом, сидящего на овальном ковре. Острый носок обуви датирует рисунок не ранее VII в. Таким образом, ниша со скульптурой и синхронная с ней живопись могут быть датированы около конца VII-начала VIII вв.

На объекте XXV обнаружен перекресток улицы, идущий от главных (южных) ворот, с южной широтной улицей первоначального города. Открыты пока слои конца VII-VIII вв.

На объектах XXIII и XXIX открыты жилые дома VII-VIII вв. Кроме того, на объекте XXIX завершен разрез городской стены. В стене керамика V-начала VI вв., но на материке за стеной керамика и монета VII в.

1991 год дал важные результаты по истории культа Наны, возможно, городской богини Самарканда и Пенджикента. Для понимания градостроительных особенностей Пенджикента существенные данные получены при изучении перекрестка улиц и южной городской стены.

1992

В 1992 г. продолжено изучение дворца VI в. близ источника Кайнар, на шахристане исследовались храмы (объекты I и X), жилой дом VII-VIII вв. (объект XXIII) и две улицы со слабо застроенным участком между ними (объект XXV). Во дворце продолжалось изучение комнаты с росписями (помещение 13) и соседнего с ней помещения. Роспись трехслойная. Верхний слой с рисунком красной краской на белом фоне: две мужские головы в профиль влево. Одна из них вписана в овальный медальон. Лица разные, хотя у них одинаковые усы и головные уборы (переосмысленный шлем). Рисунок искусный, необычный, с нарочитой стилизацией, вероятно,

связанной с тем, что художник стремился изобразить, скорее всего, портреты на старинных геммах (на других стенах этой комнаты схожие изображения открыты в 1988-89 гг.).

В храме II была открыта примерно половина восточной стены внешнего двора с колоннадой перед ней (объект X). На стене есть следы живописи. Стена просуществовала с VI по VIII век. Колоннада была и у северной стены. В развале северной стены обнаружены обломки росписи на красном фоне: копыта скачущего коня, крыло дракона или грифона (?). За стеной раскрыт участок наиболее северной широтной улицы. Изучена ее стратиграфия, начиная с материка.

Во внешнем дворе первого храма (объект X) возобновлено изучение субструкций V в. Открыты сырцовые кладки под снесенными позднее стенами и галечное заполнение. В храме I раскопано помещение 14 – айван с проходом из внешнего двора во внутренний, расположенный к северу от айвана, с проходом на главной планировочной оси всего храмового комплекса. План помещения был выявлен уже в 1949 г., однако, сейчас выяснилось, что этот план в V-VII вв. претерпел несколько серьезных изменений. Отметим канал V в. (период III), печь, по конструкции похожую на гончарную, но без гончарных отвалов около нее (начало VI в. (?), IV период). В слое VI периода (VIII в.) в завале найдены обломки росписей: верхний фриз с растительным орнаментом и часть композиции с кроной дерева на красном фоне. Там же обнаружены обломки штукатурки с живописью на синем фоне. Видны пальцы руки. Вероятно, она находилась выше фриза с орнаментом, украшая потолок с оштукатуренным деревянным ложным сводом.

На объекте XXV между “улицей южных ворот” и южной улицей первоначального города открыты плохо сохранившиеся строения конца VII – начала VIII вв., перекрытые уличными по своему характеру наслоениями. Возможно, что здесь уже начинается базар, основная часть которого располагалась несколько восточнее (объект XVI).

В целом, работы 1992 г. закономерно продолжили изучение всех видов застройки Пенджикента: дворец, храмы, жилые дома, уличная сеть с базаром.

1993

Работы велись на территории шахристана, где исследовались храм II (объекты II и X) и жилая застройка (объекты XXIII и XXVI-север). Кроме того, на объекте XXV изучался участок между южной улицей первоначального шахристана и широкой улицей, которая вела к южным воротам во внешней, более поздней, городской стене. В этом раскопе детально прослежена стратиграфия южной улицы конца VII в. Строения между улицами стояли на платформе, выравнивающей перепад рельефа. Их дата рубеж VII-VIII вв.

Часть этих строений была снесена почти до основания в начале VIII в., вероятно, в связи с устройством базара, основная территория которого находилась несколько восточнее (объект XVI). Строения были достаточно солидные, с паховыми стенами. В одном из помещений обнаружены упавшие на пол кусочки глиняной штукатурки с красной краской (фон росписи?). Платформа имела с юга подпорные стенки, каменную вымостку и выравнивающий слой засыпки землей, под этим слоем и стенками идет слой свалки с двумя монетами пенджикентского правителя "Амогиана" (VII в.) и богатым комплексом керамики. Там же найден терракотовый образец с изображением какого-то согдийского божества. Внизу под этими слоями находятся остатки более ранних строений, частично смытых потоком весенних вод, прорывшим через них свое извилистое русло. На одном участке расчищен склон материкового галечного конгломерата.

На объекте XXIII завершено исследование домовладения, состоявшего из двух жилищ и одной или двух лавок, выходивших в переулок.

На объекте XXVI-север раскопан пандус и два сводчатых помещения богатого жилища, примыкающего к восточной городской стене. На втором этаже над одним из них находился зал, на стенах которого есть следы живописи. Дом, построенный в конце VII века, существовал вплоть до 770-х гг.

В восточном внешнем дворе храма II изучались его восточная, северная и северо-западная части. Вдоль всех стен шли колоннады перистилия. Удалось уточнить раннюю историю этой части храма и детально исследовать портал главного входа в середине восточной стены. В завале вдоль северной стены лежали крупные фрагменты росписей конца VII или, скорее, первых десятилетий VIII в. Сюжет этих росписей тот же, что и у росписей, найденных в завале в юго-восточном углу двора. Вероятно, почти все поверхности восточной и северной стен были единой батальной композицией с множеством изображений сражающихся воинов и построек. Роспись достаточно хорошо сохранилась, так что можно судить о весьма высоком мастерстве согдийских художников. Много нового дают находки этого сезона для изучения архитектуры Согда, вооружения, конского снаряжения, одежды и других реалий.

1994

Работы шли в шахристане Пенджикента, где исследовался храм II (объекты II и X), жилище VII-VIII вв. у восточной городской стены (объект XXVI-север), а также участок между улицей, ведущей к южным воротам, и южной меридианной улицей первоначального шахристана (объект XXV).

В храме II раскопки велись в восточном внешнем дворе, где завершено исследование колоннады вдоль его восточной стены длиной 56 м. К югу от прохода в этой стене, лежащего на главной оси храмового ансамбля,

расчищен подиум высотой около 1 м. К северу от этого прохода в 1993 г. был открыт подиум высотой лишь 0,5 м. Оба были сооружены в VI в. Вероятно, над ними были изображения богов (живописные или скульптурные?), причем то божество, которому поклонялись у южного подиума играло более важную роль в храмовом культе. В северо-восточном углу двора начато исследование открытого пространства вне портиков перистилия. Там был обнаружен пень почти двухсотлетней арчи, росшей во дворе в VI-VIII вв. В северном портике восточного двора в завале обнаружены целые пласты глиняной штукатурки с росписями VII или начала VIII вв. Это продолжение батальной композиции, открытой в 1993 г., однако сохранность красочного слоя превосходная и на значительных участках роспись имеет первозданное состояние. Изображена битва тяжеловооруженных всадников. В щит одного из них вонзились стрелы. Он наносит таранный удар копьём скачущему от него противнику, который успевает, обернувшись, нанести мечом удар по щиту своего преследователя. Внизу лежит раненый воин, не выпустивший меча из своей руки. На другом фрагменте, кони сражающихся скачут галопом над двумя поверженными, которые обращены лицом друг к другу и даже, упав на землю, продолжают свою борьбу. Эти росписи поражают своим динамизмом и мастерством выполнения.

На объекте XXVI-север раскопан зал площадью около 40 кв. м с П-образной суфой и двумя хозяйственными ямами. В зале не было росписей, хотя на втором этаже этого же дома в 1993 г. были обнаружены остатки живописи. Зал, судя по монетам, функционировал в 740-750-ые гг., хотя его стены были возведены ранее и только отремонтированы около 740 г. К северу от зала раскапывались два помещения. В одном из них пол был на уровне пола зала. Там на нижнем полу найдена керамика конца VII – начала VIII вв. В другом пол, очевидно, после разрушений 720-х гг. был устроен поверх завала на высоте около 2 м над полами соседних помещений. Здесь в 760-ые гг. был навес на столбах, со стенами только на востоке и юге. Под навесом был очаг. Над полом быстро нарастали слои мусора.

На объекте XXV расчищено русло разрушительного селевого потока, который прошел, вероятно, во время частичного запустения города в VII в. В конце VII в. русло было засыпано свалочными слоями с керамикой VII в. при устройстве платформы, на которой возведены постройки рубежа VII-VIII вв.

Эксперименты по консервации глиняных штукатурок *in situ* спиртовым раствором *sillond 40* (этил силикат) проводила группа итальянских ученых (профессора А.Санторо, Дж. Кьяри и архитектор Э. Гальдьери). Эта работа выполнена совместно с Пенджикентским музеем-заповедником (директор И. Рахматуллоев).

В целом, сезон 1994 г. оказался весьма продуктивным, причем его основным итогом было открытие замечательного памятника согдийского

искусства VII или начала VIII вв. – росписей со сценой битвы.

1995

Исследования проводились на трех участках городища: восточный двор храма II (объекты II и X), стратиграфический раскоп около северного конца широкой улицы, ведущей к южным воротам (объект XXV), жилой дом близ восточной крепостной стены (объект XXVI – север).

В храме II продолжалось исследование восточной, северной и северо-западной частей восточного двора; с помощью экскаватора и самосвала вывозилась земля из отвалов раскопок 1950-х гг., находившихся в средней и южной частях этого двора. Вдоль восточной и, отчасти, северной террас с базами колонн перистилия открыта поверхность двора с остатками трех росших там, в VI начале VIII вв., деревьев (одно из них обнаружено в 1994 г.). С северной улицы под северной стеной двора, ее суфой и террасой был проведен водопровод из керамических труб, который за краем террасы превращался в открытый арык. Этот водопровод отводил из водостока вдоль улицы ливневые и талые воды. Он проходит под базой колонны IV строительного периода и поэтому может быть датирован около рубежа V-VI вв. или несколько позже. В завале на северной террасе, между 4-ой и 5-ой (считая от северо-восточного угла) базами, обнаружен пласт глиняной штукатурки с живописью – продолжение той росписи на батальный сюжет, которая была открыта в 1993-1994 гг. Уточнена дата этой росписи – начало VIII вв. Суфа вдоль северной стены имела выступ-подиум к западу от 5-ой базы, примерно посередине этой стены. Такой подиум обычно делали перед живописной культовой композицией.

На объекте XXV доследовано русло разрушительного потока, прорезавшего широтную улицу (ее 6-ой сверху горизонт) в VII в., и расположенный южнее ее массив глиняной кладки с отдельными сырцовыми кирпичами. Этот массив скрывал в себе забутованные помещения и представлял собой, вероятно, южную крепостную стену первоначального шахристана (или ее субструкцию), возведенную на материке. К югу от массива идет крутой склон материка, вероятно, крепостной ров. Помещения датируются керамикой V-VI вв. Одно из них было зернохранилищем с полом, обмазанным алебастром, другое – кладовой с пятью хумами (один из них необожженный) и деревянной полкой.

На объекте XXVI-север продолжалось изучение жилого дома конца VII-VIII вв., просуществовавшего, с перестройками, до 770-ых гг. Велись раскопки сводчатого помещения с антресолями в его северной части, пандуса, еще одного прямоугольного помещения первого этажа; уточнялась первоначальная планировка квадратного зала.

Из отдельных находок надо назвать терракотовую форму для оттискивания образков с сидящей фигурой Будды, что меняет представления

1996

Продолжались раскопки храма II, жилого квартала VII-VIII вв. (объекты XXVI и XXVI-север), южной первоначальной городской стены (V-VI вв.) и строений V-VI вв. близ нее, а также двух помещений VIII в. к северу от южной широтной улицы (объект XXV).

В храме II исследовался внешний (восточный) двор. Раскрыта по верхнему горизонту (конец VII-начало VIII вв.) северо-восточная четверть территории этого двора. У северной стены расчищены подиум близ ее середины и три базы колонн перистилия. В завале вдоль стены обнаружены обломки упавшей глиняной штукатурки с живописью. Напротив подиума найдены обломки культовой композиции с фигурами на синем фоне. Изображения второстепенных персонажей выполнены в мелком масштабе (коленипреклоненный в белой одежде, стоящий воин в доспехах с мечом и копьем), а предметы, относящиеся к миру богов, – в крупном (канделябр с тремя ножками, растение с цветком). К западу от подиума обнаружены фрагменты батальной сцены с фигурами на красном фоне, похожими на те, которые были обнаружены ранее в северо-восточной части двора.

На объекте XXVI возобновлены работы, прервавшиеся двадцать лет назад. Расчищен зал на втором этаже, сводчатое помещение первого этажа под ним, другое помещение первого этажа, связанное проходами с предыдущим и с переулком. Жилище, к которому относились все эти комнаты, было пристроено к внутренней стороне восточной городской стены.

Неподалеку продолжались раскопки другого здания, также пристроенного к этой стене (объект XXVI-север). Обнаружен коленчатый переулок, подходящий с юга к широкой арке, к северу от которой, он продолжался под сводом. На раскопанном участке открыты, в основном, слои 740-770-х гг. Среди находок надо отметить фрагмент терракоты с головой мужского божества и венчик хума с согдийской надписью (имя "Атархуман", чтение В.А. Лившица). Это первое бесспорно зороастрийское имя согдийца. Поэтому эта короткая надпись важна для истории культуры Согдианы.

На объекте XXV раскопана еще одна кладовая V-первой половины VI вв. с тремя хумами и деревянной полкой. Уточнен план зернохранилища того же времени, устроенного в южной первоначальной городской стене. Выяснилось, что эта стена в отличие от восточной ранней городской стены не возобновлялась в VII в., так что фортификационные работы, предпринятые тогда, не привели к воссозданию всей внутренней линии обороны. К северу от южной широтной улицы вскрыты два помещения пахсового одноэтажного здания. Одно из них – первоначально квадратный зал – было позже использовано как кухня с очагами и тануром. Слоев старше

VIII в. пока не обнаружено. Из находок надо назвать обломок терракотовой иконки с мужской фигурой, держащей в левой руке ваджру (молнию). Это, видимо, один из незороастрийских богов согдийцев. Находки в один сезон этого изображения и надписи с зороастрийским именем еще раз демонстрируют сложность религиозной жизни согдийцев.

1997

Работы шли на шахристане древнего Пенджикента, где продолжалось исследование храма II (объекты II и X) и городской застройки в восточной (объекты XXVI и XXVI-север) и центральной (объекты XXIII и XXV) частях городища.

На объектах II и X завершены раскопки восточной половины внешнего (восточного) двора. Выяснилось, что в юго-восточном углу, как и в ранее изученном северо-восточном, росли арчевые деревья. В западной части двора исследован торец пилона среднего айвана. Оказалось, что глубина этого портика в конце VI-VII вв. была около 9 м. У северной стены двора около подиума в ее середине продолжалась разборка завала обломков глиняной штукатурки с росписью. Перед подиумом лежали фрагменты с синим фоном, а к западу от него – с красным. На синем фоне были изображены статичные фигуры донаторов: стоящий воин в доспехах и плаще, сидящий на пятках человек с каким-то даром в руках, а также круп льва, на котором, видимо, сидела богиня. Росписи на красном фоне, находившиеся к западу от подиума, представляли собой батальные сцены, сходные с теми, которые были ранее найдены к востоку от подиума. Однако имеется и существенное различие: на этот раз действуют не только люди, но и боги или, по крайней мере, одна богиня Нана. На сохранившемся фрагменте виден круп ее оседланного льва на красном фоне.

На объектах XXIII и XXV были обнаружены четыре производственные печи двухкамерной конструкции, которые датируются приблизительно началом VIII в. Эти печи служили для обжига глиняных форм, в которых отливали бронзовые сосуды: котел с двумя ручками, вазу в виде кубка с полуэллипсовидным в сечении туловом на полый ножке и др. Разбитые формы были найдены в заполнении нижних камер печей. Там же обнаружены обломки тиглей для плавки бронзы.

На объектах XXVI и XXVI-север продолжалось исследование улицы и домов VIII в.

Из отдельных находок отметим три терракоты – две с изображением юного бога с кушаком, завязанным сложным узлом (Сроша?) и одна с гротескной фигурой большогоголового человека в сапогах с очень широкими голенищами. В руках у него лопата, с помощью которой, видимо, проводили оросительные борозды, и веник, которым, вероятно, подметали гумно. Это какой-то демон – покровитель земледелия. Фигура демона помещена в нишу,

что обычно для изображений божеств на согдийских терракотах.

В целом, работы 1997 г. дали исключительно важный, уникальный материал по истории ремесла (бронзолитейного дела) и ряд новых фактов, раскрывающих неизвестные стороны согдийской религии.

1998

Продолжалось исследование храма II, жилой застройки у восточной городской стены (объекты XXVI и XXVI-север), а также в центре городища (объект XXIII). С целью изучения истории уличной сети был заложен стратиграфический раскоп на месте пересечения так называемой южной широтной улицы и одного из переулков (объект XXV).

За пределами шахристана на территории южного некрополя (объект IV) перед началом работ экспедиции экскаватор разрушил склеп-наус, один из немногих оставшихся не раскопанным. Уцелевшая часть этого науса была расчищена. В основных чертах удалось восстановить план этой маленькой квадратной постройки. Наус был разграблен в древности. Найдены человеческие кости, обломки овального оссуария, согдийская монета первой половины VII в.

В храме II исследовались западная и северная части восточного двора, причем раскопки северного портика перистиля были завершены. С запада во двор открывался другой обширный портик, ограниченный двумя пилонами. Посередине этого портика идет ось симметрии всего храмового участка, на которой, в его западной стене, имеется проход в западный двор с главным зданием храма. Западная часть этого портика была обследована в 1950-ых гг. В 1998 г. уточнена его строительная история: в частности, открыты остатки двух баз мощных колонн, позволяющие предложить новую реконструкцию перекрытия, и выявлены пять строительных периодов южного пилон, приходящиеся на VI-VII вв. В западине, расположенной к югу от среднего портика, обнаружены базы двух рядов колонн по три в каждом ряду от глубокого портика VII в.

На объекте XXVI исследовались сложные перестройки одного двухэтажного жилища на протяжении конца VII-первой половины VIII вв. На объекте XXVI-север продолжено изучение аристократического жилища конца VII-VIII вв. Изучены три помещения, в третьей четверти VIII в. отделенные глухой стеной от остальных комнат этого дома. Одно из них – это типичное помещение с очагом-алтарем, архитектура которого несколько отличается от ранее известных образцов. Его средняя арка прорезает сложнопрофилированный антаблемент, нижний пояс которого украшен рядом рельефных листьев аканта. Подбалка над капиталью боковой колонны имеет две волюты. Раздел жилища произошел, видимо, после разрушительного землетрясения.

На объекте XXIII раскопано пять сводчатых помещений. Два из них

относятся к одному жилищу, а три – к другому. В одной из трех комнат на стене обнаружены детские рисунки. Оба дома датируются первой четвертью VIII в.

На объекте XXV было расчищено 7 последовательно нараставших горизонтов улицы, относящихся ко времени примерно от середины VII до середины VIII вв. Однако под седьмым сверху горизонтом уличных наслоений уже не было. Там были обнаружены стены помещения, аналогичного открытым ранее на соседних участках строениям V-VI вв. В засыпке и закладке этого помещения керамика VI в. Таким образом, выясняется, что в отличие от улицы к востоку от храмов, а также от северной и средней широтных улиц, которые были проложены уже в V в., южная улица возникла в результате перепланировки VII в.

Из произведений искусства, найденных в 1998 г., надо отметить, прежде всего, настенные росписи. В завале штукатурки с остатками росписей, упавшей с северной стены восточного двора храма II (объект X), около середины этой стены было найдено несколько фрагментов религиозной композиции на синем фоне, в том числе, часть головы богини Наны с короной и нимбом, ее рука, держащая эмблему луны или солнца, часть женской фигуры в длинных одеждах и т.д. К западу от этих обломков находились фрагменты батальной композиции на красном фоне. Дата росписей около 700 г.

В целом, отчетный сезон существенно увеличил наши знания по ремеслу, архитектуре и религии Согда.

1999

Работы проводились на шахристане: во внешнем дворе храма II, на южной широтной улице и на участке южнее нее (объект XXV), в жилище VII-VIII вв. к северу от этой улицы (объект XXIII), а также в примыкающих к восточной городской стене жилых домах (объекты XXVI, XXVI – север).

Во внешнем дворе храма II расчищен небольшой участок завала мелких обломков штукатурки с росписями на синем фоне начала VIII в. Среди них фрагмент изображения замка с балконом и обломки со складками голубого одеяния, возможно, часть изображения богини Наны. Судя по архитектурному мотиву, росписи южной стены по тематике были схожи с живописью восточной и северной стен – сценами битв у подножия замков с участием богини Наны, отличаясь, в основном, цветом фона: синего, а не красного. Неподалеку от остатков двух деревьев, открытых в 1997 г., обнаружены пень и корни третьего. Таким образом, выяснилось, что в северо-восточном и юго-восточном углах двора было посажено по три арчевых дерева.

В северном пилоне центрального портика западной ограды двора обнаружен сквозной проход начала VII в. (?) с ложным сводом, украшенным

орнаментальной росписью. В южном пилоне была разобрана кладка одной из ремонтных стен и на стенах четвертого строительного периода (VI в.?) открыта живопись, украшавшая южный портик. Над орнаментальным фризом в виде "гармоники" с полосой желтых кружков над ней было обнаружено изображение какого-то сооружения, подиума (?), стоявшего в нем, и какой-то завесы с пышными складками.

На объекте XXIII раскопаны: сводчатое помещение, лестница, лавочка с выходом в переулочек, кладовая с хумами конца VII-первой четверти VIII вв.

Из находок интересны вкопанный в пол хум, наполненный ячменем, и пластины от доспехов. На объекте XXV расчищены 6 слоев улицы VII-VIII вв. и два небольших помещения к югу от улицы.

На объекте XXVI был доследован зал второго этажа (помещение 3), раскопанный в 1972 г. Росписи зала выполнены около 740 г. В 1999 г. обнаружены крупные обломки западной стены, просевшей при разрушении сводов двух помещений первого этажа, находившихся под залом. Из них уцелели фрагментированные фигуры танцоров, барабанщиков и актера в маске, несущего на спине бутафорский кузов колесницы с позолоченной, видимо, деревянной статуей божества. Декор кузова – человеческие изображения под аркадой. В этой сцене есть и другие мотивы: свисающий конец каната гимнаста или канатоходца и человек с фигуркой лежащего оседланного горного барана (или козерога) в руках.

На том же объекте под стенами здания VII-VIII вв. обнаружена платформа – останец снесенного здания V-VI вв., причем одна из стен этого раннего здания уходит в толщу восточной внешней городской стены.

На соседнем объекте XXVI-север в основном завершено исследование аристократического жилища конца VII-начала VIII вв., которое после частичного разрушения было разделено на два дома около 740 г. Полностью изучен южный поздний дом, в котором после раздела жизнь продолжалась недолго, к 760-м гг. там уже не жили. Надо отметить следы росписей в двухколонном привходном портике аристократического жилища.

Сезон дал новые материалы для изучения храма, жилищ, уличной сети и городских укреплений. Наиболее интересные данные получены по истории согдийского театра и музыки.

Основные публикации, в которых отражены материалы, полученные при раскопках городища древнего Пенджикента в 1986-1999 гг.:

1. 50 лет раскопок древнего Пенджикента. Тезисы докладов научной конференции (15-20 августа 1997 год). Отв. редактор Б.И.Маршак. Пенджикент, 1997 (77 стр.).
2. Абдуллоев Д. "Среднеазиатская археология в РАИМК-ГАИМК-ИИМК". Традиции российской археологии. СПб, 1996: 40-43.
3. Абдуллоев Д. "К структуре тронных залов дворцов правителей Мавераннахра" КСИА 1990, № 199: 28-30.
4. Абдуллоев Д. "Двор в структуре городского жилища Средней Азии периода античности, раннего и развитого средневековья". Мерв в древней и средневековой истории Востока, 2, Ашхабад, 1991: 42-43.
5. Абдуллоев Д. "Согдийское наследие в культуре халифата". КСИА, 1992, № 209: 41-44.
6. Маршак Б.И. "Неувядаемая слава древнего Пенджикента." – Мероси ниёгон (Наследие предков), 1998, 3: 89-91.
7. Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. (Историко-художественное и лабораторное исследование). Санкт-Петербург, "Формика", 1999 (на русском и английском языках, 79 с.).
8. Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1998 году. Лившиц В.А. "Созданный Огнем и Благой Мыслью" в согдийской надписи из Пенджикента. (Материалы Пенджикентской археологической экспедиции, Вып. I). Санкт-Петербург, 1999 (51 стр. текста +70 илл.).
9. Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. "Новые исследования согдийской культуры в Пенджикенте". Археологические вести, № 2, Санкт-Петербург, 1993:91-102.
10. Распопова В.И. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л., "Наука", 1990 (208 с.+ вкладка).
11. Распопова В.И. Раннесредневековый согдийский город (по материалам Пенджикента). Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. в форме научного доклада. Санкт-Петербург, 1993 (70 с.).
12. Распопова В.И. Металлические изделия из Пенджикента (находки 1971-1998 гг.). Санкт-Петербург, "Формика", 1999 (60 с.+ 43 илл.).
13. Саввониди Н.Ф. "Виноградодавьлини близ древнего Пенджикента". Информационный бюллетень МАИКЦА, вып. 17, М., 1990: 53-60.

14. Саввониди Н.Ф. "Керамика IX-X вв. древнего Пенджикента". Сборник статей молодых ученых ЛО ИА АН СССР, вып. 3, Санкт-Петербург, 1991: 77-86.
15. Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V-VIII веков. Санкт-Петербург (225 с.).
16. Шкода В.Г. "Согдийские храмы и погребальный обряд". Древние памятники культуры на территории СССР. Санкт-Петербург, 1991: 60-68.
17. Шкода В.Г. "Varasnum-gah в Пенджикенте". Памятники старины, концепции, открытия, версии. Памяти В.Д. Белецкого. Санкт-Петербург – Псков, т. II, 1997: 387-389.
18. Marshak B.I. "Sogdian Art". *New History of World Art*, Shogakukan, 1999, vol. 15: 207-218, 386-395 (In Japanese).
19. Marshak B.I. "L'art Sogdien (IVe au IXe siècle)". In: *Les arts de l'Asie Centrall*. P.Chuvin editor. Paris, 1999: 114-163.
20. Marshak B.I. "Les fouilles de Pendjikent", *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, J-M, 1990:286-313.
21. Grenet F., Marshak B.I. "Le mythe de Nana dans l'art de la Sogdiane", *Arts Asiatiques*, t.53-1998:5-18.
22. Marshak B.I., Raspopova V.I. "Cultes communautaires et cultes privés en Sogdiane". In: *Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique*. Paris, CNRS, 1991:187-195.
23. Marshak B.I., Raspopova V.I. "A Hunting Scene from Panjikent". *Bull. of the Asia Institute*, vol. 4, 1990: 77-94
24. Marshak B.I., Raspopova V.I. "Wall Painting from a House with a Granary. Panjikent, 1st Quarter of the Eighth Century AD". *Silk Road Art and Archaeology*, vol. I, 1990: 123-176.
25. Marshak B.I., Raspopova V.I. "Buddha Icon from Panjikent". *Silk Road Art and Archaeology*, vol. 5, 1997 / 98: 297-305.
26. Marshak B.I., Raspopova V.I. "Research of Sogdian Civilization in Penjikent, Tajikistan". *New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 1994: 79-82.
27. Škoda V.G. "Ein Šiva-Heiligtum in Pendžikent". *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*, Bd. 25, 1992: 319-327.

ОТЧЕТ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАМЯТНИКОВ ДОЛИНЫ ДЖАУШАНГОЗ В 1990, 1992, 1993, 1996 ГОДАХ И ОБОБЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДЫДУЩИХ ЛЕТ

Долина р. Джаушангоз (левая составляющая р. Шахдары) представляет особый интерес в истории освоения и заселения территории ГБАО, так как по природно-климатическим условиям является переходной зоной между земледельческими районами Западного Памира и скотоводческим Восточным Памиром ². Высотная отметка метеостанции в поселке Джаушангоз – 3410 м. Административная принадлежность – Рошткалинский район.

Древние памятники, известные здесь в настоящее время, представлены стоянкой каменного века, могильниками, поселением и крепостными сооружениями. Первоначально, начиная с конца XIX в., интерес к ним со стороны исследователей и путешественников складывался односторонне, т.е. внимание привлекала крепость Джаушангоз, расположенная в нижней части долины. Впервые на нее обратил внимание военный инженер Серебренников в 1894 г. В его отчете содержатся краткие сведения о ней (Серебренников, 1896, с.23). Позже А.Стейн (востоковед, историк-географ), заинтересовался долиной р. Джаушангоз как важным участком трассы для торговых караванов, идущих с Восточного Памира в Шугнан и обратно. Он же высказал предположение, что крепость Джаушангоз упомянута буддийским паломником Джармаганда, посетившим Шугнан в 741 г. (Stein, 1928, p.882)

Целенаправленное археологическое изучение памятников Западного Памира начинается с момента работ экспедиции А.Н. Бернштама в 1947 г. В числе крепостей, защищавших верховья р. Шахдары, он называет и крепость Яушан-кози (Джаушангоз), но без описания. Она только включена в составленную им карту археологических памятников Памира и Алая (Бернштам, 1952, с.281, карта). В этой же связи упоминает ее А.Н. Зелинский, публикуя материалы о крепостях Памира (Зелинский, 1964, с.122). В рукописном тексте его диссертации есть краткое описание крепости. Прямоугольная в плане, она поставлена на каменное основание. Размер

² Названия Западный и Восточный Памир использованы для выделения двух районов, различных по природно-ландшафтным характеристикам.

сырцового кирпича 47 x 27 x 8 см. Подъемной керамики нет. Использовалась местными жителями во второй половине XIX в. (Зелинский, 1961, с.82). Более подробно, но тоже не достаточно полно, описывает её А.Д. Бабаев, проводивший обследование в 1960 г. (Бабаев, 1962, с.59, рис. 3,4). В отличие от А.Н. Зелинского, он упоминает наружную оборонительную стену, защищавшую подступы к крепости со стороны долины р. Шахдары. Им впервые опубликован план крепости вместе с наружными оборонительными стенами. К сожалению, масштаб, в котором выполнен план и качество печати, не дают возможности судить о планировке крепости. От датировки А.Д. Бабаев воздержался, сославшись на отсутствие находок (раскопки не производились).

Исследование могильников началось с 1971 г. Три из них: Южбок (Южбок I), Южбок II и Южбок III (Южбок II)³ открыты и исследованы А.Д. Бабаевым (1971-1975 гг.).

Согласно данным А.Д. Бабаева, название могильники получили от р. Южбок (правый приток р. Шахдары), на правом берегу которой они расположены (Бабаев, 1975, с.39; 1980, с.75; 1989, с.9; 1989а, с.26, 28). Соответственно эти данные использованы Т.П. Кияткиной при публикации антропологического материала из могильника Южбок (Кияткина, 1984, с.135). В действительности, в долине р. Джаушангоз нет реки с таким названием, так же как и нет притока у р. Шахдары. Под названием Юрбох (медведь) известна гора, расположенная на левом берегу р. Шахдары ниже слияния рек Джаушангоз и Дузахдары. Все исследованные А.Д.Бабаевым могильники расположены на правом берегу р. Джаушангоз. Отметим, что впервые в литературе они появились именно под названием Джаушангоз I и Джаушангоз II (Литвинский, 1972, карта). Как они соотносятся с исследованиями А.Д. Бабаева, можно только предположить из-за отсутствия описания, что это соответственно Южбок (Южбок I) и Южбок II.

Публикации материалов исследованных могильников более чем скудные, практически без документации и ограничены сведениями о двух могильниках Южбок (Южбок I) и Южбок III (Южбок II) (Бабаев, 1975, 1980, 1988, 1989а). Данные о могильнике Южбок II есть только в рукописи докторской диссертации (Бабаев, 1989а).

Датировка могильников пережила изменения в процессе анализа материалов. Без изменения осталась датировка могильника Южбок III (Южбок II) – эпоха поздней бронзы (Бабаев, 1980, 1989, с.9). Могильник Южбок (Южбок I) первоначально датирован позднесакским временем или III-II вв. до н.э. (Бабаев, 1975, с.41). В поздних публикациях Южбок (Южбок

³ Нумерация могильников менялась. В тексте дается нумерация по публикации 1989 г. (Бабаев, 1989, с.9), в скобках первоначальная (Бабаев, 1980 и примеч . на с.75)

I) и Южбок II получили другую датировку и были отнесены к поздней бронзе (Бабаев, 1988, 1989, с.9).

Во второй половине 80-х годов были проведены стратиграфические исследования голоценовых отложений на террасах в бассейне р. Джаушангоз. Результаты таковы: "Древний раннеголоценовый этап зафиксирован в осадках третьей надпойменной террасы высотой от 2,2 до 7-8 м, имеющей двучленное строение. Нижняя часть террасы сложена грубой русловой фацией (галечниками и валунными галечниками), верхняя – тонкообломочной пойменной фацией (гравийной супесью с прослойками алевритов). Из пойменных осадков получены следующие радиоуглеродные датировки. На глубине 3,5 м по древесным углям определена дата 7980 ± 100 лет. В разрезе 19 получены две даты: с глубины 3,6 м – 9660 ± 250 лет, с глубины 4 м – 9400 ± 60 лет. В первом горизонте наряду с обугленной древесиной собраны отщепы эпохи мезолита, которые при отсутствии типоморфных форм имеют большую микролитизацию, проявляющуюся в общих для Памира чертах на заключительных этапах каменного века (V-III тыс. лет до н.э.). Более ранний возраст исключить нельзя" (Ломов, Кошкина, Сусликов, 1990, с.119). Заключение по характеристике каменных орудий авторы получили от В.А. Ранова. Как сообщил автору статьи В.Н. Сусликов, в коллекции каменных орудий были орудия, изготовленные из горного хрусталя. Среди находок каменных орудий на стоянках каменного века на Восточном Памире, где они в основном сосредоточены, известны орудия, изготовленные из горного хрусталя. Для стоянки в долине р. Джаушангоз были собственные источники горного хрусталя. Он достаточно часто встречается на южных склонах Шахдаринского хребта (Бубнова, 1996, с.18).

Интересно отметить, что в результате палинологического анализа, проведенного для разреза 19, установлено, что в древнем и раннем голоцене в долине Джаушангоз происходило расширение лесной растительности: березы, лоха, вяза (15-20%), представителей тугайной флоры. Из трав преобладали полынные, сложноцветные и разнотравье, т.е. представители растительности современных ландшафтов. Для завершающей фазы раннего голоцена, из древесных отмечается присутствие арчи, березы и ясеня, а из кустарников и травянистых – снижение доли полынных, по сравнению с предыдущей фазой (Ломов, Кошкина, Сусликов, 1990, с.123).

С 1989 г. возобновляются археологические исследования в долине р. Джаушангоз. Их проводил Памирский археологический отряд Южно-Таджикской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша АН Таджикской ССР под руководством автора, эти работы продолжались и в 1990 году; в 1992 г. уже Памирским археологическим отрядом того же института, но в системе Академии наук Республики Таджикистан. Они были связаны с доисследованием ряда древних памятников в связи с подготовкой к изданию "Археологической карты

Горно-Бадахшанской автономной области". В долине р. Джаушангоз необходимо было выяснить конструкции наземных погребальных сооружений, погребальный обряд с соответствующей документацией, снять планы могильников, крепости Деруж (Джаушангоз), провести более детальное обследование долины в верхней части. Параллельно проводилась разведка в долине р. Дузахдара. Получены новые материалы, которые вошли в "Археологическую карту Горно-Бадахшанской автономной области. Западный Памир" ⁴ (Бубнова, 1997, с.131-136). К сожалению 1992 г. был последним полевым сезоном Памирского археологического отряда, финансируемый институтом.

В 1993 г. студенты кафедры "Всеобщей истории" Хорогского государственного университета проводили археологическую практику в долине р. Джаушангоз. В могильнике Джаушангоз IV (Южбок (Южбок I)) они раскопали погребальное сооружение № 12, но без соответствующей документации (был составлен только схематичный план).

В 1996 г. проводилось обследование долины р. Джаушангоз благодаря финансированию неправительственной Международной американской экологической организации ISAR / USAID по программе "Семена демократии". Был получен грант для реализации проекта "Памир-96", который является частью большой программы "Охрана природно-культурных заповедников Памира". Цель программы – привлечь школьников старших классов и студентов к охране памятников культуры, создавая на их базе микрозаповедники. Программа "Памир-96" была посвящена летней учебно-образовательной практике студентов Хорогского государственного университета и школьников старших классов Рошткалинского района. Для практики был выбран Рошткалинский район, который привлек внимание тем, что долина р. Джаушангоз сама по себе является прекрасным образцом естественного природно-культурного заповедника. Кроме знакомства с древними памятниками и их природным окружением (Бубнова, 1966, с.59-64), на территории могильника Джаушангоз IV (Южбок (Южбок I)) раскопано три погребения (доисследовано погребение № 12 (раскопки 1993 г.) и №7,21. Снят план могильника Джаушангоз V (рис. 1) и Джаушангоз VIII (рис. 15).

В 1992 г. при раскопках погребальных сооружений, впервые, среди сопровождающего инвентаря был найден железный предмет – пряжка (бляшка) (погребение № 1). Эта находка уже тогда ставила под сомнение датировку могильника Джаушангоз IV (Южбок (Южбок I)) эпохой поздней бронзы. К пересмотру датировки стало возможным приступить после находки

⁴ В археологическую карту все могильники вошли под названием Джаушангоз. В скобках дается старое название. Крепость Джаушангоз у местного населения известна под названием Деруж.

студентами в 1993 г. (погребение № 12) железного копья и ножа ⁵.

В связи с тем, что материалы могильника Джаушангоз IV (Южбок (Южбок I)), как уже отмечалось выше, опубликованы в незначительном объеме, а материалы полученные с 1989 г. вообще не опубликованы, ниже даётся характеристика могильника Джаушангоз IV (Южбок, (Южбок I)), учитывающая все материалы, имеющиеся в нашем распоряжении. Характеристика наземных погребальных сооружений дается на основе раскопок 1990, 1992, 1996 гг., с привлечением материалов А.Д. Бабаева.

Могильник Джаушангоз IV (Южбок, (Южбок I)) расположен на первой надпойменной террасе. Состоит из трех частей. Одна полоса погребений вытянута вдоль подножья водораздельного хребта с запада на восток на 380 м. Через эту часть могильника проходит автодорога в поселок Джаушангоз. Вторая полоса (протяженность около 200 м) тянется с севера на юг. Ее границей с запада, служит вспаханный участок (возможно, что при этом часть погребений была уничтожена), с восточной – заболоченная местность, с юга крепость Деруж (Джаушангоз). Третья группа из трех курганов находится на краю возвышенной части террасы, близко от автодороги. На территории могильника расположено современное кладбище и мазар. В могильнике 42 погребальных сооружения и 7 фигурных выкладок (рис. 1). А.Д. Бабаевым раскопано 17 погребений (на плане соответствуют №№ 9, 17, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 29, 30, 31, 34, 37, 39, 40, 45, 47), нами 7 (№№ 1,7,12,21,23,34,42) и фигурные выкладки (№ 6,11,13,15,16,36,46) (рис.1).

Наземные конструкции представлены следующими типами:

1. Конусовидная земляная насыпь состоит из лесса, песка и мелкого щебня. Под насыпью, кольцевая ограда сложена из камней, положенных в один ряд на глиняном растворе. Западное направление фиксировано в ограде большими камнями, поставленными вертикально, как правило – светлыми. С восточной стороны, большим камнем или двумя, закладывали вход после совершения погребения. К входу вела “дорожка”, соответствующая по ширине закладке входа. Длина дорожки несколько больше или меньше 1 м. По краям ее обрамляют поставленные на ребро небольшие сланцевые плитки, выступающие над поверхностью на 10-15 см. Внутри поверхность “дорожки” замощена небольшими сланцевыми плитками (рис. 2,3,5).

Внутри ограды, в центре, или несколько смещенный, курган конусовидной формы, сложенный из камней.

Размеры ограды: высота насыпи 0,5-1,3 м; диаметр ограды 2,5-9 м; ширина кладки 0,2-0,3 м; высота ограды около 0,4 м, высота внутреннего кургана 0,3-0,4 м, диаметр – 2,5-4,7 м.

⁵ Материалы хранятся в Историко-краеведческом музее г.Хорога

2. Валообразные насыпи, сложенные из лесса, песка и мелкого щебня. Под насыпью ограда сложена из камней, положенных в один ряд на глиняном растворе. Ограда в форме прямоугольника с вогнутыми стенками и в разной степени оттянутыми углами (рис. 6,7,8).

Характерно наличие дополнительных конструкций, особенно с восточной стороны ограды:

а) Дугообразные выкладки из камней, положенные в один ряд ("усы"). При этом к стене ограды, между краями "усов" пристроено нечто вроде сидения: плоский камень, по краям которого в землю вкопано по одному камню, поставленному вертикально, на полу следы зольника (рис. 7,8).

б) "Розетка" из длинных узких камней, вкопанных в землю и выступающих над поверхностью на 15 см. Перед насыпью погребения № 42 (рис. 8) с южной стороны, фиксируя символический вход, поставлены вертикально два больших камня (высота до 1 м).

По типологии, предложенной А.Д. Бабаевым, эта форма наземных конструкций отнесена ко второму типу (Бабаев, 1988, с.72). Он раскопал три подобных ограды.

Вход в ограду находился с восточной стороны, его закладывали после погребения большими камнями, есть закладки у входа с северной стороны. Последнее связано с повторным захоронением, совершенным позже, чем первоначальное (огр. 23, рис. 7).

Одна особенность погребального обряда наблюдалась в ограде № 42 (рис. 8). После совершения погребения внутри ограды был зажжен большой костер. Характер пепла свидетельствует, что земляная насыпь сооружалась тогда, когда он еще не полностью прогорел. Толщина слоя пепла доходит до 25 см.

Вариантом этого типа наземной конструкции – ограда, не закрытая земляной насыпью. Края ограды, за счет земляной подсыпки, образовали откос, поверхность которого была облицована камнями, преимущественно плоскими. Сама ограда представляла прямоугольник с вогнутыми стенками, углы практически не вытянуты, как это наблюдается в оградах под земляной насыпью. Отличается и конструкция стен ограды. Они сложены из камней, положенных в два ряда, а не в один. Внутри ограда засыпана землей и мелкими камнями, сверху заложена темными мелкими камнями, что создавало эффект плоской фигуры повторяющей форму ограды (рис. 9,1).

3. Курган – насыпь сложена из крупных камней, мелкого щебня и песка, округлой или овальной формы. В одном случае, основание насыпи окружено кольцом из крупных валунов. В одном из курганов, с западной стороны могильной ямы небольшой участок, площадью 1 кв. м, выложен плитами, от него в юго-западном и северо-западном направлении отходят каменные разноцветные "усики". На поверхности между ними обнаружены кости овцы, и фрагменты грубой керамики (Бабаев, 1975, кург. 4, с.40-41) и наконечник

копья (Бабаев, 1989а).

4. Выкладка овальной формы сложена из одного ряда валунов. При раскопках обнаружены только отдельные кости барана (рис. 9.1).

Устройство могильной ямы в оградах идентично. Под каменным курганом находилась грунтовая могильная яма, ее сверху перекрывали большими плитами (иногда, опущенными ниже, на глубину 20-25 см). Края обкладывали камнями, в результате получался круг или овал. Так называемые "каменные ящики" – когда стенки могильной ямы внизу обкладывались камнями в один или несколько рядов, а затем перекрывались каменными плитами, зафиксированы только в раскопках А. Д. Бабаева (Бабаев, 1975, 1989а). Поза погребенных в оградах:

1. Вытянут на спине, руки лежат вдоль тела; варианты – пятки ног соединены (огр.12.21). Головой ориентированы на С-В.

2. Слабая скорченность

а) На правом боку, правая нога слабо согнута в колене, левая – сильно и подведена под таз, руки слегка согнуты, вытянуты вперед, кисти касаются колена правой ноги. Головой ориентирован на С-В (огр.7).

б) На левом боку, левая нога слегка согнута в колене, правая почти под прямым углом, в нижней части ноги перекрещены. Левая рука вытянута и касается кистью колена правой ноги. Правая согнута под прямым углом, кисть положена на левую руку ниже локтя. Головой ориентирован на Ю-В (огр. 42).

в) На спине, ноги согнуты в коленях почти под прямым углом, правая слегка выдвинута вперед. Левая рука вытянута, кисть положена на таз. Правая – немного согнута, положена на правую ногу. Головой ориентирован на С-В (огр. 34).

В ограде 23 двухъярусные захоронения. От нижележащего сохранились нижние конечности, лежали *in situ*; верхнее – отдельные кости. В огр. № 1 отдельные кости. По материалам А.Д. Бабаева поза у погребенных:

1. Вытянут на спине, руки лежат вдоль тела, кисти положены на таз (Бабаев, 1975, рис. 13).

2. Слабая скорченность на спине, ноги значительно согнуты в коленях, правая рука слабо согнута, кисть положена на таз, левая согнута в локте под углом и положена на грудь (Бабаев, 1975, рис.14).

3. Сильная скорченность: погребенный лежит на правом боку, головой ориентирован на З с небольшим отклонением к северу. По дну могильной ямы погребенный обложен крупными камнями (рис. 10. 3).

4. Положение на животе "ноги подогнуты в коленях, руки под животом, головой ориентирован на Ю-В" (Бабаев, 1975, с.40). Поза "всадника".

Положение головы одного из погребенных в нише четырехугольной формы, сложенной из камней (рис. 10.2), о чем упоминает А.Д. Бабаев (Бабаев, 1988, рис. 26), выяснить из какого могильника это захоронение не

удалось.

Использование большого поминального огня после погребения как внутри ограды, так и над каменным ящиком свидетельствует о социальной значимости погребенных (Бубнова, 1997б).

Антропологический тип погребенных из 5 курганов (№ 1-5 по нумерации А.Д.Бабаева, два мужских, три женских) принадлежит к европеоидному долихокранному лептодолихоморфному типу (средиземноморский, восточный вариант) (Кияткина, 1984, с.135,138-140)

Находки. Основной погребальный инвентарь составляют: глиняные лепные сосуды – целые и их фрагменты. Сосуды ставили у головы, некоторые закрыты каменными плитками. Характерной особенностью является наличие “ребра” (подкос) на корпусе и орнамент, выполненный пуансоном (рис.11). Бронзовые изделия единичны: черешковый наконечник копья, плоский, ромбовидной формы (Бабаев, 1980; 1984) (рис. 12.В), бронзовая заклепка от починки деревянного сосуда, бусы (рис. 12.Б, 1-7). Изделия из железа: втульчатое копьё с листовидной формой наконечника; однолезвийный нож (рис.4. 1); пряжка (бляшка) с круглым щитком и прямоугольной петлей. Изделия из пасты: бусы (несколько десятков) цилиндрической и цилиндрической двухсторонней сегментированной формы, белого и синего цвета (длина 1-2 см, сечение 0,3 -0,5 см) (Бабаев, 1989а).

Кроме погребальных сооружений, на территории могильника обнаружены плоские выкладки, сложенные из камней (рис. 1, № 6,11,13,15,16,36,46), имитирующие форму оград второго типа. Контур фигур выполнялся небольшими камнями, преимущественно плоскими, темного цвета, также как и внутренние долевые и поперечные линии, разделяющие фигуры на четыре части. В одной из фигур засыпка внутренних частей чередовалась по цветовому фону: одна часть более темного цвета, другая более светлая (рис. 9. 2,3). Сохранность фигур плохая. И с каждым годом ухудшается. Есть фигуры более сложной конфигурации, но воспроизвести их не удастся. Фигуры подобного типа в большом количестве обнаружены в долине р. Шоролу. Они интерпретированы как растянутые шкуры животных. Датированы VI в. до н.э. (Бубнова, 1977).

Ниже, рассмотрим датировку могильника Джаушангоз IV (Южбок (Южбок I))

Наличие железных изделий заставляет исключить датировку могильника эпохой поздней бронзы, предложенную А.Д. Бабаевым (Бабаев, 1988, 1989, с.9). Если железная бляшка не давала возможности выяснить абсолютную датировку, то находка втульчатого копья с наконечником листовидной формы, без ребра (сечение овальное), определяет время захоронения достаточно точно – V-IV в. до н.э. (Смирнов, 1961, с.70, рис. 41). Комплекс находок, обнаруженный вместе с копьем, включает глиняный

круглодонный сосуд с “ребром” на корпусе и широкой горловиной, однолезвийный нож и деревянную рукоятку (рис. 4; см.: Бубнова, 1996, рис. 4; 1998, рис. 53а).

Бронзовое кованое копье с плоским наконечником ромбовидной формы (Бабаев, 1984). Оно могло стать единственным основанием для датировки могильника эпохой поздней бронзы. Первоначально А.Д. Бабаев сразнил его с копьем, найденным в Восточном Казахстане, и датировал поздней бронзой (Бабаев, 1984). Позже, со ссылкой на типологически-хронологическую периодизацию бронзовых наконечников стрел с Переднего Востока, разработанную И.Н. Медвецкой, уточнил датировку копья, определив ее XI в. до н.э., на основании сходства с наконечником, найденным из Эль-Хадра. На наш взгляд, большее сходство копье обнаруживает с наконечником из Мегиддо (в абсолютной хронологии 1350 г. до н.э.). Так же как и наше копье, он имеет длинный черешок и короткое перо, чего не наблюдается в наконечнике из Эль-Хадра. Там, наоборот, обратные пропорции (Медвецкая, 1980, с.24, рис. 1; Бабаев, 1989а). Таким образом, копье оказывается старше, чем время, которым А.Д. Бабаев датировал могильник. Косвенное свидетельство более ранней датировки копья – металл, из которого оно выковано: медь-мышьяк (мышьяк 2,8% по количественному спектральному анализу) (Bubnova, 1997, p.8). Дело в том, что сплав медь-мышьяк один из ранних, который был освоен в эпоху бронзы. В 3 тыс. до н.э он доминировал и только в позднем бронзовом веке был вытеснен сплавом медь-олово (Равич, Рындина, 1984, с.114; Селимханов, 1986, с.9-12). Кроме того, копье изготовлено ковкой, а не литьем. Кованые изделия считаются более древними, чем литые (Кузьмина, 1966, с.42, 86-88; Терехова, 1975, с.16). Нельзя не учитывать и того, что копье не местного производства, для такого сплава на территории Западного и Восточного Памира нет соответствующего сырья (Бубнова, 1991). Возникает вопрос – может ли эпохой поздней бронзы датироваться только одно погребальное сооружение, в котором оно было найдено? Известны факты, когда в могильниках могут быть разновременные погребения. Копье найдено в погребении под курганной насыпью (не совсем ясное описание). Вместе с каменной выкладкой, от которой отходили “усики”, сложенные из разноцветных камней, между которыми лежало копье, были еще фрагменты грубой керамики и кости овцы (Бабаев, 1984, с.104). Нет сомнения, что площадка с “усиками” предназначалась для каких-то ритуальных действий, связанных с погребением, а положенные туда предметы, выполняли роль жертвоприношения, в том числе и копье. Последнее очень символично, так как стрела, по представлениям древних людей, обладала магическими свойствами (Литвинский, 1964, с.147; Акишев, 1984, с.44-47). Бронзовое копье могло происходить из другого места или найдено за пределами могильника и сохранено как амулет-оберег, и использовано в этом качестве

при совершении ритуальных действий при погребении. Поэтому оно не может служить достаточным основанием для датировки могильника, как и самого захоронения.

Керамический комплекс тоже свидетельствует в пользу поздней датировки. В таблице (рис. 11) наряду с сосудами, найденными в могильнике Джаушангоз IV (Южбок, (Южбок I)), специально включены сосуды эпохи бронзы из могильника Джаушангоз III (Южбок III (II)) (Бабаев, 1980). Имеются в виду №№ 1, 2. Между ними нет генетической связи. Для глиняных сосудов, найденных в могильнике Джаушангоз IV, характерно наличие "ребра". Оно, действительно, появляется на посуде эпохи бронзы, но по форме и по месту расположения "ребра" на корпусе, джаушангозская посуда сближается с керамикой 1 тыс. до н.э. (Абдуллаев, 1987; Гутлыев, 1970; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985 (табл. 65, 66, 79, 80, 83, 95, 130); Юсупов, 1972 и др.). Следовательно, первоначальная датировка, предложенная А.Д. Бабаевым – III-II вв. до н.э., была обоснована больше, чем датировка эпохой бронзы. С учетом железного копья и керамического комплекса, Джаушангоз IV (Южбок (Южбок I)) может датироваться V-III (II) вв. до н.э. Уточнения возможны в пределах 1 тыс. до н.э., но не удревнение памятника.

Могильник Джаушангоз V (Южбок II) расположен на правом берегу р. Джаушангоз, на второй надпойменной террасе. Описание дается по материалам диссертации А.Д.Бабаева (Бабаев, 1989а), с уточнениями автора (рис. 1).

В могильнике 9 погребений, раскопано 8.

Два типа наземных конструкций:

1. Фигурные ограды

2. Курганные насыпи, сложенные из камней, песка и щебня. Как вариант – наверху кургана положено четыре крупных круглых камня.

В фигурной ограде грунтовая могильная яма перекрыта каменными плитами. Поза погребенных:

а) Средняя скорченность: на спине, ноги подогнуты и подведены под таз. Руки вытянуты вдоль тела, кисти касаются фаланг пальцев ног. Головой ориентирован на С-В.

б) Слабая скорченность: на левом боку, ноги слегка согнуты в коленях, руки согнуты в локтях и положены на живот. Головой ориентирован на В.

Под курганной насыпью грунтовая могильная яма перекрыта каменными плитами. Отмечен один каменный ящик

а) Средняя скорченность: ноги согнуты и подведены под таз, руки согнуты (положение?). Головой ориентированы на З, В.

б) Слабая скорченность: ноги слегка согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль тела. Вариант – ноги согнуты больше, руки слегка согнуты в локтях и опущены вниз. Головой ориентированы на В, Ю-В.

В одном захоронении погребенный лежал в “ящике” – на дне могильной ямы, он был окружен камнями, положенными в один ряд.

Находки. Глиняные лепные сосуды: круглодонный, дно слегка заострено в нижней части, стенки прямые, венчик слегка отогнут внутрь, место перехода тулова ко дну имеет четко выраженный перегиб (ребро). Сосуды изготовлены из глины с примесью песка и дресвы, обжиг неравномерный.

Бронзовые изделия: бляшка в виде плоской широкой пластины, согнута по середине, к изгибу прикреплен кожаный ремешок, на который были нанизаны 8 колечек овальной формы; “булавка” с петлевидным отверстием; колечки овальной формы (несколько).

Пастовые бусы – три, цилиндрической формы, белого и черного цвета.

Сердоликовые бусы, красноватого и желтоватого цвета. Одна цилиндрической формы, две – эллипсоидально-сегментированной формы, одна – шаровидная, двусторонне сегментированная.

Могильник может быть датирован тем же временем, что и Джаушангоз IV.

В процессе археологических исследований в долине Джаушангоз, кроме описанных могильников, проводились раскопки на поселении Джаушангоз VI (рис. 1). Вскрыто два небольших помещения прямоугольной формы, вход расположен с северной стороны (ширина 30 см). Стены сложены из камня на глиняном растворе. Площадь помещений около 2 кв. м. Среди находок – фрагменты глиняных лепных сосудов: венчики (3), донца (2) и стенки (12). Сравнение с керамическими комплексами из могильника Джаушангоз IV дает основание датировать поселение концом 1 тыс. до н.э. – началом 1 тыс. н.э. (рис. 13). Необходимы дополнительные раскопки.

Снят детальный план раннесредневековой крепости Деруж (Джаушангоз). Производились зачистки кладки стен, двора (рис. 14). Жилой дом, который находился внутри крепости, в настоящее время разрушен. Пастухи загоняют внутрь скот, когда перегоняют отары на пастбища. Все это стимулирует разрушение крепости. Автор провел осмотр ее в 2000 г. и убедился, что башни по сравнению с 1996 г., находятся в аварийном состоянии.

В 3 км выше могильника Джаушангоз IV, расположен могильник Джаушангоз VIII (рис. 15). Его отличительной особенностью является, наряду с погребениями под валообразной насыпью (фигурные отряды), большое разнообразие форм наземной конструкции (рис. 15). Отмечены следы раскопок, но кем производились, установить не удалось. Чтобы наглядно представить разнообразие наземных конструкций в описанных могильниках, составлена сводная таблица (рис. 16).

В заключение, хочу отметить один момент, связанный с погребениями в фигурных оградах. Кроме указанных могильников, они известны на

Западном Памире – могильник Дарай-Абхарв I (Ишкашимский район) и в могильнике Гунт II (Мургабский район). И в том, и в другом случае погребения единичны (соответственно два и одно).

На Восточном Памире, среди могильников сакского времени захоронений в таких оградах нет. Известны две фигурные выкладки. Одна, обнаружена в долине Истык (сведения получены от Ю.А.Заднепровского). По контуру она совпадает с известными фигурами в долине р. Шоролю и в могильнике Джаушангоз IV, но не имеет внутреннего деления на сектора и двуцветных засыпок. Вторая, обнаружена в могильнике Харгуш VII (все погребения – кенотафы). Выкладка дублирует ограду № 1 в могильнике Джаушангоз IV.

На вопрос, какое население оставило могильники в долине р. Джаушангоз, можно ответить однозначно – автохтонное население Западного Памира. В свое время это положение было высказано А.Д.Бабаевым, но он говорил об эпохе поздней бронзы (Бабаев, 1988; 1989).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев А. Памятники раннего железного века в Пянджском районе // Прошлое Средней Азии (Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). – Душанбе, 1987. – С.38-44.
2. Акишев А.А. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984.
3. Бабаев А.Д. Археологические разведки на Западном Памире в 1960 г. // Археологические работы в Таджикистане (1960 г.). – Вып.8. – С.55-68. – (Тр. АН ТаджССР. Ин-т истории) – т. 34.
4. Бабаев А.Д. Бронзовый наконечник копья из могильника Южбок (Западный Памир) // Памироведение. – Душанбе, 1984. – Вып.1. – С.104-106.
5. Бабаев А.Д. Историко-археологический очерк Западного Памира: Автореф. Дис. д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1989.
6. Бабаев А.Д. Историко-археологический очерк Западного Памира: Рукопись докт. дисс. – Душанбе, 1989а.
7. Бабаев А.Д. Могильник Южбок на Западном Памире // Успехи Среднеазиатской археологии. – Л., 1975. – Вып.3. – с.39-42.
8. Бабаев А.Д. Могильник Южбок II – памятник эпохи бронзы на Западном Памире // Археологические работы в Таджикистане (1975 г.). – Душанбе, 1980. – Вып.15. – с.75-87.
9. Бабаев А.Д. Могильники Западного Памира эпохи бронзы и их связь с религиозными верованиями местных племен // Информационный бюллетень / Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. – М., 1988. – Вып.15. – с.70-84.
10. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального

Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.-Л., 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 25).

11. Бубнова М.А. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир. Душанбе, 1997. (Археологическая карта Таджикистана)

12. Бубнова М.А. Древние памятники Горно-Бадахшанской автономной области. Западный Памир (II тыс. до н.э. – начало XX в.) – Душанбе, 1998.

13. Бубнова М.А. Кадастр древних рудников Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. – Душанбе, 1991.

14. Бубнова М.А. Культ овцы и цветовая символика в верованиях древних памирцев (по археологическим источникам) // Изучение древнего Ирана и Авесты. – Нидерланды – Париж, 1997а – Т.2 – с.611-621 (Второй Междунар. конгр. индо-иранской цивилизации). (на Фарси).

15. Бубнова М.А. От культа огня к храмам огня // Изучение древнего Ирана и Авесты. – Нидерланды – Париж, 1997б – Т.1. – С.165-196. – (Второй Междунар. конгр. индо-иранской цивилизации) (на Фарси).

16. Бубнова М.А. Охрана природно-культурных заповедников долины Шахдары (Западный Памир): Пособие для школьников, студентов, а также для преподавателей школ и вузов. – Душанбе, 1996. – (Программа “Семена демократии”)

17. Bubnova M. Ancient and medieval copper – based alloys according to the Data on the Pamirs // International Symposium on Archaeometallurgy in Central and Western Asia, 19-24 April, 1997. – Teheran. – p.8-9.

18. Гутлыев Г. Работы на поселении раннежелезного века Яссы-депе у Баба-Джурмаза // Каракумские древности. – Ашхабад, 1970. – Вып.3. – С.64-71.

19. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – (Археология СССР).

20. Зелинский А.Н. Древние крепости на Памире // Страны и народы Востока. – М., 1964. – Вып.3. – с.120-141.

21. Зелинский А.Н. Древние пути Памира. – Рукопись канд....дис. – М., 1961.

22. Кияткина Т.П. Краниологические материалы Западного Памира // Памироведение. – Душанбе, 1984. – Вып.1. – с.135-144.

23. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – М., 1966. – (Археология СССР. Свод археологических источников; 134-9).

24. Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. – М., 1972.

25. Литвинский Б.А. Таджикистан и Индия: Примеры древних связей и контактов // Индия в древности. – М., 1964. – с.143-155.

26. Ломов С.П., Кашкина А.А., Сусликов В.Н. О почвообразовании на Памире в голоцене // Почвоведение. – 1990. – № 3. – с.119-124.

27. Медвецкая И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего

Востока и Евразийских степей 2 – первой половины 1 тыс. до н.э. // Советская археология. – 1980. – № 4. – с.23-54.

28. Равич И.Г., Рындина Н.В. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь-мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. – М., 1984. – с.114-124.

29. Селимханов И.Р. Древнейший металл Азербайджана. – Баку, 1986.

30. Серебренников А.Г. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1895 – Вып.70. – с.1-52.

31. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М., 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 101).

32. Терехова Н.Н. История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении: Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1975.

33. Юсупов Х. Археологические работы в предгорьях северо-западного Копет-Дага и между Сарыкамышем и Кызыл-Аратом // Каракумские древности. – Ашхабад, 1972. – Вып.4. – с.122-142.

34. Stein A. Innermost Asia. – Oxford, 1928 – vol.2.

35. The XI th Century Miners Town of Bazar-Dara (The East Pamirs): Planning and Structure // Islamic Art Resources in Central Asia and Eastern and Central Europe: Proceeding f the Fifth International Seminar for Islamic Art Architecture Al Al-Bayt University – Mafraq 19-24 April 1996. – A Publication of Al-Bayt University, 2000. – P. 27-38.

СПИСОК РИСУНКОВ

Рис. 1. Карта размещения могильников Джаушангоз III-V, крепости Деруж. Условные обозначения: 1. Погребения в прямоугольной ограде (не раскопаны); 2. Погребения в прямоугольной ограде (раскопаны); 3. Погребения не раскопаны; 4. Погребения раскопаны (кольцевые ограды и курганы); 5. Кольцевая выкладка; 6. Погребение с прямоугольной наземной конструкцией (не раскопано); 7. Фигурные выкладки из камня; 8. Сторожевая башня; 9. Поселение Джаушангоз (раскопано); 10. Поселение не раскопано; 11. Мазар; 12. Горячие источники; 13. Заболоченная местность; 14. Автодорога.

Рис. 2. Могильник Джаушангоз IV. Кольцевая ограда № 7. Планы, разрез.

Рис. 3. Могильник Джаушангоз IV. Кольцевая ограда № 12. План, разрез.

Рис. 4. Могильник Джаушангоз IV. Кольцевая ограда № 12: 1 -

железный втульчатый листовидный наконечник копья; 2 – железный ной; 3 – деревянная рукоятка ножа; 4 – глиняный лепной горшок.

Рис. 5. Могильник Джаушангоз IV. Кольцевая ограда № 34. зрезы. Планы, разрезы.

Рис. 6. Могильник Джаушангоз IV. Фигурная ограда № 21. Планы, разрезы.

Рис. 7. Могильник Джаушангоз IV. Фигурная ограда № 23. Планы, разрезы.

Рис. 8. Могильник Джаушангоз IV. Фигурная ограда № 42. Планы, разрезы.

Рис. 9. Могильник Джаушангоз IV: 1 – фигурная ограда № 1; 2,3 – фигурные выкладки №13, № 46; 4 – выкладка овальной формы № 2.

Рис.10. Положение погребенных в могильниках Южбок. (по материалам А.Д.Бабаева)

Рис. 11. Могильник Джаушангоз IV. Типологическая классификация керамики : I –горшки широкогорлые, II – горшки узкогорлые, III– миски.

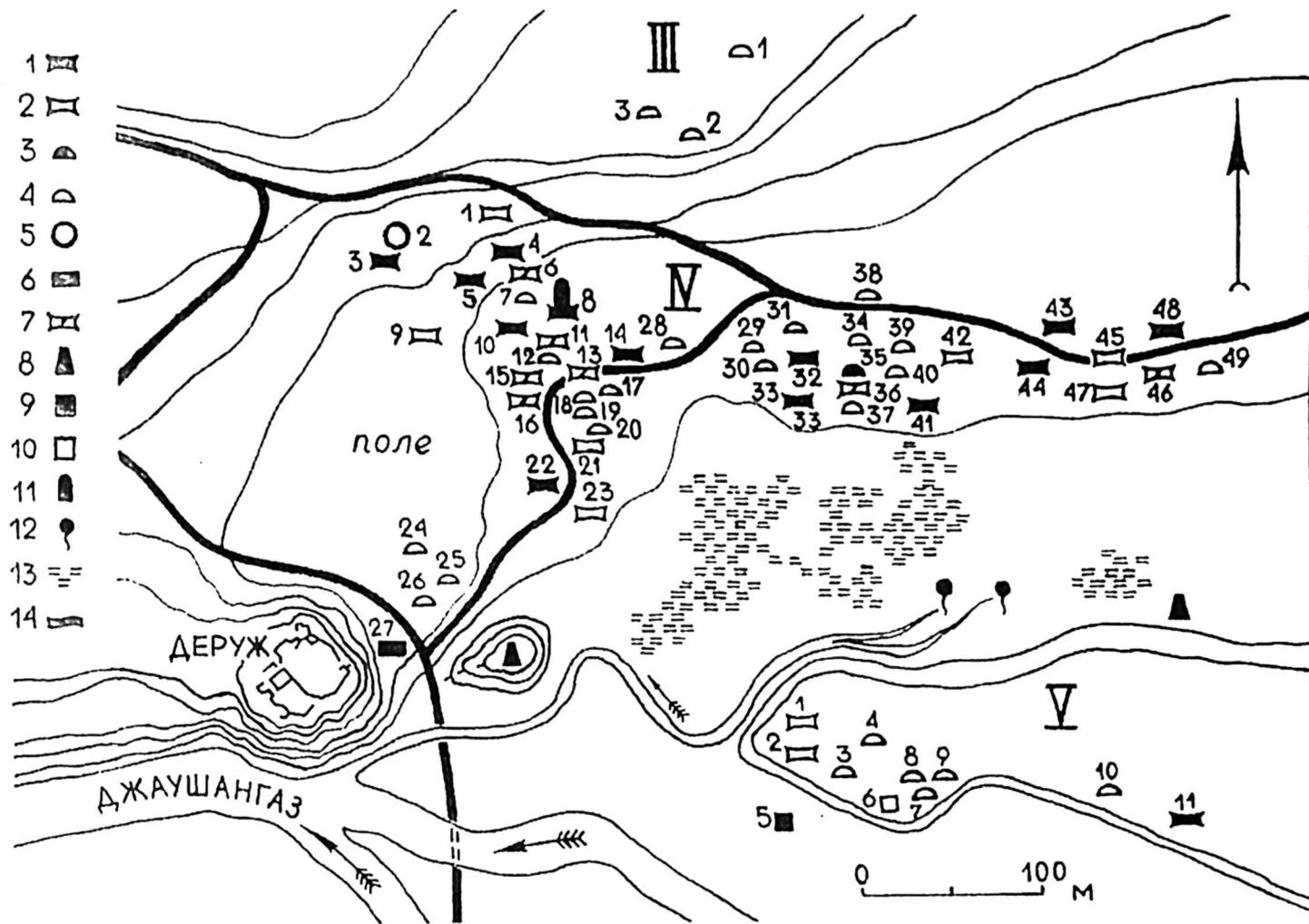
Рис. 12. Могильник Джаушангоз III: план курганной насыпи – 1; Джаушангоз IV: бронзовые колечки – 1-7, бронзовый наконечник копья – 8.

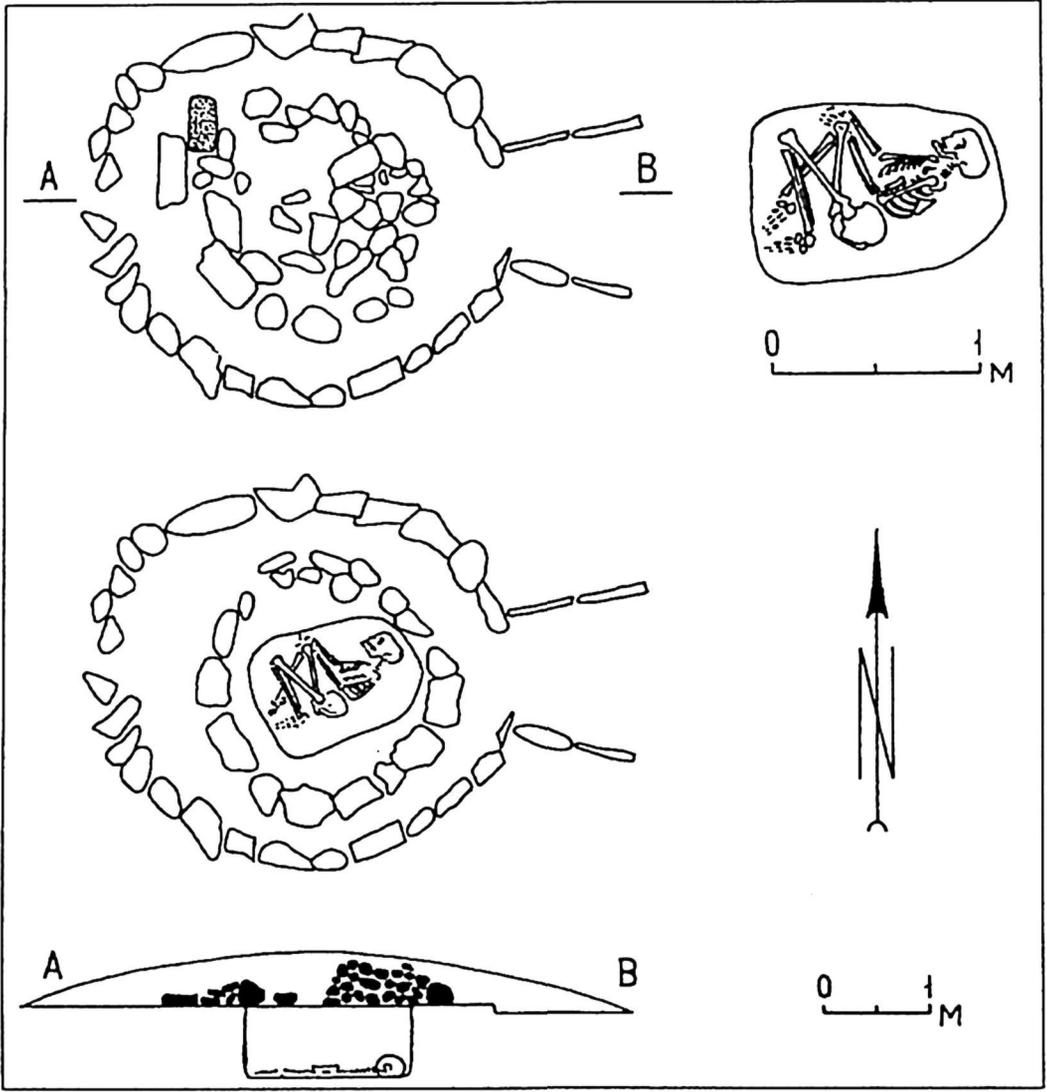
Рис. 13. Поселение Джаушангоз VI: 1 – план помещения № 2 с зольником; 2 – план поселения.

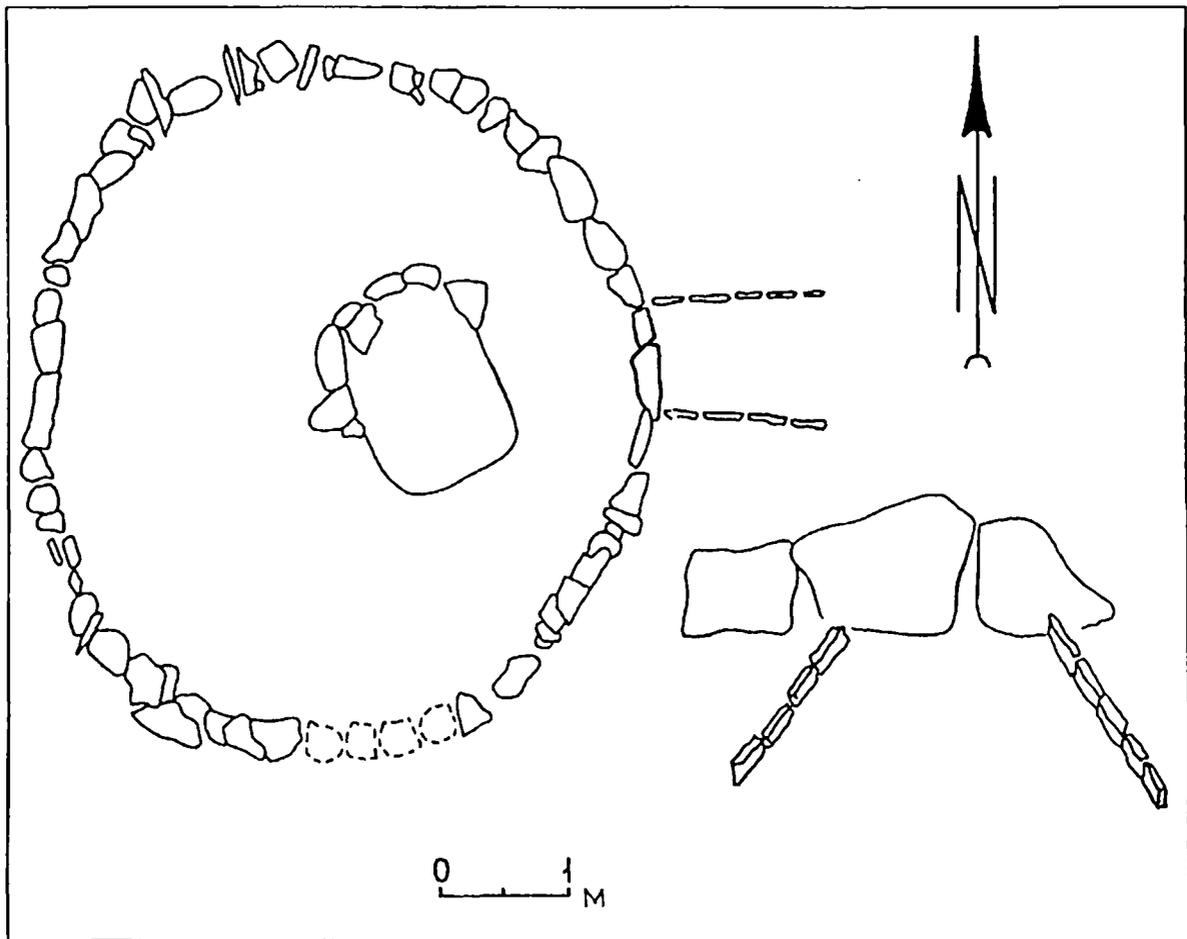
Рис. 14. Крепость Деруж (Джаушангоз): 1 – план; 2 – общий вид.

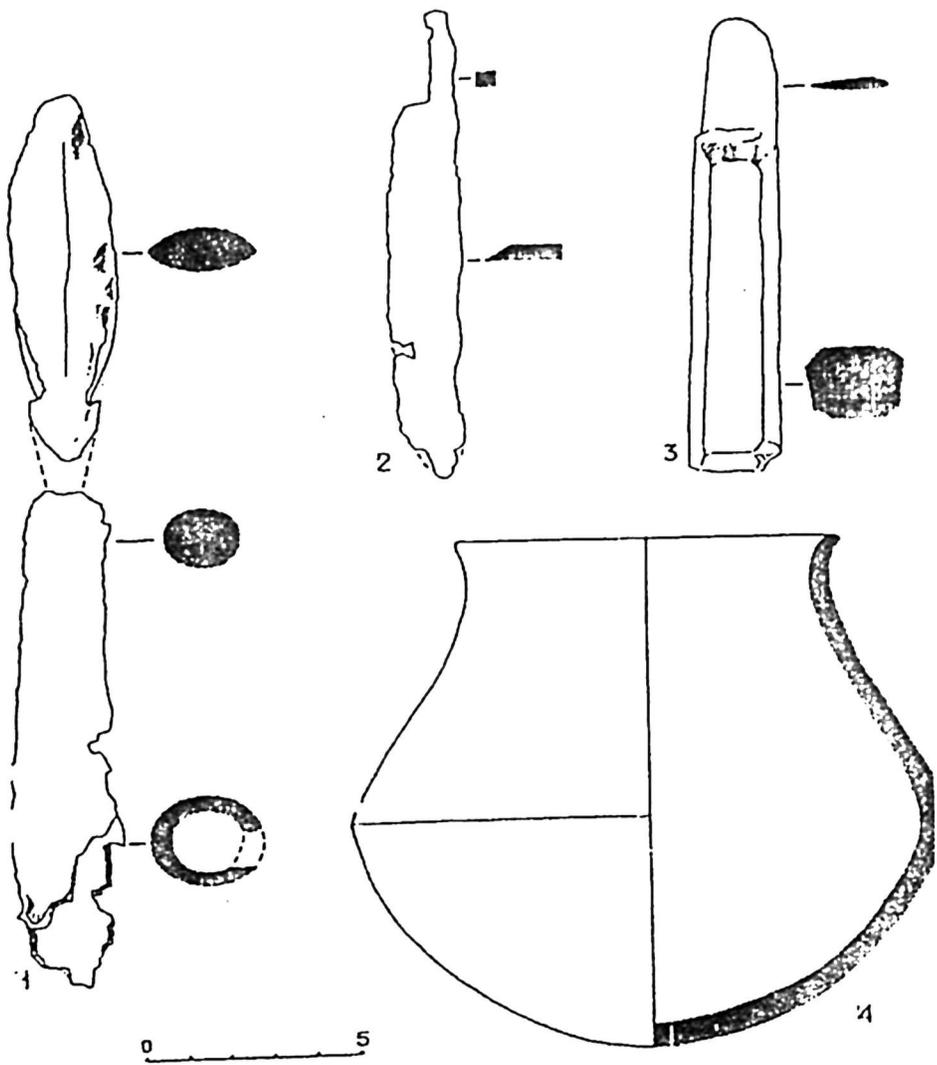
Рис. 15. Могильник Джаушангоз VIII: план.

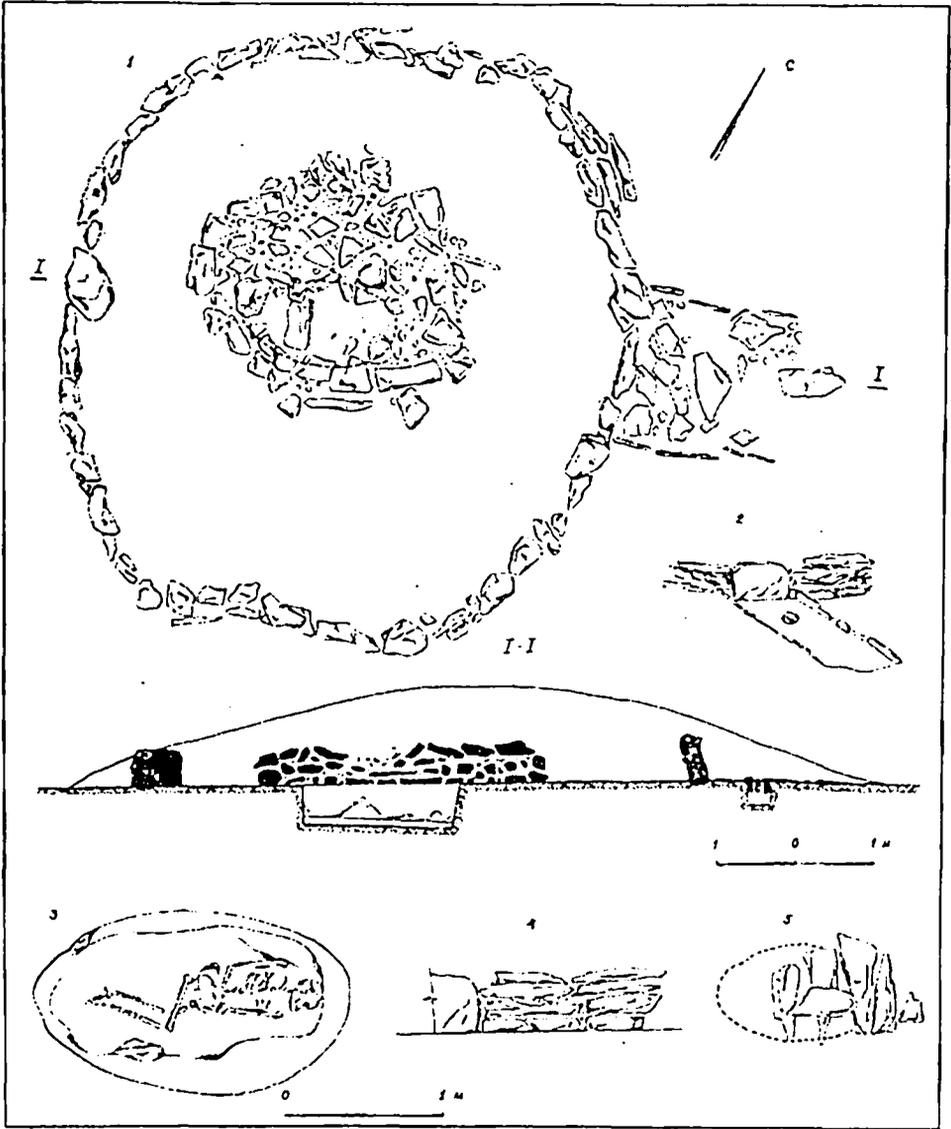
Рис. 16. Типы наземных конструкций в могильниках Джаушангоз IV: 1 – насыпи, 2 – выкладки; Джаушангоз V: 3 – насыпи; Джаушангоз VIII: 4 – насыпи, 5 – выкладки.

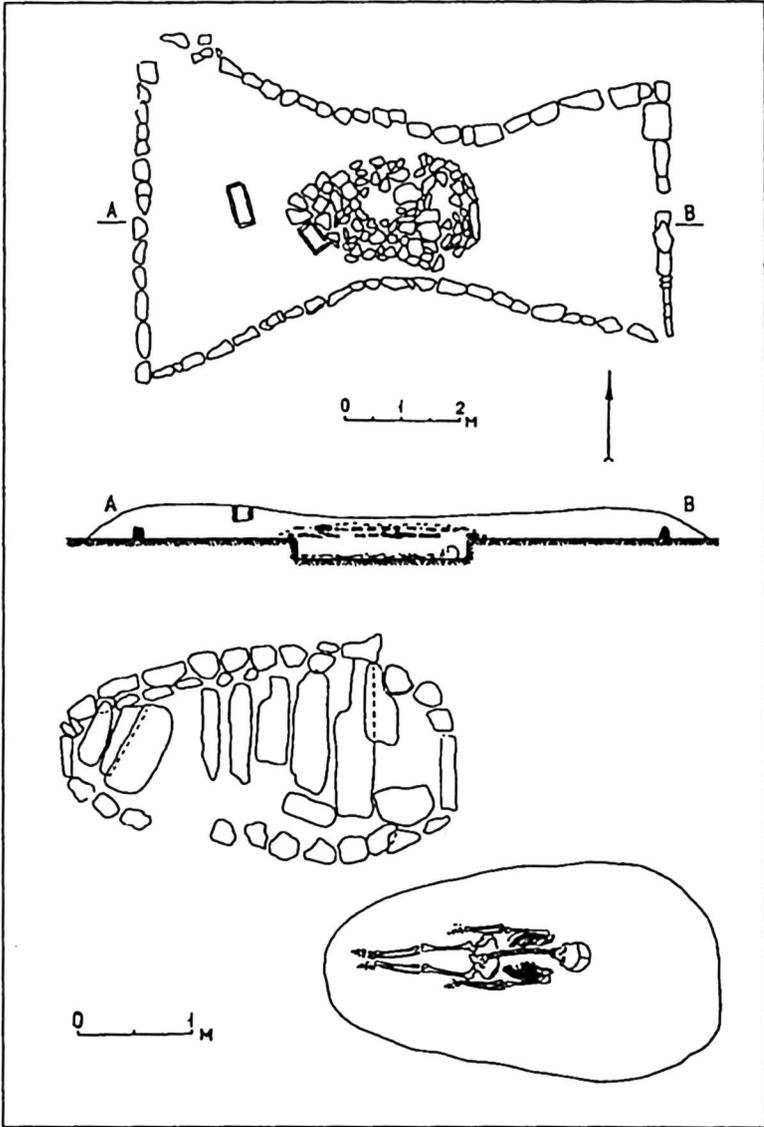

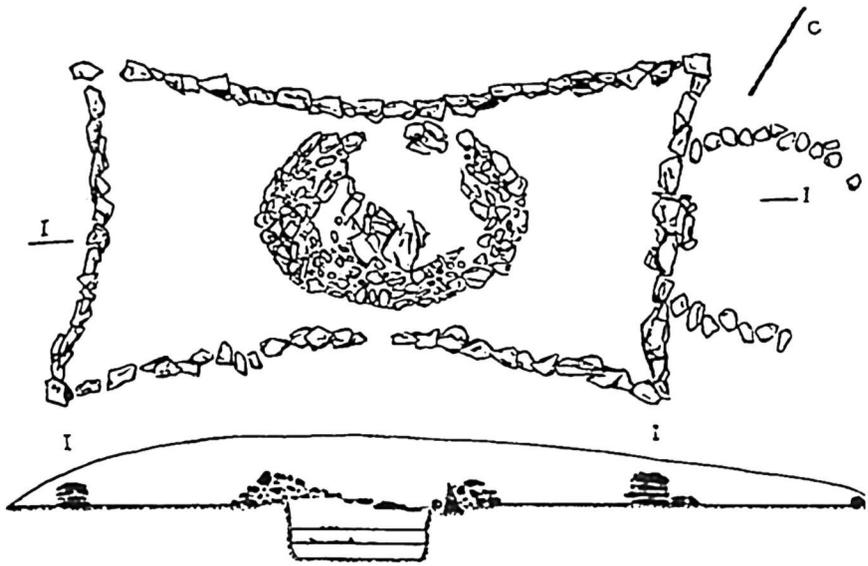

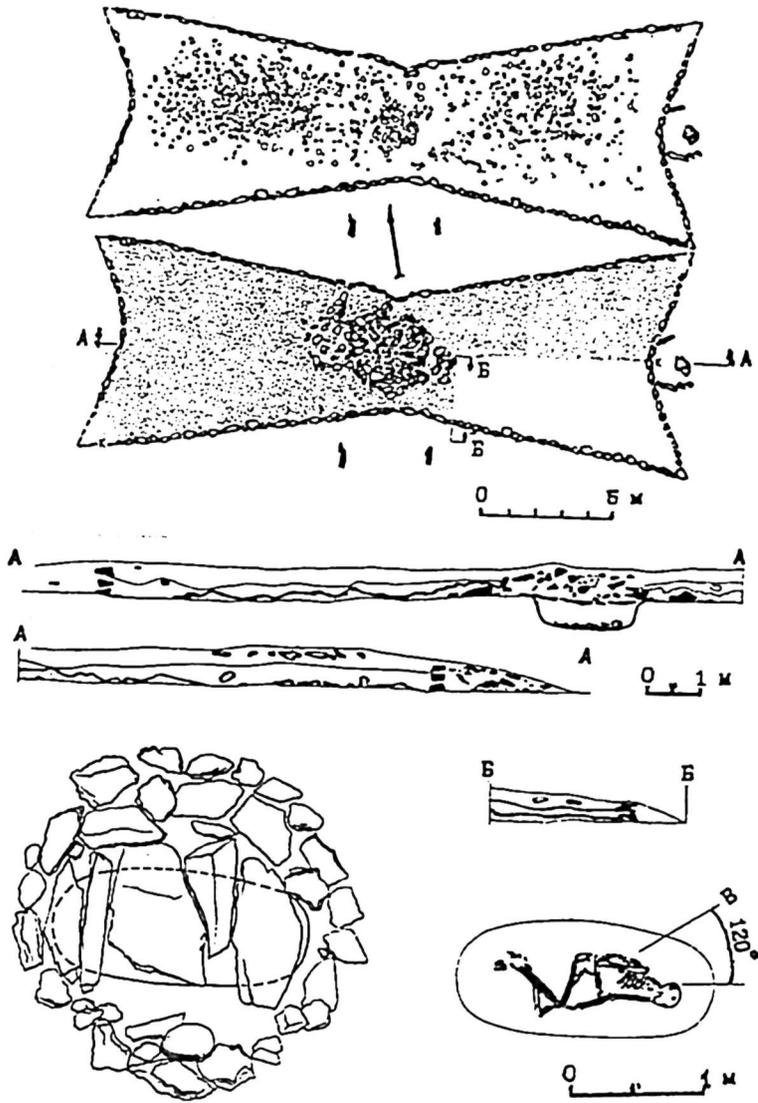

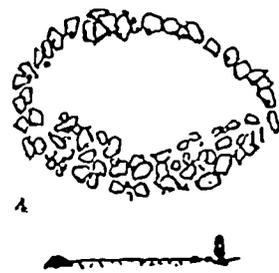
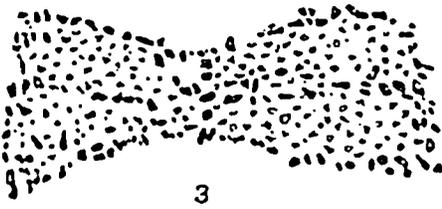
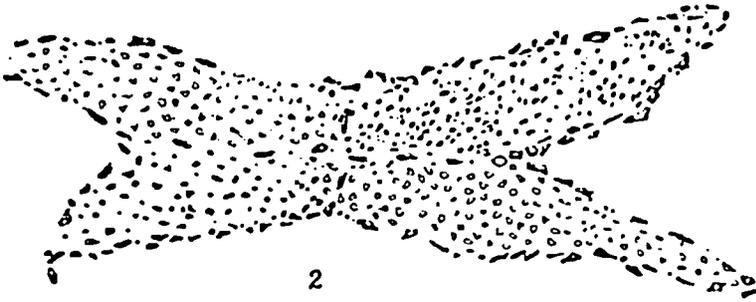
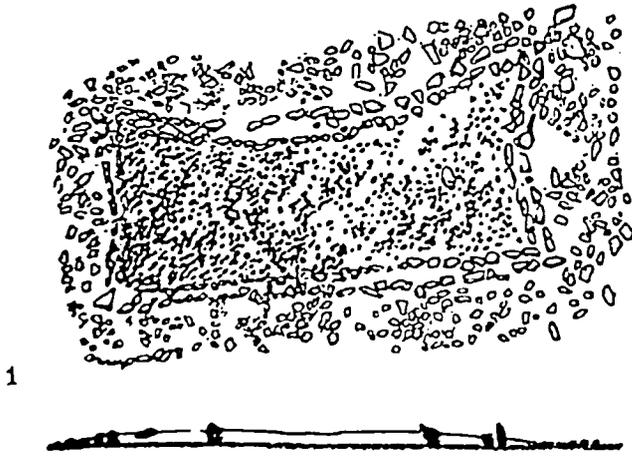

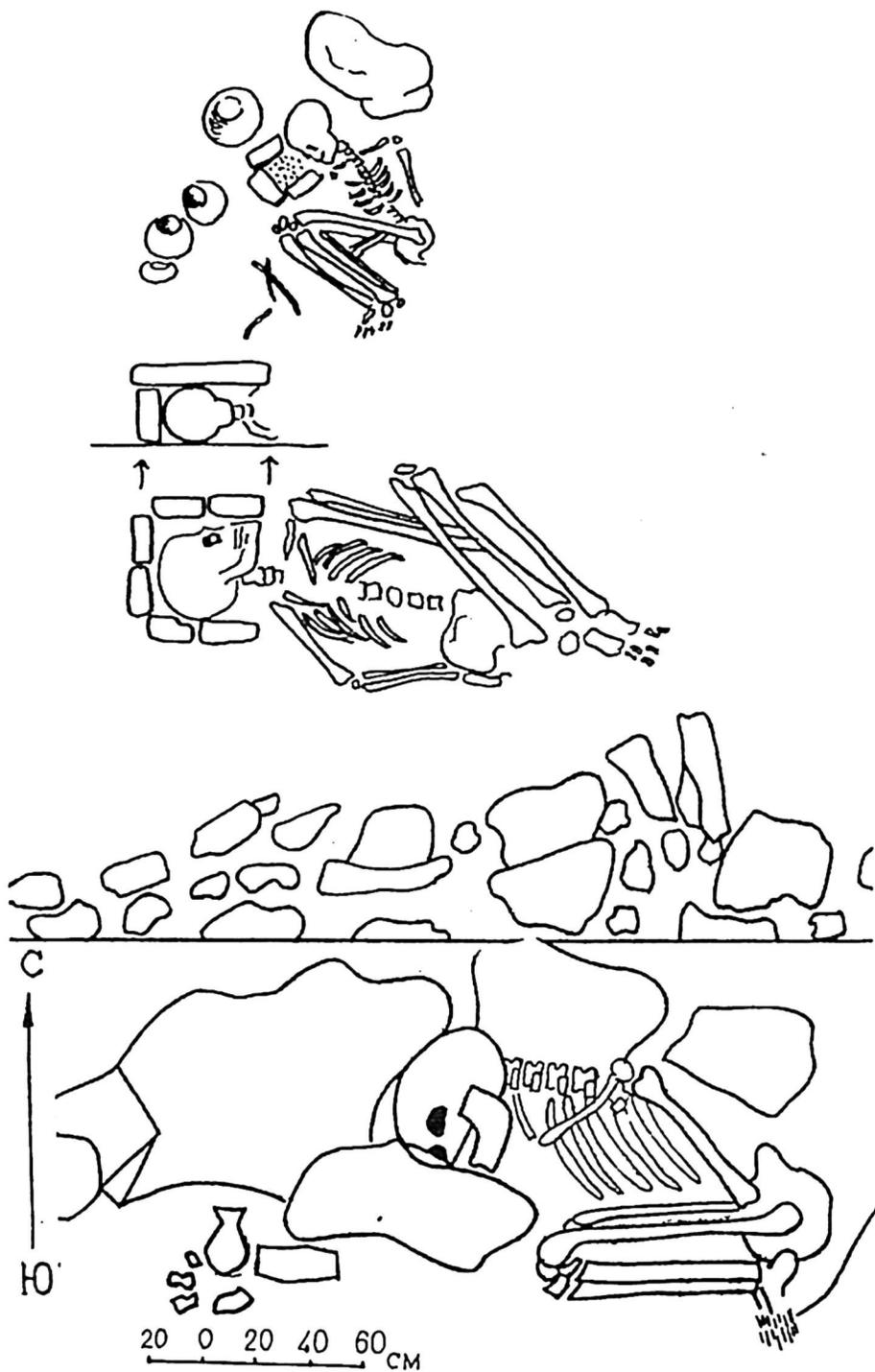
1 0 1 M

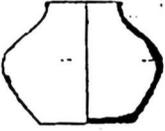
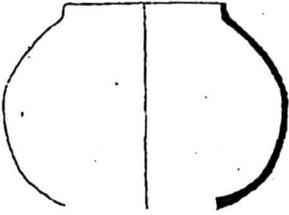
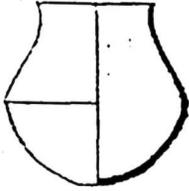
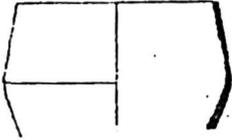
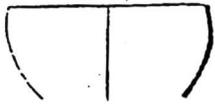
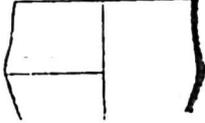
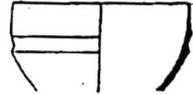
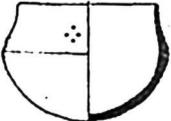
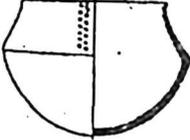

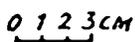
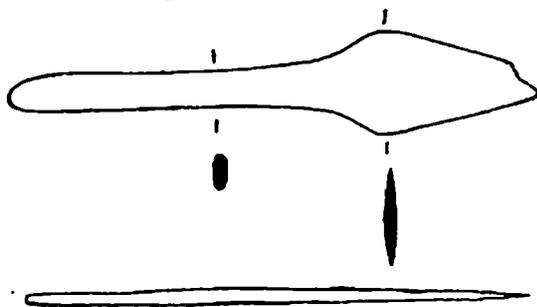
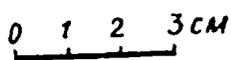
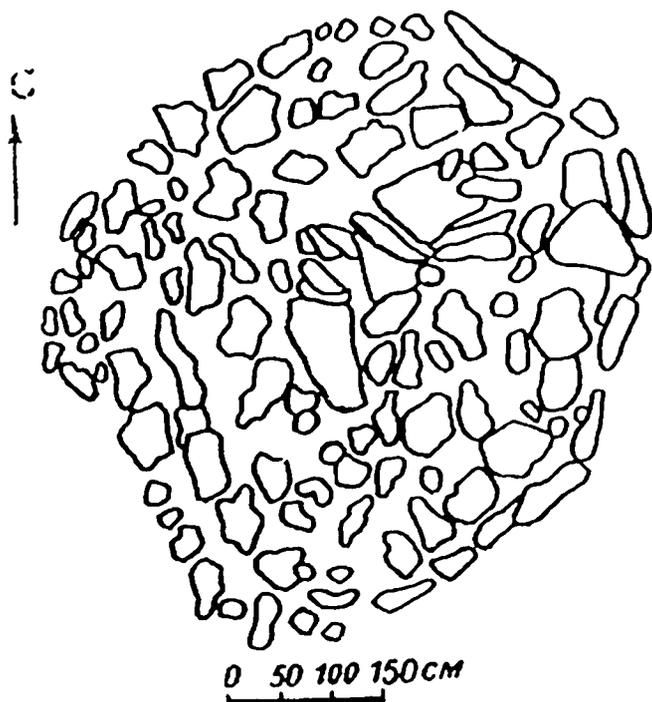
0 1 M

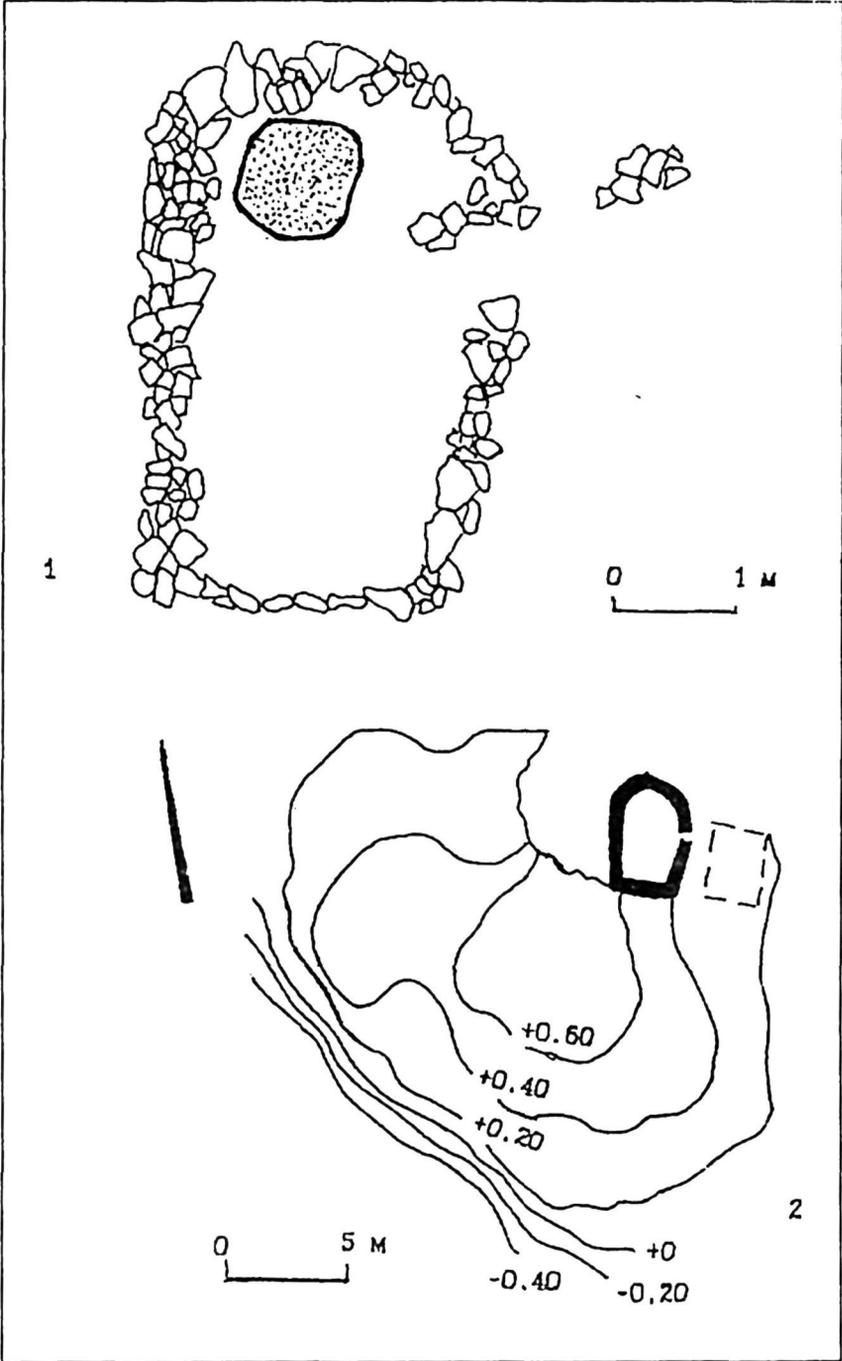

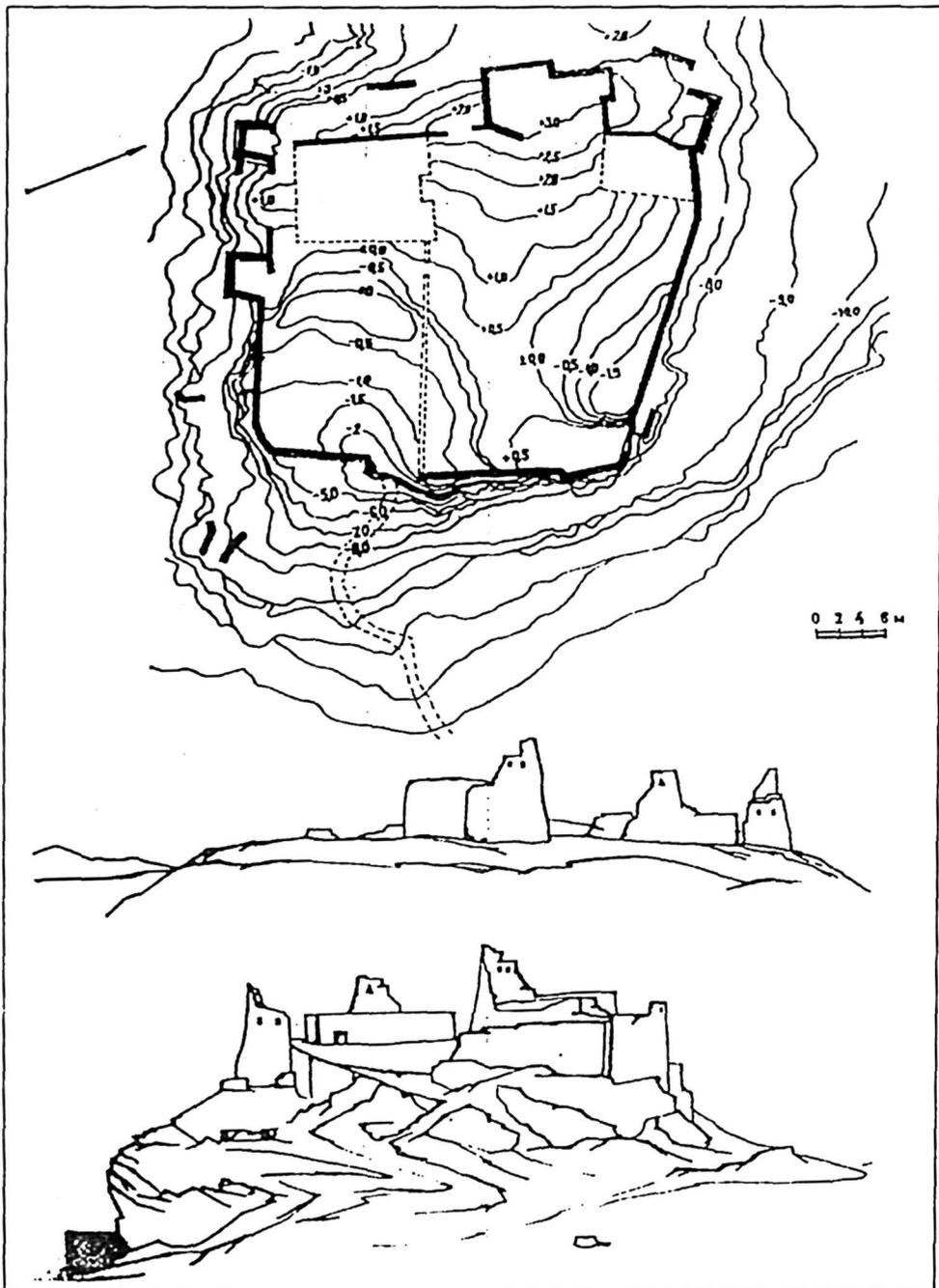

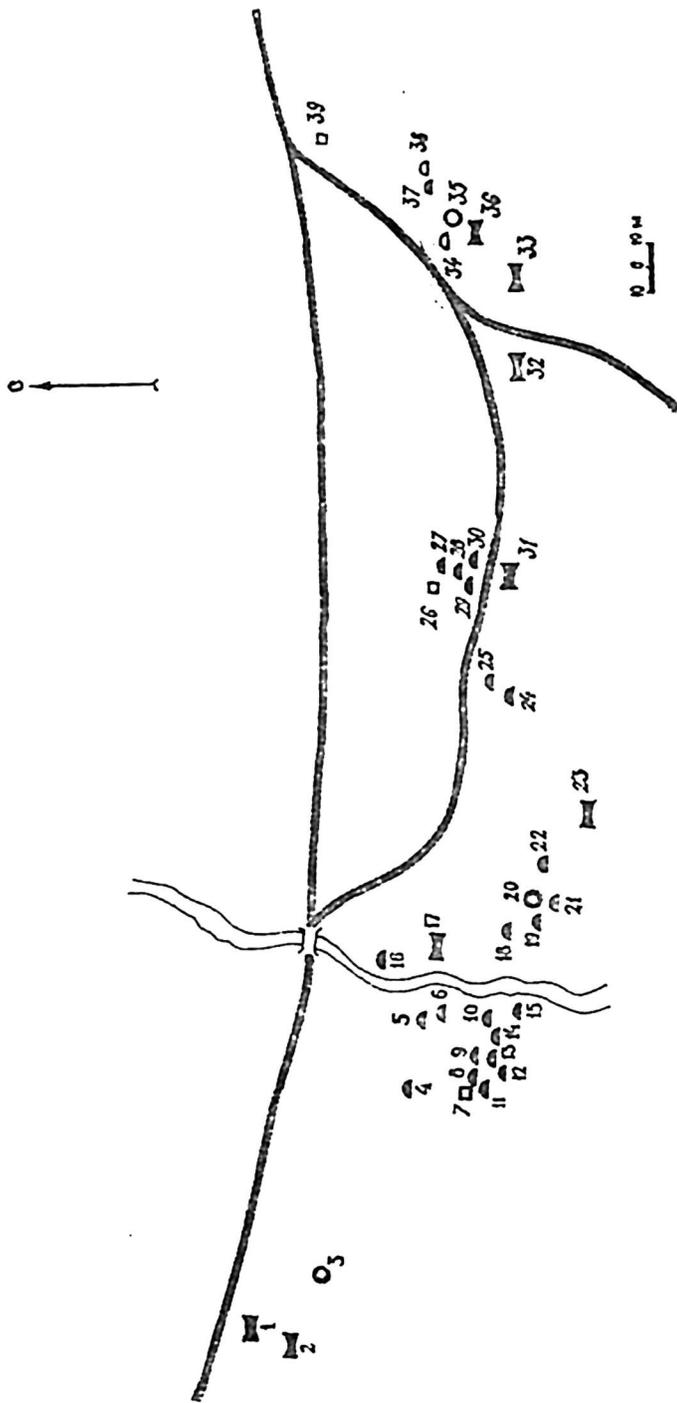

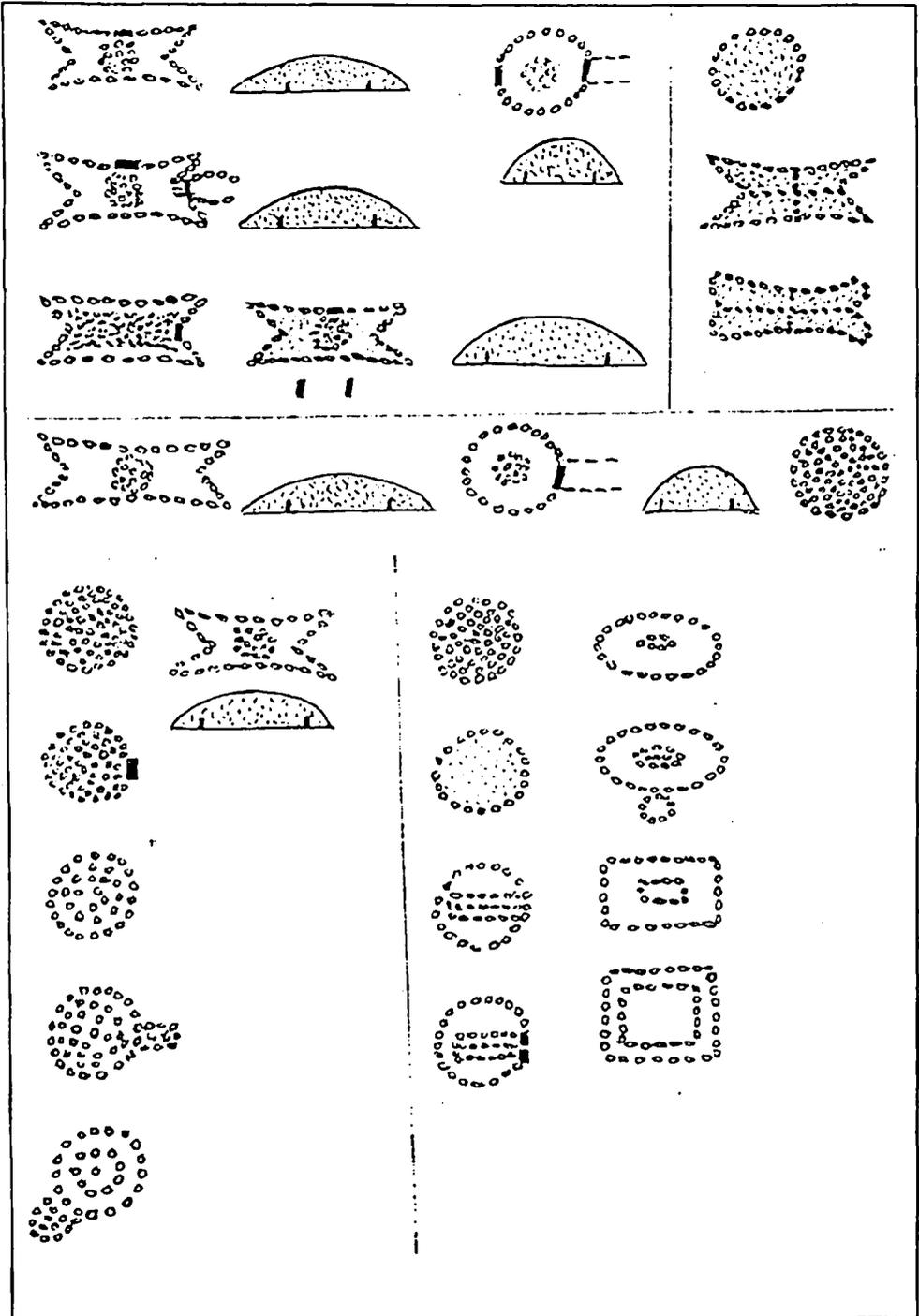
I	II	III
		
		
		
		
		
		
		

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ТАХТИ-САНГИН ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ 1998-1999 ГОДА О РАБОТАХ НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ ЦИТАДЕЛИ

Бактрийские богатства, золотоносный Окс, Амударьинский клад (Клад Окса), греческий город Ай-Ханум, Храм Окса на городище Тахти-Сангин – все эти понятия стали за прошедшие сорок лет неотъемлемой частью истории Бактрии. Археологические исследования последних шестидесяти лет на территории этого государства ответили на большое количество вопросов, однако, эти ответы кажутся не всегда такими ясными.

1

Городище Тахти-Сангин находится на юге Таджикистана в Кобаданском районе, на правом берегу реки Амударья. На городище систематически проводились раскопки с 1976 по 1991 годы Тахтикубадским археологическим отрядом Южно-таджикской археологической экспедиции. Пятнадцать полевых сезонов на городище Тахти-Сангин, которые провели археологи – это жизнь одной большой экспедиции и совместная работа двух учёных Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна, которые открыли для нас храм, получивший в научной литературе название Храм Окса ¹.

Храм Окса, раскопанный на правом берегу Амударьи, в месте слияния двух рек (Вахш и Пяндж), находится в центре крепости (рис. 1), которая ещё в XIX веке была известна по отчётам путешественников как крепость Утер-Кала. Эта крепость вместе с городищем, расположенным рядом, была впоследствии названа советскими археологами Тахти-Сангином, по аналогии с географическим названием окружающей его местности Тахти-Кувад ².

До 1991 года археологами на территории цитадели городища были раскрыты следующие объекты: здание храма, двор храма, парадный вход во двор храма (пропилеи), северный угол стены храмовой ограды. На территории городища, к югу от цитадели был раскрыт плохо сохранившийся дом, а к северу от цитадели два некрополя. Строительный материал раскрытых сооружений: сырцовый кирпич (50x50x12-14см, 33-35x33-35x11-14 см), пахсовые блоки, глина, алебастр, обработанные каменные архитектурные детали: базы, блоки, плиты известняка.

В 1979 году в северной части коридора 2, в ботросе 4 был найден небольшой каменный алтарик с бронзовой фигуркой и надписью на передней панели: "По обету посвящает Атросок Оксу", что трактуется исследователями Б. Литвинским, Ю. Виноградовым и И. Пичикяном, как посвящение Атросока (имя собственное) божеству реки Окс (древнегреческое название реки Амударьи). Надпись датируется исследователями II в. до н. э. и на её основе раскопанное культовое сооружение, в последующих публикациях Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна, и получает название Храм Окса³.

2

В октябре 1998 года, после семилетнего перерыва были возобновлены раскопки на городище Тахти-Сангин. Археологические раскопки финансировались Фондом "Меценос" (Швейцария). В раскопках приняли участие сотрудники Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан: Дружинина А. (нач. отряда), Худжгельдиев Т., с.н.с. Бубнова М., Сафаров С., Абдулвахидов Г., Алиев Ф., топограф Гафуров М. И., а также Смильгин С., Назмиева Ф., Леонтьев А., Очилдиев Ш., Очилдиев Д. Хотелось бы здесь поблагодарить всех сотрудников отряда за хорошую работу, участие в исследовании памятника и мужество.

Новые исследования, проводимые на городище Тахти-Сангин, находятся в своей начальной стадии. Полевые изыскания ведутся в трёх направлениях:

1. работы по изучению общей динамики развития городища в различные исторические периоды, взаимодействие его различных частей (цитадель, жилые кварталы, район пристани, дороги и др.) в окружающем природном ландшафте;

2. исследование структуры цитадели, ее составных частей (оборонительных стен, рва, водоёма, дорог и др.) и примыкающих территорий; изучение жилого квартала, располагающегося в северной части цитадели; изучение восточной части цитадели, т.е. подходов к храму; проблема взаимосвязи храма и берега реки (возможность использования при проведении культовых церемоний улицы, идущей от храма на восток в сторону реки);

3. доисследование, документирование уже раскрытых объектов в храме и исследования в пределах храмовой ограды.

В рамках представленного здесь предварительного отчёта отражены исследования восточной части цитадели по второму направлению. Эти работы проводились для того, чтобы, во-первых, доисследовать территорию, которая примыкает к храму с востока – участок пропилей; во-вторых, по возможности приблизиться к проблеме датировки, построенной на

наблюдениях за стратиграфическими напластованиями здесь (Раскоп Восточный, квадрат В-1, В-2, В-3) и в уже раскопанном храме. На основе таких наблюдений можно попытаться представить картину развития этого участка в различное время и выделить момент связи между храмом и городом, храмом и приходившими сюда верующими..

В ходе новых раскопок было заложено 14 квадратов (4 x 4 м) как на цитадели городища (рис. 2), так и за её пределами. Было выяснено строение эллинистического поселения. Надо отметить, что раньше исследователи обобщенно рассматривали структуру города, не выделяя отдельные части поселения в связи с той или иной эпохой. Наши исследования направлены на возможное разделение города на временные части и рассмотрение его, для каждого такого отрезка, отдельно. Так поселение эллинистического времени могло состоять из следующих частей:

1. из укрепленной цитадели, на территории которой располагался: храм, примыкающие к храму с севера жилые постройки и мастерские, открытая цистерна для воды (хаус) в северо-западном углу цитадели;

2. расположенной только к югу от цитадели, жилой части города, при раскопках которой было выделено три слоя обживания для эллинистического периода;

3. некрополя, расположенного к северо-западу от цитадели;

4. оборонительной башни, которая располагалась севернее цитадели и западнее причала (?) и могла служить для контроля передвижения по реке.

3

Особое внимание при новых исследованиях было уделено территории, примыкающей ко входу во двор храма (пропилеям). Именно здесь можно было бы предположить наличие специальных подходов к храму, таких как улица, ступени, рампа и т.д.

Нижеизложенный материал является описанием результатов раскопок трёх квадратов: восточный – 1 (В-1), восточный – 2 (В-2), восточный – 3 (В-3) (Рис. 2).

Фиксация стратиграфии слоёв в квадрате В-1 (1998-1999), В-2 (1998) и В-3 (1999) дала следующую картину:

1. Верх строительной площадки для храма, принимавшийся ранее И. Пичикяном за материк, находится на отметке (-1,7 м) ниже репера на западе квадрата В-1, с падением до отметки (-1,85 м) на востоке квадрата В-2. Удалось точно выяснить, что утрамбованный слой щебня светло-жёлтого цвета, который принимался И. Пичикяном для всей территории храма за материк, не является материком. Исследование этого слоя на различных участках цитадели ещё проводится, поэтому подробные результаты будут представлены в последующих публикациях.

2. Утрамбованный слой щебня покрыт тонким слоем суглинка, который

имеет вид вымостки, долгое время использовавшейся как пешеходная зона. Непосредственно в этой или на этой вымостке не были обнаружены строительные остатки, которые могли бы относиться к началу функционирования храма, кроме отрезка водостока. Этот отрезок водостока представляет собой, вырытую в слое утрамбованного щебня, канавку, глубиной 8-11см. После исследования было выяснено, что канавка могла являться либо частью водостока, входящего в конструкцию первоначального входа на площадь храма, либо продолжением водостока из хорошо обработанных каменных лотков, часть которых сохранилась на пропиляях в более поздней кушанской конструкции водостока, из больших необработанных камней.

Еще одним ранним строительным элементом может являться круглое сооружение из камней средних размеров, отдельно посаженных в раствор тёмно-коричневой глины и заглубленных в слой утрамбованного щебня. Эту конструкцию из камней можно рассматривать как фундамент каменной чаши, фрагменты которой были найдены при разборе восточной части водостока из больших необработанных камней. Каменная чаша (рис. 7).

Речь идет о 5 фрагментах одной чаши. Она была изготовлена из известняка белого цвета и имела очень хорошо обработанную внутреннюю и внешнюю поверхность. Два фрагмента венчика чаши дают различные диаметры – 78 см и 82 см, однако весь набор внешних признаков говорит в пользу того, что фрагменты принадлежат одному и тому же сосуду.

На одном из фрагментов венчика (диаметр 82 см) имеется надпись греческими буквами, состоящая из двух слов. Одно из них – короткое, может быть прочитано как слово Окс без окончания и находит прямые аналогии в написании и в технике нанесения прочерченных букв на камень, с последним словом из посвячительной надписи на маленьком каменном алтаре из коридора 2, о котором уже говорилось выше.

Части разбитой чаши были использованы в более позднем строительном периоде при ремонте и перестройке водостока на пропиляях. Фрагменты разбитой чаши использовались как вымостка дна этого водостока. Размеры чаши, её прекрасное качество изготовления, имя реки Окс или имя божества водной стихии Окс, так же, как и находка в центральной части пропилей укрепления-фундамента из камней, могут указывать на культовый характер данного сосуда.

3. На утрамбованном слое щебня, в некоторых местах прослеживается рыхлый переотложенный слой серого цвета с белыми включениями (рис. 6).

4. На этом рыхлом слое находится слой из пахсовой глины. Такая глина обычно рассматривается для этого памятника как строительный материал или масса для изготовления сырцовых кирпичей. Этот слой был выявлен не только здесь, на восточном участке цитадели. Он был зафиксирован на

расстоянии до 6 м севернее стены храмовой ограды. Этот слой может быть связан либо со строительством храмовой ограды (обводной стены теменоса), либо с ремонтом этой стены. Удалось выяснить, что это не платформа-фундамент, употребление которой известно нам на Дильберджине в Храме Диоскуров.⁴

5. В этом слое из пахсовой глины прослежены тонкие прослойки светло-зелёного цвета органического происхождения. Они указывают на одновременность выкладки слоя из пахсовой глины. Эти прослойки зафиксированы везде на исследуемом участке, с одинаковой структурой без фрагментов керамики и костей – “чистые” мусорные слои. На это необходимо обратить внимание по той причине, что все лежащие выше мусорные прослойки и слои очень сильно отличаются от этого слоя по своей структуре. Точно такое же замечание можно сделать и к исследуемому участку на севере, где разница между структурой мусорных слоёв, находящихся внизу и вверху очень заметна. Светло-зеленые мусорные слои, над утрамбованным щебнем на северном участке, только иногда содержат мелкие камни и осколки керамики, а находящиеся выше мусорные ямы и слои содержат сотни фрагментов керамики и костей.

6. Сверху, на слое из пахсовой глины, в квадратах В-2 и В-3 находится вымостка улицы, которая представляет собой нерегулярно выложенную массу щебня в глиняном растворе. В последний период использования улицы ее вымостка представляла собой нерегулярно выложенную массу щебня в растворе гипса, что можно реконструировать по остаткам такой поверхности в нескольких местах. Лучше всего улица сохранилась в восточной части квадрата В-2 с верхней отметкой уличного покрытия (-1,60м) ниже репера. В этом квадрате сохранившаяся ширина улицы составляет примерно 4 м. В юго-западном углу квадрата улица выходит за его границы. Открытая часть уличной вымостки в квадрате В-3, дает реконструируемую ширину 6,5 м, однако в этом квадрате четкого края вымостки улицы, из-за разрушений, зафиксировать не удалось, поэтому об окончательной ширине улицы на этом участке можно будет говорить после дальнейших исследований. Открытие улицы, идущей с запада на восток, то есть со стороны храмовой ограды в сторону реки, играет большую роль для выяснения планировки цитадели городища.

Улица заканчивается на восточной стороне открытой в квадрате (В-3) блочно-каменной стены (см п.7), с отметкой верхней поверхности вымостки (-1,46м) ниже репера. Затем, продолжается на западе за этой стеной ещё на длину около 1 м, с отметкой верхней поверхности (-1,40м) ниже репера. Таким образом, улица примыкала к стене с запада и с востока. Это указывает на то, что блочно-каменная стена, по-видимому, не несла в своем первоначальном состоянии функции стены здания, а являлась забором-балюстрадой или частью портика.

7. Блочно-каменная стена (рис. 3, 4, 5). Открытая часть блочно-каменной стены состоит из 19 блоков, изготовленных из известняка белого цвета. Верхние блоки стены имели очень хорошо отполированную верхнюю поверхность. Восточная и западная стороны этой стены имели различную конструкцию. Восточная сторона состоит из двух рядов поставленных друг на друга каменных блоков одинаковой ширины (29-30 см), но различной высоты и длины. Западная сторона стены также состоит из двух поставленных друг на друга рядов каменных блоков. Блок нижнего ряда (высота 40 см) имеет профилированную внешнюю сторону. Обе стороны стены соединены между собой забивкой из камней и глины. На восточной стороне блочно-каменной стены нижняя отметка нижнего каменного блока находится на уровне (-1,50 м) ниже репера и (+0,30 м) над утрамбованной поверхностью щебня строительной площадки храмового участка. На западной стороне блочно-каменной стены нижняя отметка нижнего каменного блока находится на уровне (-1,42 м) ниже репера и (+0,22 м) над утрамбованной поверхностью щебня. Возвращаясь к взаимосвязи улицы с блочно-каменной стеной надо отметить, что вымостка улицы очень аккуратно примыкает к нижнему краю каменных блоков стены с двух сторон. Это указывает на одновременность строительства стены и укладки улицы. Дата строительства этой стены, может быть реконструирована по керамике, найденной в помойном слое на улице, но мы пока воздерживаемся от датировок на этом материале.

Необходимо указать ещё на то, что отрезок, открытой в квадрате В-3 блочно-каменной стены, являлся только северной частью конструкции, примыкающей непосредственно к входу в храм. Остатки южной части этой конструкции сохранились в виде отдельных каменных блоков, которые были встроены в дом С (см п.14), находящийся в южной части квадрата В-1. В стене дома были найдены: один профилированный и два непрофилированных блока. Шесть таких же непрофилированных блоков зафиксированы западнее дома С при раскопках 1991 года. Другие каменные блоки небольших размеров и разбитые блоки порога были раскрыты в конструкции каменного порога позднего строительного периода, который находился между перестроенной блочно-каменной стеной и домом С.

Две каменные базы двух пилястр были обнаружены при расчистке квадрата В-1 (рис. 8). При высоте 0,38 м, длине 0,85 м и ширине 0,35 м каждая база имеет профилированную внешнюю поверхность, два паза (4x8 см) и сохранившийся плинт.

Надо отметить, что все эти блоки, базы и остатки порога принадлежали, по всей вероятности, первоначальной конструкции ограды, в которую и входила блочно-каменная стена с функциями балюстрады или портика, уже упоминавшаяся выше.

8. В квадрате В-1 также обнаружены остатки одного ряда каменной

кладки из средних и крупных камней с верхней отметкой (-1,44 м) ниже репера. Эта кладка, условно названная стеной 1, идёт с севера на юг, уходя под стену дома С. В слое с остатками этой стены, была обнаружена эллинистическая керамика, находка которой позволила предположить, что и стена относится к этому периоду. После расчистки в квадрате В-3 продолжения этой стены на север, было установлено, что стена была заглублена в вымостку улицы, существовавшую уже в это время, которая была описана выше. В связи с этим, датировка стены 1 стоит в прямой зависимости от датировки улицы. Окончательно выясненным, для этого участка, может считаться момент последовательности строительства: улица, стена 1, а затем уже дом С.

9. Слой мусора, состоящий из костей, фрагментов керамики, разложившихся остатков металлических изделий и темно-зелёной глиняной массы, примыкал вплотную к восточной стороне блочно-каменной стены. Он перекрывал на этом участке вымостку улицы толстым слоем. Часть этого мусорного слоя была закрыта несколькими сырцовыми кирпичами 36х36х14 см, выложенными прямо на двадцатисантиметровый мусорный слой, вплотную к блочно-каменной стене.

10. Блочно-каменная стена в квадрате В-3 перекрыта сверху слоем камней средних и больших размеров, который, из-за неаккуратной кладки, нельзя назвать даже выкладкой. Эта конструкция из камней в растворе глины перекрывает всю нижележащую структуру (блочно-каменную стену) как панцирь. Высота этого панциря и техника выполнения, может быть сравнима только с техникой выполнения северной стены дома С в квадрате В-1. Впоследствии эта конструкция перекрывается несколькими рядами кирпичей (38х38х11 см) серого цвета.

11. Между стеной дома С и блочно-каменной стеной был сделан новый порог прохода на территорию входа во двор храма. Этот порог был сооружен, по-видимому, уже из разбитых блоков прежнего порога. Высота этого нового порога (верхняя отметка (-1,23м)) соответствует высоте баз колон пропилей (верхняя отметка северной базы (-1,30м)), которые по своим параметрам: низкая подушка тора, плохое качество изготовления и нарушение пропорций, могут быть отнесены к кушанскому времени.

12. Керамический комплекс, собранный в мусорном слое возле блочно-каменной стены, даёт, в данный момент, единственную основу для датировки вышеописанной архитектурной конструкции. Этот слой делится тонкой оплывшей поверхностью коричневого цвета, соответствующей низу выложенных на помойный слой мелкоформатных кирпичей, на две части – верхнюю и нижнюю. Из верхней части было собрано 785 фрагментов керамики и 293 фрагмента больших и средних костей животных. Из нижней части – 101 фрагмент керамики и 217 фрагментов костей животных.

Керамический комплекс из помойного слоя, восточнее блочно-

каменной стены, при самом обобщенном рассмотрении, дает дату не позднее I в. н.э. Пока можно сказать, что это ещё не комплекс керамики “великокушанского” типа.

13. Находка в мусорном слое, над вымосткой улицы:

13.1 Фрагмент терракоты с изображением двух стоящих фигур.

Размеры: длина – 8 см, ширина – 4,5 см, толщина пластины – 1,8 см.

Цвет глиняной массы – красный, ангобное покрытие лицевой стороны – тёмно-красное. Сохранность плохая – верхняя часть и левая сторона отбиты.

Поле изображения: рамка сверху и слева не сохранилась, справа – выделена при помощи изображения собранной гардины, снизу – широкая гладкая рамка.

Рельеф плоский, бедра большой фигуры выступают.

Мотив: Стоящая фронтально женская фигура в длинном одеянии, рядом с ней ребёнок, возможно Эрот. Трактовка основной фигуры и положение рук, по причине плохой сохранности, невозможны. Складка платья с правой стороны спускается на левое бедро так, что можно предположить, что правая рука спрятана под материалом одежды и прижата к телу. Можно предположить наличие в правой руке веера.

Аналогии: подобная терракота является единственной терракотой с описанным изображением на территории античной Бактрии.

14. На юге квадрата В-1 расчищена северная часть дома С. Северная стена дома имеет длину 5,5 м. Она состоит из трёх отрезков: двух коротких и одного длинного (нижняя отметка стены (-1,36м) ниже репера; верхняя отметка стены (-0,86м) ниже репера). Стена состоит из двух рядов камней, положенных друг на друга. Большие каменные блоки встроены на западном конце стены. Глиняный пол части открытого помещения представляет собой тёмно-коричневую поверхность. Внутри помещения был расчищен очаг в виде глиняной чаши, заполненной золой. Чаша стояла в нишеобразном углублении (рис. 3).

Очаг в виде глиняной чаши имел круглую форму. Чаша состояла из двух отдельно обожженных сосудов, вставленных друг в друга с предварительным заполнением глиной пространства между стенками. Диаметр внутренней чаши 41см, диаметр внешней чаши 44 см. Остатки очага имели высоту 21 см, чистая зола, с очень резким сладким запахом, лежала в чаше слоем 17 см толщиной.

Исходя только из наличия чаши-очага в помещении, невозможно говорить о характере сооружения. Подобная глиняная конструкция в виде очага была раскрыта в Ай-Ханум на объекте, относящемся к последнему периоду обживания города, после его разрушения в юэджийское время ⁵.

15. На востоке квадрата В-1 была раскрыта конструкция из каменных плит и блоков в виде плохо, не ровно выложенной платформы или

ступенчатообразного сооружения. Плиты и блоки были посажены в раствор глины коричневого цвета с небольшими камнями и керамическими фрагментами. Уровень конструкции различен, нужно только отметить, что падение уровня (от $-0,52$ м до $-0,89$ м) прослеживается к середине квадрата В-1. Определенно можно сказать, что плиты и блоки были взяты из храма и использованы, также как и другие детали (торы баз колон), вторично при строительстве подходов к сооружению и сооружения Д в квадрате В-2.

16. На севере квадрата В-2 была открыта часть предполагаемого дома или сооружения Д. Южную границу этого дома составляет стена, построенная из мелких и крупных камней и имеющая верхнюю отметку ($-0,62$ м). В эту стену встроено два тора баз раннего типа, которые явно были принесены сюда из храма. Уровень посадки торов баз в стену различен: западный тор имеет верхнюю отметку ($-0,63$ м), восточный тор – ($-0,84$ м). Диаметр торов и техника изготовления идентичны другим им подобным, стоящих в пределах священного участка храма в эллинистическое время ⁶.

4

Таким образом, в ходе исследований в квадратах В-1, В-2 и В-3 были зафиксированы многочисленные подтверждения изменений архитектурного оформления входа на территорию священного участка Храма Окса. Воссоздать точную картину или предварительную реконструкцию общего вида этого участка в момент завершения строительства храма и храмовой ограды пока не представляется возможным, из-за отсутствия достаточных археологических данных для этого отрезка времени. Можно предположить, что этот участок использовался продолжительное время как открытая площадь, а слой утрамбованного щебня светло-жёлтого цвета (п.1) служил при этом дневной поверхностью. По времени это коррелируется с полом 1 (1а) в центральном зале храма и с глиняными жертвенниками, которые располагались перед зданием храма, под алтарями из каменных блоков, на которых имеются метки каменотесов в виде греческих букв ⁷.

Следующий отрезок времени стратиграфически соотносится со слоем из тёмно-коричневой пахсовой глины (п. 4), который может быть связан с периодом строительства или ремонта на этом участке входа в теменос или обводной стены теменоса. На слой пахсовой глины была выложена вымостка улицы (п. 6), которая примыкала к построенной здесь блочно-каменной стене (п.7). Конструкция первоначального входа (может быть пропилей) остаётся пока не выясненной, кроме момента, что в неё входила блочно-каменная стена и найденные в поздних слоях повреждённые блоки порога и каменные плиты.

Следующий строительный период может быть охарактеризован разрушением первоначальной конструкции порога, строительством стены 1, уничтожением части уличной вымостки, разрушением южной стороны

блочно-каменной стены и строительством дома С (п.14). При этом, по-видимому, блочно-каменная стена в квадрате В-3, рассматривается как “излишний” архитектурный элемент и прячется, буквально, под другими конструкциями. Это проявляется в том, что каменные блоки, с востока закрытые помойным слоем и одним рядом мелкоформатных кирпичей, перекрываются слоем обычных камней, которые неаккуратно выложены на верхнюю обработанную поверхность блочно-каменной стены. Между стеной дома С и перестроенной таким образом блочно-каменной стеной, сооружается новый порог и водосток из необработанных камней. Часть этого водостока, была открыта в 1991 году на территории пропилей ⁸, где и были в 1999 году найдены фрагменты каменной чаши с надписью (п.2).

Теперь рассмотрим несколько важных моментов, обсуждение которых непосредственно связано с вышеизложенным материалом.

Например, простой на первый взгляд вопрос, с чем же могло быть связано такое изменение внешнего вида входа на храмовую территорию и почему так меняется подход служителей храма и жителей города к скоплению мусора и значимости участка, примыкающего к храмовой ограде?

Вопрос, уже не раз звучащий в предшествующих исследованиях и более чётко сформулированный Б.А. Литвинским, и ответ, что он не видит причины, “почему отношение (и действия) жрецов не могло измениться; к тому же здание храма приходило в ветхость, и, может быть, именно это способствовало более интенсивному накоплению остатков”⁹.

Остановимся на некоторых новых данных, которые помогли бы по-другому подойти к этой проблеме:

1. разница в структуре помойных слоев над и под улицей, на вышеописанном, восточном участке цитадели;

2. такая же разница в структуре и цвете помойных слоев на северном участке, где был открыт жилой дом с мастерской, поддающиеся датировке не только керамикой, но и монетой Сотер Мегаса из слоя разрушения, который представляет собой “нечистые” помойные слои – начало кушанского периода;

3. конструкция блочно-каменной стены, профилировка западной её части и техника обработки каменных блоков могут быть очень чётко сравнимы по всем параметрам с каменными алтарями на территории храмового участка и датируемые Б.Литвинским и И. Пичикяном не позднее начала 2 в. до н.э ¹⁰;

4. фрагменты каменной чаши с остатками надписи на древнегреческом языке, которая может сравниваться с посвящением на алтарике из коридора 2, датируемого исследователями первой половиной 2 в. до н.э ¹¹.

Таким образом, полученный материал возвращает нас к II в. до н.э., который для Бактрии связан не только с падением Греко-Бактрийского государства и сильными политическими изменениями, а, прежде всего, с

приходом нового кочевого населения на территорию страны.

Допустить, что город и храм городища Тахти-Сангин не разделили судьбу других разрушенных городов на территории Бактрии, невозможно. Не только новые раскопки на территории жилой части южнее цитадели в 1999 году дают для этого утверждения самый разнообразный материал, но и многолетняя дискуссия о принадлежности Клада Окса (Амударьинского клада) – храму Окса, итог которой так подробно и интересно подвёл Борис Анатольевич Литвинский¹². Если предположить, что золотые изделия клада Окса всё же принадлежали храму Окса и были спрятаны в момент угрозы нападения кочевников, возникает вопрос о том, почему они не были возвращены в храм, существовавший и позднее (пол 2 – юэджийский период¹³)? Ответ может быть самым простым и заключаться в том, что храм и сам город, по всей вероятности, был покинут, как это было с храмом Диоскуров на Дильберджине в Балхском оазисе, который был покинут, разрушен, но затем вновь отстроен новыми хозяевами для нового культа. Археологическими доказательствами такого предположения для храма Окса могут выступать

- пустые ямы-ботросы в центральном зале храма, в которых ранее могли храниться особо ценные подношения¹⁴ (хотя более вероятным местом всё же кажутся ботросы в коридорах, при расчистке которых также отмечены следы разорения);

- смена состава подношений в храм с различных изделий и произведений искусства на монеты и оружие¹⁵;

- также радикальные перестройки и изменения на участке подхода к храму, о которых было сказано выше.

Многочисленные постройки неаккуратно сложенных сооружений в районе входа в храм (стена 1, дом С, дом Д, дом Е), могли быть связаны с притоком населения, перемещенного военными действиями и селившегося в пределах цитадели, а также с упадком значимости храма в это время. С этим же может быть связано и появление прямо на улице, перед храмом слоя помоев и мусора. Остаётся ещё один пункт, который также стоит в прямой зависимости с изменением образа жизни населения города. Мог ли храм, существующий в кушанское время в стенах храма Окса эллинистического периода, даже в перестроенном виде, оставаться храмом с прежним культом. Могло ли случиться при соблюдении старого порядка ведения культовой службы то, что случилось с каменной чашей с именем божества. Проигнорировав это, фрагменты чаши употребили как простой строительный материал, выложив ими дно водостока. Могли ли улицу, которая, скорее всего, должна была бы употребляться как процессуальная улица от реки к храму или, наоборот, от храма к реке, заливать помоями и забрасывать костями, как обычную улицу. Можно было бы привести ещё целый ряд подобных размышлений, которые ждут своего подтверждения

или опровержения ходом новых раскопок на городище Тахти-Сангин. Одно хотелось бы сказать более определенно, что описанные изменения в отношении к храму, неминуемо стоят в прямой зависимости с изменениями образа жизни на городище. Это становится более понятным, если предположить, что функционирующий в кушанский период храм Окса был перепосвящен другим божествам или божеству новых хозяев. Культ династии Кушан, чьи храмы со статуями или алтарями огня известны по многочисленным раскопкам на территории Бактрии, мог бы также вписаться в стены бывшего храма Окса с его постаментами на площади и алтарями в атешгахах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический Храм Окса. Т.1, М., 2000; Пичикян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991; Pitschikjan I. Oxus-Schatz und Oxus-Tempel. – Berlin, 1992.
2. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р., указ. соч., с. 47-184; Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян). 1950-1951 г.г. – МИА, М.-Л., №37, 1953, с. 256.
3. Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии. – ВДИ, 1985, №4, с.84-109.
4. Кругликова Т. Дильберджин Храм Диоскуров. Материалы советско-афганской археологической экспедиции. М., 1986, с.7-18.
5. Veuve S. Le Gymnase. Fouilles d'AiKhanoum. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Tome XXX, Paris, 1987, Pl. 44d.
6. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. указ. соч., с. 142.
7. Пичикян И. Керзум А. Тахти-Сангин. Алтарно-башенное сооружение храма Окса. – Учёные записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов. Археологические источники. М., 1989, с.178-179.
8. Литвинский Б.А. Пичикян И.Р. 2000, табл. 16, 37, 38.
9. там же, с.184.
10. там же, с. 169-175.
11. там же, с.87.
12. там же, с.13-36.
13. там же, с. 54.
14. там же, с. 60-61.
15. там же, с. 182.

СПИСОК РИСУНКОВ

Рис. 1. Топографический план городища Тахти-Сангин (съёмка Е.

Захарова, 1989).

Рис. 2. План двора Храма Окса, пропилей, обводной стены теменоса (работы 1988-1991 года – архитектор Куркина Е.) с обозначением новых участков раскопок 1998-1999гг.: В-1, В-2, В-3 – восточный участок; С-7, С-9 – северный участок. Контуром даны раскрытые до материка раскопы 1998-1999 годов.

Рис. 3. Квадрат В-1. Рабочий план. Блочно-каменная стена и северная часть дома С.

Рис. 4. Квадрат В-1. Профиль северной стены квадрата с блочно-каменной стеной.

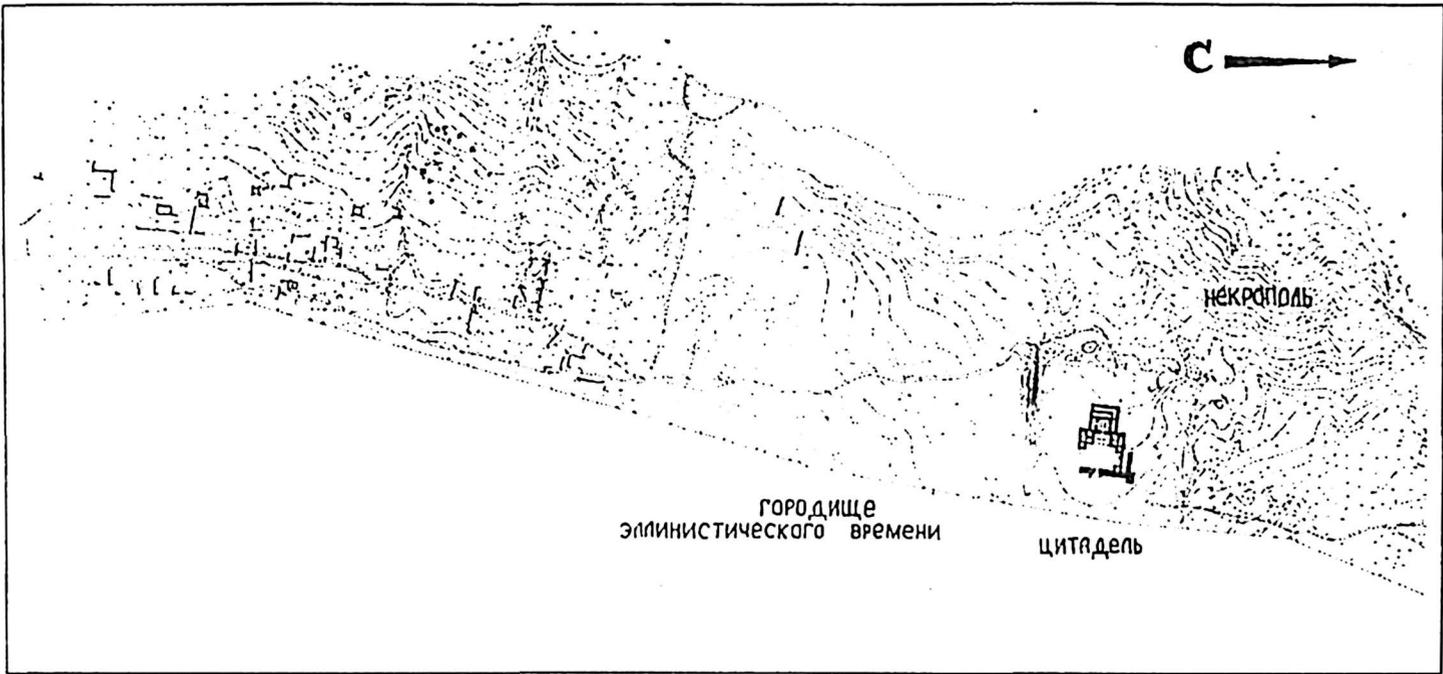
Рис. 5. Квадрат В-1 и В-3. Профиль восточной стороны блочно-каменной стены.

Рис. 6. Разворот разреза северной и восточной стены квадрата В-1.

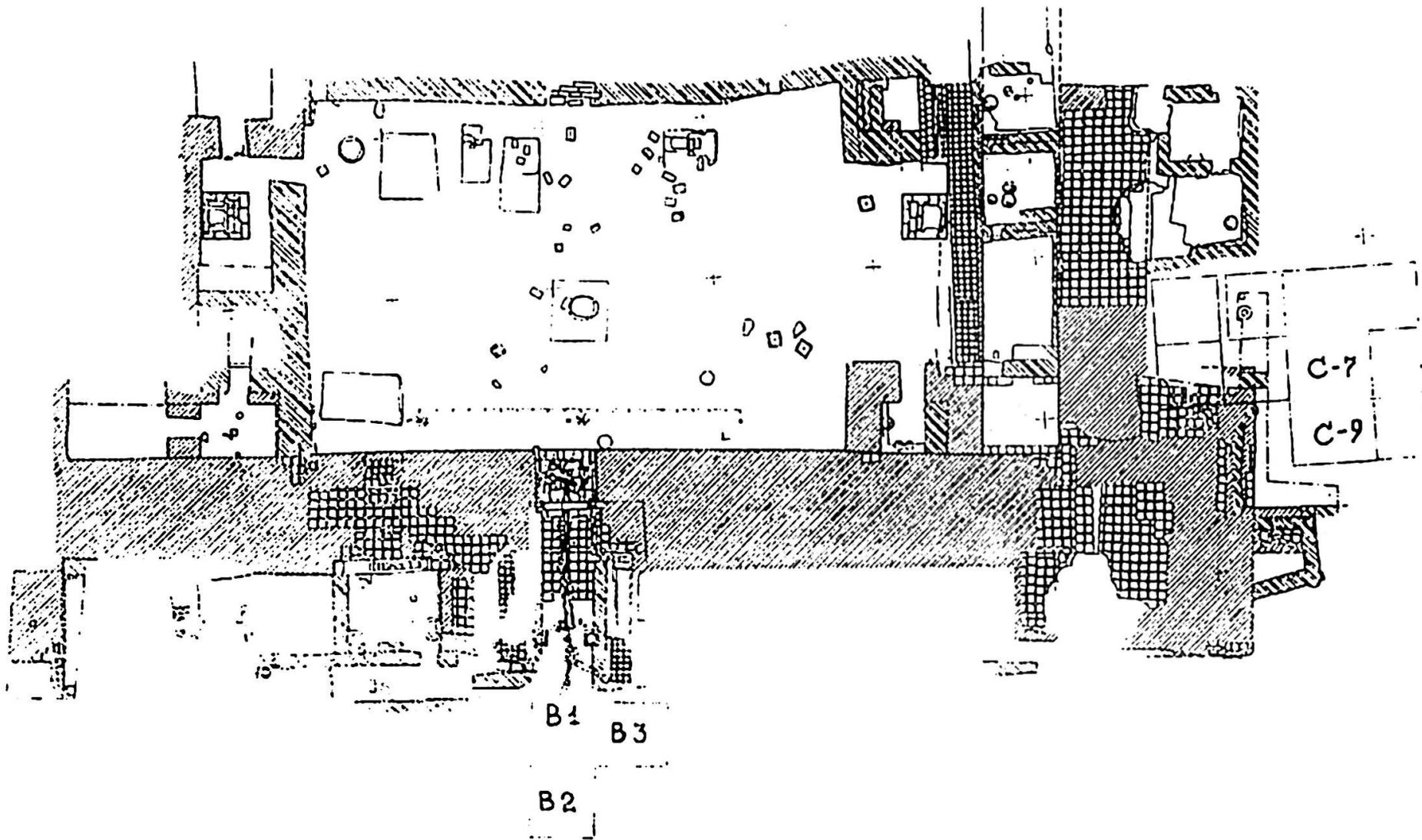
Рис. 7. Фрагмент каменного сосуда с греческой надписью.

Рис. 8. База пилястра.

Рис. 9. Мелкие находки из квадрата В-3: 1, 2, 3 – (-1,4м) ниже репера; 1 – фрагмент стрелы, 2 – фрагмент ножа, 3 – железная пластина, 4 – фрагмент серебряной проволоки (-1,7м) ниже репера; 5 – костяная заколка для волос (-0,71м) ниже репера.

254

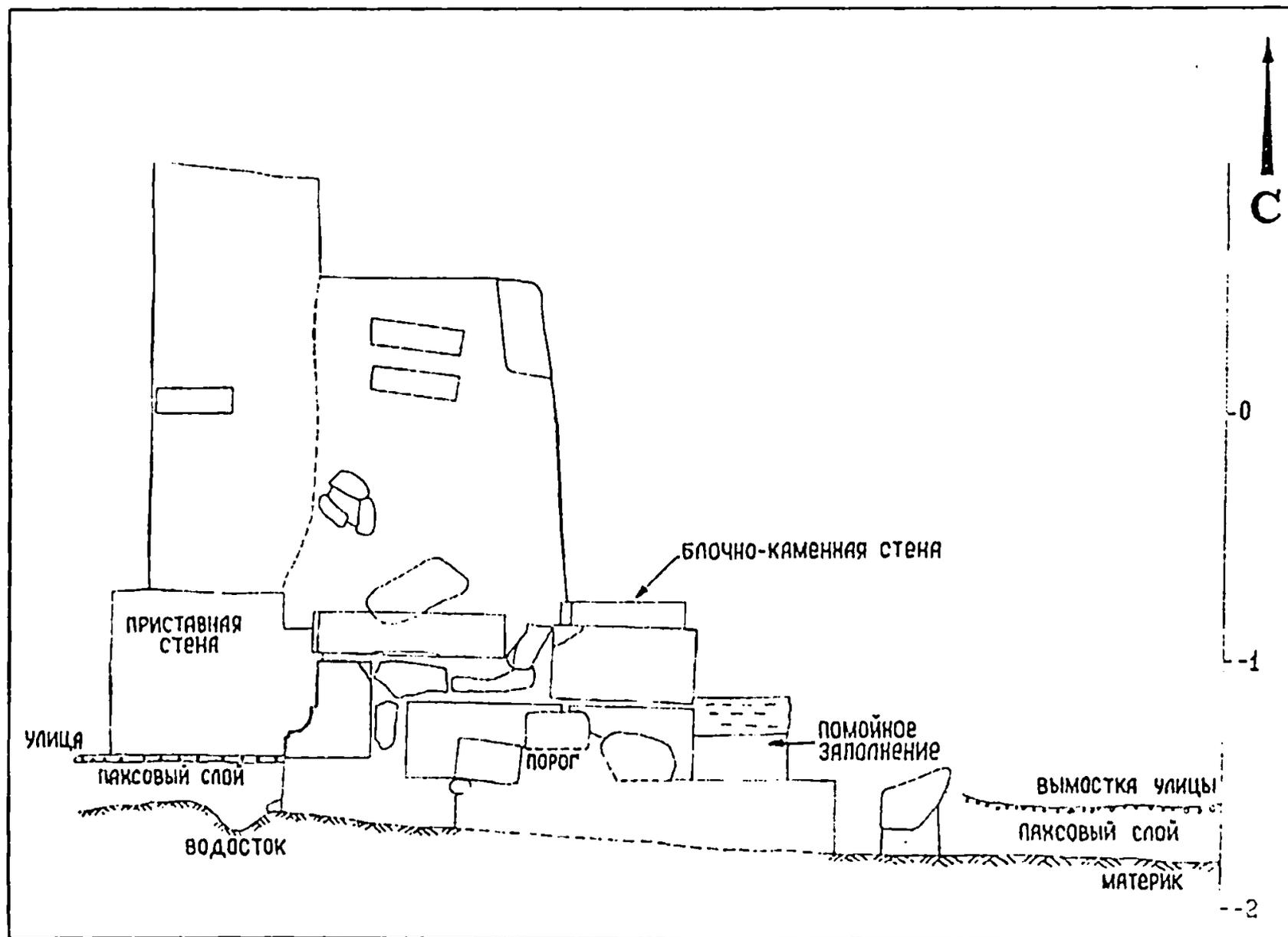

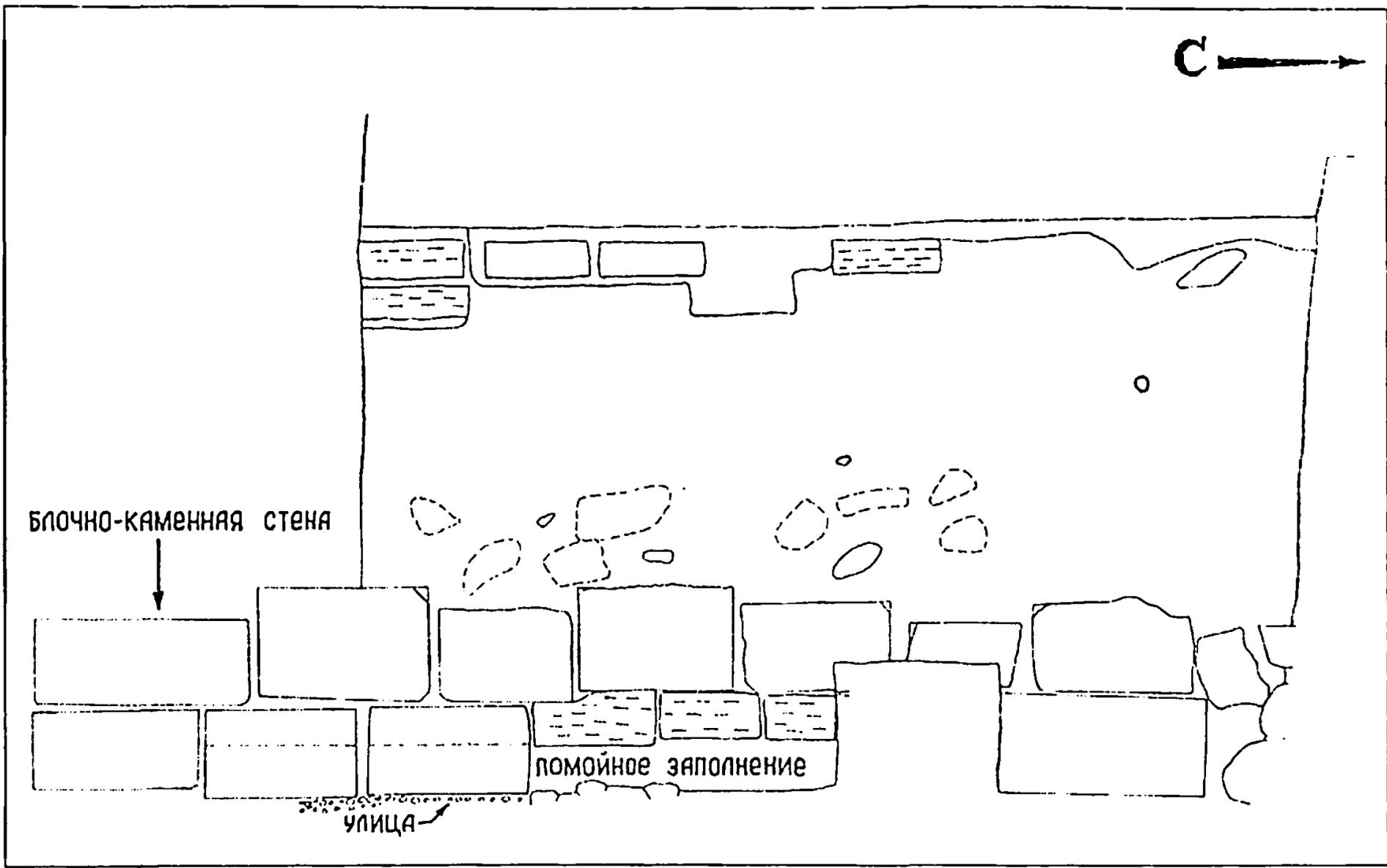
ГРАНИЦА КВАДРАТА В1

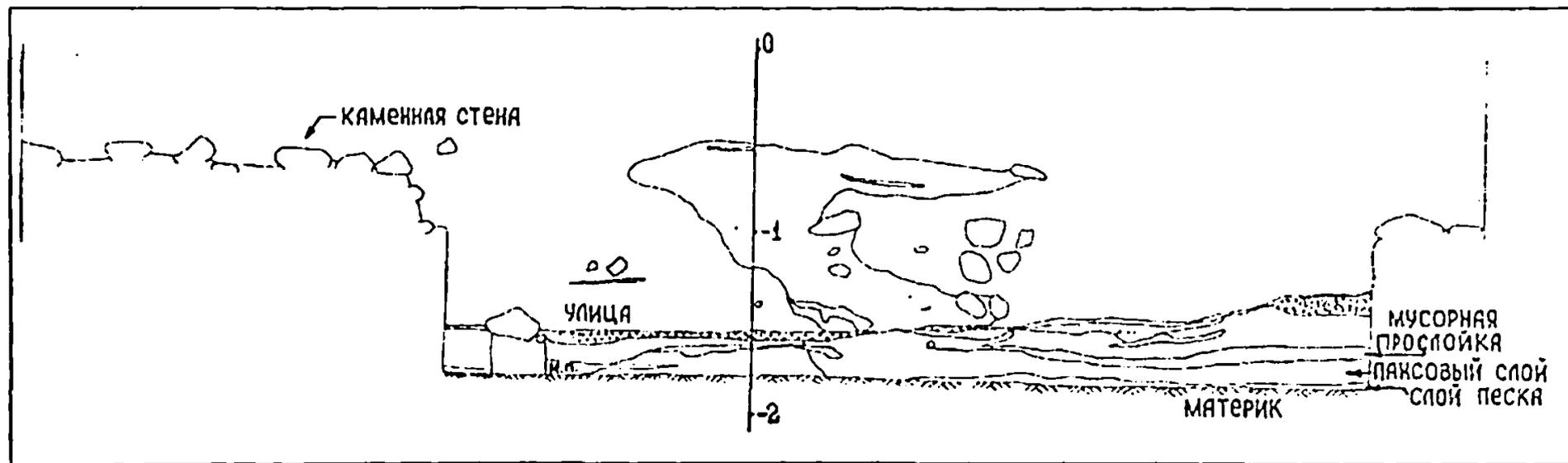
255

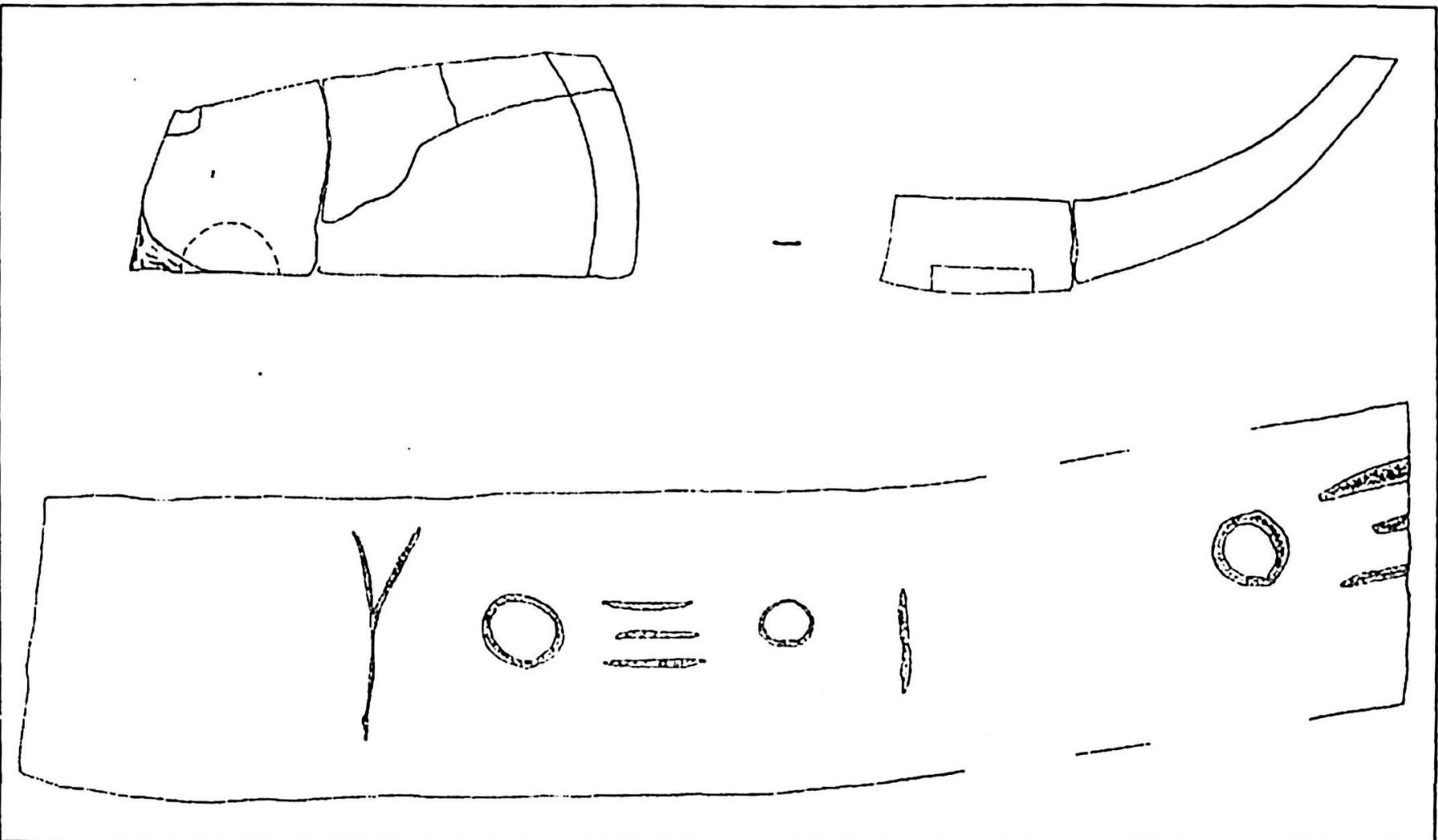
дом С

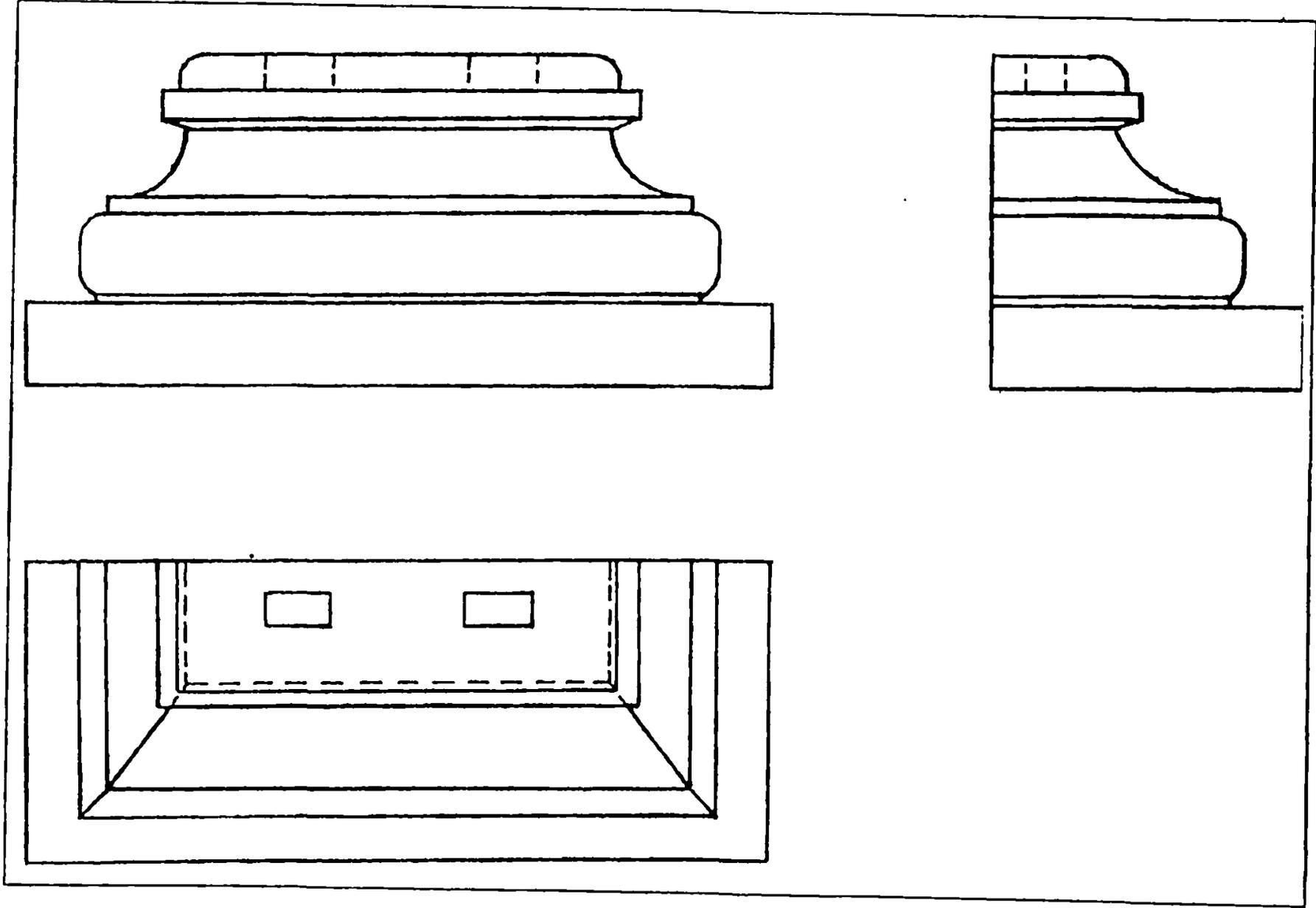

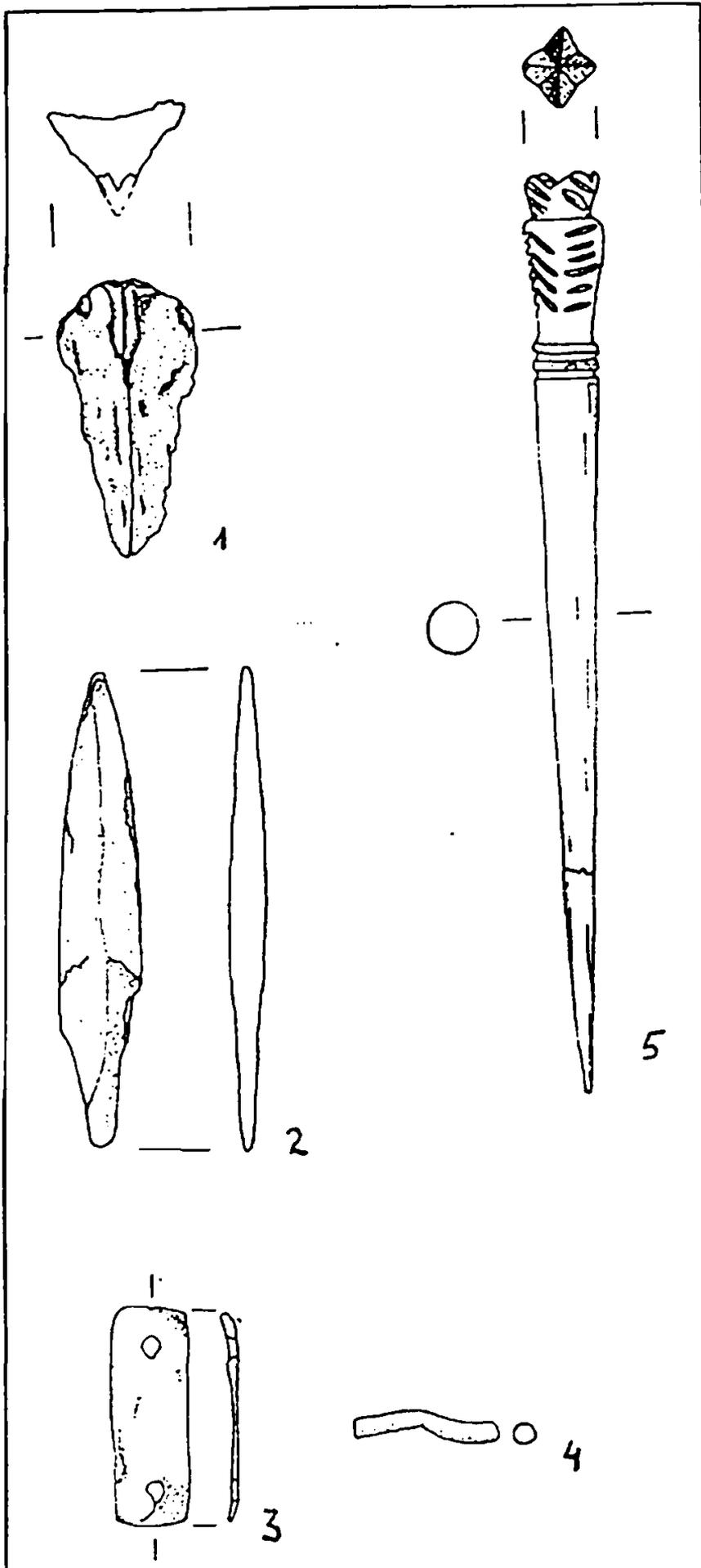

СОДЕРЖАНИЕ

К 75 летию В.А. Ранова.....	5
Предисловие	16
1.В.А. Ранов – Лессово-почвенная формация Южного Таджикистана и лессовый палеолит	21
2.Список печатных работ В. А. Ранова (1995-2000)	50
3.Ю.Я. Якубов – Бронзовый топор-кельт из Джиргиталя	55
4.Б.Я. Ставиский, Ю.Я. Якубов, З.А. Гарифуллина, Д.Д. Давутов – Отчет о работах российско-таджикской археологической экспедиции (РТАЭ) на верхнем Зеравшане в 1998 году	59
5.Н.Бороффка, М.Бубнова, Г.Вайсгербер, Й.Луц, Г.Парцингер, Е.Перницка, Д.Старшинин, Я.Циерны, Ю.Якубов – Исследования в районе древних разработок олова в Северном Таджикистане (Мушистон и Такфон).	71
6.Н.Н. Негматов – Начало “реанимации” Худжандской крепости.	121
7.Н.Т. Рахимов – Изучение стратиграфии Исфары	124
8.С.Ш. Марофиев, Н.Т. Рахимов, А.Ю. Юсупов – Раскопки средневековой бани в Худжанде в 1998 году.	145
9.А.Исаков, С. Бобомуллоев, Н. Виноградова – Отчет о работе Даштикозинского отряда в 1993 году.	155
10.А.И. Исаков, А.Р. Раззоков, С. Бобомуллоев – Раскопки Саразмского археологического отряда в 1998 году.....	172
11.Б.И.Маршак, В.И. Распопова, В.Г. Шкода – Краткий отчет о работах на городище древнего Пенджикента в 1996-1999 годах.	189
12.М.А. Бубнова – Отчет об археологических исследованиях памятников долины Джаушангоз в 1990, 1992, 1993, 1996 годах и обобщение результатов предыдущих лет.	2 09
13.А.Дружинина – Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели.....	240

Отпечатано в типографии издательства “Амри илм”.
Печать офсетная. Бумага офсетная N: 1. Формат 60x84 1/16.
Объем 16,5 усл.печ.лист. Тираж 100 экз. Заказ N: 13.
Цена договорная.

Список отпечаток

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	18 снизу	Делится	Делиться
	15 снизу	оптимизм	Оптимизмом
7	10 сверху	По немислимую	Немыслемую
16	6 снизу	Это книги	Это книги М.А.Бубновой "Горно-Бадахшанская автономная область" Западный Памир. (Археологическая карта Таджикистана (Душанбе, 1997).
17	15 снизу	--	2 ая Раскопка могильников и крепостей в долине р.Джаушангоз-Западный Памир (М.Бубнова).
18	13 снизу	--	17 ая Раскопка могильника Джаушангоз IV-Западный Памир (М.Бубнова).
19	10 снизу	Ф.Раззаков	А.Раззаков
32	7 сверху	Ranov, Schaefer, 1998	Ranov, Schaefer, 1998
32	7 снизу	Чопперов	Орудий
38	10 сверху	--	Плейстоценовый палеопочвы разреза Оби-Мазар
51	8 сверху	Palaothharchaologie	Paleothharchaologie
53	12 сверху	785-814	849
56	1 снизу	Пянджикент	Джиргаталя
56	1 снизу	Топор-культ	Топор-кельт
56	2 снизу	Джиргаталя	Пянджикента
59	9 сверху	Сектором	Отделом археологии
59	9 сверху	Института	Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониш АН Республики Таджикистан.
59	10 сверху	Таджикской АН	АН Республики Таджикской
66	15 сверху	И.В.Раха	И.В.Раха
72	3 сверху	В.Рузаков	В.Рузанов
72	15 сверху	Негнобом	Негнотом
133	16 сверху	Заверщающее	заверщающеся
139	13 снизу	Вые	Вып
163	11 снизу	Исанова	Исакова
191	11 сверху	V-V вв.	IV-V вв.
191	14 сверху	Выгорожен	загорожен
215	12, 16, 20, 24 сверху	С-В, С-В, Ю-В, С-В	СВ, СВ, ЮВ, СВ
215	4 снизу	Ю-В	ЮВ
216	19 сверху	Цилиндрической двухсторонней	цилиндрическо - двухсторонней
218	10 снизу	С-В	СВ
218	1 снизу	Ю-В	ЮВ
220	23 сверху	Ин-т истории;- Т.34	Ин-т истории;- Т.34
221	4 сверху	Памир	Памир (памятники II тыс. до н.э. – XIX в.)
221	15 сверху	Цивилизации	цивилизации
222	20 сверху	35. The XI-th....	Сноска не по теме статьи.
222	13 снизу	Обозначения;	Обозначения; I
262	4 снизу	Планы	Обобщенис

